

**ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ**

Коллективная монография

Часть 10

Издательство
Нижеварговского
государственного
университета
2015

ББК 63.211

И 91

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного университета

Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных
работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. кафедры гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин филиала ЮУрГУ (НИУ)
в г.Нижевартовске *В.В.Митрофанов*;
канд. филос. наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин филиала ЮУрГУ (НИУ)
в г.Нижевартовске *И.Г.Рябова*

Авторы:

М.М.Чорев (разд. I, гл. 1), *Я.Г.Солодкин* (разд. I, гл. 2—4), *А.В.Стичак*
(разд. I, гл. 5), *В.В.Цысь*, *О.П.Цысь* (разд. I, гл. 6), *О.П.Цысь* (разд. I, гл. 7),
С.С.Бытко (разд. I, гл. 8), *А.Б.Храмцов* (разд. I, гл. 9), *И.И.Кротт* (разд. I,
гл. 10), *Н.В.Сапожникова* (разд. I, гл. 11), *Л.В.Алексеева* (разд. I, гл. 12;
разд. II, гл. 1), *И.А.Силаева* (разд. II, гл. 1), *М.Ф.Ершов* (разд. II, гл. 2),
М.К.Чуркин (разд. II, гл. 3), *В.Д.Камынин* (разд. II, гл. 4), *В.В.Митрофанов*
(разд. II, гл. 5), *Л.В.Алексеева* (разд. II, гл. 6), *К.Г.Букренева* (разд. II, гл. 7)

И 91 **Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории:** Коллективная монография. Ч. 10 / Под общ. ред. Я.Г.Солодкина. — Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гос. ун-та, 2015. — 357 с.

ISBN 978–5–00047–259–0

В новой части серийного издания по проблемам источниковедения и историографии прошлого Сибири рассматриваются многие спорные, недостаточно изученные, а то и вовсе обойденные вниманием исследователей проблемы, решение которых имеет существенное значение для осмысления ряда важных социально-политических, экономических и историко-культурных явлений истории Азиатской России в XVI—XX вв.

Для ученых, краеведов, студентов, всех интересующихся историей Сибири указанного периода.

ББК 63.211

ISBN 978–5–00047–259–0

© Издательство НВГУ, 2015

Раздел I

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
ИСТОРИИ СИБИРИ XV—XX вв.**

Глава 1

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ РЕПЛИК ВОСТОЧНЫХ МОНЕТ, ИСПОЛЬЗОВАВШИХСЯ ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ МОНИСТ КОРЕННЫМИ НАРОДАМИ СИБИРИ

Довольно часто на территории бывшего СССР находят старинные монетовидные жетоны. Они попадают и в коллекции музеев, и в частные собрания. Интерес к ним отнюдь не случаен. Во-первых, они привлекают изяществом или весьма примечательной стилизацией своего оформления (рис. 1, 1—7)¹. Во-вторых, монетовидные жетоны чрезвычайно разнообразны. Выявлено множество вариаций, различимых по размеру, материалу, изображением, надписям, а также по наличию или отсутствию аксессуаров для крепления. В-третьих, на жетонах европейского производства (рис. 1, 1—3), как правило, присутствуют метки выпускавших их мастеров. Следовательно, эти артефакты можно датировать². Так что они интересны как археологам, так и этнографам. Однако в силу неофициальности выпуска — напомним, что их изготавливали частные мастерские по заказам игорных домов и купеческих контор³ — жетоны довольно долго не становились объектами нумизматического изучения. И это вполне объяснимо — проблем с их атрибуцией, как правило, не возникает. Правда, интересно было бы установить период использования их разновидностей. Но эту задачу исследователи стараются не поднимать⁴, т.к. справедливо находят ее крайне сложной и окончательно не разрешенной даже для ординарного монетного материала⁵.

Однако дискуссионные моменты все же присутствуют. Дело в том, в регионах бывшего СССР находят жетоны местного производства (рис. 1, 4—6). Так, первая монография по истории монетовидных жетонов Украины вышла в свет только в 1970 г. Речь идет о труде И.Г.Спасского «Дукати і дукачі України. Історико-нумізматичне дослідження»⁶. И это при том, что, по словам Самуила Вельчко, В.В.Голицын будто бы был подкуплен крымским ханом, приславшем ему *«подарунку шість бочалков червоних золотих, котрі будто наповнені були фальшивими червоними, то єсть личманами, а тільки по кінцях бочалок були залічковані*

правдывыми златниками»⁷, а Ф.Пискунов в своем «Словаре» повторяет эту фразу почти дословно⁸. Так что на Украине они были широко распространены и хорошо известны.

Следующим важным шагом в изучении монетовидных жетонов стал выход в свет монографии Л.И.Ростовцевой, изучившей этнографию крымских татар. Исследователь установила, что в Крыму в XVII—XVIII вв. мониста являлись непременным элементом женского костюма⁹ (рис. 2). Причем, кроме местных выпусков, на украшение шли биллоны османского чекана. С начала XVIII в. для этой цели стали использовать даже крупные серебряные и золотые монеты. Мода на такие украшения привела к появлению у тюркских народов обычая дарения женихом невесте материала на платье и денег специально для составления таких ожерелий¹⁰. Так как важным элементом оформления турецкой женской одежды являлось именно монисто, то у большинства крымских народностей сохранилась мода на подобные украшения, составленные из подражаний османским монетам, некогда поступавшим на полуостров. На ожерелья шли и европейские монетовидные жетоны. Вполне возможно, что при оформлении монист им придавалось лишь декоративное значение, а определенных требований к изображениям на них не предъявлялось.

Изучение монетовидных жетонов, находимых в нашем регионе, началось уже в середине XX в. В 1951 г. вышла в свет статья И.Г.Спасского, посвященная атрибуции счетных пфеннигов, доставленных в Сибирь первопроходцами¹¹. Исследование было активно продолжено в последние годы. Речь идет о статьях и тезисах докладов Э.Р.Ахуновой¹², А.Г.Еманова¹³, О.А.Милищенко и его соавторов¹⁴, Л.Д.Макарова и С.Е.Перевощикова¹⁵, А.С.Пержаковой¹⁶, А.В.Полеводова и М.А.Корусенко¹⁷, А.А.Пушкарева и А.И.Бобровой¹⁸, М.А.Рудневой¹⁹, А.В.Харинского²⁰, С.Г.Сивцева²¹, а также о диссертации А.А.Богордаевой²² и монографии О.А.Милищенко²³. В них приведена статистика находок, а также соображения по поводу причин появления и характера использования жетонов европейского чекана в Сибири. Так, стоит отметить вывод, сделанный А.Г.Емановым, по мнению которого жетоны могли использоваться как средства платежа²⁴. Действительно, их клали в могилу вместе с монетами²⁵, приносили в жертву²⁶, а также украшали ими одежду²⁷ (рис. 3). Так что вопрос о характере обращения

монетовидных жетонов европейского производства можно считать решенным. Однако, как мы уже заметили выше, в Сибири находят не только привозные европейские жетоны, но и местные выпуски, которые, к сожалению, пока не изучены²⁸. Проблема в том, что не на всех из них есть явные эмиссионные обозначения. Причем большая группа жетонов российского производства — так называемые лубочные (рис. 1, 4—6), в основном анепиграфные или же с нечитаемыми, стилизованными под латинские, надписями, что, безусловно, затрудняет задачу их атрибуции²⁹. Несколько лучше обстоит ситуация с репликами восточных монет, в частности — турецких (рис. 1, 7). На них различимы пусть искаженные, но все же разбираемые легенды. Полагаем, что на данном этапе исследования вполне достаточно будет рассмотреть вопрос атрибуции одной из разновидностей таких реплик (рис. 1, 7). Речь идет о подражаниях турецким золотым монетам, получившим из-за своего оформления название *хайрие алтын*³⁰.

Мы выбрали их отнюдь не случайно. Дело в том, что они хорошо известны и в Крыму, где выделено восемь их разновидностей³¹. Не менее важно и то, что в нумизматическом собрании Нижневартовского краеведческого музея им. Т.Д. Шуваева³² хранится, с нашей точки зрения, уникальная имитация хайрие алтын, выполненная в технологии, не свойственной ординарным таврическим сериям (рис. 1, 7).

Первым делом приведем краткую справку о турецкой монете, послужившей образцом для заинтересовавшего нас подражания. В 1823 г. — на пятнадцатом году царствования Махмуда II (1808—1839) в Османской империи была проведена очередная денежная реформа, пятая за период правления этого государя. Она должна была стабилизировать турецкую валюту, ослабленную при Махмуде II резкими и глубокими девальвациями. В ходе реформы вес куруша — основной османской серебряной монеты — был увеличен с 5,50 г до 6,15 г, а его проба была поднята с 465-й до 730-й. Преобразования затронули и стопу золота. Взамен прежних выпусков в обращение поступил новый алтын, весом 1,6—1,7 г (рис. 1, 8).

Чтобы сделать новые золотые монеты привлекательными для населения, на них стали помещать религиозные тексты. Первоначально были выпущены *сурре алтын* — специальные монеты для паломников в Мекку. В следующем году началась чеканка золотых

монет серии «Адли» (от араб. «справедливый») того же веса. В 1828 г. были выпущены хайрие алтын³³. Именно такая монета (рис. 1, 8) и стала образцом для заинтересовавшей нас реплики. Как пример, приводится такая монета двадцать второго года правления Махмуда II.

На лицевой стороне в центре в окружности размещена тугра султана:

خان محمود ابن عبد الحميد المظفر ثمالد — «Хан Махмуд сын Абд аль-Хамидла, победоносный навеки».

Правее тугры читается почетное прозвище правителя عدلى — «Адли».

Вокруг в трех картушах:

زمان	«Эпоха
سلطان	султана
سلاطين	султанов».

На реверсе в центре в окружности:

۲۲	«22
ضرب	Чеканена
في	в
قسطنطينيه	Константинии,
۱۲۲۳	1223».

Вокруг этой надписи в картушах:

غازى	«Гази
محمود	Махмуд
خان	хан».

Перейдем к жетону из Нижневартовского краеведческого музея³⁴ (рис. 1, 7). Это диск латуни диаметром 2,5 см и толщиной 1 мм. Вес изделия — ок. 3 г. В поле близ краев пробито четыре отверстия диаметром ок. 2 мм. Судя по рваным краям, они были проделаны уже в процессе эксплуатации, вернее всего, гвоздем. Причем, похоже, также фабричного производства. Учитываем то, что он оставил круглые отверстия, а не четырехгранные, как

кованные гвозди XVIII — начала XIX вв.³⁵ Судя же по наличию этих отверстий, жетон был приспособлен для пришивания к одежде, причем не в качестве пуговицы — уж очень близко к краю подходят упомянутые отверстия. Вернее всего, его крепили к шкуре, чем и можно объяснить частоту и значительный диаметр отверстий. Допускаем, что он был элементом украшения хантыйского костюма (рис. 3).

Далее попытаемся установить технологию чеканки. Сразу же заметим, что при его производстве не был задействован традиционный для европейских жетонов вальцевальный станок³⁶. Судим по тому, что счетные пфенниги, оформленные с его помощью, слегка выгнуты, а изображения на них, как правило, вытянуты (рис. 1, 1—3). Это было вызвано самой технологией чеканки, при которой лист металла протаскивался между двумя валами с врезными или со сменными штемпелями³⁷. Но следов этого процесса на нашем жетоне не наблюдается. Его выбили с помощью прессы, причем, в таком случае, до чеканки³⁸. Столь же примечательно и то, что на нем различим только оттиск штампа лицевой стороны, а оборотная была сформована аверсом уже отчеканенной монеты, по-видимому, застрявшей в штемпеле. То есть наблюдается инкузный брак. В результате изображение на реверсе вдавленное. Заметим, что этот вид брака, довольно широко распространенный в эпоху античности и средневековья, с изобретением специальных машин для чеканки стал крайне редок³⁹. Причем подобные монеты, как правило, не попадали в обращение. Основываясь на этом, заключаем, что ее отчеканили на весьма, по тем временам, технологичном производстве, хотя и крайне неумело.

Считаем нужным обратить внимание читателя на следующее обстоятельство. Дело в том, что чеканка с использованием монетного прессы была масштабным производством, т.е. давала значительно больше продукции, чем мог себе позволить выпустить фабрикант жетонов. Предполагаем, что наша мониста была выбита с помощью молотового снаряда, активно использовавшегося в XV—XVIII вв.⁴⁰ К слову, эта технология чеканки допускала повторный удар для лучшего прочеканивания изображений и, следовательно, вполне могла вызвать и инкузный брак.

Столь же интересны и легенды. Заметно, что они искажены, однако все же узнаваемы. Очевидно, что в центре поля была

размещена тугра, а в картушах — вполне определимые: محمود, زمان
и خان. В тоже время лакаб عدلى был заменен на цветочный орна-
мент.

Перейдем к датировке нашего жетона. Учитывая довольно вы-
сокую технологичность вырубки заготовки при крайне низком
качестве работы резчика и чеканщика, допускаем, что наша мо-
ниста могла быть выпущена на сравнительной небольшой фабри-
ке, работники которой не имели узкой специализации, необходи-
мой для выполнения довольно редких и ответственных операций,
в частности, изготовления качественных штемпелей. Похоже, что
отсутствовала и служба отбраковки некачественных жетонов. Ос-
новываясь на этом, предполагаем, что мониста могла быть выбита
в период, когда, во-первых, в России еще помнили о золоте Мах-
муда II, и, во-вторых, наблюдался дефицит рабочей силы. Вернее
всего, она была выпущена в период существования крепостного
права и последующего введения временнообязанного состояния
крестьян, но, в любом случае, до периода массового отхожего
промысла (1880—90-е гг.)⁴¹. Интерес же к подобному оформле-
нию монисты мог быть вызван событиями Восточной войны
(1877—1878). Что же касается ареала, а также времени изготов-
ления и использования этого подражания, то мы считаем возмож-
ным допустить, что, с учетом места обнаружения жетона, он мог
быть отчеканен в одном из западносибирских городов. Период же
его использования установить нумизматическими методами вряд
ли удастся — это уже задача этнографов.

Полагаем, что нам не только удалось атрибутировать этот, к
слову, достаточно интересный жетон, но и привлечь внимание
исследователей к подобным артефактам российского производст-
ва, и, в частности, к тем их разновидностям, которые представля-
ют собой реплики восточных монет.

Примечания

¹ Изображения жетонов, приведенных на рис. 1, были опубликованы сибир-
скими собирателями (См.: Старые жетоны из наших коллекций. URL: [mdrussia.ru/
index.php/topic/9203-старые-жетоны-из-наших-коллекций](http://mdrussia.ru/index.php/topic/9203-старые-жетоны-из-наших-коллекций)).

² Им посвящена специальная литература: (См.: Eklund O.P. The Counters of
Nuremberg // The numismatist. 1926. Vol. 39. P. 164—169; Gebert C.F. Die Nurnber-
ger Rechenpfennigschlagen. Munich, 1918; Mitchener M. Jetons, medalllets and tokens.

Vol. I: The Mediaeval period and Nuremberg. Seaby, 1988; Neumann J. Beschreibung der bekanntesten Kupfermünzen. Prag, 1886. Band V).

³ Речь, в первую очередь, идет о счетных пфеннигах и игральных марках.

⁴ Следует отметить разве что статью А.А.Пушкарева (См.: Пушкарев А.А. Методика датировки погребений с нумизматическими находками из могильников Западной Сибири // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2012. № 2 (18). С. 152—159). Заслуживает внимание вывод ученого, заключившего, что длительность использования жетона, оказавшегося в закрытом комплексе, сопоставима с возрастом погребенного (Там же. С. 158). Правда, неясно, как быть с этим показателем в случае обнаружения разновозрастных погребений с одинаковыми жетонами. Полагаем, что этот вопрос до сих пор остается открытым.

⁵ Изучению таких вопросов на примере монетного дела византийского Херсона посвящена наша диссертация (См.: Чореф М.М. История византийской Таврики по данным нумизматики: Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2013).

⁶ Спасский И.Г. Дукаги і дукачі України. Історико-нумізматичне дослідження. Київ, 1970.

⁷ Величко С. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в. Киев, 1833. Т. III. С. 73.

⁸ Пискунов Ф. Словарь живого народного, письменного и актового языка русских южан Российской и Австро-Венгерской империй. Киев, 1882. С. 82.

⁹ Изображения крымских татар и хантов, приведенные на рис. 2, 3, были впервые опубликованы в «Description ethnographique des peuples de la Russie» Г.-Ф.Х.Паули (См.: de Pauly T. Description ethnographique des peuples de la Russie. СПб., 1862).

¹⁰ Рославцева Л.И. Одежда крымских татар конца XVIII — начала XX в. М., 2000. С. 52.

¹¹ Спасский И.Г. Счетные жетоны // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Л.; М., 1951. С. 130—138.

¹² Ахунова Э.Р. Коллекции Музея археологии и этнографии Омского государственного университета по культуре сибирских татар как источник для археолого-этнографических параллелей // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. Ч. 1 / Отв. ред. М.Л.Бережнова, С.Н.Корусенко, Р.С.Хакимов, Н.А.Томилов (гл. ред.). Казань, 2010. С. 55—58.

¹³ Еманов А.Г. Нюрнбергский счетный пфенниг в Сибири // Европа: международный альманах. Вып. VIII. Тюмень, 2008. С. 188—189.

¹⁴ Корусенко М.А., Милищенко О.А. Счетные пфенниги из памятников в низовьях р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2002. Т. 5. С. 110—121; Милищенко О.А., Селезнева И.А., Селезнев А.Г. Монеты и монетовидные знаки как элемент украшения (из материалов коллекций Западной Сибири XVII—XX вв.) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2012. Ч. II. С. 9—14.

¹⁵ Макаров Л.Д., Перевошиков С.Е. Воткинск: археологическое наследие второй половины XVIII — первой половины XX в. // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. Ч. 1. С. 137—140.

¹⁶ Пержакова А.С. Украшения из бурятских погребений Приольхонья (XVIII—XIX вв.) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии

и сопредельных территорий: Материалы XLVII Региональной (III-й всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока (г. Новосибирск, 3—4 апреля 2007 г.). Новосибирск, 2007. С. 217—219.

¹⁷ Полеводов А.В., Корусенко М.А. «Обол Харона» на юге Западной Сибири // Сибирский сборник. Кн. I: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. СПб., 2009. С. 193—202.

¹⁸ Боброва А.И., Пушкарев А.А. Счетные пфенниги XVII в. в Нарымском Приобье // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности: Материалы XLIV Региональной (с международным участием) археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых. Кемерово, 2004. С. 348—350; Пушкарев А.А. Датировка западноевропейских счетных жетонов // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2003. С. 228—230; Пушкарев А.А. Западноевропейские счетные жетоны из погребальных археологических комплексов Сибири: историографический обзор // Вест. Томского гос. ун-та. История. 2013. № 6 (26). С. 131—134.

¹⁹ Руднева М.А. Женские украшения Приольхонских бурят начала XIX в. по материалам захоронения в пади Ханей-Бус // Истоки, формирование и развитие Евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. Иркутск, 2005. С. 355; Она же. Роль украшений в жизни ольхонских бурят (по материалам погребений XIX в.) // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности: Материалы XLIV Региональной (с международным участием) археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых. Кемерово, 2004. С. 350—352.

²⁰ Харинский А.В. Счетные жетоны и монеты в погребениях приольхонских бурят XVIII—XIX вв. // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай. Владивосток, 2001. С. 273—276.

²¹ Сивцев С.Г. Погребальный комплекс местности Алаас Эбэ // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. С. 183—184.

²² Богордаева А.А. Традиционный костюм обских угров: Классификация, функции, развитие: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.

²³ Милищенко О.А. Монеты и жетоны как датирующий инвентарь позднесредневековых поселений и могильников (На примере бассейна реки Тары). Омск, 2004.

²⁴ Еманов А.Г. Нюрнбергский счетный пфенниг в Сибири. С. 189.

²⁵ Ахунова Э.Р. Коллекции Музея археологии и этнографии... С. 56; Корусенко М.А., Милищенко О.А. Счетные пфенниги из памятников в низовьях р. Тары. С. 117; Милищенко О.А. Монеты и жетоны как датирующий инвентарь...; Пержакова А.С. Украшения из бурятских погребений Приольхонья (XVIII—XIX вв.). С. 217—219; Пушкарев А.А. Западноевропейские счетные жетоны из погребальных археологических комплексов Сибири... С. 131—134; Полеводов А.В., Корусенко М.А. «Обол Харона» на юге Западной Сибири. С. 193—202; Сивцев С.Г. Погребальный комплекс местности Алаас Эбэ... С. 183—184; Харинский А.В. Счетные жетоны и монеты в погребениях приольхонских бурят... С. 273—276.

²⁶ Макаров Л.Д., Перевошиков С.Е. Воткинск: археологическое наследие второй половины XVIII — первой половины XX в. С. 139.

²⁷ Руднева М.А. Женские украшения Приольхонских бурят... С. 355; Она же. Роль украшений в жизни ольхонских бурят... С. 350—352.

²⁸ Чорэф М.М. К вопросу о наличии денежного обращения в Сибирском ханстве // Вест. Сургутского гос. ун-та. 2014. Вып. 4. С. 9—13.

²⁹ Оно возможно только в результате проведения детального иконографического анализа, но это, в силу разнообразия известных на них сюжетов, крайне затруднительно.

³⁰ Тур. — «золотые благопожелания».

³¹ Статья об этих репликах находится в работе и выйдет в ближайшее время.

³² Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность директору музея Л.Е.Ковалевой и главному хранителю Н.А.Катаевой за предоставление информации и помощь в атрибуции этого артефакта.

³³ Тур. — «золотые благопожелания».

³⁴ ОФ—1050/7. Поступил из старых фондов музея. Вернее всего, был найден на хантыгском поселении близ г. Нижневартовска.

³⁵ Лермантов В., Сибичевский В. Гвозди // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1892. Т. VIII: Гальберг—Германий. С. 206—208.

³⁶ Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. М., 1982. С. 32—33.

³⁷ Один из таких штемпелей, найденный в Крыму, был издан А.С.Бойко-Гагариным (См.: Бойко-Гагарин А.С. Матрица для изготовления монетовидных имитаций из Чуфут-Кале. URL: www.academia.edu/5195651/Матрица_для_изготовления_монетовидных_имитаций_из_Чуфут-Кале).

³⁸ При использовании вальцевального станка поверхность листа сначала покрывалась оттисками штемпелей, а уж потом из него вырубались готовые изделия.

³⁹ К слову, на вальцевальном станке он в принципе невозможен.

⁴⁰ Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. С. 157.

⁴¹ Карышев Н. Отхожие промыслы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: В 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1897. Т. XXII: Опека—Оутсайдер. С. 472—475; Лактионкина Т.Э. Отхожие промыслы как фактор разложения феодально-крепостнического уклада экономики России (на материалах Оренбургской и Уфимской губерний) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и востоковедение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 2 (16): В 2 ч. Ч. II. С. 113—116.

Рис. 1. Монетовидные жетоны

1—3 — европейского производства; 4—6 — т.н. лубочные жетоны
 российского производства; 7 — жетон из Нижнеартвовского краеведческого
 музея им. Т.Д.Шуваева; 8 — хайри алтын Махмуда II

Рис. 2. Семья крымских татар (по Г.-Ф.Х.Паули)

Рис. 3. Ханты (по Г.-Ф.Х.Паули)

Глава 2

С КАКОГО ВРЕМЕНИ ВЕЛСЯ В «ЦАРСТВУЮЩЕМ ГРАДЕ» ТОБОЛЬСКЕ ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД?

Крупнейшим памятником сибирского летописания последней четверти XVII — первых десятилетий XVIII вв. является свод, известный как «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее». Считается, что эта «Книга, сколько в Сибири, в Тоболском и во всех сибирских городех и острогах с начала взятъ атамана Ермака Тимофеевича в котором году и кто имяны бояр и околничих, и столников и стряпчих, и воевод, и дьяков, и писменных голов, и с приписью подьячих бывало», первая редакция которой появилась в 1687 г., стала создаваться между 1674 и 1677 гг.¹ или в 1640-х гг.², в начале второй четверти того же столетия³. Определение круга источников КЗ — старшей из сохранившихся редакций СЛС — позволяет иначе, чем прежде, подойти к решению вопроса о том, когда в Тобольске стал вестись этот летописный свод, явившийся едва ли не самым популярным среди летописных сочинений, сложившихся в Азиатской России на протяжении «бунташного века».

Создателя КЗ, в частности, интересовало, «кто которой город ставил, и в котором году»⁴. Об основании Тюмени и Тобольска анонимный «слогатель» поведал, следуя какой-то не дошедшей до нас ранней летописи⁵, а также Повести о Сибири и о сибирском взятии Саввы Есипова. По сведениям анонимного книжника, город, заложенный письменным головой Д.Чулковым на Троицком мысу, простоял то с 7094 до 7106 г.⁶, то «с 95-го году⁷ по 108 год 12 лет» (ремарка «писателя», как видно, не отличается точностью), а в 108 г. «перенесен Тобольск рубленой город, что из лодейного лесу, с Троицкого мыса на другую сторону Торгового звозу на мыс», где находился до 114 г., когда «обложен», а «совершен» в начале 117 (1608) г., сгорел же 14 августа 1643 г. (139, 140, 142—143; ср.: 154, 161, 170—172). (Указанию на перемещение «Тобольского города» в 108 г. «при сих воеводах⁸ (окольничем С.Ф.Сабурове «с товарищи». — Я.С.)» предшествует явная вставка — сообщения о строительстве Верхотурья, Туринского

и Мангазейского острогов, см.: 140). Как отмечено в КЗ, город Тюмень, «поставленный» вместо острога в 101 г., «от ветхости весь развалился» в 149 г., и в следующем году, при воеводе князе Г.Барятинском, был сооружен новый (139)⁹. К тому же 101 г., когда в Тобольске воеводствовал князь Ф.М.Лобанов-Ростовский, в наиболее ранней из редакций СЛС, которыми мы располагаем, отнесено возникновение Пелыма и Березова. Оказывается, «первой Пелымской город» был «срублен» даточными людьми и ссыльными угличанами под началом князя П.Горчакова¹⁰; этот город сгорел в 129 г. при воеводе П.Вельяминове¹¹, и два года спустя «Пелымской город и острог поставлен новой пелымцы, и тюменцы, и верхотурцы, и туринцы всеми людьми» в пору воеводства И.Вельяминова (139—140)¹². (Заметим, что в Головинской редакции СЛС (далее — Г) участниками строительства города, заменившего сгоревшую крепость, названы пелымские, верхотурские и туринские служилые люди и крестьяне, в Н — пелымские, тюменские и верхотурские служилые, см.: 196, 263, 319). Согласно КЗ, Березов был «поставлен» вятчанами, пермичами, вымичами и усольцами, Тара — казанцами, пермичами, вятчанами, Сургут — служилыми людьми — как местными, так и Березова, да и других городов, Туринский острог — туринцами, служилыми и ясачными татарами, Томский острог — служилыми людьми Тобольска, Тары, Березова и иных городов. Сообщая же о закладке Верхотурья, Мангазеи, Нарыма, Кетска, рубленого города, выстроенного взамен Томского острога, летописец перечисляет лишь первых воевод этих крепостей, причем нередко с явными ошибками. Так, бывшие воеводы Лозьвы, к тому же управлявшие ею не вместе, а друг за другом, — И.Г. Нагой и И.В. Траханиотов — отнюдь не входили в число основателей Верхотурья, Мангазейский острог выстроили не князь В.М. Кольцов-Мосальский и Влук Пушкин, а Рубец Мосальский и Савлук Пушкин, первым кетским воеводой являлся скорее всего не Г.Ф. Елизаров, а П.А. Бельский¹³, В.В. Волынский и М.И.Новосильцев управляли Томском в Смутное время, а не «ставили» этот город якобы в 110 г., через год после основания острога на Томи (139—140; см. также: 369)¹⁴. В КЗ читаем также о строительстве Кузнецка, Енисейска, Красноярска и даурских острогов, возникновении в 1639 г. Якутска (при участии тобольских и березовских служилых людей) (145, 148, 152, 158, 159).

Данные рассматриваемой редакции СЛС о начале ряда первых сибирских городов не вполне подтверждаются документально. Так, и в пространном наказе князю П.И. Горчакову о «поставлении» Пельма (конец 1592 или первые недели 1593 г.), и в других документах о строительстве этого города¹⁵, которое продолжалось и в течение 1597 г.¹⁶, нет и речи об участии выходцев из Углича (где скончался последний сын Ивана Грозного) в «рубле» стен и башен крепости на Тавде. Из царской грамоты в Пельм от 19 марта 1600 г. следует, что ссыльные угличане оказались в пашенных крестьянах¹⁷. В упомянутом наказе предусматривалось, что укрепления Пельма будут «ставить» пермичи, вымичи, усольцы (земские ратные люди), плотники и служилые. Судя по аналогичному наказу об «устроении» Сургута, его кроме березовских, тобольских, пельмских («сургуцких» тогда еще не было) служилых людей, а также «годовавших» накануне в Обском городке, должны были «рубить» кодские остяки¹⁸. В отряде князя А.В.Елецкого, «ставившего» Тару, помимо казанцев и пермичей, упомянутых в КЗ, находились московские стрельцы, «литва», черкасы, казаки из Тюмени, тобольские служилые татары, башкиры (о вятчанах, однако, в наказе и памятях первому из тарских воевод не говорится)¹⁹. Туринский острог письменному голове Ф.О.Янову (а не воеводе И.Лихареву, как утверждает в КЗ) поручалось возвести вместе со служилыми людьми из Тюмени, Тобольска, Верхотурья и Пельма²⁰.

Летописное свидетельство о сооружении Березова вятчанами, пермичами, вымичами и усольцами²¹ находит полную аналогию (совпадает даже порядок перечисления) в березовском городовом списке 143 г., березовском «сыске», проведенном в следующем году тобольским сыном боярским П.Хмелевским, «скасках» местных служилых людей того же времени (расспросить «всякими сыски накрепко, сколь давно, и в котором году, и какими людьми на Березове город и острог поставлены», воеводам Тобольска князю М.М.Темкину-Ростовскому и А.В.Волынскому было предписано царской грамотой 1636 г.)²². Д.Я.Резун обращал внимание на то, что имеющаяся в КЗ дата основания Березова согласуется с данными проведенного там в 1636—1637 или 1637 г. «сыска», т.е. она почерпнута из приказных документов сибирского происхождения²³. Летописец, не раз сообщающий о «сысках» про воевод

(147, 150, 151, 164, 165), видимо, располагал и материалами «розыска» об обстоятельствах возникновения Березова, подобно данным о восстановлении Пельма в 131 г., через два года после того, как сгорел «первой Пельмской город»²⁴.

Расхождения, имеющиеся между показаниями КЗ и наказов о «поставлении» Пельма, Сургута и Тары, да и документов о начале Туринского острога и Томска, склоняют к выводу, что создатель самой ранней среди известных к настоящему времени редакций СЛС мог использовать и материалы «сысков» о строительстве первых русских городов в Сибири, вроде березовского за 1636 г. Получение тобольским «списателем» делопроизводства этого «сыска», не исключено, и послужило началом работы над сводом — почти одновременно с возникновением ЕЛ, за продолжение которой он стал приниматься, хотя был соединен с «гисторией» владычного дьяка только в конце XVII в., судя по Г и следующим редакциям «Описания ...». (В ЕЛ, кстати, упоминается об основании русских городов в «Сибирской стране», из которых названы Тюмень и Тобольск, см.: 42, 51, 65—66; ср.: 69, 72).

СЛС часто оценивался в историографии как официальный справочник, необходимый для «градодержателей» восточных уездов России. Пример березовского «сыска» 1636 г. наводит на мысль, что сибирские администраторы время от времени нуждались в сведениях о хронологии и обстоятельствах «поставления» городов и острогов, и закрепление сообщений такого рода в «Описании ...» избавляло власти от проведения более или менее массовых «сысков» насчет появления крепостей, т.е. отвечало практическим задачам²⁵. Установление дат строительства сибирских «градов» могло использоваться воеводами и головами и для проверки сведений послужных списков. Так, в 1637 г. казаки «старой» сотни утверждали в челобитной, что служат «в Тобольском городе от Ермакова взятыя», и это свидетельство было воспроизведено в отписке воевод и дьяков «столицы» Сибири в Москву и ответной царской грамоте²⁶. Вспомним, однако, что Тобольск основан через пять лет после вступления казачьей «дружины» в Кашлык (Искер), накануне являвшийся резиденцией Кучума. П. Степанов, которого нередко причисляют к ермаковцам, в 1598 г. писал в челобитной о двенадцатилетней службе в Тобольске, заложенном в 1587 г., а в 1607 г. определял срок пребывания

во многих сибирских городах уже в 24 года²⁷. Казачий атаман Т.Федоров в 1626 г. уверял, что несет в Сургуте 35 лет «всякие ... государевы службы летние и зимнии, нартовые и струговые»²⁸, хотя к строительству «Сургуцкого города» отряд письменного головы В.В.Аничкова приступил летом 1594 г. (годом ранее же был основан Пелым, если верить Федорову, также при его участии). Не отличается точностью и утверждение из одной челобитной 1628/29 г. о службе «на Таре» в течение 36 лет²⁹, поскольку этот город возник в том же году, что и Сургут.

Обращает на себя внимание известие КЗ о том, что 6 января 1633 г. стольник князь Д.М.Алачев «привез с Москвы ... тело отца своего», князя М.И.Алачева, «а везет в вотчину свою, в Коду». 16 января того же года, оказывается, по государевой и патриаршей грамотам в Тобольске, на Иртыше, крестили князя Н.Ю.Алачева «Лобана», его мать Анну, жену Агафью, сыновей Семена и Исидора. «А над Иорданом был поставлен шатер и хворостом оболочен был» (150). Данное сообщение, возможно, принадлежащее очевидно³⁰, нетрудно сблизить с обширной статьей о сыске про Д.М.Алачева (видимо, появившееся в стенах Тобольского архиерейского дома³¹), где говорится про извет на этого последнего кодского князя (он «стрелял по птице и погрешил: угодил на церкви Соловецких чудотворцов по кресту»); Д.М.Алачев (он в начале интересующего нас рассказа неверно именуется Федором) «по сыску» с матерью и сестрой «из Коды взяты в Тоболск» и там содержались в Знаменском и Девичьем монастырях; 9 сентября 1644 г. князя Дмитрия с матерью, женой и «со всеми людьми» (сестра к тому времени скончалась «с того сраму») «отпустили» в Москву, вместо Коды, «отписанной» «на государя», стольника Алачева пожаловали волостью Леной на реке Вычегде, «близ Еренского городка» (153—154), т.е. Яранска. (Заключительное из этих сообщений подтверждается документально³²). Судя по приведенной летописной статье за 1633 г., не исключено, что она появилась вскоре после описанных анонимным тобольским книжником событий.

Примечания

¹ Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод как источник по истории летописания Сибири XVII в. // *Сибирь в прошлом, настоящем и будущем: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Вып. 1.* Новосибирск, 1981. С. 22; Она же. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск, 1984. С. 37, 38, 48, 49, 51, 115, 117. Ср.: Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII века. Новосибирск, 1982. С. 58, 74. На взгляд С.В.Бахрушина, основу Книги записной (далее — КЗ) составила погодная летопись, созданная в Тобольске в последней четверти XVII в. Недавно М.А.Демин отнес Сибирский летописный свод (далее — СЛС) к 1680-м гг. См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 2005. Т. 1. С. 498; Демин М.А. Литературно-исторические сочинения XVII века о коренных народах Западной Сибири // *Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII — начало XX века).* Новосибирск, 2008. С. 9.

² Ромодановская Е.К. Тобольская летопись и Сибирский архив // *Тр. Отдела древнерусской литературы.* Т. 57. СПб., 2006. С. 313. Эта датировка осталась неаргументированной.

Ранее Е.К.Ромодановская считала, что СЛС сложился во второй половине XVII в. См.: Ромодановская Е.К. Летописный свод Сибирский // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 286.

³ Солодкин Я.Г. Тобольские летописцы середины — второй половины XVII века (Редакции и виды Сибирского летописного свода). Нижневартовск, 2012. С. 18, 47, 135; Он же. Когда началось создание Сибирского летописного свода? // *История, экономика и культура средневековых тюрко-тагарских государств Западной Сибири: Мат-лы II Всерос. науч. конф. Курган, 2014.* С. 3—6. Примечательно, что в тобольской приказной избе в 1630-х гг. велась «записная книга» «о колмацких посылках» (Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 2. М., 2000. С. 536, 540. Ср.: 189, 218, 240, 376). Это обстоятельство, между прочим, свидетельствует о восприятии КЗ ее переписчиком как документа, а не летописи.

⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 36. М., 1987. С. 138. Следом ссылки на это издание произведений «группы» Есиповской летописи (далее — ЕЛ) приводятся в тексте.

Примечательно, что одно из авторских названий Строгановской летописи Основной редакции — «Повесть о поставлении городовъ и остроговъ въ Сибирскихъ земляхъ ...». Распространенная редакция той же летописи имеет сходное название — «История о взятии Сибирския земли, и о поставлении градов и острогов ...». См.: Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 45, 92. Ср.: С. 43, 44, 47, 91, 104.

⁵ Солодкин Я.Г. О ранних источниках тобольской «Книги записной» (К истории сибирского летописания XVII века) // *Клио.* 2015. № 1. Так, в КЗ и Академической редакции СЛС (далее — А) — наиболее близкой к ней из остальных редакций этого памятника — читаем о возведении Тюмени «над Турой и Тюменкой реками» (138, 368), о чем в других сибирских летописях умалчивается (35, 41, 65, 88, 96, 115, 126, 136, 186, 189, 252, 312, 315; Сибирские летописи. С. 303, 310, 349, 440, и др.). Кстати, в одном раннем географическом очерке «Сибирской

страны» сказано, что город Тюмень стоит на реке Туре, а «под ним река Тюменька» (75). См. также: Первое столетие сибирских городов: XVII век (далее — ПССГ). Новосибирск, 1996. С. 139 (История Сибири: Первоисточники. Вып. 7).

⁶ В А читаем про 102 г. (368).

⁷ Эту дату мы находим в ЕЛ (65—66).

⁸ Данная формулировка в КЗ встречается не раз, см.: 146, 157, 161, 162, 170, 172; ср.: 139, 171.

⁹ Это указание подтверждается рядом документов (Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 632; Пузанов В.Д. Тюменский уезд в XVII веке // Северный регион: наука, образование, культура (далее — СР). 2007. № 1 (15). С. 79). Про тюменское воеводство князя Г.П.Барятинского сказано в КЗ и других редакциях СЛС, но при этом о «поставлении» тогда крепости не сообщается (152, 199, 266).

¹⁰ Кстати, о возникновении Пельма в 101 г. помнили и татары. См.: Корецкий В.И. Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» (конец XVI — начало XVII в.) // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма): Сб. ст. памяти чл.-корр. АН СССР Виктора Ивановича Шункова. М., 1973. С. 39, 44. Ср.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 178, 241.

Летописная версия о строительстве Пельма ссыльными угличанами повторена рядом исследователей. См., напр.: Рощевский П.И. Политические деятели XVI—XVIII веков в Тобольском изгнании // Классовая борьба и общественно-политическая жизнь дореволюционной России. Тюмень, 1975. С. 14; Лигостаева Л.Н. Пельм // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург, 2000. С. 403; Горбунов Ю., Шинкаренко Ю., Новоселов А., Елисеев С. На государственной дороге: Пельм, Верхотурье, Туринск, Туринская слобода. Екатеринбург, 2000. С. 17; Польшских М.В. Пельм: заметки о бывшем городе и его жителях. Шадринск, 2000. С. 17. Ср.: Софронов Ф.Г. Возникновение сибирской ссылки // Из истории Якутии XVII—XIX вв. Якутск, 1965. С. 6; Миненко Н. «Держать под крепким и осторожным караулом». Бояре Романовы в Пельме и Ныробе // Родина. 1993. № 7. С. 18; Козляков В. Борис Годунов: Трагедия о добром царе. М., 2011. С. 96; Пузанов В.Д. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII в.). Сургут, 2011. С. 90.

¹¹ Последнее сообщение повторено и в КЗ, и еще в двух редакциях свода; в Томском виде одной из них, Нарышкинской (далее — Н), говорится про 128 г. (146, 195, 263, 319). Пожар в Пельме произошел 8 июня 1621 г. (Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 78, 311, 331, 685; Сергеев В.И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вест. истории мировой культуры. 1960. № 3 (21). С. 115).

В КЗ не сообщается (об этом мы узнаем из двух более поздних редакций СЛС) о пожаре в Кетске в период воеводства Д.Полтева (135—137 гг.) (196, 263, 320). Точнее, этот пожар произошел накануне. Документально известно и про гибель в огне «Верхотурского города» в 1613/14 г., строительстве там через два года нового острога и еще одном пожаре — в 1657 г. (Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 20, 79, 268, 368, 632, 683), о чем в СЛС умалчивается (что, между прочим, не подтверждает допущения ряда историков о Верхотурье как одном из центров городского летописания).

¹² Далее И.М. Вельяминов назван в КЗ пельымским воеводой в годы тобольского «сидения» боярина князя Ю.Я.Сулешова, но о сооружении нового города в отличие от двух других редакций СЛС не сказано (147).

¹³ См.: Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI — первой трети XVII в. // *Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее*. Сургут, 2004. С. 23.

Судя по тому, что в СЛС, подобно некоторым «разрядам» (см., напр.: Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 344; Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. 2. Вып. 1. М., 1976. С. 208, и др.), тюменским воеводой в 1603—1606 гг. представлен А.В.Замыцкий (142, 192, 260; ср.: 316), хотя он умер в Верхотурье на пути в первый русский город Сибири (Разрядная книга 1475—1605. Т. 4. Ч. 2. М., 2003. С. 54), в «Описании ...» порой использовались документы о назначении администраторов, а не сведения, отражавшие реалии воеводского управления.

¹⁴ См.: Бояршинова З.Я. Основание города Томска // *Вопросы географии Сибири*. Сб. 3. Томск, 1953. С. 31, 42; *Из истории земли Томской: 1604—1917* (Сб. док. и мат-лов). Вып. 1. Томск, 1978. С. 23, 24; ПССГ. С. 38, и др. Примечательно, что в «росписи томских воевод», которую можно признать городской летописью, время закладки Томска указано с точностью до дня (344. Ср.: Миллер Г.Ф. *История Сибири*. Т. 1. С. 404).

¹⁵ См.: Миллер Г.Ф. *История Сибири*. Т. 1. С. 339—342, 364, 369.

¹⁶ См.: Овчинникова Б.Б. О формировании русских городов и острогов на Урале в XVI в. // *Сургут, Сибирь, Россия: Международ. науч.-практ. конф., посвященная 400-летию города Сургута: Докл. и сообщ.* (23—25 марта 1994 г.). Екатеринбург, 1995. С. 84; Семенов О.В. К вопросу о положении городов и уездов Зауралья накануне и в годы Смуты // *Мининские чтения: Тр. науч. конф.* Нижний Новгород, 2007. С. 68—69.

¹⁷ Корецкий В.И. Из истории заселения Сибири ... С. 39. Ср.: С. 41. См. также: Будицкий П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889. С. 164, 199—200; Солодкин Я.Г. Начало Пельымской ссылки // *Западная Сибирь: история и современность: Краевед. зап. Вып. 5*. Тюмень, 2003. С. 23—24. Князю П.И.Горчакову поручалось взять из Перми лишь попа «углетцкого» для службы в церкви, которую предстояло возвести в Пельyme.

Как писал В.И.Сергеев, под руководством князя П.И.Горчакова Пельым строили, в частности, ссыльные угличане и холмогорцы (Сергеев В.И. *Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М.Н.Тихомирова*. М., 1967. С. 177). Наказ и памяти этому воеводе, относящиеся к концу 1592 или самому началу следующего года, да и отписка пельымского воеводы И.М.Вельяминова за 1623 г., сообщающая о возвращении обратно девяти москвичей в 1604/05 г. и двадцати холмогорцев десятилетием прежде (см.: Миллер Г.Ф. *История Сибири*. Т. 1. С. 340—345; Т. 2. С. 356), не подтверждают такой взгляд, как и утверждение, что выходцы из Каргополя появились в Пельyme лишь со временем (Резун Д.Я., Васильевский Р.С. *Летопись сибирских городов*. Новосибирск, 1989. С. 227). По указанию В.А.Добрыднева холмогорцы пополнили ряды пельымского гарнизона в середине 1590-х гг. (Добрыдnev В.А. Поморье и колонизация

Западной Сибири: конец XVI — начало XVIII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2003. С. 80).

¹⁸ См.: Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 92, 94.

¹⁹ См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 349, 351, 352.

²⁰ Там же. С. 374, 375, 377.

²¹ В.Д.Пузанов, кстати, заблуждается, утверждая, что «по данным» КЗ, в числе первостроителей Березова были ратные люди из Поморья (Пузанов В.Д. Служилый город Березов в XVII в. // Актуальные вопросы истории Западной Сибири. Сургут, 2011. С. 82; Он же. Служилые люди Березовского уезда в XVII в. // СР. 2012. № 1—2 (25—26). С. 182).

²² Сергеев В.И. Первые сибирские города ... С. 118; ПССГ. С. 73, 74. Об этом «сыске», предпринятом с целью обновления укреплений «Березова города», см.: Березово (Очерки истории с древности до наших дней). Екатеринбург, 2008. С. 70—71.

В царской грамоте от 19 декабря 1621 г. говорится о «роспросе» в Казанском приказе трех березовских служилых людей, которые показали, что «Березов город и острог поставлены» 28 лет тому назад (Тобольский архиерейский дом в XVII веке (далее — ТАД) / Изд. подг. Н.Н.Покровский, Е.К.Ромодановская. Новосибирск, 1994. С. 183 (История Сибири: Первоисточники. Вып. 4)), т.е. в 7102 г., стало быть, ошиблись, судя и по «разрядам» (Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 487), на один год. Не исключено, что о «возрасте» Березова (со временем сообщение об этом закрепилось в СЛС) местный литвин и казаки знали по своим послужным спискам.

²³ Резун Д.Я. Очерки ... С. 75, 87. Точнее, этот «сыск» относится к 1636 г. См.: Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.) / Сост. Н.Н.Оглоблин. Ч. 1. М., 1895. С. 205.

По допущению Д.Я.Резуна, в связи с «сыском» о постройке Березова составлена местная городовая летопись — «всем воеводам в жизнь записка», о которой упоминал и С.В.Бахрушин (Бахрушин С.В. Г.Ф.Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. С. 35—36; Резун Д.Я. Очерки ... С. 66). Думается, такая летопись едва ли существовала, скорее всего, упомянутая «записка» являлась извлечением из СЛС (Солодкин Я.Г. Велось ли летописание в Березове? // Нижневартовский район в судьбах Югры и России: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 85-летию со дня образования Нижневартовского района. Нижневартовск, 2013. С. 63—65). Кстати, как показали во время упомянутого «сыска» 152 березовских служилых, в 125 г. при воеводах Б.Зюзине и В.Нармацком были сооружены новый острог и Лесная башня (ПССГ. С. 75), о чем в СЛС не говорится, хотя подчас констатируется факт смерти первого из этих воевод (145, 194, 261, 318). Умалчивается в своде и о страшном пожаре 1642 г. в Березове (Сергеев В.И. Первые сибирские города ... С. 118, 120).

Кстати, в Г в отличие от КЗ имеется три лапидарных заметки о первых воеводах и письменных головах «Тарского города». Скорее всего, создатель новой редакции свода почерпнул эти заметки не из местного летописца, а из какого-то документа, возможно, перечня тарских администраторов, хранившегося в тобольской приказной избе. Недаром «слогатель» Г основание Тары вместо 102 (1593/94) г., указанного в КЗ, приурочил к следующему, а «сидение» там воеводы

И.В.Мосальского, письменных голов Г.Г.Желябужского и А.П.Поленова — к 1600/01—1601/02 гг. (139, 140, 142, 143, 190—192, 369) (в действительности оно приходится на 1608—1611 гг.). Зато известие КЗ о тарском воеводстве князя С.И.Гагарина редактору показалось излишним (143, 192).

Шлецеровская разновидность СЛС и А, кстати, в значительной степени представляют собой, как выяснила Н.А. Дворецкая, составленные по предшествующим редакциям «Описания о поставлении городов и острогов ...» «тобольские» летописцы (346—354, 368—376).

²⁴ Летописное известие об участии в восстановлении Пельмы верхотурцев, туринцев и тюменцев подтверждается документально. См.: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. С. 330, 331, 333, 353; Русское старожильческое население Югры в конце XVI — середине XIX вв.: Исследовательские материалы и документы. М., 2007. С. 143—145.

Данные СЛС, не говоря уже о документальных источниках, противоречат утверждению, будто «в XVII в. о начальном этапе истории» «первых русских поселений в Западной Сибири» «было известно крайне мало» (Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. Переизд. Ханты-Мансийск, 2007. С. 35).

²⁵ Имея в виду, в частности, КЗ, Е.И.Дергачева-Скоп указывала на необходимость вести летопись строительства городов (Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965. С. 142), однако ради чего, не определяла. По заключению Н.А.Дворецкой, СЛС создавался для «использования в деловой практике воеводского управления» (Дворецкая Н.А. Сибирский летописный свод ... С. 87. Ср.: С. 116), но в чем это выражалось, остается только догадываться.

Утверждая, что «летописная работа» в Тобольске началась с создания «Повести» Саввы Есипова (Ромодановская Е.К. Нектарий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 2. С. 375; ТАД. С. 244), Е.К.Ромодановская забывает о предшествовавшем этой «истории» анонимном «писании».

²⁶ Никитин Н.И. О «старой» ермаковской сотне (к истории одного мифа) // Исследования по источникововедению истории России (до 1917 г.): К 80-летию члена-корреспондента РАН В.И.Буганова. М., 2012. С. 226, 229, 231.

²⁷ Никитин Н.И. Соратники Ермака после «Сибирского взятия» // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 71, 72.

²⁸ Покровский Н.Н. Сибирское общество XVII — начала XVIII в. по челобитным // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI—XX вв. Новосибирск, 2006. С. 188.

²⁹ Русская историческая библиотека. Т. 8. СПб., 1884. Стлб. 567. В царской грамоте 1627 г. при изложении содержания челобитной жителей Тары говорится о «поставлении» там соборной Успенской церкви в 103 (1594/95) г. (Там же. Стлб. 462).

Мнение о существовании Тары к концу 1580-х гг. (Фронтир в истории Сибири и Северной Америки // Родина. 2004. Спец. вып.: Тобольск — живая былина. С. 11) несостоятельно.

³⁰ Солодкин Я.Г. Тобольские летописцы ... С. 40. Заметим, что С.В.Бахрушин и А.Т.Шашков называли только сына Никифора-Лобана Петра — правнука Онжи

Юрьева (Бахрушин С.В. Науч. тр. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 133; Шашков А.Т. Югорские князья в XV—XVIII вв. // СР. 2001. № 1 (3). С. 176).

³¹ Солодкин Я.Г. Тобольские летописцы ... С. 49. Примеч. 8. Ранее с точностью до дня в КЗ определяется время «сидения» тобольских воевод, начиная с «первого боярина» И.С.Куракина, сысков 1621 и 1631 гг. князя Ф.А.Елецкого, письменного головы С.Б.Юрьева и подьячего Ф.Иванова «про ... сибирских воевод», прибытия в Тобольск и отъезда в Москву архиепископа Киприана, приезда его преемника Макария (145—147, 150, и др.).

³² См.: Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие ... С. 30. Примеч. 26.

Глава 3

ПЕРИПЕТИИ «ЕРМАКОВА ВЗЯТИЯ» СИБИРИ В ИЗОБРАЖЕНИИ САВВЫ ЕСИПОВА (ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ)

Среди многочисленных вопросов «Ермакова взятия» Сибири, оживленно дискутирующихся в историографии уже без малого три столетия, едва ли не чаще других предметом изучения является хронология прославленной экспедиции, положившей начало крушению «Кучумова царства». При решении этого вопроса, подчас ставившего историков в тупик¹, ученые вынуждены обращаться преимущественно к показаниям летописей, из которых наиболее достоверной следует признать не Ремезовскую, созданную в петровскую эпоху (как поступили, например, В.И.Сергеев, Ю.С.Худяков, А.П.Ярков), а Есиповскую, завершённую в 1636 г., когда еще с десятков ветеранов знаменитого похода за «Камень» оставались в живых.

Являвшийся дьяком трех кряду тобольских архиепископов Савва Есипов разделил свое повествование на 37 глав, и только в 7 (1, 3, 4, 6, 7, 19, 35-й) нет хронологических обозначений. Последние, однако, часто лишены определенности: «прежде» (жила чудь по всей Сибирской земле, до того времени, как страна стала называться Сибирью), «вскоре», «древле» (т.е. в древности), «паки» (затем, потом), «от того часа», «некогда же», «оттоле», «во дни наша», «много лет преиде» (со времени «создания» города Сибири), «по вся лета», «по нем» (после прибытия Бояра в город Сибирь), «лета доволна» (время царствования Кучума), «много час»² (такова продолжительность «брани велией» на Абалаке, столько рыдали Ермак и его казаки о перебитых Карачей своих товарищах, возглавляемых атаманом Иваном Кольцо), «от того часа» («возвратишася восвояси» остяки, пытавшиеся взять Обский городок), «по неколицех же летех» (о том, когда Чингис узнал про спасение Тайбуги — сына царя Она), «до лета повеления Господня» (когда Бог «восхоте царство его (Кучума. — Я.С.) разрушити и предати православным христианом»), «по неколицех же днех», «по неколицех же днех времени», «по немнозех днех»³ (о начале

осады остяками Мансуровского городка, пленении Сейдяка, Салтана и Карачи, отправке их в Москву), «некогда же» (тогда Кучум собрался напасть на Тобольск), «в мале же времени»⁴ (относительно прибытия для обороны Кашлыка подвластных хану татар, остяков, вогулов и других «языков»), «много лет» (столько жил в основанном им городе Чингидене Тайбуга, царствовал Упак, прошло донныне с поры «создания» города Сибири), «многое время»⁵ (о продолжительности ожидания Кучумом своего «сына» Маметкула и плача хана с «домом его» по поводу пленения ермаковцами этого царевича), «в то время», «в то же время» (когда «поганных» разбили на берегу Иртыша, а в ходе сражения «под Чювашею» «князцы остяцкие» ушли от хана), «абие совету бывшу», «абие поимани быша», «абие нападе на нь (Кучума. — Я.С.) трепет и ужас», «егда же прииде весна», «егда ж приидоша» Иван Кольцо «с товарищи» к Караче), «егда же из града (Сибири. — Я.С.) казаки побегоша», «егда ж побежден бысть царь Кучум»⁶, «по поставлении же града Тоболска», «ныне же (Сибирская земля. — Я.С.) благочестием сияя».

Иногда в ЕЛ указывается только на последовательность событий: «по сем»⁷ к Ермаку явился татарин Сенбахта, «по [сем] же» Карача покинул Кучума (58, 59, 67; ср.: 47), «по убиении Ермакове з дружиною» их уцелевшие сподвижники отправились на «Русь», после бегства казаков из города Сибири его занял Алей, затем Сейдяк (63—64).

Остальные датировки, имеющиеся в есиповском «сложении», гораздо точнее. Вслед за синодиком «ермаковым казакам» (далее — С) появление «русского полка» в Сибири отнесено софийским приказным к 7089 г. (51, 70, 380). К тому же году в ЕЛ приурочен и ряд других событий. По свидетельству ее автора, овладев городком мурзы Атика, казаки ночью размышляли, отступить или биться с «нечестивыми», и решили, ведь «уже осень [бе]», т.е. бежать было затруднительно, выступить «заутра против поганных». Сражение «под Чювашевым у засеки», если верить Есипову, произошло 23 октября; одержав победу, ермаковцы отошли для ночевки, а утром двинулись к городу Сибири, и беспрепятственно оказались там 26 октября — в день памяти великомученика Димитрия Солунского (53, 55—56, 71)⁸. При этом, как заметил Р.Г.Скрынников, «списатель», входивший в окружение тобольских

«святителей» Макария, Нектария и Герасима, не смог объяснить, где казаки провели двое суток после разгрома «поганых»⁹. Согласно ЕЛ, «по взятии ж Сибири в 4-й день прииде во град Сибирь» остяцкий князь Бояр «со многими остяки» с дарами и запасами», «по нем же начаша приходити тотаровя мнози» (56). (О времени появления Бояра в Кашлыке «архиепископлъ» дякъ либо его предшественник, сочинивший «писание» (далее — П), очевидно, узнал не из письменного источника, а рассказа какого-то сподвижника Ермака, если не того или иного хантыйского владельца, возможно, потомка упомянутого князя¹⁰. Допустимо, однако, считать, что данное указание (как правило, исследователи не ставят его под сомнение¹¹), единственное в своем роде, внесено в ЕЛ либо ее протограф (оно есть и в СЛ) под влиянием ЛК, где сообщается о принятии боярами решения сжечь тело «растриги» на 4-й день после его убийства и избрании тогда же на престол Василия Шуйского¹²). 5 декабря «того же (7089. — Я.С.) лета» казачья станица была истреблена у Абалака¹³; «того же лета» Ермак «с товарищи» послали в Москву «соунчом атамана и казаков», которых, пожаловав, царь Иван Васильевич «отпустил» обратно (53, 56—58).

В С сказано, что поход ермаковцев по Иртышу и Оби до Назима состоялся «во второе же лето Сибирскаго взятъя» (71, 380; ср.: 90, 117, 128, и др.), т.е. в 7090 г. В ЕЛ такой датировки нет, однако экспедиция, главным событием которой представлен захват Назимского городка с его князем «и со всем богатством», приурочена к кануну «присылки» в 7091 г. в Сибирь рати С.Болховского и И.Глухова (60; ср.: 34, 39, 86, 94, и др.), т.е., видимо, к предыдущему году, о котором в есиповской «истории» не говорится. В глазах тобольского летописца ермаковцы, быть может, тогда же (это случилось ночью у берега Вагая) пленили Маметкула, а Карача покинул Кучума. Отправка Иваном IV в Сибирь рати князя С.Болховского и И.Глухова, повторим, приурочена в рассматриваемом памятнике к 7091 г. (С точки зрения С.В.Бахрушина, в представлении Есипова эта рать двинулась в Сибирь «на второе лето» по ее «взятии», т.е. вернее было бы указать 7090 г.¹⁴ Но фразу «Во второе лето по си[би]рском взятии» мы находим в С, включенном в ЕЛ, причем относительно казачьего похода по Иртышу и Оби, — похода, который в 19-й главе произведения

не датирован. В С же, введенном в научный оборот Е.К.Ромодановской, читаем не «по си[би]рском взятии», а «Сибирскаго взятия», см.: 60, 71, 380). В том же 7091 г.¹⁵, оказывается, «зимнею годиною»¹⁶ в Кашлыке был сильный голод (унесший жизни князя Болховского и значительной части «русского полка»), закончившийся с наступлением весны, когда татары и остяки стали приносить в город Сибирь «многие запасы». «Того же лета», как читаем в ЕЛ, в Москву отвезли плененного ермаковцами Маметкула; до его приезда в российскую столицу умер царь Иван, и близкий родственник Кучума удостоился «честной» встречи уже по распоряжению Федора Ивановича¹⁷. Выражение «Того же лета» (подразумевается 7091) сопутствует и свидетельству Есипова о том, что к Ермаку с просьбой «оборонити их от Казачей орды» прибыли посланцы Карачи¹⁸, а сам он во время великого поста осадил город Сибирь и стоя[ш]е до пролетия» (ср.: 95, 125, 134)¹⁹; в июне казаки ночью внезапно для «поганных» напали на их станы (согласно СЛ, это произошло 12 июня, в пору «поврата зимнего» или «поврата солнца»²⁰, и возле Саускана, где расположился недавний «думчей» хана, «бысть брань до полудне» (60—62). Возможно, этим хронологическим указаниям Есипов или же создатель П обязан ветеранам «пошестввия» «христианского воинства» против «кучумлян».

По сообщению владычного дьяка, Ермак погиб 5 августа 7092 г., когда в полночь на казачий лагерь у перекопи напало множество «бусурман». Та же дата с указанием, что в роковой поход бесстрашный атаман выступил «в четвертое лето по сибирском взятии», приведена в С, являющемся своеобразным приложением к ЕЛ; в более ранней редакции этого «помянника» сказано про 6 августа (62—63, 72, 381).

Воевода И.Мансуров, как заметил Есипов, прибыл в Сибирь осенью, «во второе лето» после гибели Ермака, т.е. в 7093 (1584/85) г., и зимовал в «поставленном» накануне служилыми людьми городке на Оби. Подошедшие к этому городку остяки сражались с русскими в течение целого дня, отступив только ночью. Наутро «иноземцы» вернулись к недавно «срубленной» крепости с кумиром, которого «вместо Бога имяху», и когда «сидельцы» пушечным выстрелом уничтожили идол, остяки «от того часа возвратишася восвояси» (64—65).

Под 7093 г. в ЕЛ сказано (в представлении Р.Г.Скрынникова, на основании воспоминаний участников описываемых событий) о походе в Сибирь воевод В.Сукина и И.Мясного, заложивший Тюмень, а в 7095 г., при «державе» Федора Ивановича, из Москвы за «Камень», — свидетельствует софийский дьяк, — прибыл отряд Д.Чулкова, выстроивший Тобольск (65—66)²¹. Вероятно, имея в виду прежде всего эти известия, Е.К.Ромодановская сочла, что отдельные статьи ЕЛ напоминают погодные записи²². По сообщению Есипова, Кучум, снова разгромленный, когда собирался идти к Тобольску, бежал «в Нагаи», где и был убит (68—69). «Слогатель» летописи, законченной, как он сам указывает, 1 сентября 1636 г.²³, надо думать, подразумевал окончательное поражение, которое нанесли хану тарские служилые люди в августе 1598 г. (Вывод о том, что Есипов довел свое изложение до 1584 г.²⁴, безусловно, ошибочен. Вспомним также, что софийский дьяк повествует об экспедиции Мансурова, строительстве Тюмени и Тобольска, отправке плененного Д.Чулковым Сейдяка, Салтана и Карачи в Москву). В предпоследней статье ЕЛ говорится о «поставлении» в 7129 г. главой нового владычного дома Киприана Старорушанина, который «во второе лето престольства своего (7130. — Я.С.) [воспомяну] атамана Ермака и з дружиною», и, располагая «написанием» «ермаковых казаков», приказал вписать имена павших в боях с «кучумлянами» в соборный синодик (70).

Многие исследователи принимали ЕЛ за историческую повесть. Е.К.Ромодановская же находит, что сочинение «святительского» дьяка представляет собой летопись, и недаром он всегда именно так определяет свои «тетради»²⁵. Точнее, Есипов дважды замечает, что из-под его пера вышла летопись «о взятии Сибири и о победе сицевой», «летопись Сибирское царство и княжение и о взятии и о Тоболске граде», но однажды называет это произведение повестью «О Сибири и о сибирском взятии» (42, 69, 72).

Стало быть, следует отклонить вывод А.М.Сахарова об отсутствии в ЕЛ «погодной сетки» изложения²⁶. Но утверждение, будто «точные указания на дату совершаемого события» при малейшей возможности вводятся во второй части этого памятника²⁷, тоже оказывается неверным, таких указаний немало и в первых полутора главах «сложения» Есипова. Интересующей нас летописи, на взгляд Е.К.Ромодановской, присуща строгая временная

последовательность. Вместе с тем видная исследовательница сибирской книжной культуры XVII в. констатировала, что всем нарративным сочинениям, отражающим перипетии «зауральской эпопеи», свойственна «хронологическая сбивчивость»²⁸. Так, начало беспримерного похода Есипов датировал осенью 1580 г. вместо 1582, и писал о прибытии отряда Болховского в Сибирь при жизни Ермака, тогда как ПЛ убеждает в том, что молодой воевода не застал в живых «ратоборного атамана» (на это указывала и Е.К.Ромодановская²⁹). Кроме того, поездка сеунчиков к царю Ивану, о которой пространно сообщается в «гистории», вышедшей из стен Тобольского архиерейского дома, может быть причислена к «вымышленным событиям» (по классификации Е.К.Ромодановской)³⁰. Сомнительно также, что «взятие» казачьей «дружиной» «городков и улусов» по Иртышу и «великой» Оби последовало за «пришествием» Сейдяка из Бухары в Сибирь и уходом от Кучума Карачи³¹. Отметим, что вопреки свидетельству Есипова, да и создателя СЛ, А.Т.Шашков в отличие от Г.Ф.Миллера, Н.М.Карамзина и других историков находил, что царевич Маметкул был пленен ермаковцами не до их «ясачного» похода в Обь-Иртышское междуречье, а следом³². (О «взятии» русскими ханского племянника умалчивается в С и скорее всего не говорилось в «написании», составленном ветеранами «зауральской эпопеи» по инициативе тобольского «первопрестольника» Киприана).

С точки зрения В.Н.Евсеева, основу повествования Саввы Есипова составила погодная запись³³. Однако в 17 из 37 глав (1—7, 9, 10, 12, 18, 19, 25, 26, 34, 35-й) сочинения о Сибири и ее «взятии» русскими к такой форме изложения автор не прибегал.

Тем не менее летописная традиция, восходящая ко временам Киевской Руси, ощутимо сказывается на всем протяжении есиповского «сложения», которому принадлежит центральное место в богатой и разнообразной сибирской книжности XVII в.

Примечания

¹ См., напр.: Миллер Г.Ф. История Сибири. 3-е изд. М., 2005. Т. 1. С. 474—476, 484; Миненко Н.А. Урал и Сибирь конца XVI — первой половины XIX в. в новейшей отечественной историографии // Культурное наследие Азиатской России: Мат-лы I Сибиро-Уральского исторического конгресса (г. Тобольск, 25—27 ноября 1997 г.). Тобольск, 1997. С. 26.

² Эта формулировка, являющаяся стилистическим штампом (Солодкин Я.Г. «Зауральская эпопея» Ермака: несколько спорных вопросов // Северный регион: наука, образование, культура (далее — СР). 2012. № 1—2 (25—26). С. 212, и др.), имеется и в нередко атрибутируемом Есипову Сказании о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы. См.: Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века (далее — ЛП) / Изд. подг. Е.К.Ромодановская и О.Д.Журавель. Новосибирск, 2001. С. 90, 94 (История Сибири: Первоисточники. Вып. 10).

³ Аналогичные формулировки есть в Строгановской летописи (далее — СЛ). См.: Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 18, 40, 41, 48, 83, 86, 87, 103.

⁴ Это и сходные с ним выражения помимо СЛ и Сказания о явлении и чудесах Абалацкой иконы часто употребляются в Летописной книге о Смутном времени (далее — ЛК) (Сибирские летописи. С. 24, 27, 28, 38; Памятники литературы Древней Руси (далее — ПЛДР): Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 360, 366, 368, 372, 380, 386, 388, 400, 412, 416, 420), протограф которой, как выяснено И.Ю.Серовой, послужил одним из источников сочинения Есипова. Исследовательница указывала и на использование ЛК при создании сибирских летописей. См.: Серова И.Ю. Об источнике Есиповской и Строгановской летописей // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 30—38; Она же. К вопросу о влиянии Летописной книги на повести о Смуте С.И.Шаховского // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 43. Л., 1990. С. 338.

⁵ Это словосочетание тоже есть в ЛК. См.: ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 360, 398, 404, 406, 414.

Указанные хронологические обозначения С.В.Бахрушин, находивший условным расчет времени в летописях, признавал описательными (Бахрушин С.В. Науч. тр. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 38, 39; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 478).

⁶ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 36. М., 1987. С. 46—48, 52, 55, 57, 59—61, 63—66, 69. Следом ссылки на это издание памятников «группы» Есиповской летописи (далее — ЕЛ) приводятся в тексте главы.

⁷ Данное выражение часто встречается и в ЛК, СЛ, Сказании о явлении и чудесах Абалацкой иконы. См.: Сибирские летописи. С. 18, 23, 26, 32, 43; ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 362, 366, 368, 380, 382, 384, 390, 392, 394, 396, 402, 404, 406, 410, 414, 416, 420; ЛП. С. 91, 93. Ср.: С. 343.

⁸ В более ранней редакции С к 26 октября отнесено сражение у Чувашева мыса (380).

Мнение о том, что в С и ЕЛ начало похода «ермаковых казаков» датируется 1 сентября 1581 г. (Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири до-октябрьского периода (конец XVI — начало XX в. Новосибирск, 1984. С. 33), неверно.

⁹ Скрынников Р.Г. Ранние сибирские летописи // История СССР. 1979. № 4. С. 88; Он же. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 216. Утверждение, будто 26 октября 1582 г. Искер обороняли ханты и манси, разбежавшиеся, как только казаки начали стрелять из ружей (Он же. Борис Годунов. М., 2003. С. 202), — явный домысел, можно лишь думать, что упомянутые «иноземцы» (согласно СЛ, лишь остяцкие князя) первыми оставили

поле боя, а их примеру последовали татары. См.: Сибирские летописи. С. 24, 70; Никитин Н.И. «За други своя» // Военно-исторический журнал. 1993. № 6. С. 85.

¹⁰ О потомках Бояра см.: Бахрушин С.В. Науч. тр. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 55, 140; Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 2000. Т. 1. С. 482; Т. 2. С. 662; Шашков А.Т. Югорские князья в XV—XVIII вв. // СР. 2001. № 1 (3). С. 176; Главацкая Е.М. Ханты в составе Русского государства в XVII—XX вв. Начало колонизации // Ямал между прошлым и будущим: Приоритеты развития: Мат-лы Всерос. науч. конф. «Ямал: история, историография, краеведение». Екатеринбург; Салехард, 2005. С. 49.

По заключению Р.Г.Скрынникова, о сражении 23 октября под «Чувашею», прибытии Бояра в Искер, времени занятия этого города ермаковцами, его осаде Карачей говорилось в протографе ЕЛ, к которому обращался и создатель СЛ, — не дошедшей до нас ранней тобольской летописи (Скрынников Р.Г. Ранние сибирские летописи. С. 86—88, и др.).

¹¹ См., напр.: Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 219; Копылов Д.И. Ермак. Иркутск, 1989. С. 140; Шашков А. Пути за «Камень» и сибирский поход Ермака // Югра. 1997. № 4. С. 16; Очерки истории Югры (далее — ОИЮ). Екатеринбург, 2000. С. 116; Мартынова Е.П. Татарско-угорские политические связи в XIV—XVII вв. // Тюркские народы: Мат-лы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9—11 декабря 2002 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск, 2002. С. 295; Русское старожильческое население Югры в конце XVI — середине XIX вв.: Исследовательские материалы и документы. М., 2007. С. 26; Худяков Ю.С. Привлечение сибирских татар на российскую службу в конце XVI в. // Присоединение Сибири к России: новые данные: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием (Тюмень, 9—10 декабря 2014 г.) (далее — ПСР). Тюмень, 2014. С. 217. Ср.: Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032—1882 гг. Сургут, 1993. С. 37; Бахрушин С.В. Науч. тр. Т. 3. Ч. 2. С. 115, 140; Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 29. Примеч. 108.

¹² Сибирские летописи. С. 26, 71—72, 100; ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 380. В СЛ, кстати, говорится о том, что ермаковцы четыре дня плыли по Чусовой до устья реки Серебряной (Сибирские летописи. С. 11, 59).

В Новом летописце читаем, что труп самозванца сожгли на Котле «по трех ... днех» после умерщвления Лжедмитрия I, а его преемник вступил на трон в 4-й день «по убиинии Ростригине». В других нарративных сочинениях говорится о том, что тело «злодея и еретика» лежало на Пожаре в течение трех или четырех суток, его сожгли на следующий день, а Василия Шуйского нарекли государем или он «сел на царство» в 3-й либо 5-й день после убийства Лжедмитрия. См.: Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А.Попов. М., 1869. С. 418; Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905. С. 605; Русская историческая библиотека (далее — РИБ). 2-е изд. СПб., 1909. Т. 13. Стлб. 750, 1423; ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 69; Т. 34. М., 1978. С. 207, 211; Корецкий В.И., Морозов Б.Н. Летописец с новыми известиями XVI — начала XVII в. // Летописи и хроники: 1984 г. М., 1984. С. 217.

¹³ Эту дату мы находим и в той редакции С, которую удалось обнаружить Е.К.Ромодановской. В С же из концовки ЕЛ сказано о гибели казаков на Абалаке той же зимой (71, 380).

Мнение, что в ЕЛ утрачена «календарная дата» сражения под Абалаком (Соболева Л.С. «Государев атаман» Ермак Тимофеевич: векторы идеализации // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI—XX вв. Новосибирск, 2005. С. 304; Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV—XVIII вв. / Отв. ред. Е.К.Созина. Екатеринбург, 2006. С. 96), неверно.

¹⁴ См.: Бахрушин С.В. Науч. тр. Т. 3. Ч. 1. С. 38; Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 475.

¹⁵ Утверждение, будто по всем летописям С.Болховский и И.Глухов прибыли в Сибирь не ранее 1584 г. (Ромодановская Е.К. Сибирское летописание и хронология похода Ермака // Сибирские огни (далее — СО). 1981. № 12. С. 140), стало быть, нуждается в уточнении.

¹⁶ Такое выражение, имеющееся также в СЛ, мы находим и в ЛК (Сибирские летописи. С. 32, 40, 77, 86. Ср.: С. 35; ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 388, 392). Кстати, в этой «приостановке истории» боярин М.В.Скопин-Шуйский представлен как «наставник московского воинства», а Есипов однажды назвал Ермака «наставником» казаков, о чем сказано и в СЛ (63; Сибирские летописи. С. 39, 83, 85; ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. С. 400).

¹⁷ В действительности Грозный скончался, а его сын Федор занял трон в 7092 г., о чем было известно и некоторым сибирским книжникам (138, 189. Примеч. 31—33. Ср.: Летописи сибирские. Новосибирск, 1991. С. 17—18).

А.Т.Топчий явно заблуждался, полагая, что Маметкула отвезли в Москву в 1582 г. (Топчий А.Т. К вопросу об освоении Сибири // Средневековая и новая Россия: Сб. науч. ст.: К 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1999. С. 401).

¹⁸ В С утверждается, что отряд Ивана Кольцо, выступивший, как думалось казакам, на помощь Караче, был истреблен «в третье же лето по сибирском взятии» (71, 380).

¹⁹ В СЛ пояснено, что «прилетие» — это начало лета (Сибирские летописи. С. 35, 80).

²⁰ Сибирские летописи. С. 35, 81, 102.

²¹ Отнеся «поставление» Тюмени к 1585 г., Есипов допустил ошибку. См.: Шашков А.Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996. С. 120.

Заметим, что в статье об основании Тюмени про царствование Федора Ивановича (начавшееся, по ЕЛ, в 7091 г.) умалчивается, хотя ранее трижды сказано о «державе» Ивана Васильевича (51, 60, 70; ср.: 380). Не почерпнул ли Есипов статью о «создании» Тобольска из какого-то летописца вроде Долговского, открывающегося сообщением об «указе» «святоцаря» Федора князю В.В.Кольцову-Мосальскому воеводствовать в Тобольске (74)? В Погодинском летописце (далее — ПЛ) и Сибирском летописном своде (далее — СЛС) читаем о закладке Тюмени в царствование преемника Грозного (136, 138, 189, 252, 312, 345, 365).

²² Ромодановская Е.К. Материалы по стилистике сибирской литературы первой половины XVII в. // Вопросы русской и советской литературы Сибири. Новосибирск, 1971. С. 11.

²³ Л.С.Соболева в одной из работ, кстати, подобно Д.С.Лихачеву, датировала ЕЛ концом 1630-х гг. (Лихачев Д.С. Рец.: Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Л., 1939 // СО. 1941. № 2. С. 141; Литературный процесс на Урале ... С. 104. Ср.: Соболева Л.С. «Государев атаман» ... С. 313).

²⁴ Сперанский М.Н. Повесть о городах Таре и Тюмени // Тр. Комиссии по древнерусской литературе Академии наук СССР. Л., 1932. Т. 1. С. 22, 25.

²⁵ Ромодановская Е.К. Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. С. 93, 95, 99, 112, 113, 143, 239 (Избр. тр.).

Утверждение Н.С.Демковой о создании ЕЛ «по заказу тобольской архиепископии» (ПЛДР: XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 648) представляется сомнительным уже потому, что в отличие от СЛ и СЛС в «Повести о Сибири и о сибирском взятии» (кстати, вопреки взгляду Е.К.Ромодановской) прямо даже не говорится об учреждении в царствование Михаила Федоровича новой владычной кафедры на востоке России, а лишь упоминается, видимо, на основании документального материала (ср.: РИБ. Т. 8. СПб., 1884. Стлб. 345, 348; ЛП. С. 392, и др.), о «оставлении» тогда в Тобольск первого архиепископа Киприана, причем, зашифровав в конце «сложения» свои имя и отчество, Есипов умолчал о той должности, которую занимал (69—70, 72). (О нем как софийском дьяке известно документально).

²⁶ Очерки русской культуры XVII века. Ч. 2. М., 1979. С. 74; Муравьев А.В., Сахаров А.М. Очерки истории русской культуры IX—XVII вв.: Кн. для учителя. 2-е изд., дораб. М., 1984. С. 283.

²⁷ Ромодановская Е.К. Есипов Савва // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 1. СПб., 1992. С. 314; Она же. Сибирь и литература ... С. 16, 106, 110, 124. Ср.: С. 212, 213, 239; Очерки русской литературы Сибири (далее — ОРЛС). Т. 1. Новосибирск, 1982. С. 67.

Едва ли справедливо утверждение, будто ЕЛ подобно СЛ и ремезовской «гистории» «очень скупое, противоречиво и запутанно» освещает ход прославленной экспедиции (Матвеева Н.П., Аношко О.М. Проблемы и перспективы изучения сибирского похода Ермака на основе комплексного источниковедения // ПСР. С. 16). Как представляется Н.П.Матвеевой и О.М.Аношко, «вполне возможно, что все даты летописей являются верными, но относящимися к разным событиям» (Там же. С. 17). Это допущение кажется нам произвольным.

²⁸ Ромодановская Е.К. Избр. тр. ... С. 194, 210; Она же. Тобольские летописцы // Родина. 2004. Спец. вып.: Тобольск — живая былина. С. 48; ОРЛС. Т. 1. С. 67.

²⁹ Ромодановская Е.К. Сибирь и литература ... С. 211; Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Изд. подг. Е.К.Ромодановская и О.Д.Журавель. Новосибирск, 2001. С. 366—367 (История Сибири: Первоисточники. Вып. 10).

³⁰ См., напр.: Солодкин Я.Г. Существовала ли «шертоприводная запись» сибирских «иноземцев» московскому государю в начале похода Ермака? // Проблемы дипломатики, кодикологии и актов археографии: Мат-лы XXIV Международ. науч. конф. М., 2012. С. 487—492, и др.

³¹ См. также: Солодкин Я.Г. Зарождение сибирского летописания: Источниковедческие очерки. Нижневартовск, 2005. С. 64—66; Он же. Становление сибирской летописной традиции (спорные источниковедческие проблемы). Нижневартовск, 2009. С. 64—65.

³² Шашков А. Пути за «Камень» ... С. 17; ОИЮ. С. 118, и др. Кстати, Г.Ф.Миллер со ссылкой на «некоторые обыкновенные сибирские летописи» (как он называл многочисленные разновидности «Повести ...» Есипова) указывал, что вскоре после пленения Маметкула Ермак вторично отправил в Москву казаков, теперь уже спрашивая, как поступить с близким родственником хана (Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 234. Ср.: С. 244). В дошедших до нас сочинениях такого жанра, отражающих перипетии разгрома прославленным атаманом и его «товарством» «Кучумова царства», о данной миссии умалчивается (33, 34, 39, 40, 57—58, 61, 85, 86, 93—95, 111—113, 123, 124, 132—133, 135, 137, 183—184, 245—248, 308—310, 361—363; Сибирские летописи. С. 29—31, 74—76).

Еще Н.М.Карамзин замечал, что «летописец, не быв очевидцем деяний (Ермака и его «дружины». — Я.С.), означает их порядок наугад». А.В.Матвееву тоже представлялось, что в отдельных произведениях о «Сибирском взятии» нарушена последовательность событий (Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. 3. Т. 9. М., 1989. Стлб. 234; Со времен князя Самара: в поисках исторических корней Ханты-Мансийска. Переизд. Ханты-Мансийск, 2007. С. 121—122).

³³ Евсеев В.Н. Специфика изображения казачьей дружины в Есиповской летописи // Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (28—29 октября 2010 г.). Тюмень, 2010. С. 66.

В заглавии ЕЛ содержится обещание, которое осталось невыполненным, рассказать про чудеса Богородицы «во дни и рода наша» (42, ср.: 79, 232, 301). На взгляд Е.К.Ромодановской, это «свидетельствует о том, что одновременно с работой над летописью готовилось и явление чудотворной иконы, о чем знал архиепископский дьяк» (ЛП. С. 363). (Первые ее видения произошли 20 и 26 июля, «в страдную пору»). Следовательно, ЕЛ создавалась и в конце лета 1636 г. Вероятно, вначале Савва Есипов собирался в «гистории» поведать о чудесах Богородицы, но затем решил посвятить им особое сказание. Его написание могло быть поручено и какому-то другому приближенному тобольского владыки, что не осталось тайной для софийского дьяка.

Глава 4

О ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ СТРОГАНОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ ОСНОВНОЙ РЕДАКЦИИ

Строгановская летопись Основной редакции (далее — СЛ), признающаяся со времен Н.М.Карамзина одним из главных нарративных источников по истории «Сибирского взятия», как было показано С.В.Бахрушиным, восходит к тому же протографу, что и «Повесть» Саввы Есипова, оконченная, если верить ее автору, 1 сентября 1636 г. Эти две летописи, очень близкие в изложении перипетий экспедиции Ермака, сильно расходятся в начальных и заключительных главах. Так, в Есиповской летописи Основной редакции (далее — ЕЛ) Строгановы даже не упоминаются, тогда как в СЛ подробно говорится о судьбе владений «прикамских магнатов» накануне «зауральской эпопеи» и не раз подчеркивается роль «честных мужей», пригласивших атаманов и казаков для обороны своих земель, в организации похода, благодаря которому Сибирь сделалась «далечайшей вотчиной» московских государей. В СЛ, в отличие от «сложения» Есипова, по наблюдениям А.Т.Шашкова, умалчивается о «поставлении» Тюмени¹, город Сибирь (или Кашлык, Искер) отождествляется с Тобольском (заметим, что только в рассказе о событиях, последовавших за смертью Ермака, ср. 77, 81, 83—85, 87, 372—376), сказано о соединении отряда Матвея Мещеряка с ратью воеводы И.Мансурова, затем войском Д.Чулкова, пленении татарского князя Сейдяка в бою под Тобольском, где Мещеряк погиб². Кроме того, в СЛ сообщается о том, что в город Сибирь, покинутый казаками, вслед за Алеем прибыл его отец Кучум, но вскоре Сейдяк Бекбулатов — сын прежнего властителя ханства — «царя Кучюма победи и градом облада» (39)³.

Как читаем в СЛ, в 7094 г., после «Семенова дни Летопроводца», т.е. 1 сентября 1585 г.⁴, из Москвы в Сибирь послали воеводу И.Мансурова⁵, который, встретив на Туре атамана Мещеряка, с его «дружиной» двинулся в Сибирь по этой реке, потом Иртышу и Тоболу, а когда «наста зима», «срубил» Обский городок, где

выдержал (вместе с «мещеряковцами»⁶) осаду «поганных», разбив тогда их «кумира» (40—41, ср. 86—87, 102—103)⁷. Услышав о «присылке» в их страну воеводы Д.Чулкова «со огненным нарядом»⁸, татары бежали из своей столицы — города Сибири, и там, в нынешнем Тобольске, обосновались русские⁹. Вскоре, не желая, дабы они селились в его земле, к Тобольску подошел Сейдяк Бекбулатов, причем «государевым воеводам»¹⁰ сказав, что прииде для торгу», чем в первый день и занимался, укрыв своих воинов, а утром следующего дня напал на город; русские, подпустив к его стенам татар, «начаша по нихъ со града стреляти и многихъ побиша», затем совершили вылазку, перебив или взяв в плен немало «поганных», которые из станов «едва утекоша», бросив там «все свое богатство». В числе пленных оказался и Сейдяк, раненый в бою, где, однако, расстался с жизнью Матвей Мещеряк. С тех пор, — констатировал летописец, — татары не смели «к государевымъ городомъ войною приходити» (42—43, ср. 102—103). В СЛ нет главы (имеющейся в ЕЛ) о смерти Кучума, где, кстати, говорится о попытке хана захватить Тобольск¹¹, но за рассказом «О устроении градомъ и острогомъ в Сибирской земли», напоминающим есиповское «Благодарение Богу» (43—44, ср. 91, 104)¹², повествуется (про что в ЕЛ мы не прочтем) «о яшашном зборе» «по взятии жъ и по очищении вся Сибирския земли ... промыслом и подмогою» Строгановых, «храбръством» Ермака «с товарищи». Оказывается, вначале в татарских, остяцких и вогульских «улусах» ясак взимали (и отправляли его в Новгородскую четъ) Строгановы, а затем, по распоряжению царя Федора Ивановича, — воеводы Чердыни, Уфы, Верхотурья и других сибирских городов (44—45, ср. 92). (Заметим, что по крайней мере с 1599 г., когда был образован Тобольский разряд, Чердынь и Уфа в число сибирских городов не включались).

Наличие в СЛ главы «О устроении градомъ и острогомъ в Сибирской земли» заставляет отказаться от допущения, что имевшийся в распоряжении анонимного «списателя» протограф сочинения про «похождение» ермаковцев, их победу над Кучумом «и о взятии сына его царевича Маметкула» завершился сообщением о возвращении казаков из Кашлыка. Видимо, этот книжник, выполнявший поручение Строгановых, заменил повествование (о котором мы можем судить по ЕЛ) о походе И.Мансурова в Сибирь,

об основании Тюмени и Тобольска, пленении Сейдяка, Салтана и Карачи, отправке их в Москву¹³ нам известным рассказом, успешшим приобрести фольклорные черты, причем скорее всего не в Сибири, а в Соли Вычегодской¹⁴.

К такому заключению склоняет и РСЛ, где соответствующая глава близка к ЕЛ. По свидетельству неизвестного «слогателя», «бусурманских князей» (вместе с которыми к Тобольску подошел остяцкий князь с остяками и вогулами) воеводы позвали «на обед», впустив в город немногих; когда Д.Чулков предложил после застолья выпить заздравную чашу за Федора Ивановича, русских князей и бояр, показывая, что на них «зла не мыслите», Сейдяк согласился, но вслед за самим воеводой, Мансуров же «помавав рукою казакомъ», и те стали хватать приближенных Сейдяка, Салтана и Карачи, которые, бегая по горнице, хотели выпрыгнуть из окна, но были схвачены; Мещеряк, погибший в этом бою, начал «побивать» татар, находившихся за городом, некоторых из них пленили, другие бежали, и отныне татары, вотяки¹⁵, остяки и вогулы не смели приходиться к Тобольску (89—90)¹⁶.

Возможно, автор СЛ заменил имеющееся в протографе (его и по содержанию, и в силу объема нельзя отождествлять с «написанием» (далее — Н), полученным тобольским «первопрестольником» Киприаном от ветеранов прославленной экспедиции за «Камень»¹⁷, и тем более синодиком «ермаковым казакам» (далее — С)) повествование о событиях 1587 г. другим, чтобы, в частности, представить пленение Сейдяка и его свиты результатом не обмана татар, а победы в честном бою, либо же усомнившись (подобно, кстати, ряду исследователей¹⁸) в достоверности той версии «взятия» русскими соперника Кучума, которую воспроизвел Есипов, — версии, в основе которой лежит тобольское предание¹⁹.

В протограф СЛ и ЕЛ создатель первой из них внес ряд более или менее существенных изменений²⁰. Он указал, что Сейдяка «увезоша в Бухары в мале возраста»²¹, в самом начале похода казаки «многие татарские городки и улусы повоевали вниз по Туре», в устье которой «поимаша татар», в том числе ханского придворного Таузака, сообщившего Ермаку «с товариством» «про сибирскихъ царей и князей и мурзь и улановъ», а затем рассказавшего Кучуму об огнестрельном оружии казаков, от которого защититься «никакими ратными збруями не возможно» (16—17, 19,

65)²²; в сражении близ урочища Бабасан, оказывается, русские, выступившие из «острогов своих», вели огонь «ис пушечек скорострельных и из дробовых и из затинных и шпанских и аркобузов» (20)²³, а в бою на берегу Иртыша «отъ Ермаковой дружины мало убьено бысть, точию кийждо уязвлению быша» (21)²⁴. В СЛ подробно сказано о круге в занятом казаками городке мурзы Атика, когда сторонники решительной битвы напомнили о зле, которое Кучум сотворил Пермской земле, пленении им острожков Строгановых, обещании, данном этим «честным людям», а также призыве «велеумного» атамана помолиться перед сражением у Чувашева мыса (22, 23). Говоря об этом сражении, состоявшемся «на память святаго апостола Иякова, брата Господня»²⁵, летописец сообщил, что «поганые» пускали стрелы «с верху засеки и из бойниц», убили многих казаков, а затем совершили вылазку, разобрав эту засеку в трех местах, и поведал о знамени, поставленном на ней русскими, увозе раненого Маметкула его воинами «в малой лодийце за Иртыш реку» (23—24)²⁶. Обращаясь после разгрома «под Чювашею» к своему окружению, Кучум каялся в разорении Перми Великой и острожков Строгановых, которые недаром послали против него атаманов и казаков. Из СЛ узнаем о том, что в городе Сибири русские захватили много сокровищ, в сражении у Абалака погибшие были «ото обою странъ» (ср. 13, 21), в пору пленения Маметкула Кучум кочевал на Ишиме (25—27), во время казачьего похода по Иртышу и Оби на приступе пал атаман Никита Пан²⁷, про «отписку» Ермака «з братиею» о «Сибирском взятии» Строгановым (которые, известив об этом московское правительство, были пожалованы Солью Большой и Солью Малой, правом беспошлинной торговли) (29—30), о награждении приехавших с аналогичной «отпиской» в «царствующий град» казаков не только деньгами и сукнами (о чем сообщается в ЕЛ) но и камками, а оставшихся в Сибири — «полным большим жалованьем» (30, ср. 75—76)²⁸, о встрече казаками, обрадовавшимися этому жалованью, ратников князя С.Болховского и И.Глухова «с великой честию» (эти служилые люди были одарены «всякою мяхкою рухледью»), о том, что ермаковцы запаслись на зиму продовольствием только на себя, «не введуще московские силы пришествия», и вскоре в городе Сибири начался голод, но с приходом весны наступило изобилие, и казаки обогатились «от торгу

мягкие рухледи» (31, 33). В СЛ сообщается также, что Карача, покинувший Кучума, обосновался на большом озере в «Лымской земле», выше реки Тары, поблизости от реки Осмы²⁹, и просил защитить его от Ногайской орды (33, ср. 78, 101)³⁰; доверчивые казаки, не помня о предупреждении пророка, выступили на помощь бывшему ханскому «думчему», хотя следовало взять аманатов «сверх ... шерти». В СЛ сравнительно с ЕЛ налицо и ряд других оригинальных известий: об отправке Маметкула в Москву И. Глуховым, сибирскими атаманами и казаками, о гибели атамана Якова Михайлова, отправившегося «в подсмотръ», намерении Карачи уморить голодом укрывшихся в городе Сибири казаков, его осаде с марта (со времени великого поста) до 12 июня — дня «поврата зимнего»³¹, о вылазке Матвея Мещеряка (Ермак с немногими «воями» тогда оставался «во граде», осажденном татарами), о гибели «начального атамана» в день памяти Святого мученика Евсигния, «на предпразднество Преображения Господня», о «пологах», в которых «спаху в станех» казаки на перекопи, когда подверглись неожиданному нападению» кучумлян»³², о плаче Мещеряка, узнавшего про гибель казачьего «наставника», и скором уходе атамана Матвея из Сибири, о радости Сейдяка с татарами, услышавших о смерти Ермака, и «низком месте», где (под деревом) остяки поставиша «кумира» и ему «творяху жертву», осадив Обский городок (33—39, 41)³³. (Прошло немного времени, и Мещеряк вернулся в город, который русские нарекли Тобольском, и пал у его стен).

В сообщениях о занятии Сейдяком города Сибири, встрече Мансурова с Мещеряком имеется формулировка «радовахуся и веселяхуся (веселишася)», близкие к которой («радующеся и веселящеся», «радости наполнишася и веселяхуся», «пребывающе в радости и веселии») мы находим в СЛ и ранее (31, 33, 36, 39, 40). В рассказах же о сражении под Абалаком, гибели Ермака и осаде Мансуровского городка говорится о «нощной тме» (27, 37, 41, ср. 21)³⁴. Стало быть, нарративный источник нескольких последних глав рассматриваемой летописи при ее создании подвергся редактированию.

В протографе ЕЛ и СЛ И.Ю. Серова выявила прямые заимствования из Летописной книги о Смутном времени (далее — ЛК) и нестилизационные подражания этой «гистории»³⁵. К тому же

источнику можно возвести рассказ о том, что когда Мансуров достиг «великия реки Оби, бе бо тогда ужь осень и наста година зимняя, и воздух небесный пременися на студень, и бысть снегове, и лед по реце смерзается» (40)³⁶. Сходные выражения есть в предыдущих главах СЛ: «в рекахъ ледъ смерзается», «зимняя година проиде, мразу и студени облегчавшу» (22, 32).

В начале СЛ перечислены атаманы, призванные Строгановыми: Ермак, Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан, Матвей Мещеряк (8). В дальнейшем летописец сообщает о гибели каждого из них, возможно, следуя протографу, наибольшее внимание уделяя, помимо Ермака, Мещеряку, многие известия о котором, однако, как мы видели, не отличаются точностью, подобно ряду свидетельств об экспедиции Мансурова и судьбе Сейдяка с его свитой.

Таким образом, автор СЛ, широко пользовавшийся документами вотчинного архива Строгановых, зачастую гораздо подробнее, чем Есипов, передает текст протографа — скорее всего (на что впервые указал Р.Г.Скрынников) ранней тобольской летописи. Сообщения же СЛ о походе Мансурова и начале Тобольска следует возвести к другому повествовательному источнику, запечатлевшему устную традицию, вероятно, бытовавшую в Соли Вычегодской.

Примечания

¹ Подобно ЕЛ (см.: Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 36. М., 1987. С. 46) в СЛ лишь говорится о возникновении Тюмени на месте города Чингий (Сибирские летописи: Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань, 2008. С. 18).

Следом ссылки на СЛ по последнему изданию приводятся в тексте статьи.

² Шашков А. Лодейный город // Родина. 2004. Спец. вып.: Тобольск — живая былина (далее — Тобольск). С. 10. Город Сибирь (Кашлык или Искер) отождествляется с Тобольском и в Пинежском летописце. См.: Копанев А.И. Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие древней Руси: По материалам Пушкинского дома. Л., 1972. С. 79. Ср.: ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 195; Т. 36. С. 40, 97.

Вопреки утверждению Е.И.Дергачевой-Скоп, в СЛ и Румянцевском летописце (далее — РЛ) пленение Сейдяка в Тобольске не относится к 1586/87 г. Ошибочно и заключение исследовательницы, будто эпизод «взятия» этого татарского князя одинаково изложен в РЛ и краткой редакции сочинения строгановского «историографа» (Дергачева-Скоп Е.И. Генеалогия сибирского летописания: Концепция, материалы. Новосибирск, 2000. С. 30, 47).

³ В Распространенной редакции того же памятника (далее — РСЛ) подобно ЕЛ о возвращении Кучума в свою бывшую столицу (что, кстати, маловероятно, см.: Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 33—34), умалчивается (84—85).

⁴ В главе о начале экспедиции Ермака сказано, что в тот день отмечалась память преподобного Симеона Столпника (10, ср. 11—12, 58).

⁵ В ЕЛ прибытие Мансурова в Сибирь приурочено ко «второму лету» «по Ермакове убиении» (ПСРЛ. Т. 36. С. 64. Ср.: С. 135), т.е. к 7093 г. (см.: Там же. С. 258, 315, 345, 368).

⁶ В действительности, о чем известно по документам, Матвей Мещеряк летом 1585 г. находился на Яике, а осенью следующего года явился в Самару, где был арестован и вскоре казнен. См., напр.: Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 144, 147; Дубман Э. Князь Григорий Засекин (Хроника жизни и деятельности строителя волжских городов). Самара, 1995. С. 55—58; Шашков А. Лодейный город. С. 10.

⁷ Последнему, как заметил сольвычегодский летописец (в ЕЛ об этом не сказано), «мнози погани приносят ... дары от далних городов велми множество по вся дни».

Получается, что Р.Г.Скрынников напрасно возводил рассказ о сибирском походе Мансурова к протографу ЕЛ и СЛ (Скрынников Р.Г. Ранние сибирские летописи // История СССР. 1979. № 4. С. 88, и др.). Заметим, что вывод Р.Г.Скрынникова об обращении к данному протографу князя С.И.Шаховского как возможного создателя СЛ противоречит заключению о наличии «текстуальных сходств и подобий» с произведениями того же писателя, обнаруживающихся «исключительно в тех напластованиях» этой повести «О взятии Сибирския земли ...», «которые отличают ее» от сочинения Есипова (Там же. С. 92).

⁸ Ранее в СЛ мы читаем про «снарядь огненной», «оружие огненное» (7, 11, ср. 87).

⁹ Согласно РСЛ, подходя к городу Сибири, Чулков (кстати, подобно Ермаку) думал, что там укрылись «поганые» (87, ср. 71; ПСРЛ. Т. 36. С. 56).

¹⁰ В РСЛ поясняется, что это Чулков и Мансуров (87—88, 90).

¹¹ ПСРЛ. Т. 36. С. 68—69.

¹² Там же. С. 69.

¹³ Там же. С. 65—68.

¹⁴ В.И.Буганов и А.А.Зимин лишь упомянули об использовании в СЛ народных преданий (Буганов В.И., Зимин А.А. Поход Ермака на Казань и возникновение исторических песен о Ермаке // Уч. зап. Казан. гос. пед. ин-та. 1967. Вып. 50. С. 4, 5).

Сибирские летописцы, использовавшие СЛ, ее версии начала «русского» Тобольска и пленения Сейдяка не повторили. См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 35, 41, 126—127.

¹⁵ О вотяхках, т.е. удмуртах, идет речь в начале СЛ и РСЛ (12, 14, 61—63).

¹⁶ Ср.: ПСРЛ. Т. 36. С. 66—67. Автор СЛ, видимо, не знал, что в 1634 г. Кучумовичи осаждали Тюмень. См., напр.: Трепавлов В.В. Сибирский юрт ... С. 90.

В РСЛ подобно ЕЛ рассказывается и «о первом архиепископе во граде Тобольске и о уставлении по казаках вечного поминовения» (95—96; ПСРЛ. Т. 36. С. 69—70).

Помимо рассмотренного, известно немало примеров редактирования есиповского рассказа о пленении Сейдяка, Салтана и Карачи. См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 35, 41, 97, 115—116, 126—127, 187, 253—254, 312—313, 365—366; Сибирские летописи ... С. 304, 350, 440—441.

¹⁷ Некоторые историки вслед за С.В.Бахрушиным полагают, что СЛ в основном составлена по Н (Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. С. 56; Файзрахманов Г.Л. Русские источники истории средневековых татарских государств Западной Сибири // Сулеймановские чтения (десяты): Всерос. научно-практ. конф. (Тюмень, 18—19 мая 2007 года): Мат-лы и докл. Тюмень, 2007. С. 110. Ср.: Зиборов В.К. Русское летописание XI—XVIII веков: Уч. пособие: Хрестоматия. СПб., 2002. С. 170).

¹⁸ См.: Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. 3. Т. 10. М., 1989. Стлб. 16; Акишин М. «Благородные мужи» Чулковы // Тобольск. С. 43. В Погодинском летописце пленение Сейдяка в Тобольске рассматривается как победа над «господином» Старой Сибири (ПСРЛ. Т. 36. С. 136, 137).

¹⁹ Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 400; Бахрушин С.В. Науч. тр. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 29; Ромодановская Е.К. Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. С. 125, 278—280 (Избр. тр.); Она же. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 56, 57; Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. Предисловие // ПСРЛ. Т. 36. С. 18. В.И.Сергеев усматривал в описании Есиповым судьбы Сейдяка, Кучума и их столицы после гибели Ермака «детали, известные» владычному дьяку «явно со слов очевидцев» (Сергеев В.И. У истоков сибирского летописания // Вопросы истории. 1970. № 12. С. 50—51).

²⁰ Некоторые из них привлекли внимание Р.Г.Скрынникова. См.: Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 27.

²¹ В ЕЛ про возраст укрывшегося в Бухаре Сейдяка не сказано (ПСРЛ. Т. 36. С. 59).

²² В ЕЛ упоминается лишь о Таузаке, который Ермаку «з дружиною» «поведа ... все про царя Кучюма» (ПСРЛ. Т. 36. С. 51).

В оценке В.В.Трепавлова сцена о стрельбе казаков из пищалей перед ханским придворным, имеющаяся и в РЛ, «скорее всего вымышлена» (Трепавлов В.В. Сибирский юрт ... С. 128).

²³ Ранее в СЛ сказано, что Строгановы снабдили Ермака с «товарством» «скорострельными пушечками и пищалами семипядными» (11, ср. 3—5).

²⁴ В ЕЛ об этом умалчивается. См.: ПСРЛ. Т. 36. С. 52.

²⁵ Ср.: ПСРЛ. Т. 36. С. 131.

²⁶ В обращении Кучума («з горким плачемъ») к своему окружению («под Чювашю») упоминается о том, что Маметкула «еле жива отъ нихъ (атаманов и казаков. — Я.С.) увезоша» (25).

В ЕЛ о спасении тогда Маметкула говорится весьма невнятно (ПСРЛ. Т. 36. С. 54).

²⁷ Это прозвище, которое не приводится в С, встречается в дипломатической документации. См.: Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972. С. 32—33; Сергеев В.И. Источники и пути

исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 31—32; ПСРЛ. Т. 36. С. 78, 380.

²⁸ В ЕЛ читаем о «многом жалованье», которого удостоилось «войско», отправившее станицу в Москву (ПСРЛ. Т. 36. С. 58).

²⁹ В РСЛ при этом явно ошибочно говорится о Пельымской земле (73).

В ЕЛ в данной связи сказано о Юлмыском озере в верховьях Иртыша, между Тарой и Омью (Обью) (ПСРЛ. Т. 36. С. 60. Ср.: С. 134). Это обстоятельство наряду с тем, что первым ишимским царем в СЛ назван не Он (Там же. С. 46. Ср.: С. 32, 38, 81, 107, 118, 129, 179, 235; Сибирские летописи ... С. 318, 408), а Иван (17, 18), наводит на мысль, что создатель СЛ располагал иным списком протографа, нежели имевшийся у Есипова или его предшественника — автора «писания» (далее — П), которое «распространил» софийский дьяк. Судя по СЛ, упомянутое в ЕЛ «писание» не являлось протографом, многие известия которого «слогатель» последней опустил, посчитав, видимо, излишним ряд подробностей в описании беспримерной казачьей экспедиции.

³⁰ В ЕЛ при этом говорится о Казачьей орде (ПСРЛ. Т. 36. С. 61. Ср.: С. 69, 134; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь ... С. 46). Возможно, в протографе ЕЛ и СЛ сообщалось о Казачьей орде, но книжник, выполнявший задание Строгановых, хотя однажды указал на нее (7, ср. 6, 53, 54), упомянул про Ногайскую, т.к. она угрожала владениям этих «честных мужей», с ней воевали казаки (2, 4, 7, 8, 14, ср. 80).

Согласно СЛ, по повелению царя Ивана Васильевича воевода Глухов и сибирские казаки послали в Москву плененного ханского «сына» Маметкула. О том, что он приехал уже к новому государю — Федору Ивановичу — при этом в отличие от ЕЛ не сказано (33, ср. 31, 76, 78; ПСРЛ. Т. 36. С. 61).

³¹ По свидетельству Есипова, Карача осаждал этот город со времени великого поста до июня (ПСРЛ. Т. 36. С. 62).

³² Говоря о последнем часе Ермака, автор СЛ в отличие от Есипова ссылается на «глаголение» «нецых от язык» (38, ср. 102; ПСРЛ. Т. 36. С. 63), т.е. татар. См.: Бахрушин С. Туземные легенды в «Сибирской истории» С.Ремезова // Исторические известия. 1916. № 3—4. С. 20—21; Он же. Науч. тр. Т. 3. Ч. 1. С. 27.

³³ По словам Есипова, остяки, принеся кумира, «начаша ж жрети», «жруще» (ПСРЛ. Т. 36. С. 65).

³⁴ По сообщениям Есипова, Ермак погиб ночью, до ночи же остяки пытались овладеть Мансуровским городком (ПСРЛ. Т. 36. С. 63, 65).

³⁵ Серова И.Ю. Об источнике Есиповской и Строгановской летописи // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 31—38. А.Т.Шашков считал зависимым от ЛК П, которое отождествлял (думается, неосновательно) с Н. См.: Шашков А.Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996. С. 138—139, 148, 149.

³⁶ Последняя фраза налицо и в ЕЛ (ПСРЛ. Т. 36. С. 64).

Глава 5

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИЕ ЛЕТОПИСИ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Изучением церковно-приходских летописей второй половины XIX — начала XX вв. занимались многие ученые, которые рассматривали эти летописи в качестве особых и чрезвычайно ценных источников по истории русской церковной и общественной жизни того времени.

Работы, написанные на основе сведений церковно-приходских летописей, долгое время служили основными пособиями для историков, филологов, социологов, теологов и краеведов о прошлом того или иного края. Например, в 1895 г. вышло в свет капитальное статистическое обозрение храмов, монастырей, скитов и приходов Тульской и Белевской епархии под редакцией П.И.Малицкого. Однако в предисловии к работе указано, что она «не имеет претензии на характер ученого исследования»¹ (этот труд был переиздан М.В. и Т.В.Майоровыми в 2010 г.)².

В последние два десятилетия заметно возрос интерес к церковно-приходским летописям. Истории их создания, роли летописей как «хроники жизни» населения России, законодательному закреплению обязанности фиксирования событий и статистических данных в этих источниках, формам летописей и практике их ведения в церквях посвятили работы такие ученые, как Е.А.Агеева³, С.П.Синельников⁴, Н.В.Глухих, А.А.Миронова⁵, Л.М.Добролюбова⁶. А.А.Миронова рассмотрела способы толкования слов, использованные священниками в церковно-приходской летописи Миасского завода, и выделила их тематические группы, а сами летописи определила как «энциклопедии народной жизни»⁷.

Значительный вклад в изучение рассматриваемой темы внес С.И.Добренький, рассмотревший в своей диссертации и нескольких статьях⁸ вопросы истории церковно-приходского летописания и сами летописи как источник по региональной и локальной истории, а также как историографические памятники. Однако

исследователь обращался к летописям только трех епархий (Московской, Симбирской и Вологодский), обойдя, в частности, вниманием, как и его предшественники, церковно-приходские летописи Тобольской епархии.

Считается, что начало приходскому летописанию было положено указами императрицы Екатерины II «об учреждении при Московском университете вольного российского собрания для исправления и обогащения русского языка и сообщении в то собрание русских рукописных летописей и других до русской истории касающихся редких известий и проч.» (1772 г.) (это первый известный опыт регламентации церковного летописания в общероссийском масштабе во второй половине XVIII в.) и «о посылке во все подчиненные Святейшему Синоду места указов, дабы в собирании достопамятностей, относящихся к истории отечественной, ученые люди не оставляли упражняться» (1792 г.)⁹.

Первое опубликованное описание церковно-приходских летописей и объяснение важности и пользы их ведения принадлежит Епископу Оренбургскому и Уральскому Варлааму (Денисову)¹⁰.

Варлаам Денисов (в миру Василий Порфириевич) (3 февраля 1804 — 18 января 1872 г.) был не только епископом (1860—1871 гг.) и членом синодальной канцелярии (с 1862 г.), но и духовным писателем. Он принимал участие в описании библиотеки и архива Кирилло-Белозерского монастыря, где служил настоятелем (1852—1857 гг.)¹¹, напечатал несколько старинных памятников письменности этого монастыря и их обзор. В журнале «Духовная беседа» за 1872 г. было опубликовано несколько его статей¹².

Оренбургский и Уральский Епископ в отчете Святейшему Синоду за 1865 г. писал, что «история нашего отечества и нашей Церкви православной ... возникла из летописей и в них первоначально заключалась; без летописей мы не знали бы своей церковной и гражданской истории и не могли иметь ее. А летописи наши от начала России и до времен Петра I составлялись, писались и переписывались почти единственно лицами духовного звания». Варлаам перечислил первых летописцев и сделал вывод о необходимости для духовенства составлять летописи при каждой приходской церкви: «такая летопись может заключать в себе большой интерес для будущего времени — и частный и общий»¹³.

Данное предложение преосвященного Оренбургской консистории было напечатано в № 47 еженедельного журнала «Духовная Беседа» за 1866 г. (издававшегося в 1858—1876 гг. в Санкт-Петербурге¹⁴) и перепечатано в Тобольской Типографии Губернского Правления. Разрешение на издание было дано Его Высокопреосвященством Варлаамом — архиепископом Тобольским и Сибирским и зафиксировано в отношении Тобольской Духовной Консистории от 8 марта 1867 г. № 2464 Тобольскому Губернскому Правлению. Перепечатанный вариант «О заведении при церквях Оренбургской епархии приходских летописей» хранился в консисторском архиве, а в настоящее время находится в Государственном казенном учреждении «Государственный архив Курганской области» (далее — ГКУ «ГАКО»)¹⁵.

Святейший Синод поддержал начинание оренбургского владыки особым указом № 1881 от 12 октября 1866 г., а опубликованные в следующем месяце рекомендации епископа Варлаама (Денисова) о порядке ведения церковно-приходских летописей послужили основой для принятых вскоре в епархиальных духовных консисториях программ церковно-приходского летописания.

Н.Петров считает, что распространение традиции ведения церковно-приходских летописей связано с инициативой епископа Оренбургского и Уральского Варлаама (Денисова), который в 1865 г. убеждал причты церковью своей епархии составлять подобные хроники¹⁶. Однако еще до этого приходские летописи завели в Тобольской епархии по двукратным предписаниям архиепископа Георгия Яшуржинского (1845—1852 гг.) — от 25 ноября 1845 и 10 декабря 1847 гг.¹⁷ В заголовке самой ранней обнаруженной нами церковно-приходской летописи (памятной книге) Тобольской епархии указано, что она заведена по указу Тобольской Духовной Консистории от 31 декабря 1845 г.¹⁸ Стало быть, Тобольская епархия была первой, где появились церковно-приходские летописи (в Московской епархии это произошло в 1857 г., в Вологодской — спустя десятилетие¹⁹, во Владимирской — в 1868 г., в Харьковской, Нижегородской и Пермской епархиях — в 1880—90-х гг.²⁰).

В каждой епархии во второй половине XIX в. имелись программы церковно-приходского летописания.

Преосвященный Георгий в 1845 г. составил программу ведения приходских летописей при церквях Тобольской епархии. Приемники

архиепископа Георгия поддерживали эту традицию, просматривая летописи при посещении церквей во время ежегодных обозрений епархии²¹.

В фонде Тобольской духовной консистории ГКУ «ГАКО» хранятся две программы церковно-приходских летописей (Оренбургской и Харьковской епархий за 1865 и 1880 гг.), которыми пользовались при составлении своих правил тобольские епархиальные власти.

В программе церковно-приходских летописей за 1865 г. рекомендовалось излагать информацию объективно, не высказывая собственного мнения, как можно яснее и проще, без «всякой изысканности, таким языком и слогом, каким кто владеет и говорит». Правила требовали отражать в летописи только факты, а где возможно, то и причины событий, «крепкими» чернилами, по возможности, всегда одним и тем же лицом. Составлять летопись обязывались все члены причта, но под руководством священника, без согласия которого ничто не должно было вписываться. Летопись надлежало в каждой церкви вести в книге из белой качественной бумаги; книга подписывалась благочинным. В конце каждого года летопись следовало подписывать всем членам причта на последней использованной странице. Благочинные при обозрении церквей были обязаны просматривать приходские летописи, и в случае выявления недостатков или неверных сведений исправлять их, давать причтам наставления и утверждать летописи своей подписью под подписями причта. В соборах, где есть протоиереи, и в двуклирных церквях преимущественное попечение об исправном ведении церковно-приходских летописей возлагалось на старшего члена причта²².

«Правила, как вести церковно-приходские летописи» из «Харьковских Епархиальных Ведомостей» за 1880 г. носили рекомендательный характер²³ и прижились в церквях Харьковской епархии далеко не сразу, о чем свидетельствует тот факт, что в 1885 г. митрополиту Московскому и Коломенскому Макарию (Булгакову) пришлось распорядиться завести при церквях этой епархии «так называемые памятные тетради для записи особенно примечательных в приходе событий, имевших большее или меньшее влияние на жизнь народа, духовенства или состояния храма, более или менее важных благотворений в пользу храма, духовенства или

приходских бедных, о лицах, отличившихся особым благочестием или особенной полезно-общественной деятельностью». Подкрепляющее действие должен был оказать указ Святейшего Синода от 12 апреля 1886 г.²⁴

В «Правилах...» предлагалось разделять летописи на две части. Первая из них — «Общее описание храма и города» — должна была представлять собой описание истории прихода, храма, кладбища, причта и прихожан с начала образования прихода, потом последующих событий и в конце настоящего состояния. Сведения о прошлом рекомендовалось основывать на документах, сказаниях и преданиях, а также объяснять, откуда поступил и как сохранился каждый такой документ, а о сказании — кто его передал и что думает составитель летописи относительно его достоверности. Автору разрешалось группировать предметы в описании пункта по своим соображениям, менять местами пункты, но надлежало следить за тем, чтобы сведения, предусматриваемые одним пунктом, не приводились в другой рубрике. Когда первая часть летописи была составлена, она считалась оконченной навсегда. Во второй части — «Повременная церковно-приходская летопись ... церкви и проч. 18.. года» — следовало оперативно фиксировать события каждого года²⁵.

С.И.Добренский относит к летописям и «памятные книги». Из просмотренных нами хранящихся в ГКУ ГАКО 29 фондов церквей за 1733—1928 гг.²⁶ только в четырех были обнаружены две церковно-приходские летописи и две памятные книги. Это свидетельствует о том, что летописи крайне редко велись в церквях Тобольской епархии.

Сравнение правил ведения и практики составления церковно-приходских летописей в церквях этой епархии позволит выявить, как изменялись требования к составлению летописей, требования, которые напрямую зависели от того, какую информацию считало важным получить от приходов епархиальное начальство. Не меньшее значение имеет то, насколько практика ведения летописей в Тобольской епархии соответствовала требованиям программ их ведения, т.е. ожиданиям Тобольской Духовной Консистории, и какая информация содержалась в этих летописях (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение правил ведения и практики составления церковно-приходских Летописей Тобольской епархии

Критерии	«Программа для ведения приходских летописей при церквях Тобольской епархии» ²⁷	«Памятная книга Усть-Суерской Николаевской церкви Курганского Ведомства» ²⁸	«План церковно-приходских летописей» ²⁹	«Приходская летопись Вознесенской церкви Брылинского села Курганского уезда Тобольской епархии» ³⁰	«Правила, как вести церковно-приходские летописи» ³¹	«Летопись или памятная книга Ярославской Покровской церкви Курганского уезда» ³²
Годы составления (ведения)	1845	1845—1886	1865	1872—1916	1880	1888—1890
Период, за который содержится информация	Летопись должна была содержать сведения со времени построения церкви	1803—1886	Летопись должна была содержать сведения со времени построения церкви	1852—1916 (статистическая до 1900-х гг.)	Летопись должна была содержать сведения со времени построения церкви	1856—1890

Части приходской летописи	История прихода и информация о прихожанах					
1. Год создания прихода, первоначальное количество дворов и душ, а также ежегодное их прибавление	<p><i>Ретроспективная информация.</i> <u>1. «О начале прихода»</u> История прихода: год начала прихода. <i>Оперативная информация</i> Количество дворов и людей за каждый год с начала прихода</p>	<p><u>Введение.</u> От чего приход получил свое название. «Племя» прихожан — русские или обращенные, давно ли занимают настоящее время жительства. Из каких селений состоял и состоит приход. Сословия прихожан (помещики, чиновники, купцы, мещане, казаки или крестьяне), «достопамятные» лица.</p>	<p><i>Ретроспективная информация.</i> <u>3. «О приходе и прихожанах»</u> 1. Наименование села, его месторасположение, год образования прихода. 2. История образования прихода, первые жители деревни, расстояние от соседних волостей. 3. Селения, составляющие приход.</p>	<p><i>Ретроспективная информация.</i> <u>1.4. «О приходе»</u> Местоположение, от чего получено и менялось ли название. Из каких селений состоял и состоит приход, их расстояние от приходской церкви. Упраздненные монастыри и церкви, даты и причины закрытия, оставшиеся памятники. Урочища, старые городища, курганы, побоища, земляные валы, развалины от валов и от бывших городов, церквей, дворцов, пограничных камней, часовен, каменных крестов. Предания о кладах, пещерах и тайниках. Сведения о «замечательных» реках, озерах, колодезях, родниках. Дата постройки первой церкви. Раскольники, секты, моленные секты. Приход магометан и др. иноверцев, их</p>	<p><i>Ретроспективная информация.</i> <u>Первоначальное образование селения.</u> Объяснение названия села. Волость и деревня, к которой принадлежала земля до образования села. Описание местности. Местное волостное правление. Количество домов, дворов, прихожан и раскольников в год составления данного</p>	

			<p>Наличие магометан или язычников, в каком селе живут, их «племя», есть ли желание принять христианскую веру. Количество раскольников, названия сект. Есть ли моленные (разрешенные правительством, построенные до 1826 г.) секты, место нахождения, вид (деревянные или каменные), чье имя носят.</p>	<p>4. Особенности религиозные обычаи. Чудотворные и досточтимые иконы.</p> <p>5. Описание раскольников (количество, где совершают богослужения и др.). Прочие верования</p>	<p>«племя», место жительства, количество, описание молитвенных зданий, есть ли склонности к принятию христианства.</p> <p><i>Ретроспективная информация</i></p> <p><u>1.5. «О прихожанах»</u></p> <p>«Племя» прихожан. Информация о «выселенцах» (откуда и когда) и «замечательных» лицах (биографические сведения и заслуги). Сословное происхождение прихожан. Праздники и определенные дни в году, которые особенно чествуются прихожанами, причины. Общественные молитвословия (крестные ходы по селениям, полям, служение молебнов и т.д.). Количество прихожан мужского и женского пола. Степень религиозности прихожан. Суеверные обычаи и особенности проведения обрядов (свадебных,</p>	<p>пункта летописи— 1888 г. Нравственное состояние прихожан. Описание населенных пунктов, из которых состоит приход. Ежегодное количество продаваемых свеч за 1864—1877 г. и за 1878—1886 г. Количество в наличии денег и свечей на 1888 г.</p> <p><i>Оперативная информация</i></p> <p><u>2. «Состав прихода»</u></p> <p>Год открытия</p>
--	--	--	---	---	--	--

			<p>Наличие волостного или другого общественного управления, как давно существует и какими селениями управляется. Наличие общественных и частных училищ, их местонахождение, кем и когда открыты. Наличие заводов, фабрик, дата их открытия, кому принадлежат.</p> <p>Наличие «замечательных» местностей, «предания» о них.</p>	<p>похоронных). Занятия и промыслы. Информация о школах. Процент грамотности прихожан. Фабрики, заводы, общественные, образовательные, воспитательные и благотворительные учреждения, волостное или другое общественное управление.</p> <p><i>Оперативная информация</i> <u>2.3. «О приходе и прихожанах»</u></p> <p>Степень усердия к церковному богослужению. Случаи обращения из других исповеданий и раскола, соращения в раскол. Расположение к христианской общительности и взаимопомощи. Общественные благотворительные заведения. Степень умственного и нравственного развития, грамотности. Суеверия и предрассудки. Занятия и промыслы</p>	<p>прихода. Кем был образован приход. Количество прихожан и раскольников на 1888 г. отдельно мужского и женского пола</p>
--	--	--	--	---	---

			<p><i>Оперативная информация</i></p> <p><u>3) «О приходе и прихожанах».</u></p> <p>Степень усердия прихожан к церковному Богослужению, к говению, исповеди и причастию Св. Таинств, слушанию «душеспасительных» бесед и поучений, к поминовению усопших, к отправлению молебнов. Случаи обращения из других вер и</p>			
--	--	--	---	--	--	--

			раскола, или совращения в раскол (имя совратителя). Мера расположения прихожан к христианской общительности и взаимной помощи. Открытие общественных благотворительных заведений. Степень умственного и нравственного развития, грамотность прихожан. Суеверия и предрассудки. Занятия и промыслы			
--	--	--	---	--	--	--

История церкви					
<p>2. Год постройки церкви, во имя какого святого, каменная или деревянная, с чьего благословления, за чей счет была построена и сколько стоила, грамоты, угодыя при ней</p>	<p><u>1. «О начале прихода».</u> Год постройки церкви по храмоздательной грамоте, существование церкви на месте настоящей поустному преданию, месторасположение церкви. Год окончательной постройки церкви, за чей счет и количество потраченных денег. Сведения о том,</p>	<p><u>Введение.</u> Каменный или деревянный храм, во чье имя, в каком году, с благословения какого архиерея, чьим старанием построен, перемены в нем или несчастья. Когда и кем построены придельные алтари и обновлен иконостас. Особенные замечательные предметы.</p>	<p><u>1. «О церкви вообще».</u> Описание здания церкви, год начала и окончания постройки, имя благословившего епископа, наличие грамоты. Село, в котором куплена церковь, цена церкви, имя крестьянина, наблюдавшего за постройкой. Каким образом была</p>	<p><i>Ретроспективная информация</i> <u>1.1. «О храме».</u> Дата постройки храма или основания монастыря. Каменный или деревянный храм, в память какого события или в чье имя построен, с благословения какого архиерея, имя храмоздателя, наличие храмоздательных грамот, особых выписок из межевых книг, внесенных в приходские и монастырские описные или строительные книги. Был ли изменен храм, как устроен, наличие пристроек, по какому случаю и кем были сделаны. Происходили ли в храме особые исторические и священные события. Наружный вид церкви, количество куполов, входных дверей, пределов и</p>	<p><i>Ретроспективная информация.</i> <u>Первоначальное образование селения.</u> Год постройки первой церкви, во имя кого была построена, потраченная сумма. Постройка новой церкви на месте сгоревшей. Выдача книги для сбора денег из Тобольской Духовной Консистории по ходатайству</p>

		<p>что грамоты на создание и освещение церкви находятся на хранении в церковном архиве.</p> <p>Отсутствие угодий</p>	<p>Местные крестные ходы, особенные общественные моления (когда и по какому случаю совершаются). Приписные церкви и часовни, местонахождение, какие, когда и кем построены (первые — когда и по какому поводу приписаны, последние — по каким случаям или в память каких событий заведены).</p>	<p>собрана сумма на постройку и покупку иконостаса. Церкви, соседствующие с данной, расстояние до них.</p> <p>Примечание «особенные принадлежности церкви»: церковная ограда, амбар, лавки для торговцев, молитвенные дома (часовни), приходское кладбище</p>	<p>ярусов окон, наличие железных решеток и сводов, вид крестов, алтаря и кровли, цвет церкви. Крепко ли здание церкви, внутренняя площадь храма в квадратных саженьях. Внутреннее расположение, покрытие пола.</p> <p>Описание престола, жертвенника, иконостаса, царских дверей, стен, особенных икон и окладов (риз), церковной утвари, погреба под церковью, колокольни, особенных памятников. Состояние церковной библиотеки. Наличие описных книг.</p> <p>Церковно-приходское училище, церковно-приходское попечительство, благотворительные учреждения, часовни, недвижимые имущества, вкладные капиталы.</p> <p><i>Оперативная информация</i> <u>2.1. «О церкви или храме».</u> Освещения престола, перемена святого антиминса,</p>	<p>прихожан для постройки церкви.</p> <p><u>3. «Краткое описание церкви и принадлежащего ей более ценного из имущества».</u></p> <p>Материал, из которого построена церковь, год постройки и освещения. Имя епископа, освятившего церковь.</p> <p>Внутреннее устройство церкви, состояние и цвет покраски.</p> <p>Описание ограды. Здание</p>
--	--	--	---	---	--	---

			<p>Недвижимое имущество (земля от казны, дарственные лавки, мельница и т.д.), вкладной капитал (сколько от кого поступило). Когда и кем открыто приходское училище, место нахождения, количество обучившихся детей со времени открытия и до 1865 г.</p> <p><i>Оперативная информация</i></p> <p><u>1) О церкви или храме.</u></p>	<p>пристройки и ремонт в храме с показанием стоимости и за чей счет, новые украшения, обновление иконостаса, приобретение ценных вещей</p>	<p>церковно-приходской школы, дата ее открытия. Растения в саду. Описание колокольни, иконостаса, икон, церковной утвари</p>
--	--	--	---	--	--

			Освящение престола по какому-либо случаю, смена ветхого св. антиминса и других значительных ветхостей на новый, пристройки и «переделки» в церкви, украшение и покраска церкви, сооружение нового иконостаса, приобретение ценных церковных вещей с указанием затраченной			
--	--	--	---	--	--	--

		суммы и на чей счет это было произведено			
Кладбища					
		<p><u>Введение.</u> Место нахождения кладбища, дата открытия, наличие молитвенных домов при нем, оград, замечательных погребенных лиц, памятников. Древние закрытые кладбища (место нахождения и причина закрытия)</p>	<p><u>1. «О церкви вообще».</u> Старое кладбище (год устройства, состояние). Новое кладбище (год открытия, ограда, состояние). Сведения о том, что ворота всегда закрыты от скота</p>	<p><i>Ретроспективная информация</i> <u>1.2. «О кладбищах».</u> Количество кладбищ, как, когда и где устроены, наличие на них церквей, часовен и молитвенных домов. Не погребены ли замечательные лица, наличие особенных памятников с</p>	

					надписями. Наличие древних закрытых кладбищ, их место нахождения, причина упразднения. Наличие ограды	
О составе и перемещениях причта						
4. Все прежние и настоящие священно- и церковнослужители и их доход	<i>Ретроспективная информация</i> <u>3. «О первоначальных священно- и церковнослужителях прихода».</u> Первоначальный состав причта (неизвестен), перемещения. Количество	<u>Введение.</u> Первоначальное количество причта и положенное количество, жалованье денежное из казны или от прихожан, руга, имеет ли церковные или общественные дома (какие и когда построены). <i>Оперативная информация</i> <u>2) О священно-церковнослужителях.</u> Имена членов причта и церковного старосты,	<i>Ретроспективная информация</i> <u>2. «О священно- и церковнослужителях и со-держании их».</u> Имя первого священника. Причины смены священников. Имя священника,	<i>Ретроспективная информация</i> <u>1.3. «О причте церкви».</u> Первоначальное и настоящее количество причта, все его перемещения, содержание от казны и от прихода,	<i>Ретроспективная и оперативная информация</i> <u>1. «Состав причта».</u> Первоначальный состав священно- и церковнослужителей, с какого года и откуда был каждый член причта,	

		<p>руги от прихожан со времени открытия прихода. Год, в который прихожане отказались от выплаты руги, причина (отведение причту земли). Отсутствие денежного «добровольного» дохода. Состав земли, в т.ч. пахотной</p>	<p>с какого времени состоят на службе в данной церкви, место рождения и обучения. Перемещения причта и причины. Имена вновь поступивших на должность, откуда перемещен или вновь определен на службу, место обучения. Место, куда выбыл прежний член причта. Награды от епархиального начальства и высшего правительства. Особые подвиги и заслуги (вписывать по особым предписаниям епархиального начальства)</p>	<p>управляющего приходом. Состав причта (не менялся). Положенный штат. Дома для священно- и церковнослужителей. Содержание причта. Усадебная земля для причта.</p> <p><i>Оперативная информация.</i> <u>«Краткое описание служения наличного причта».</u> Возраст, место и время обучения, когда и кем</p>	<p>наличие руги, других угодий или недвижимых имуществ, земель, дарственных от казны и прихода лавок, мельниц, вкладных капиталов и т.п., сколько и от кого их поступило. Наличие церковных домов для священнослужителей, когда и кем были построены, наличие документов на право владения имуществом</p>	<p>перемещения. Прибытие священно- и церковнослужителей для открытия и работы в церковно-приходской школе</p>
--	--	--	--	--	---	---

				<p>рукоположен, с какой епархии переведен</p>	<p>Заслуги в духовном и светском ведомстве бывших членов причта и их детей.</p> <p><i>Оперативная информация</i> <u>2.2. «О священно-церковно-служителях».</u> Имена существующего старосты и причта, с какого года служат в церкви, место обучения, перемещения, награды, особые заслуги</p>	
--	--	--	--	---	---	--

Сведения о приходе и расходе церковных денег					
3. Ежегодный доход церкви, количество денег, ушедшее на церковное устройство и благолепие	<p><u>2. «О количестве прихода и расхода церковной суммы».</u></p> <p>С какого года ведутся приходо-расходные книги. Две отдельные таблицы по приходу и расходу денег. Описание покупок для нужд церкви и ремонтных работ</p>	<p>В конце каждого года — общие выводы из приходных и расходных книг. Сведения, переписанные из церковных документов, о сборе в церквях денег по распоряжению епархиального начальства в пользу различных учреждений</p>	<p><u>6. «Ведомость из церковных книг старост о том, сколько собиралось кружечной и полавочной суммы и сколько продаваемо было».</u> Данные в таблице за 1853—1895 гг.</p>	<p><i>Оперативная информация</i> <u>2.3. «Годичные выводы».</u> В конце каждого года — общие выводы из приходных и расходных книг. Сведения, переписанные из церковных документов, о сборе в церквях денег по распоряжению епархиального начальства в пользу различных учреждений</p>	<p><i>Оперативная информация</i> <u>2. «Состав прихода».</u> Ежегодные сведения из приходо-расходных книг за 1888—1890 гг. о количестве проданных свеч, вырученных и потраченных из них денег</p>

Данные из метрических книг					
5. Ежегодное количество рожденных, бракосочетавшихся и умерших	4. <u>«О количестве родившихся, умерших и бракосочетавшихся»</u> . Сведения в таблице от начала прихода до 1875 г.	В конце каждого года — общие выводы из метрических книг	5. <u>«Ведомость из метрических книг о родившихся, умерших и бракосочетавшихся»</u> . Сведения в таблице от начала прихода до 1900 г.	<i>Оперативная информация</i> <u>2.3. «Годичные выводы»</u> . В конце каждого года — общие выводы из метрических книг, а также сведения о при соединении из иноверия к православной церкви	<i>Оперативная информация</i> <u>2. «Состав прихода»</u> . Сведения из метрических книг за каждый год с начала прихода по 1890 г.
Сведения из духовных росписей					
7. Ежегодная динамика нравственного состояния прихожан в исполнении христианских обязанностей	6. Данные о количестве исповавшихся и не исповавшихся прихожан за каждый год в таблице (пропущены)	В конце каждого года общие выводы из духовных росписей, с причинами не исполнения христианского долга	4. <u>«Ведомость из духовных росписей»</u> . Данные в таблице за 1852–1900 гг. с указанием причин не исповедания	<i>Оперативная информация</i> <u>2.3. «Годичные выводы»</u> . В конце каждого года общие выводы из духовных росписей,	

	сведения за период 1875—1884 гг.)		(«отлучка, нерадение»), число раскольников за каждый год	с причинами не исполнения христианского долга	
Информация о пожертвованиях					
6. Благотели и приношения прихожан	<u>5. «О благодетелях для церкви».</u> Описание пожертвований				
Выдающиеся события					
8. Особенности случаи, например, проезд значительных особ, или подвиг, искусство, изобретение прихожан, а также происшествия	<u>6. «О достопримечательных происшествиях».</u> Посещения церкви епископом, природные катаклизмы, увольнения благочинного и архиепископа, военные действия	<i>Оперативная информация</i> <u>1) «О церкви или храме».</u> Посещение церкви епархиальными архиереями и другими «значительными» лицами духовного и светского звания. Несчастные случаи (похищения, пожар, повреждения от грозы и др.). <u>4) «Необыкновенные события и явления».</u> Необычные роды или смерть, случаи редкого	<u>7. «О событиях и происшествиях по церкви и приходу».</u> Пожары, смятения в народе. После последнего пункта продолжение — война, засуха	<i>Оперативная информация</i> <u>2.1. «О церкви или храме».</u> Посещение церкви и служение в ней епархиальными архиереями и другими «замечательными» духовными	<u>5. «Достопримечательные события»</u> Посещения церкви епископом <u>9. «Статистические сведения»</u> Урожай

			<p>долголетия, чрезвычайные явления в природе, обильные урожаи и неурожай, поваральные болезни, падеж скота, необычайное появление диких зверей, общественные смуты в народе, замешательства и тревоги, знамения особого промысла Божия о людях и небесного покровительства</p>	<p><u>8. «О посещениях церкви и прихода местными Епархиальными Архиепископами»</u></p>	<p>и светскими лицами. Несчастные случаи (похищение, пожар, повреждение от грозы и т.д.). <i>Оперативная информация</i> <u>2.3. «О приходе и прихожанах».</u> Необычные роды или смерть, случаи редкого долголетия, чрезвычайные явления в природе, пожары, засухи, обильный урожай и неурожай, время</p>	
--	--	--	---	--	---	--

					замерзания и вскрытия рек, поздняя или ранняя весна, болезни, падеж скота, появления диких зверей, общественные смуты в народе, замешательства и тревоги, знамение особенного промысла Божия в людях и небесного покровительства и др.	
Другое						
			В конце каждого года — о количестве учащихся в церковном училище	<u>Оглавление</u>		<u>Предисловие.</u> Назначение летописи, кем была заведена

			В конце каждого года — общие выводы о количестве людей, присоединенных из иноверия к Православной Церкви			<u>4. «Особенно важные и более выдающиеся из ряда обыкновенных распоряжения Епархиального Начальства»</u>
						<u>6. «Извещение Тобольского Губернатора»</u>
						<u>7. «Телеграф в г. Кургане»</u>
						<u>8. «Чудо милости Божией» по годам Выздоровление Императора</u>
Форма записи статистических сведений		таблицы		таблицы		без таблиц

В результате сравнения правил ведения и практики составления церковно-приходских летописей в церквях Тобольской епархии выяснилось, что самой объемной частью летописей, а значит, и самой важной, была история прихода и информация о прихожанах. В первом пункте во всех программах и летописях основными являются сведения о дате образования прихода и ежегодном количестве прихожан отдельно мужского и женского пола. Первые правила по составлению летописей (1845 г.) требовали включения только этих данных, однако с течением времени данный пункт уже предусматривал информацию об истории прихода и описание почти всех сторон жизнедеятельности прихожан, и памятная книга 1845 г. соответствует этим правилам. В программе 1865 г. появилось указание на подробное описание прихожан (сословие, грамотность, нравственность, занятия и промыслы, религиозность и суеверия), наличие волостного или другого общественного управления, училищ, заводов и фабрик, необычных местностей и др. Однако в самой церковно-приходской летописи 1872 г. отсутствуют некоторые значимые сведения, такие как описание и ежегодное количество местного населения. Согласно программе 1880 г., текст по рассматриваемому пункту должен был делиться на две части — о приходе и о прихожанах, что не было исполнено в летописи 1888 г. Программа дополнилась данными об упраздненных церквях и монастырях, преданиях о кладах, пещерах и тайниках, особо чтимых праздниках, особенностях проведения обрядов, но это не отразилось на практике.

Пункт, предполагающий сведения по истории церкви, как видно из программ и из самих летописей, был вторым по значимости после пункта о приходе и прихожанах. В программе 1845 г. в данный пункт требовалось включать год постройки, имя святого, в честь которого была возведена церковь, за чей счет, в какую стоимость обошлась постройка, наличие угодий и храмосозданных грамот, которые были выданы епископами на постройку церковью. Со сведениями такого рода начинались пункты «о церкви» всех рассмотренных летописей и программ по их составлению. Эти сведения в полном объеме содержатся в памятной книге 1845 г., однако в пункте «о начале прихода», что позже в программе летописей 1880 г. признается неверным. Программа по составлению летописей 1865 г. содержала данные, кроме

вышеперечисленных, об особенных предметах, недвижимом имуществе, приходском училище и оперативную информацию об освящениях престола, замене ветхих и покупке новых церковных предметов, отсутствующие в летописи 1872 г. Программа 1880 г. была дополнена информацией о церковно-приходских попечительствах, часовнях, вкладном капитале, выписках из межевых книг, внесенных в приходские и монастырские описные или строительные книги. Эти данные отсутствуют в летописи 1888 г., зато есть другая необычная информация — о растениях в саду.

Сведения о кладбище, относящиеся к истории церкви и прихода, были встречены только в программах 1865 и 1880 гг. и летописи 1872 г., и выделены в отдельный пункт только в программе 1880 г.

Часть о составе и перемещениях причта была также важна и включалась во все программы по составлению летописей и сами церковно-приходские летописи. Согласно программе 1845 г., в эту часть следовало вписывать всех священно- и церковнослужителей со времени постройки церкви, а также указания об их доходах. Первая летопись (1845 г.) полностью соответствует таким требованиям и содержит также сведения о земле, принадлежащей причту. В программе 1865 г. были добавлены данные о доме для членов причта и их обучении, что отразилось и в летописи 1872 г., а также о наградах, «подвигах» и заслугах. Третья программа по составлению летописей 1880 г. включала сведения, помимо названных, о лавках, мельницах, документах на право владения имуществом, вкладных капиталах причта, т.е. обо всем, что ему принадлежало, а также имя старосты. Однако летопись 1888 г. содержала только перечисление имен священно- и церковнослужителей и места, откуда они прибыли.

Все рассмотренные программы и церковно-приходские летописи Тобольской епархии содержали информацию о ежегодном доходе церкви в отдельном пункте или в пункте о приходе, как и в летописи 1888 г.

Ежегодная динамика количества приходского населения, бракосочетаний, состояния исполнения прихожанами христианских обязанностей отражалась во всех программах и летописях. Исключение составляет летопись или памятная книга 1888 г., в которой отсутствовали данные из духовных росписей.

Сведения о пожертвованиях были включены в «программу для ведения приходских летописей при церквях Тобольской епархии» 1845 г. и в памятную книгу того же времени отдельным пунктом, но ведение этого пункта не стало традицией.

Описание выдающихся событий, произошедших в приходах, включалось во все программы и летописи, и причем имело свои особенности. В программу и памятную книгу 1845 г. они были внесены отдельным пунктом, в программу 1865 г. — двумя пунктами. В пункте «о церкви или храме» должны были содержаться сведения, касающиеся непосредственно церкви (приезд епископа, похищение, пожар и др.), в пункте «необыкновенные события» — остальные происшествия (чрезвычайные явления в природе, необычные роды или смерть и др.). В летописи 1872 г. в пункт «о событиях и происшествиях по церкви и приходу» относили пожары и смятения в народе, отдельным пунктом вписывались посещения церкви и прихода местными Епархиальными Архиереями, а за последним пунктом находим продолжение о войне и засухе. Согласно программе 1880 г., факты посещения церкви и служения в ней епархиального архиерея, а также других «замечательных» духовных и светских лиц, несчастные случаи в церкви (похищения, пожар) должны были вноситься в пункт «о церкви или храме», а события, относящиеся к прихожанам, — в одноименный пункт вместе с необычными природными явлениями. Составители церковно-приходской летописи 1888 г. также разделили эту часть на два пункта: «достопримечательные события» о посещениях церкви епископом и «статистические сведения» об урожае, но опустили данные о прихожанах и природных явлениях.

Итак, церковно-приходские летописи Тобольской епархии XIX — начала XX вв. составлялись в произвольном порядке, могли иметь различное оформление, состав и содержание разделов, что зависело от желания причта. Например, статистические данные в летописях 1845 и 1865 гг. внесены в таблицу в отличие от летописи 1888 г. Части летописи, посвященные приходу, причту, церкви, благодетелям и достопримечательным событиям, включались в летописи в каждой церкви, а остальные, дополнительные, создавались по желанию причта церкви.

Первая программа для составления летописей, принятая в 1845 г., предполагала минимум сведений о церкви, приходе и

прихожанах, и первая рассмотренная нами памятная книга 1845 г. практически полностью соответствовала этим рекомендациям. С течением времени процедура ведения летописей усложнялась, требовалось вносить больше информации. С появлением новых правил (в 1865 и 1880 гг.), священно- и церковнослужители продолжали вести летописи, начатые до принятия этих программ, по старым правилам, согласно традиции ведения летописи в каждой конкретной церкви.

Полнота информации зависела от добросовестности священников, которые вели летописи. Из рассмотренных церковно-приходских летописей самой содержательной является летопись за 1856—1890 гг., со сведениями за 35 лет на 39 листах³³. Остальные две летописи — за 1803—1886 гг.³⁴ и 1852—1916 гг.³⁵ — включают данные за больший период, а именно за 84 года и 65 лет, но на значительно меньшем количестве листов — 19 и 14 соответственно.

Программы требовали от причтов делить церковно-приходские летописи на две части — историческую и повременную, но такая форма ведения летописей нами не была обнаружена.

Различие в епархиальных программах летописей и нерегулярность их ведения, а также зачастую слабая подготовка для их составления причтов церковью привели к изданию в 1915 г. специального Синодального определения о необходимости регулярного ведения летописей по всем церквам, которое должно было унифицировать их форму. Это распоряжение было напечатано в периодике — в «Церковных ведомостях» за 1915 г. (№ 51)³⁶. Отделение церкви от государства декретом 1918 г. оборвало ведение летописей³⁷, хотя они в некоторых приходах составлялись еще в конце 1920-х гг., а в отдельных — и в начале 1930-х гг.³⁸

Из программ летописей можно увидеть, какая информация представлялась важной для Епархиального начальства. Церковно-приходские летописи содержат ценную информацию обо всех сторонах жизни и деятельности приходского населения, запечатлели подробную историю церкви и приходов, включают списки церковно- и священнослужителей, данные об их перемещениях по службе, статистические материалы о динамике количества приходского населения, браков, религиозном состоянии жителей (выписки из метрических книг и духовных росписей). Благодаря

этим историческим источникам можно узнать о времени посещения церквей епархиальными архиереями, о несчастных случаях, произошедших в церкви, о народных волнениях, о необычных природных явлениях, военных действиях, повальных болезнях, произошедших в приходе, и о многих других любопытных событиях в церкви, приходе и епархии.

Примечания

¹ Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей. Тула, 1895.

² Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / Подгот. текста, сост. М.В.Майорова; коммент.: М.В.Майорова, Т.В.Майоровой. 2-е изд., испр. и доп. Тула, 2010.

³ Агеева Е.А. Приходская жизнь и история староверия по церковным летописям второй половины XIX в. // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Вып. 3. Екатеринбург, 1999. С. 3—16; Она же. Церковная жизнь и повседневный быт русского села по приходским летописям XIX — начала XX века // Исторический вестник. 2000. № 3. С. 166—195; Она же. Церковные летописи — важнейший источник для изучения приходской жизни втор. пол. XIX — нач. XX вв. // Там же. 2001. № 4 (15). С. 155—169.

⁴ Синельников С.П. Церковно-приходские летописи конца XIX начала XX в. в Госархиве Волгоградской области // Отечественные архивы. 2005. № 4. С. 58—69.

⁵ Глухих Н.В., Миронова А.А. Церковные летописи XIX века как хроника жизни уральского города // Русская жизнь. 2008. № 1. С. 74—78.

⁶ Добролюбова Л.М. Церковная летопись Знаменской церкви села Бор Семёновского уезда Нижегородской губернии: Возвращение истории. Бор, 2012.

⁷ Миронова А.А. Церковно-приходские летописи второй половины XIX в. как объект словарного описания // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3. С. 89—90.

⁸ Добренский С.И. Городская церковно-приходская летопись Петропавловской церкви г. Симбирска // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 282—286; Он же. А.И. Мусин-Пушкин и церковное летописание конца XVIII — начала XIX в. // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве»: Материалы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России (Ярославль — Рыбинск, 27—29 августа 2000 г.). Ярославль, 2001. С. 330—333; Он же. Значение церковно-приходских летописей в развитии краеведения // Отечественная культура и краеведение: Материалы IV Всероссийской науч. конф. (Пенза, 26—27 июня 2000 г.). Пенза, 2001. С. 102—106; Он же. Городские церковные летописи как исторический источник // Города европейской России конца XV—первой половины XIX века: Материалы международной науч.-практич. конф. Тверь, 2002. Ч. 1. С. 132; Он же. Церковно-приходские летописи

второй половины XIX — начала XX века как источник по истории северной деревни // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен. Вологда, 2002. С. 121—125; Он же. Крестьянство и власть в 1905—1907 гг. в сельских церковных летописях Симбирской губернии // Народ и власть: Исторические источники и методы исследования: Материалы XVI науч. конф. (Москва, 30—31 января 2004 г.). М., 2004. С. 175—177; Он же. Церковно-приходские летописи второй половины XIX — начала XX в. как источник по историческому краеведению // Краеведение в России: История. Современное состояние. Перспективы развития: Материалы Всероссийского семинара краеведов «Любовь к малой родине — источник любви к Отчизне» (Зарайск, 30 января 2004 г.) / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2004. С. 112—118; Он же. Церковно-приходские летописи как исторический источник (середина XIX — начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

⁹ Петров Н. Летопись Левочской церкви святителя Николая Чудотворца (1892—1916) // София. 2011. № 1. С. 33.

¹⁰ Государственное казенное учреждение «Государственный архив Курганской области» (далее — ГКУ «ГАКО»). Ф. 235. Оп. 1. Д. 177. Л. 4—7.

¹¹ Варлаам Денисов. URL: dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/126916/Варлаам

¹² Варлаам Денисов. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря // Уч. зап. II отделения Академии наук за 1848 год; Он же. О пребывании патриарха Никона в заточении в ФерAPONTOBOM и Кирилловом монастырях. М., 1858; Он же. Историко-археологическое описание древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре. М., 1859; Он же. Пресвященный Ириней, епископ Оренбургский. СПб., 1860 (переизд.: Странник. 1860, сентябрь); Он же. Обзорные рукописей собственной библиотеки преподобного Кирилла Белозерского. М., 1860; Он же. Служба преподобному отцу нашему Нилу Сорскому чудотворцу. М., 1860; Он же. О почитании святых икон // Домашняя беседа. 1872; Источник Боговедений // Там же; Он же. О поминовении усопших // Там же.

¹³ ГКО «ГАКО». Ф. 235. Оп. 1. Д. 177. Л. 4—7.

¹⁴ Протоирей Троицкий А. «Духовная Беседа». URL: www.pravenc.ru/text/180643.html

¹⁵ ГКО «ГАКО». Ф. 235. Оп. 1. Д. 177. Л. 4—7.

¹⁶ Петров Н. Летопись Левочской церкви святителя Николая Чудотворца (1892—1916) // София. 2011. № 1. С. 33.

¹⁷ Сулоцкий А.Н. Соч.: В 3 т. Т. 1. О церковных древностях Сибири / Под ред. В.А.Чупина. Тюмень, 2000. С. 409.

¹⁸ ГКУ «ГАКО». Ф. 13. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

¹⁹ Добренький С.И. Церковно-приходские летописи ...

²⁰ Агеева Е.А. Церковная жизнь и повседневный быт ... С. 166—195.

²¹ Сулоцкий А.Н. Соч.: В 3 т. Т. 1. О церковных древностях Сибири. С. 409.

²² ГКУ «ГАКО». Ф. 235. Оп. 1. Д. 177. Л. 4—7.

²³ Там же. Л. 8—13.

²⁴ Агеева Е.А. Церковная жизнь и повседневный быт ... С. 166—195.

²⁵ ГКУ «ГАКО». Ф. 235. Оп. 1. Д. 177. Л. 8—13.

²⁶ Там же. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 149; Ф. 18. Оп. 1. Ед. хр. 60; Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 5; Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 8; Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. 40; Ф. 26. Оп. 1. Ед. хр. 56; Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 50; Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 3; Ф. 33. Оп. 1. Ед. хр. 34; Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 99; Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 35; Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 58; Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 14; Ф. 72. Оп. 1. Ед. хр. 183; Ф. 75. Оп. 1. Ед. хр. 158; Ф. 78. Оп. 1. Ед. хр. 120; Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 60; Ф. 150. Оп. 1. Ед. хр. 34; Ф. 151. Оп. 1. Ед. хр. 5; Ф. 157. Оп. 1. Ед. хр. 3; Ф. 159. Оп. 1. Ед. хр. 44; Ф. 162. Оп. 1. Ед. хр. 15; Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 61; Ф. 199. Оп. 1. Ед. хр. 7; Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 2; Ф. 207. Оп. 1. Ед. хр. 47; Ф. 220. Оп. 1. Ед. хр. 6; Ф. 223. Оп. 1. Ед. хр. 4; Ф. 224. Оп. 1. Ед. хр. 19.

²⁷ Сулоцкий А.Н. Соч.: В 3 т. Т. 1. О церковных древностях Сибири. С. 410.

²⁸ ГКУ «ГАКО». Ф. 13. Оп. 1. Д. 48. Л. 1—19 об.

²⁹ Там же. Ф. 235. Оп. 1. Д. 177. Л. 4—7.

³⁰ Там же. Ф. 30. Оп. 1. Д. 3. Л. 1—14.

³¹ Там же. Ф. 235. Оп. 1. Д. 177. Л. 8—13.

³² Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—39.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 48. Л. 1—19 об.

³⁵ Там же. Ф. 30. Оп. 1. Д. 3. Л. 1—14.

³⁶ Агеева Е.А. Церковная жизнь и повседневный быт ... С. 166—195.

³⁷ Об отделении церкви от государства и школы от церкви: Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. URL: constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325

³⁸ Добренький С.И. Церковно-приходские летописи ... С. 6.

Глава 6

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ОТДЕЛОВ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

История общественно-религиозных организаций конца XIX — начала XX вв. являет собой поучительный пример взаимодействия государства и социума в условиях модернизационных процессов, который может быть востребован и в современных условиях.

Одним из таких объединений, включавшим представителей различных сословий, созданным для успешного решения культурно-просветительских и миссионерских задач, являлось Императорское Православное Палестинское общество (далее — ИППО), образованное в 1882 г. по инициативе, при активном участии и под покровительством членов августейшей семьи. Это единственная дореволюционная общественно-религиозная организация, пережившая радикальные потрясения двадцатого столетия и сохранившаяся до наших дней.

С ИППО связано укрепление и развитие культурных и духовных связей нашей страны и Ближнего Востока во второй половине XIX — начале XX вв., распространение знаний о Святой Земле, ее прошлом и настоящем среди россиян, организация и поддержка просветительских и медицинских учреждений для православных христиан Палестины, Сирии и Ливана, помощь русским паломникам, пожелавшим побывать в местах, связанных с земной жизнью Спасителя, содействие изучению истории Палестины и палестино-русских контактов. Таким образом, деятельность Императорского Православного Палестинского общества носила комплексный характер, охватывая религиозную, научную, культурно-просветительскую сферы.

Спустя несколько лет после создания Императорское Православное Палестинское общество начинает формировать сеть региональных отделов, которые становятся проводником идей ИППО на местах. Именно здесь разворачивалась работа по привлечению средств, направлявшихся на решение стоявших перед данной

общественно-религиозной организацией задач. Из регионов шла большая часть паломников в Святую Землю. Через епархиальные отделы население страны получало информацию о Палестине, ее истории, географии, этнографии.

Если деятельность центральных органов ИППО, биографии его руководителей, политика в Палестине к настоящему времени изучены достаточно обстоятельно и на высоком научном уровне, то исследование истории региональных отделов пока еще только начинает разворачиваться.

Следует отметить, что характеризуемые ниже источники следует признать своего рода «типовыми». Соответственно, аналогичные группы с информацией сходного рода могут быть извлечены и при изучении деятельности отделов ИППО любого региона страны.

Источники, используемые при раскрытии истории Западно-Сибирских отделов (Томского и Тобольского), можно разделить на пять основных групп.

К *первой* мы отнесли документальные материалы, сосредоточенные в федеральных и региональных архивах. К сожалению, в архивах субъектов федерации отсутствуют фонды подавляющего большинства общественно-религиозных организаций края. Поэтому исследователям приходится извлекать информацию из материалов духовных консисторий, отдельных церквей, а также государственных учреждений, чья деятельность так или иначе была связана с ИППО.

В частности, вопросы организации паломничества сибиряков в Палестину могут быть раскрыты с помощью фондов учреждений, занимавшихся оформлением загранпаспортов. С одной стороны, задача облегчается тем, что до революции выезжавшим на поклонение к святым местам выдавали особые льготные паспорта, документация по которым откладывалась отдельно от обычных загранпаспортов. С другой стороны, эти дела сохранились только за некоторые годы. Поэтому о числе паломников в целом в течение рассматриваемого периода можно судить только с помощью метода экстраполяции. Для достижения данной цели следует использовать документы фонда Тобольского губернского управления (Ф. И-152) Государственного бюджетного учреждения Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее —

ГУТО ГА в г. Тобольске), а также фонды Канцелярии Томского губернатора (Ф. 2) и Томского губернского управления (Ф. 3) Государственного архива Томской области (далее — ГАТО): прошения на выдачу паломнических паспортов, сами паспорта и различного рода сопутствующие документы (разрешения на выезд за границу, внутренние паспорта, копии паломнических билетов, переписка и др.). Важное значение имеет тот факт, что в прошениях, как правило, указывались мотивы желающих совершить паломничество лиц, их возраст, сословная принадлежность.

Вопросы, связанные со сбором средств на нужды Святой Земли и русских паломников в XIX — начале XX вв., могут быть изучены на основании фондов духовных консисторий: Тобольской (Ф. И-156, ГУТО ГА в г. Тобольске) и Томской (Ф. 170, ГАТО), отдельных храмов и благочиний, например, Тобольской Кладбищенской церкви (Ф. И-90, ГУТО ГА в г. Тобольске), Тобольской Христорождественской церкви (Ф. И-80, ГУТО ГА в г. Тобольске), Белогорской Троицкой церкви Березовского уезда (Ф. И-653, ГУТО ГА в г. Тобольске), Мужевской Михаило-Архангельской церкви Березовского уезда (Ф. И-700, ГУТО ГА в г. Тобольске), Сургутского благочиния Тобольской епархии (Ф. И-191, ГУТО ГА в г. Тобольске) и др.

В рамках истории отделов Палестинского общества определенный интерес представляют документы, касающиеся сбора пожертвований на Гроб Господен уполномоченным Иерусалимского патриарха в конце 1810-х гг. (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 7. Д. 1477), сбора на нужды сирийских христиан в конце 1860-х гг. в Томской епархии (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 54), учрежденных на основании указа Св. Синода от 10 ноября 1858 г. кружечных сборах «на улучшение быта православных паломников» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 23, 76, 98; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-90. Оп. 1. Д. 16; Ф. И-80. Оп. 1. Д. 15), «на улучшение быта православных паломников в Палестине» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 286; Оп. 3. Д. 3775; Оп. 4. Д. 14, 16). Указанные источники позволяют не столько определить общие объемы пожертвований, сколько раскрыть сам механизм поступления средств, мотивы благотворителей и др. сопутствующие обстоятельства. По рапортам благочинных и приходских причтов можно подсчитать суммарные показатели по трем сборам за отдельные годы (двум кружечным:

в пользу Иерусалимской церкви Гроба Господня и на улучшение быта православных паломников в Палестине и тарелочному — вербному). Так, в 1906 г. общие пожертвования на нужды ИППО и Иерусалимской церкви по 31 церковному округу Тобольской епархии составили 1933 руб. 60 коп., из которых вербный сбор дал 1570 руб. 33 коп.¹

Вопросы проведения Палестинских чтений, организации культурно-просветительской работы в целом нашли отражение в документах фондов духовных консисторий, в частности, в отчетах благочинных о положении дел во вверенных им приходах, в том числе и относящиеся к устройству народных чтений (Ф. 170, ГАТО), а также в фонде директора народных училищ Тобольской губернии (Ф. И-5, ГУТО ГА в г. Тобольске).

Особый интерес представляют «Журнал для записи народных чтений, производимых в Градо-Тобольской Крестовоздвиженской женской церковно-приходской школы» за 1897—1905, 1916—1917 гг. (Ф. И-670, Градо-Тобольская Крестовоздвиженская женская церковно-приходская школа, ГУТО ГА в г. Тобольске), церковно-приходской журнал Крестовоздвиженского собора г. Нарыма Томской епархии за 1897—1910 гг., включающий данные о проводимых в приходе Палестинских чтениях (Крестовоздвиженский собор, г. Нарым, Ф. 257, ГАТО). Данные документы дают возможность проследить динамику организации чтений, посвященных Святой Земле, в отдельных приходах на протяжении длительного периода: содержание, состав лекторов, время, место и особенности проведения, число присутствующих и др.

Определенное значение для раскрытия темы имеют формулярные списки лиц, являвшихся членами местных отделов ИППО, позволяющие уточнить их биографические данные, сроки и место службы, даты награждения за различные заслуги, в том числе, связанные с работой в рядах западно-сибирских отделов ИППО. Соответствующая документация сосредоточена в фондах многих губернских учреждений (Тобольский губернский епархиальный училищный совет — Ф. И-61, Тобольский губернский статистический комитет — Ф. И-417, ГУТО ГА в г. Тобольске; Дирекция народных училищ Томской губернии — Ф. 100, ГАТО), а также в находящихся в Российском государственном историческом архиве (далее — РГИА) фондах Канцелярии Св. Синода (Ф. 796), Канцелярии

обер-прокурора Св. Синода (Ф. 797), в коллекции Формулярных списков чинов гражданского ведомства (Ф. 1349). Например, незаменимым источником являются формулярные и послужные списки таких видных сотрудников западно-сибирских отделов ИППО, как А.М.Курочкин, Н.Г.Грифцев, А.И.Левочкин, И.А.Беневоленский, В.А.Гагинский и др.

В фонде Канцелярии Синода (Ф. 796) РГИА находятся ежегодные отчеты епархиальных архиереев (за небольшим исключением не сохранившиеся, к сожалению, в архивах Томска и Тобольска), содержащие информацию о различных сторонах жизни епархий за соответствующий период, в том числе — о деятельности местных отделов ИППО.

Вопросы сотрудничества отдельных сибирских ученых с ИППО также представляют несомненный интерес в рамках данной темы. К сожалению, примеры такого взаимодействия носят единственный характер. Одним из наиболее показательных является участие уроженца с. Самарово (ныне — Ханты-Мансийск) известного ученого-византиста Х.М.Лопарева в поиске, подготовке и издании по заказу ИППО хождений русских паломников в Святую Землю и некоторых других исторических памятников. В Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук необходимая для освещения этого сюжета информация содержится в фонде Хрисанфа Мефодьевича Лопарева (Ф. 107): это его переписка с крупнейшими деятелями ИППО — В.Н.Хитрово, А.А.Дмитриевским, В.Г.Васильевским, Д.Ф.Кобеко и др. Для решения данной задачи может быть использован и фонд Х.М.Лопарева (Ф. 1644) РГИА.

Часть документальных источников опубликована в сборниках или отдельными изданиями². Наибольшее значение для исследователя, занимающегося проблемами не только деятельности региональных отделов, но и ИППО в целом, российского присутствия в Святой Земле, имеет 2-томное собрание, подготовленное Н.Н.Лисовым³.

Огромную роль в раскрытии темы играют материалы, выявленные на страницах Томской и Тобольской периодики, а также «Сообщений Императорского Православного Палестинского Общества», отнесенные нами ко *второй* группе источников.

В первую очередь следует отметить «епархиальные ведомости», где публиковались годовые отчеты отделов ИППО, объявления о сборе пожертвований, предназначенные для подготовки публичных чтений печатные работы о Святой Земле.

Наиболее ценные сведения могут быть извлечены, преимущественно, из ежегодных отчетов Тобольского и Томского отделов ИППО: списки членов (регулярно печатались лишь по Тобольскому отделу), статьи доходов и расходов, изменения в руководящем составе, различные текущие события⁴. Отчеты Томского отдела нередко сопровождались публикацией выступления на итоговом собрании делопроизводителя А.М.Курочкина, посвященном роли Святой Земли в жизни русского человека в прошлом и настоящем. Наибольшей подробностью отличаются отчеты первых лет XX в., наименьшей — периода революции 1905—1907 гг. После 1914 г. перестали составляться и публиковаться отчеты Тобольского отдела, фактически прекратившего работу в это время. За некоторые годы отчеты отсутствуют (Тобольский отдел — 1906/07 отчетный год, Томский — 1904—1906 гг.). Некоторые отчеты публиковались отдельными брошюрами⁵. Нашла отражение на страницах указанных епархиальных изданий и история возникновения западно-сибирских отделов⁶.

В светской периодике помещались объявления о жизни местных отделов ИППО, различного рода справочная информация, заметки и сообщения о Палестине и связанных с ней событиях международной политики⁷. В некоторых случаях эти публикации позволяют восстановить пробелы, связанные с отсутствием отчетной и др. информации в епархиальных ведомостях⁸.

В центральном издании ИППО — «Сообщениях Императорского Православного Палестинского Общества» — публиковались, в том числе, и материалы, характеризующие деятельность региональных отделов. Речь здесь идет и о кратком обзоре их работы за отчетный год, и о списках действительных членов и членов-сотрудников, помещавшихся в приложениях. Необходимо указать, что в разделе «Сведения об учреждениях Общества» содержалась информация о лицах, останавливавшихся на русских подворьях в Иерусалиме, среди которых можно обнаружить и жителей Западной Сибири. Кроме того, материалы общего характера, например, отчеты уполномоченного ИППО в Одессе М.И.Осипова,

способствуют пониманию условий, в которых паломникам приходилось добираться до цели своего путешествия, дают представление о препятствиях, встречающихся на этом пути.

Третья группа — статистические источники, представленные справочными изданиями, характеризующими состояние гражданского и церковного управления на территории региона, включающими сведения об общественно-религиозных организациях Томской и Тобольской епархий⁹. Обширные статистические данные приведены и приложениях к отчетам обер-прокурора Святейшего Синода¹⁰, в отчетах Томского и Тобольского отделов ИППО. Привлечение указанных материалов позволяет рассмотреть деятельность местных отделов Императорского Православного Палестинского общества в контексте политической, демографической, социокультурной ситуации, в которой разворачивалась работа ИППО.

Источники личного происхождения, в частности, воспоминания паломников в Палестину, составляющие *четвертую* группу, помогают в деталях оценить те проблемы и трудности, с которыми приходилось сталкиваться сибирякам, совершавшим путешествие в Святую Землю, роль учреждений ИППО в решении этих проблем.

Особое значение имеют, в частности, путевые дневники Туринского священника И.А.Селихова, публиковавшиеся на страницах «Тобольских епархиальных ведомостей» с 1906 по 1909 гг.¹¹ Это единственный своего рода источник, в котором перипетии поездки жителя Тобольской губернии в Палестину описаны в мельчайших подробностях: от приобретения паломнической книжки и сборов до возвращения в Одессу.

Отдельные свидетельства паломников носят частный характер. Например, священник Ф.М.Федюшин опубликовал несколько полезных советов, касающихся использования денежных знаков различных видов в Палестине¹².

Пятая группа источников — иллюстративный материал, который дает возможность составить наглядное представление о некоторых аспектах деятельности ИППО в Западной Сибири, о людях, внесших вклад в развитие его региональных отделов. В частности, в фондах Томского областного краеведческого музея им. М.Б.Шатилова сохранился диплом об избрании членом-сотрудником

Императорского Православного Палестинского общества томского купца П.Е.Кухтерина, в фондах Нарымского музея политической ссылки — фотографии Н.Н.Никольского — действительного пожизненного члена ИППО, удостоенного этого звания «за ревностную деятельность на пользу Общества», на протяжении многих лет являвшегося организатором и руководителем Палестинских чтений в г. Нарыме и Нарымском округе.

Указанные источники, многие из которых почти не привлекали внимания исследователей, позволяют воссоздать картину возникновения и функционирования западно-сибирских отделов Императорского Православного Палестинского обществ в конце XIX — начале XX вв. Важной перспективной задачей может быть изучение на основе аналогичных групп источников истории других региональных отделов ИППО, в первую очередь, восточно-сибирских, уральских и дальневосточных.

Примечания

¹ Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И-156. Оп. 18. Д. 435. Л. 1—37; Д. 437. Л. 1—36.

² См., напр.: Устав Императорского Православного Палестинского Общества от 24 марта 1889 года. URL: palomnic.org/gallery/v/19-vek/ippo/vistavka/2; и др.

³ Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 2 т. М., 2000.

⁴ См., напр.: Отчет о деятельности Тобольского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1897/8 год // Тобольские епархиальные ведомости (далее — ТЕВ). 1898. № 11. Отдел офиц. С. 124—136; Отчет о деятельности Тобольского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1898/99 год // ТЕВ. 1899. № 10. Отдел офиц. С. 166—173; Отчет о деятельности Тобольского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1899/1900 год // ТЕВ. 1900. № 7. Отдел офиц. С. 60—74 и др.; Отчет о деятельности Томского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1899—1900 г. // Томские епархиальные ведомости (далее — ТомЕВ). 1900. № 15. Отдел неофиц. С. 5—22; № 17. С. 1—7; Собрание членов Томского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества // ТомЕВ. 1901. № 8. Отдел неофиц. С. 34—40; Отчет о деятельности Томского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1900—1901 год // ТомЕВ. 1901. № 17. Отдел неофиц. С. 1—17; № 18. Отдел неофиц. С. 5—22 и др.

⁵ См.: Отчет о деятельности Томского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1899—1900 год. Томск, 1900; Отчет о деятельности Тобольского отдела ИППО за 1902—1903 год. Тобольск, 1903 и др.

⁶ Открытие Отдела Императорского Православного Палестинского Общества в г. Томске // ТомЕВ. 1894. № 8. Отдел неофиц. С. 14—15; Открытие Тобольского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества // ТЕВ. 1897. № 8. Отдел неофиц. С. 153—165.

⁷ См., напр.: Голос Томска. Газета политическо-общественная и литературная. Томск, 1908; Сибирские отголоски. Политическая, общественная и литературная газета. Томск, 1907—1910; Сибирская жизнь. Томск, 1898—1910; Сибирская правда. Орган «Томского Губернского отдела Союза Русского народа». Томск, 1908—1909; Томский вестник. Политической, общественной, церковной, литературной и экономической жизни. Томск, 1915 и др.

⁸ См., напр.: Сибирская жизнь. 1905. 13 апреля; Первое палестинское чтение в Тюмени // Сибирская торговая газета. 1899. № 53. 9 марта. С. 3 и др.

⁹ См., напр.: Справочная книга по Тобольской епархии на 1908 год. Тобольск, 1908; Справочная книжка Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. Тобольск, 1913.

¹⁰ См., напр.: Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1901 год. СПб., 1903; Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903—1904 годы. СПб., 1909 и др.

¹¹ Туринский свящ. С-л-х-в. О паломническом странствовании моем на ближний Восток в Турции // ТЕВ. 1906. № 16. Отдел неофиц. С. 422—425; № 20. С. 527—531; 1907. № 2. Отдел неофиц. С. 28—34; № 7. Отдел неофиц. С. 198—202; № 13. С. 373—380; № 17. Отдел неофиц. С. 493—501; 1908. № 12. Отдел неофиц. С. 214—215; № 16. Отдел неофиц. С. 302—306; 1909. № 7. Отдел неофиц. С. 177—184; № 12. Отдел неофиц. С. 296—303; № 13. Отдел неофиц. С. 339—343; № 17. Отдел неофиц. С. 460—463.

¹² Федюшин В. Из дневника священника-паломника // ТЕВ. 1902. № 7. Отдел неофиц. С. 69—72.

Глава 7

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДОКУМЕНТООБОРОТА БЛАГОЧИННИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ СУРГУТСКОГО ЦЕРКОВНОГО ОКРУГА ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ)

В отечественной историографии неоднократно высказывалась мысль о том, что сложное положение, в котором находилось приходское духовенство в синодальный период, обуславливалось, в том числе, постоянно увеличивавшимися разнообразными обязанностями, возлагавшимися на него государственной властью и епархиальным начальством¹. Доказать или опровергнуть указанное положение можно попытаться с помощью анализа делопроизводительной документации, поступавшей как сверху (из епархиального центра), так и снизу (от причтов) в адрес благочинного, являвшегося едва ли не ключевым связующим звеном в системе церковного управления. Показательным в данном отношении следует признать комплекс входящей документации, сохранившейся в фондах Сургутского благочиния Тобольской епархии (Ф. И-191) ГУТО ГА в г. Тобольске. С одной стороны, Сургут являлся типичным провинциальным сибирским городом. В то же время его удаленное расположение в окружении «инородческого» населения создавало определенную специфику, изучение которой представляет несомненный научный интерес.

Как известно, документооборот — это совокупность взаимосвязанных процедур, обеспечивающих движение документов в ведомстве с момента их создания или поступления и до завершения исполнения или отправки. По Сургутскому благочинию, к сожалению, сохранились лишь некоторые группы документов за отдельные периоды. Тем не менее, даже ограничившись годовым циклом входящих бумаг, поступавших в канцелярию благочинного, можно изучить механизм функционирования служебной связи консистория — благочинный — приходы, процедуры исполнения решений на низших ступенях церковной иерархии, работу по

исполнению высочайших повелений и указов Синода, предписаний епархиального архиерея на удаленных территориях.

Вопрос о положении благочинного во властной вертикали церковного управления регулировался синодальной «Инструкцией» и указом от 5 апреля 1881 г., и никогда не был простым. Документы определяли его место как «посредствующего звена» в служебных отношениях между приходским духовенством церковного округа и епархиальной властью². Именуясь «вспомогательным органом епархиального управления», он фактически контролировал жизнь 10—30 «окрестных церквей с их причтами»³. Епархиальным архиереям Св. Синод предписывал назначать благочинных «по личному внимательному архипастырскому своему выбору из беспорочных, опытных, усердных и наиболее деятельных священнослужителей»⁴.

Органами епархиального управления во второй половине XIX — начале XX вв. являлись архиерейские дома и епархиальные архиереи, иногда с одним или несколькими викариями, духовные консистории, окружные духовные правления (до 1870 г.), благочинные округа. Тобольская и Сибирская епархия на начало XX в. охватывала 9 уездов, каждый из которых делился на благочинные округа: Тобольский (5), Тюменский (4), Ялуторовский (5), Курганский (5), Туринский (2), Ишимский (5), Тарский (1), Сургутский (1), Березовский (1)⁵. Всего в Тобольской епархии было 30 благочиний, три из которых располагались на территории севера Западной Сибири: Березовское, Сургутское, одно из Тобольских (низовья Иртыша, район Самарово).

Слабая заселенность Севера, и как следствие немногочисленность церквей, формировали благочиние из приходов уездного города и сельской местности, тогда как в многолюдных южных уездах управление городом и уездом могло относиться к разным церковным округам. Исторически сложилось, что настоятель Градо-Сургутской Свято-Троицкой церкви и восьми сельских приходов: Юганского, Ваховского, Ларьякского, Верхне-Лумпокольского, Нижне-Лумпокольского, Тундринского (1894 г.), Вартовского (с 1908 г.), Покурского (с 1913 г.) составляли единый Сургутский церковный округ.

В документах фонда Сургутского благочиния сохранилось 17 дел, отражающих входящую корреспонденцию с 1856 по 1906 гг.

Значительные по объему единицы хранения (от 200 до 400 листов) содержат множество распоряжений, копий указов, уведомлений, предписаний из канцелярии Тобольской духовной консистории, а также рапортов от приходов, прошений, писем, направляемых из епархиальных и светских (губернских, окружных) институтов.

Церковные учреждения, которые вели переписку с благочинным, можно разделить на выше- и нижестоящие. К первым следует отнести: 1) епархиальные, располагавшиеся в г. Тобольске; 2) окружные в г. Березове. К подчиненным принадлежали приходы Сургутского уезда, которые при необходимости именно через благочиние обменивались информацией с епархиальной администрацией.

До 1869 г. Сургутское благочиние подчинялось Березовскому духовному правлению, которое возглавлялось березовским благочинным, «первоприсутствующим над градскими и уездными церквями»⁶, с 1841 г. над Кондинским Свято-Троицким монастырем, Самаровской и Селияровской церквями Тобольского округа⁷.

Общее окружное управление⁸ в духовном ведомстве заключалось в основном в функциях контроля и надзора за деятельностью священнослужителей русских и инородческих волостей Березовского округа. На практике оно явилось промежуточной инстанцией между канцелярией Тобольской духовной консистории (далее — ТДК) и сургутским благочинным, который номинально сохранил свой административный статус, но получал теперь предписания чаще через г. Березов.

В частности, за 1856 г. документов распорядительного характера по самым общим вопросам церковного управления Сургутскому благочинному В.Кайдалову поступило из Березовского духовного правления около 75, а непосредственно из Тобольской духовной консистории — только 10⁹.

Имеющиеся источники позволяют проследить сроки продвижения документа по инстанциям. Например, распоряжение ТДК протоиерею И.М.Заборовскому о составлении церковно-исторического и статистического описания Тобольской епархий от 30 ноября 1855 г. получено адресатом в декабре 1855 г.¹⁰ Печатные правила о порядке составления исторического описания, выработанные епархиальным Комитетом, и указания на этот счет от

Березовского благочинного о «неопустительном занятии... и доставлении оных без замедления» отправлены В.А.Кайдалову 24 декабря. В правом верхнем углу любых входящих документов он делал пометку о получении корреспонденции. Этот указ поступил к нему 22 января 1856 г., как и другие два документа, написанных И.М.Заборовским в конце предыдущего года¹¹.

К тому времени почтовое сообщение между Тобольском и Березовым было уже достаточно развитым. По данным на 1860 г., прием корреспонденции в Березов осуществлялся в губернском центре по понедельникам, раз в 2 недели. Соответственно, отправка почты производилась 26 раз в году¹². По сообщению Н.А.Абрамова, при благоприятной погоде, в зимнее время корреспонденция доходила из Тобольска в Березов за 5 суток¹³. Тем не менее, как видим из вышеприведенного примера, движение документа, а значит и его исполнение, могло затянуться на 1,5—2 месяца.

Таким образом, из-за дополнительного посреднического звена скорость движения документации замедлялась. Приходские причты получали известия о распоряжениях Св. Синода через Тобольск — Березов — Сургут, что, учитывая огромные пространства Тобольского севера, значительно затрудняло и замедляло процесс управления, дополняясь дублированием обязанностей учреждений.

С 1867 г. в гражданском управлении Березовского округа происходят заметные перемены. Сургутское отделение получает ранг самостоятельного округа. Создается полицейское управление, заведовавшее правоохрнительными, хозяйственными и финансовыми делами. Реформы затронули и систему церковной администрации. Еще в 1865 г. преосвященный Варлаам II (Успенский) побывал с инспекционной поездкой в Тобольском и Березовском округах¹⁴. По его предложению Св. Синод принял решение «об усилении состава причта Сургутской церкви»¹⁵. Одним из результатов этой поездки следует признать преобразования, совпавшие с изменениями в гражданском управлении и заключавшиеся в увеличении штатов и полномочий местных священнослужителей, принятии мер, направленных на повышение эффективности документооборота.

Окончательное упразднение духовных правлений произошло только в декабре 1869 г., о чем последовал соответствующий указ:

«По случаю закрытия Духовных Правлений до селе существовавших в Тобольской епархии... всякие сношения и переписка с первого января будущего 1870 года с ними Присутственных мест и подведомственных лиц должна прекратиться, а потому, предписать Благочинным до сим состоявших в введении Правлений, всю годовую отчетность за настоящий 1869 г. представлять уже не в Правление, а в Консисторию...»¹⁶.

Теперь епархиальная власть оказалась ближе к Сургуту. Административные обязанности были возложены на Сургутских благочинных, где теперь сосредотачивалась вся информация, поступающая из консистории. Время между созданием документа в консистории и его доставкой в Сургут составляло в среднем 20—25 дней¹⁷.

Изучение дат отправки документов из центра губернии и штампов об их получении сургутским благочинным позволяет прийти к выводу, что на протяжении второй половины XIX в. на документооборот оказывал воздействие внешний фактор — природно-климатические условия, влиявшие на режим навигации судов, скорость движения водного и сухопутного транспорта. В межсезонье связь прерывалась, адресованная в Сургут корреспонденция накапливалась, поступая позднее значительными по объему «порциями». Так, 3 июня 1868 г. благочинный получил 16 указов из ТДК, датированных 20-ми числами апреля, 9 майских распоряжений и даже 2 указа за январь¹⁸. Всего же в июне было доставлено 28 писем от консистории. Весной 1870 г. перерыв в поступлении почты составил почти 1,5 месяца (18 апреля — 30 мая)¹⁹. Такого рода обстоятельства иногда делали невозможным выполнение поручений епархиальной власти в срок. В 1868 г. В.А.Кайдалову необходимо было составить Ведомость (расписание) об отпусках причтами жалования за первую половину года не позднее 1 июля, но распоряжение из Тобольска доставили только в последний день, отпущенный для исполнения этого указа²⁰.

Можно проследить динамику получения В.А.Кайдаловым по месяцам 1868 г. бумаг от Тобольской духовной консистории для рассмотрения и исполнения: январь — 7, февраль — 5, март — 23, апрель — 10, май — нет, июнь — 28, июль — 20, август — 15, сентябрь — 14, октябрь — нет, ноябрь — 18, декабрь — 13²¹.

К концу XIX — началу XX вв. развитие сообщения, в первую очередь пароходного, обеспечило более регулярное поступление документации в Сургутское благочиние, сократило промежутки времени, когда связь между Тобольском и Севером Западной Сибири прерывалась. Однако эти изменения нельзя назвать очень существенными. Например, в январе 1895 г. почта для благочинного поступала в Сургут 11 и 28 января. Из 32 бумаг от разных ведомств, 14 были отправлены из Тобольска еще в декабре, в том числе восемь распоряжений консистории от 12, 13, 17, 21, 22, 28 декабря²². Весенний ледоход 1895 г. задержал доставку почты с конца апреля по 20-е числа мая²³. Учитывая дальность расстояний от Сургута до приходских церквей, трудность сообщения в пределах самого благочиннического округа, необходимо сделать вывод, что до причтов распоряжения тоже доходили с существенной задержкой.

Сохранился рапорт из Ларьякской церкви, где священник Антоний Самодуров дает знать благочинному о позднем поступлении к нему указа ТДК от 14 декабря 1894 г. о повышении цен на церковные свечи с 1 руб. 20 коп. за фунт до 1 руб. 60 коп. (или с 48 руб. за пуд до 64 руб.). Причт, продавая свечи по старым ценам, понес убыток на 12 рублей. «В этом недоразумении оказался виновен, — по мнению священника, — никто другой, как только дальние расстояния прихода от местного распорядительного центра по неудобству почты»²⁴.

По сведениям А.Дунина-Горкавича, от Сургута по р. Вах до Ларьякской Знаменской церкви зимний путь составлял 647 верст²⁵. Указ ТДК о новых ценах на свечи поступил в Ларьяк 18 февраля, а рапорт от причта об этом происшествии благочинному — только 14 марта²⁶. Таким образом, документ попал из Тобольска в Ларьяк лишь через два месяца после его создания.

Материалы фонда Сургутского благочиния позволяют выявить объем направлявшейся из консистории корреспонденции, а также дать ей содержательную характеристику. Нами проанализированы дела за 1856, 1870, 1895, 1903 годы. Общее число документов, поступавших в церковный округ, составило в 1856 г. — 139, 1870 г. — 253, 1895 г. — 300, 1903 г. — 323²⁷.

В том числе из ТДК в виде циркуляров и распоряжений в 1856 г.— 89 (включая Березовское духовное правление), в

1870 г.— 99, 1895 г.— 74, 1903 г.— 144. Большая их часть — указы, предписания, распоряжения Тобольской духовной консистории, чаще всего дублирующие соответствующие документы Св. Синода и касающиеся общих вопросов церковной жизни.

На втором месте находились рапорты, ведомости, уведомления, прошения, акты, поступавшие от причтов: 1856 г. — 37, 1870 г. — 61, 1895 г. — 178, 1903 г. — 127.

Если Указы ТДК поступали относительно равномерно в течение всего года, то наибольшее количество рапортов от причтов поступало в январе, июне, декабре. Это связано с необходимостью предоставления годовой и полугодовой отчетности (финансовой, статистической). Большинство январских рапортов составлены в конце предыдущего года. Они содержат сведения об остаточных капиталах церквей, кружечных и кошелековых сборах, свечном приходе и расходе, пожертвованиях, рожденьях, браках и смертях в приходе за прошедший год. Аналогичные данные только за первую половину года поступали в июне-августе: исповедные росписи (о бывших и не бывших у исповеди и св. причастия), рапорты о количестве вновь родившихся, бракосочетавшихся и умерших, уехавших из прихода за первую половину года, о епитимщиках и др. Однако в начале XX в. полугодовая отчетность по приходам уже не прослеживается.

Третья группа — светские учреждения, с которыми велась переписка по различным вопросам: мещанские общества, инородные управы, уездные исправники, казачий батальон, окружное (уездное) казначейство, отделения государственного банка, губернский статистический комитет, губернатор, участковые заседатели и др. Они направляли сообщения, прошения, квитанции о получении денег. Здесь динамика поступлений входящей документации выглядит следующим образом: 1856 г. — 4, 1895 г. — 38, 1903 г. — 15.

Еще одна группа — подведомственные епархиальному управлению учреждения. Если в середине XIX в. напрямую к благочинному адресовало свою корреспонденцию только Попечительство о бедных духовного звания, то в 1880-е гг. круг учреждений значительно расширился за счет епархиальных духовных училищ и семинарии, общественно-религиозных организаций (Братство св. вмч. Дмитрия Солунского, Комитет Православного Миссионерского

общества, Тобольский отдел Императорского Православного Палестинского общества, попечительство Тобольского Кафедрального собора), монастырей, Березовского благочинья и т. п.: 1856 г. — 9, 1895 г. — 33, 1903 г. — 37²⁸.

Наблюдается постепенный рост объемов входящей документации на протяжении всего рассматриваемого периода, особенно заметный в отношении внутрицерковной переписки.

Каковы были функции благочинного, если судить по содержанию этих, достаточно значительных в количественном отношении документов? Данный вопрос находил отражение в синодальной инструкции и указаниях епархиального начальства²⁹ и практически преломлялся в текущей деятельности руководителя церковного округа.

Первой из них следует признать финансовую. Через благочинного передавались в ТДК для рассмотрения и утверждения все финансовые ведомости, сметы, а именно: о начислении жалования причтам по полугодиям; о доходе от продажи свеч; венчиковом сборе; кружечном и кошельковом сборе, различных пожертвованиях; о суммах церковных капиталов, размещенных в Московской сохранной казне, отделениях государственного банка в Тобольске, Екатеринбурге; всех видов доходов и расходов церквей и т.п.³⁰. Из консистории направлялись обращения благочинным о взыскании пеней и штрафов с духовенства по решению епархиального начальства.

На 1856 г. зарегистрирован 41 подобный документ, что составляет 29,5% от годового объема входящей корреспонденции; в 1895 г., соответственно, 118 (39,3%), в 1903 г. — 173 (53,6%).

Наблюдается рост с каждым десятилетием числа сборов на епархиальные нужды и в пользу различных благотворительных организаций. Так, в 1856 г. были отправлены лишь два напоминания от ТДК о кружечных сборах в пользу Попечительства о бедных духовного звания³¹, тогда как в 1903 и 1906 гг. «приглашений к пожертвованиям», высланных через ТДК, насчитывалось более 20 за год³². Многие общецерковные сборы (тарелочные и кружечные: на духовно-учебные заведения, миссионерские нужды, в пользу Иерусалимской церкви Гроба Господня, содержание беднейших православных церквей в империи и др.) были ежегодными и проводились в определенные дни церковного календаря, о чем епархиальные власти заранее напоминали благочинному.

Местные отделы, комитеты рассылали полученные от своих центральных органов воззвания, листки, брошюры, подписные листы благочинным, настоятелям и старостам наиболее многочисленных приходов «с предписанием произвести во всех церквях и оказать возможное содействие наблюдением за правильным производством сего сбора»³³.

Например, в конце 1891 г. Тобольскому епархиальному архиерею Иустину (Полянскому) от председателя Императорского Православного Палестинского общества великого кн. Сергея Александровича был направлен рескрипт с просьбой оказать содействие проводящемуся ежегодно сбору пожертвований в пользу православных Иерусалима и Св. Земли в неделю Ваий. Консистория выслала распоряжения благочинным Тобольской епархии, настоятелям и настоятельницам монастырей принять самые энергичные меры к усилению сбора пожертвований в пользу православных Св. Земли. Циркулярное письмо, шесть листов с «Воззванием», «Правилами» для сбора пожертвований, надписями для блюд, брошюры для народа и беседы, а также распоряжение ТДК от 7 марта 1892 г., предписать благочинному всем причтам «произвести во всех церквях в 1892 г. в День праздника Входа в Иерусалим сбор в пользу Православных Св. Земли и таковой немедленно предоставить в консисторию» получили в Сургуте 29 марта. В мае-июне 1892 г. причты пяти церквей: Ваховской (16 мая), Юганской (15 июня), Ларьякской (1 июня), Верхне-Лумпокольской (29 мая), Нижне-Лумпокольской (17 июня) Сургутского уезда, проинформировали своего благочинного о количестве пожертвований, отправив на его имя рапорт и «расчетную ведомость», собрав на нужды Палестинского общества 3 руб. 65 коп.³⁴ Благочинные отправляли рапорт вместе с актом обратно в духовную консисторию, а из Тобольска деньги, собранные по всем церквям епархии, пересылались в Санкт-Петербург, в канцелярию Императорского Православного Палестинского общества³⁵.

В данном отношении стоит согласиться с высказыванием А.Л.Беглова, что «для государства приходской священник выступал как фискальный агент и чиновник низшего уровня, без всякого жалования вынужденный вести в интересах разных ведомств огромную чисто бюрократическую переписку»³⁶.

Второй обязанностью благочинного было наблюдение за богослужбной деятельностью духовенства, исправным и своевременным ведением исповедных, метрических, обыскных книг, описей церковного имущества и других бумаг церковного архива по отчетной документации и во время полугодовых объездов вверенной территории³⁷. Благочинный проверял шнуrowые метрические книги, венчиковые ведомости и статистические сведения. Ему также следовало, надзирая за церковными старостами, обращать внимание на ведение тетради прихода и расхода церковных и свечных сумм, собранных добровольных пожертвований³⁸.

На протяжении второй половины XIX в. и, особенно, в начале XX в. наблюдается снижение поступлений распоряжений из ТДК на предмет организации документооборота (дополнительные инструкции по ведению делопроизводства, составлению справок и отчетов благочинными и причтами и т.п.). Стремление духовного ведомства упорядочить документацию в канцеляриях консисторий, благочиний, приходских архивах способствовало постепенному введению единых форм отчетной и иной документации, подчинявшейся общим требованиям и стандартам. Следует привести следующее наблюдение: в 1856 г. в Сургут было прислано 25 напоминаний о формах ведения документов (28% от общего количества входящих бумаг), в 1895 г., соответственно, 15 (20%), в 1903 г. — 23 (17%)³⁹. Подтверждением данного вывода является предписание консистории от 11 августа 1895 г. об утверждении и введении единых форм богослужбных журналов, братских доходных реестров, тетрадей для записи прихода и расхода венчиков, разрешительной молитвы; издание их в епархиальной типографии по количеству церквей⁴⁰.

Однако здесь намечается еще одна тенденция — рост переписки с другими церковными ведомствами, минуя канцелярию консистории. Адресатами благочинного становятся такие епархиальные учреждения как Попечительство о бедных духовного звания, Комитет Русского Православного миссионерского общества, духовные училища, духовная семинария, Братство св. вмч. Дмитрия Солунского, отделение Училищного Совета и др. Все формы отчетности по этим ведомствам отсылались напрямую, без посредничества ТДК.

Например, в январе 1895 г. благочинный священник С.Тверитин отправляет заполненные ведомости, связанные с финансовыми поступлениями, в казну Тобольского епархиального братства: членских взносов, единовременных пожертвований, кружечнотарелочных сборов, 0,5% отчислений на церковно-приходские школы с остаточных церковных сумм⁴¹. От Комитета сиротской кассы духовенства Тобольской епархии в 1906 г. присылались распечатанные бланки, где благочинного А.Сивиллова просили сообщить информацию об умерших членах⁴². Сургутское мещанское управление и окружной врач для своих годовых отчетов требовали сведения о демографических показателях по г. Сургуту и метрические записи о числе родившихся и умерших по приходам округа в целом, заполнение ведомостей по родам болезней⁴³.

Учреждения, не связанные с духовным ведомством, могли вести переписку через различные структуры епархиального управления. Например, через епархиальный Училищный Совет поступило обращение от Комитета грамотности Императорского вольного экономического общества с просьбой предоставить сведения о начальных училищах, приютах и воскресных школах на территории благочиния⁴⁴.

Тобольское Губернское правление приглашало благочинных к сотрудничеству в подготовке девятого выпуска «Календаря Тобольской Губернии» на 1896 г., просило сообщить, какими сведениями можно было бы дополнить это издание, указать на неточности и недочеты⁴⁵. Непосредственные обращения к благочинному различных светских учреждений, наверно, разгружало консистерскую канцелярию, но в то же время усложняло и без того многотрудные задачи, стоявшие перед низшими звеньями епархиального управления.

К этой же функции примыкает рассылка богослужебной, религиозно-нравственной литературы, периодических изданий, использование которых могло помочь приходскому духовенству в исполнении повседневных обязанностей. Через благочинного поступали «Тобольские епархиальные ведомости», «Тобольский епархиальный адрес-календарь». В 1895 г. была отправлена брошюра Григоровского «О родстве и свойстве», предназначенная для определения степеней родства при решении вопроса о допустимости заключения браков между родственниками. В этом же

году рассылается выпущенная синодальной типографией книга «Обиход нотного пения»⁴⁶.

На протяжении второй половины XIX — начала XX вв. развитие государственных и общественных институтов приводило к усложнению связей между ними, увеличению объема информационных потоков.

В-третьих, следует выделить обязанности, связанные с кадровыми вопросами: назначения, перемещения, отпуска, аттестации, поощрения и наказания приходского духовенства, утверждение церковных старост и просфорней. К функциям благочинного относилась и выписка билетов для священно- и церковнослужителей, выразивших намерение отлучиться из своего прихода по различным надобностям (покупка жизненно необходимых товаров, лечение, сдача экзаменов и др.) с объяснением причин и сроков отъезда⁴⁷. Как показывает анализ документов, в отличие от других территорий, часть священников не воспринимали Тобольский Север в качестве благоприятного для службы места, предпочитая быть переведенными на юг епархии, иногда даже с понижением в должности⁴⁸. Однако благочинный в минимальной степени принимал участие в решении кадровых проблем. Его обязанности ограничивались преимущественно оформлением документов о прохождении службы, составлением ходатайств о награждении подчиненного ему духовенства, информированием священно-церковнослужителей о принятых ТДК решениях.

К выполнению **четвертой** обязанности можно отнести предписания духовного начальства в отношении хозяйственных дел прихода. Тоже можно сказать и о документах, отправленных из ТДК по общему надзору за благоустройством церкви, порядком в церковном хозяйстве.

Через благочинного консистория контролировала обновление или улучшение церковных построек, утверждение строительных комитетов, согласование проектов церквей, сохранение и уход за кладбищами, составление описей имущества церкви. Данная задача в определенной степени перекликается с вышеупомянутой финансовой, поскольку содержание храма «в благолепном виде» требовало денежных вливаний со стороны прихожан.

Следует отметить, что в 50—60-е гг. XIX в. подобного рода документы встречаются редко. Так, за 1856 г. должностному лицу

Сургутского благочинья напомнили о хозяйственных вопросах всего дважды: в апреле — о разрешении Юганскому причту архиепископом Тобольским и Сибирским Евлампием «обшить церковь тесом» и в сентябре — «с рассылкой всем причтам» о соблюдении трапезниками правил пожарной безопасности при топке печей⁴⁹. В конце года В.А.Кайдалову «для ознакомления» из духовного правления отправили проекты «на постройку церквей для Западной и Восточной Сибири»⁵⁰.

Впоследствии предпринимаемые меры по благоустройству приходских церквей интересовали консисторию все чаще, согласованию подлежали не только финансовые отчетности, но и выбор подрядчиков, составление приговора жителями на проведение строительных работ, заготовка материала. Поток переписки по этому вопросу между консисторией — благочинным — приходами идет во все возрастающем количестве, достигая в 1903 г. 9,3% от общего объема входящей документации. Можно предположить, что данное явление связано с активизацией храмового строительства в крае, что в свою очередь объясняется притоком переселенцев на Тобольский Север в начале XX в., повышением требований со стороны епархиального начальства к качеству церковных построек.

Благочинный должен был регулярно информировать Тобольск обо всех этапах строительных или ремонтных работ — от первоначального замысла до составления акта приемки. В частности, переписка о строительстве Ваховской Богоявленской церкви велась целый год. ТДК требовала от благочинного доносить разнообразные сведения: состав строительного комитета, какие материалы используются, кто будет их заготавливать (сельское общество или подрядчик), достаточно ли будет собранных наличных средств на постройку храма, удобно ли место для храма и мн. др. В конце года грамота на сооружение здания была получена⁵¹.

Местная особенность заключалась в использовании в качестве необходимого средства передвижения по приходу водного транспорта. В частности, в 1898 г. от причта Христорождественской церкви с. Верхне-Лумпокольского поступил рапорт «об исходотайствовании» у гражданского начальства о приобретении им крытой лодки для поездок по приходу. В ответе консистории благочинному

предписывалось поговорить с прихожанами, убедить их, «что расход будет не обременительным по 20 коп. с души»⁵².

Пятая функция — наблюдение за морально-нравственным состоянием прихожан и причта, их семейной жизнью, материальным положением. Однако подобных документов встречается немного. 12 июня 1856 г. из Березовского духовного правления поступил указ ТДК с требованием представить сведения о неблагоприятных действиях духовных лиц, стесняющих инородцев⁵³.

Так, благочинному предписывалось принять меры по увещеванию жены Березовского мещанина «о прекращении супружеского несогласия», т.к. женщина проживает в г. Сургуте вдаль от мужа. О результатах увещевания следовало донести в Консисторию⁵⁴.

Еще один пример — рапорт священника Ларьякской церкви от 1 апреля 1885 г. о бедственном положении псаломщика В.Вергунова, который, имея семерых детей и скудное содержание, не мог получить в кредит хлеба ни от инородной управы, ни от русских торговцев. Поэтому настоятель просил выдать своему подчиненному 20 руб. из церковных сумм в счет будущего жалованья⁵⁵. О специфике положения духовенства в отдаленных приходах Тобольского Севера свидетельствует следующий отрывок из данного прошения: «Содержание от казны причту Ларьякской церкви по отдаленности прихода Ларьякского от Березовского окружного казначейства и неудобства путей сообщения всегда поступает несвоевременно и причт не может за неимением средств запастись хлебной мукой, продаваемой с пароходов, и просит наше епархиальное начальство, походатайствовать перед гражданским начальством о дозволении Ларьякскому причту... пользоваться мукой в долг под расписку в счет их содержания из Ларьякского хлебозапасного магазина, — дабы избавить бедствующих от голода, — последствием коего может быть и неминуемая смерть»⁵⁶.

Через благочинного передавалась родителям аттестация учеников от смотрителей духовных учебных заведений — семинарии и епархиальных училищ⁵⁷. Они также обязаны были наблюдать за поведением учащихся во время их пребывания в доме родителей, «доносить о всяком знакомстве воспитанников с ссыльными и политическими неблагонадежными»⁵⁸.

От благочинного запрашивались сведения о состоянии народного образования в крае и мерах, необходимых для его развития.

В частности, 28 июня 1885 г. Тобольский епархиальный комитет Русского Православного миссионерского общества предложил доставить сведения о том, при каких церквях можно открыть начальные миссионерские школы, кто в них будет обучаться, какие нужны учебные принадлежности. В свою очередь Комитет обещал по мере возможности помогать денежными пособиями на приобретение учебников и на выплату жалованья лицам, ведущим обучение⁵⁹.

Задачи благочинного не ограничивались делами, связанными с церковью. На него, как и на приходских священников, возлагалась обязанность информировать население о важнейших событиях, произошедших в стране. К их числу относились объявления о начале войны и заключении мира, бракосочетании царствующих особ, рождении членов императорской семьи, начале общественно-политических реформ и др.

Так, в 1856 г. в Сургуте было получено 6 подобного рода документов, включая манифесты «о благополучно совершившемся бракосочетании их императорских высочеств великого князя Николая Николаевича с великой княгиней Александрой Петровной», «о должном свершиться в августе священном короновании и помазании его императорского Величества»⁶⁰.

Насколько оперативно получали сведения о происходивших в мире событиях жители Тобольского Севера, можно судить по следующему факту. Указ о молебствии по случаю подписания Парижского мирного договора (18 марта) из Тобольска был отправлен в Сургут 21 мая, получен в уездном центре 28 июня⁶¹. В Верхне-Лумпокольское или Ларьяк эта информация могла попасть не ранее чем через 4—5 дней (скорее всего — 2 недели). Таким образом, в отдаленных приходах могли узнать об окончании Крымской войны не ранее чем через три с половиной месяца после ее завершения.

В свою очередь благочинный (так же как и приходской священник) должны были доносить непосредственному начальству обо всех происшествиях на вверенной им территории: эпидемиях, голоде, преступлениях против религии и нравственности.

На благочинного могли возлагаться и своего рода «экстраординарные» обязанности, не упоминавшиеся в синодальной инструкции. Например, в 1892 г. ему было поручено предоставить

географические карты приходов «с указанием рек, болот, лугов и лесов», числа жителей⁶². В 1850-х гг. Сургутский благочинный В.А.Кайдалов производил опыты по посеву хлебов, собирал информацию о сельскохозяйственных экспериментах местного населения⁶³. К этой же группе может быть отнесено и разрешение (относящееся, в большей степени, к приходам) оповещать население о пожарах и наводнениях с помощью церковных колоколов⁶⁴.

В целом, проведенное исследование подтверждает ранее высказанную мысль об усложнении обязанностей благочинного в течение второй половины XIX — начала XX вв., возрастании объемов получаемой и необходимой для исполнения документации. Следует согласиться с мнением анонимного автора «Православного собеседника», в 1905 г. вполне однозначно охарактеризовавшего те трудности, с которыми приходилось сталкиваться как благочинному, так и приходскому священнику в начале XX в.: «Он, как и сельский учитель, давно уже является для казны дешевым сельским чиновником, которому можно поручить и заведение школой, и регистрацию прихожан, и даже фельдшерские и агрономические обязанности. Загляните в журналы входящих и исходящих бумаг любого сельского батюшки, и вы удивитесь, откуда набираются эти сотни номеров. Указы, циркуляры, предписания и отношения..., в результате — ежедневные отчеты, ведомости, выписи и журналы...»⁶⁵.

Благочинный выступал в качестве контролирующей инстанции, обязанной следить за исполнением поступающих от епархиального начальства распоряжений, наблюдать за исправным отправление приходскими причтами богослужения, треб, проповедованием слова Божия. Он собирал сведения для различных отчетов, необходимых Св. Синоду и статистическим комиссиям. Кроме того, благочинный выполнял и ряд функций, характерных для светского чиновника.

Особенно заметным было увеличение документооборота по различного рода финансовым и хозяйственным вопросам, что превращало благочинного в своего рода «бухгалтера», обязанного отчитываться за каждую копейку полученных и израсходованных сумм.

Местная специфика заключалась в относительной удаленности уездного центра, не говоря уже об отдельных приходах, от путей сообщения, что замедляло документооборот и процесс выполнения предписаний синодального и епархиального начальства.

Примечания

¹ Бернтшам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб., 2005. С. 376—377; Белоногова Ю.И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии). М., 2010. С. 150—151; Беглов А.Л. Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX — начале XX // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 2 (57). С. 35-72.

² Инструкция благочинному приходских церквей // Права и обязанности благочинного приходских церквей. По действующим церковно-гражданским законоположениям, руководственным указам Святейшего Синода и распоряжениям Епархиального Начальства. М., 1900. С. 20.

³ Там же. С. 21.

⁴ Там же. С. 25.

⁵ Тобольский епархиальный адрес — календарь на 1903 г. Тобольск. 1903. С. 8—12.

⁶ Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год. Тобольск, 1864. С. 58.

⁷ Абрамов Н.С. Описание Березовского края // Зап. Императорского русского географического общества. СПб., 1857. Кн. XII. С. 386—387.

⁸ С 1856 г. в Березове вводится Общее окружное управление под председательством военно-окружного начальника.

⁹ Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске (далее — ГУТО ГА в г. Тобольске). Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1. Л. 2—13.

¹⁰ ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1. Л. 27, 38—38 об.

¹¹ Там же. Л. 27, 39—42.

¹² Памятная книжка для Тобольской губернии на 1860. Тобольск, 1860. С. 214.

¹³ Абрамов Н.С. Описание Березовского края // Зап. Императорского русского географического общества. СПб., 1857. Кн. XII. С. 424—425.

¹⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 95-116 об.

¹⁵ Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII — XIX вв.: источники / Сост., авт., предисл. и коммент. В.Я.Темплинг. Тюмень, 2006. С. 353.

¹⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 13. Л. 41—42.

¹⁷ Там же. Д. 12. Л. 42 об., Л. 44—44 об., 45—46.

¹⁸ Там же. Л. 164 об., 167.

¹⁹ Там же. Д. 13. Л. 147—151, 168—169 об.

²⁰ Там же. Д. 12. Л. 188.

- ²¹ Там же. Д. 12.
- ²² Там же. Д. 20. Л. 1—50, 78—82.
- ²³ Там же. Л. 178—187.
- ²⁴ Там же. Л. 137—138.
- ²⁵ Дунин-Горкавич А.А. Справочная книжка Тобольской губернии на 1904 год. Тобольск, 1904. С. 101.
- ²⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 20. Л. 137—138.
- ²⁷ Здесь и далее подсчитано по: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1, 13, 20, 25.
- ²⁸ См., напр.: Там же. Д. 1. Л. 44, 149—150; Д. 20. Л. 47, 49—50, 108, 121, Д. 25. Л. 78—79, 102, 115, 136, 141, 151, 177.
- ²⁹ Инструкция благочинному приходских церквей // Права и обязанности благочинного приходских церквей. По действующим церковно-гражданским законоположениям, руководственным указам Святейшего Синода и распоряжениям Епархиального Начальства. М., 1900.
- ³⁰ См., напр.: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 25. Л. 4, 10, 28, 34, 40, 78, 80, 132, 188—191, 341—352; Д. 22. Л. 191—192.
- ³¹ Там же. Д. 1. Л. 11 об., 149—150.
- ³² См., напр.: Там же. Д. 20. Л. 16—16 об., Д. 25. Л. 5, 7, 10, 36, 40—41, 93, 98—98 об.; Д. 26. Л. 20, 23—23 об., 63, 85, 123—130.
- ³³ Там же. Д. 18. Л. 23.
- ³⁴ Там же. Л. 77, 97—97 об., 109, 113, 123, 128, 129, 149, 175.
- ³⁵ Сбор в пользу Императорского Православного Палестинского Общества в день Входа Господня в Иерусалим. СПб., 1891. С. 1.
- ³⁶ Беглов А.Л. Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX — начале XX // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 2 (57). С. 79.
- ³⁷ В понятие церковный архив включалось: Высочайшие Манифесты, руководственные указы, метрики и духовные росписи за все годы, приходно-расходные книги // Ливанов Ф.В. Устав Духовных консисторий. СПб., 1871. С. 412—413.
- ³⁸ Синодальная инструкция благочинным приходских церквей 1858 г. // Ливанов Ф.В. Устав Духовных консисторий. СПб., 1871. С. 416.
- ³⁹ См., напр.: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 5, 36; Д. 20. Л. 119—120, 237—238, Д. 25. Л. 170—171, 191—191 об., 278—279 об., 281.
- ⁴⁰ Там же. Д. 20. Л. 259—259 об., 362—370.
- ⁴¹ Там же. Л. 3—4.
- ⁴² Там же. Д. 26. Л. 67—68.
- ⁴³ Там же. Д. 16. Л. 33, 274; Д. 18. Л. 5; Д. 20. Л. 21, 34, 56.
- ⁴⁴ Там же. Д. 20. Л. 1—11, 105—107.
- ⁴⁵ Там же. Л. 277—277 об.
- ⁴⁶ Там же. Л. 28, 48, 88, 90, 103, 110-102, 112-113, 143.
- ⁴⁷ Там же. Л. 33, 256—258, 272.
- ⁴⁸ Там же. Д. 20. Л. 269; Д. 22. Л. 205, 334; Д. 25. Л. 137.
- ⁴⁹ Там же. Д. 1. Л. 4 об. — 5, 9 об.
- ⁵⁰ Там же. Л. 13, 242.

- ⁵¹ Там же. Д. 25. Л. 14, 16, 19, 94—94 об., 152, 308—308 об.
- ⁵² Там же. Д. 22. Л. 3—4 об.
- ⁵³ Там же. Д. 1. Л. 7 об., 190.
- ⁵⁴ Там же. Д. 22. Л. 9—10.
- ⁵⁵ Там же. Д. 16. Л. 80—80 об.
- ⁵⁶ Там же. Л. 86 об.
- ⁵⁷ Там же. Д. 20. Л. 164, 343—344; Д. 25. Л. 228, 320.
- ⁵⁸ Там же. Л. 25.
- ⁵⁹ Там же. Д. 16. Л. 135—135 об.
- ⁶⁰ Там же. Д. 1. Л. 4, 9.
- ⁶¹ Там же. Л. 8.
- ⁶² Там же. Д. 18. Л. 7—7 об.; 126.
- ⁶³ Там же. Д. 1. Л. 10 об.; См. также: Цысь О.П. Научная деятельность православного духовенства Тобольского Севера в XIX — начале XX вв. // Актуализация исторического знания и исторического образования в современном обществе. Ежегодник. XVII всероссийские историко-педагогические чтения: Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2013. Ч. II. С. 314—324.
- ⁶⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 25. Л. 305.
- ⁶⁵ Цит. по: Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни... С. 377.

Глава 8

БЕСПОПОВСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В СИБИРИ: ОСОБЕННОСТИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Рассматривая мировоззрение сибирских беспоповских согласий рубежа XIX—XX вв., можно выявить обширную систему жизненных принципов, вероисповедных воззрений и бытовых норм, по преимуществу регулировавших взгляды данной религиозной группы на большинство явлений, происходивших в обществе и государстве в тот период. Беспоповское мировоззрение отличалось не только проявлением активной позиции в вопросах веры, но и сохранением устойчивого интереса к таким феноменам, как власть, общество или экономика.

Мировоззрению беспоповцев были присущи характерные лишь для него специфические признаки. Важнейшим из них можно считать неоднородность беспоповского течения. В отличие от поповского направления старообрядчества беспоповское не обладало ни внутренней целостностью, ни общей иерархией, ни даже устойчивой системой взглядов и ценностей. Рассматриваемое направление делилось на множество согласий, исповедные различия которых часто сводились лишь к неодинаковому исполнению какой-либо бытовой нормы, но порой были настолько велики, что единственным основанием для их причисления к одному течению в старообрядчестве являлось только отрицание церковной организации и иерархии. Следствием этого стала невозможность выделить в среде старообрядцев-беспоповцев какое-либо общее мировоззрение, что значительно осложняет процесс исследования вероисповедных норм данного течения¹.

Вместе с тем в беспоповском направлении происходили процессы перенесения взглядов и принципов одного согласия в мировоззрение другого и, как следствие, глубокое переплетение беспоповских течений во всех сферах их деятельности. Можно говорить о том, что мировоззрение беспоповцев зависело не только от взглядов и принципов того толка, последователями которого они себя считали, но и от воззрений представителей окружавших

их согласий, влияние которых они испытывали, вступая в контакты с носителями этих воззрений. Академик Н.Н.Покровский приводит примеры того, как проживавшие поблизости последователи разных согласий поддерживали между собой по-соседски доверительные отношения и тесно «переплетались» между собой как в бытовом, так и в религиозном плане². По мнению публициста-этнографа Александра Пругавина, множество взглядов и положений, появившихся в рамках одной религиозной группы, со временем находило свое отражение и в мировоззрении других соседствующих с ней общин³.

Другой присущей беспоповскому мировоззрению чертой явилось глубокое взаимное влияние мировоззренческих принципов старообрядчества и крестьянской народной культуры. Об этом свидетельствует распространение среди старообрядцев-беспоповцев языческих воззрений, весьма характерных для крестьянской культуры рассматриваемого периода. Причиной этого стало то, что большинство старообрядцев являлись выходцами из крестьянского сословия, реже — мещанского или купеческого, где большее внимание уделялось поддержанию архаичных традиций и обычаев. Так, по словам Н.Н.Покровского, язычество с магией были неотъемлемой составляющей повседневной жизни староверов⁴. Рассматриваемая черта беспоповской идеологии выражалась в обострении отношений староверов с государственным аппаратом, поскольку старообрядческое крестьянство с годами выработало идею глубокой греховности любого сотрудничества с властями, притеснявшими крестьянское население. Говоря о проявлениях подобной тенденции, не стоит также забывать и о склонности староверов строить жизнь сугубо на основе сельского хозяйства⁵.

Еще одной специфической чертой мировоззрения сибирского беспоповства была крайняя щепетильность в вопросах выполнения обрядовых и бытовых норм сторонниками данного направления. Так, по словам одного из миссионеров Русской Православной Церкви, староверы «полагали свое спасение в соблюдении только внешних и притом самых мелочных обрядов»⁶. Данный признак находит отражение в большинстве положений беспоповского мировоззрения и служит одной из наиболее примечательных его особенностей. Обязательность выполнения религиозных норм и бытовых заповедей порой доходила у беспоповцев до самой

крайней степени. Нарушение же тех и других весьма остро осуждалось в среде сибирских старообрядцев. С нарушителями религиозно-бытовых предписаний запрещалось делить трапезу, жить в одном доме и вообще поддерживать какие-либо отношения. В беспоповских скитах, исповедовавших идею построения жизни на основе натурального хозяйства, в наказание за грехи, как правило, применяли практику поручения всех финансовых дел одному лицу⁷.

Указанная черта идеологии сибирских староверов тесно соприкасалась с другим свойственным мирозерцанию беспоповцев признаком: крайним фанатизмом его последователей, что, несомненно, явилось наиболее примечательной чертой беспоповского старообрядчества⁸, которая подверглась наиболее глубокому изучению со стороны церковных исследователей рубежа XIX—XX вв. Сущность старообрядческого фанатизма можно наблюдать в таких типичных для него проявлениях, как крайне деструктивная направленность учения сибирских староверов, приведшая к отрицанию брака в их среде, а также складыванию у них института религиозных убийств и самоубийств. Другим проявлением беспоповского фанатизма служил чрезмерный догматизм старообрядческого вероучения, для которого было характерно часто бессознательное следование определенной идее, отсутствие глубокого осмысления последней, нежелание принимать какие-либо увещания. На это, в частности, указывал известный исследователь раскола Иоанн Сырцов, говоря о том, что староверы крайне упрямы, не желают ни встречаться с православными миссионерами, ни принимать от них назиданий⁹.

Таким образом, помимо отдельных религиозных установлений, совокупность которых и формировала сущность беспоповской идеологии, воззрениям староверов было присуще наличие широкого ряда «вспомогательных» особенностей. Данная группа факторов зачастую редко осознавалась самими старообрядцами и потому не находила отражения в положениях и предписаниях какого-либо из согласий. Однако именно эта категория была присуща большинству беспоповских течений конца XIX — начала XX вв., и именно ее с некоторыми оговорками можно назвать тем связующим звеном, которое, хотя и условно, но объединяло разрозненные старообрядческие толки в обширное беспоповское течение. Упомянутые черты староверия формировали единый менталитет

беспоповской общины, становились источниками большинства установленных в старообрядческой среде положений, формировали у последователей старой веры образ таких понятий, как благочестие, грех, жизнь, смерть, государство, семья и т.п. Именно своеобразное мировосприятие сибирских староверов так часто делало их объектом пристального внимания светских и церковных исследователей указанного времени. Собственно вследствие этого рассмотренные нами черты беспоповства как главные источники менталитета старообрядцев преимущественно стали главными объектами научных исследований и церковных обзоров рубежа XIX—XX столетий.

Мировоззрение сибирских староверов в ту пору представляло собой совокупность ряда «концепций», затрагивавших большинство сфер жизни старообрядцев и выступавших главным регулятором их поведения¹⁰. Однако, говоря о религиозных предписаниях беспоповцев, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что некоторые вероисповедные положения, присутствующие у одних согласий, могут отсутствовать или даже резко осуждаться в идеологии других¹¹. Среди вероисповедных «концепций», нормы которых находят отражение в мировоззрении подавляющего числа беспоповцев, числятся: 1) отрицание института священства; 2) идея о «временах века»; 3) представление о воцарении антихриста; 4) идея обособления от иноверцев; 5) религиозно-бытовое миропонимание; 6) представления о семье; 7) идея мученичества.

Первым и, несомненно, наиболее важным пунктом в мировоззрении беспоповского направления старообрядчества можно считать отрицание его последователями законности церковной иерархии и вообще всего института священства. Повсеместно священников заменяли начетчики или уставщики, представленные чаще всего хотя бы минимально грамотными стариками, имевшими авторитет среди односельчан¹². Именно они вместо священства проводили богослужения, исполняли таинства, обращались с проповедью к прихожанам, а также регулировали прочие стороны духовной жизни своего прихода. Стоит, однако, сделать оговорку относительно того, какую форму эта религиозная норма приобретала в рамках различных беспоповских согласий Сибири. Так, например, данная особенность наблюдалась лишь у таких

согласий, как поморство, федосеевство и филипповство. В частности, немояки вследствие своих вероисповедных особенностей не имели даже подобной скудной замены священству и вынуждены были обходиться лишь толкователями Писания¹³.

Согласия же часовенных и нетовцев, напротив, первоначально не отрицая возможности существования священства, не имели его лишь по причине нехватки претендентов (ввиду географической удаленности от Центральной России, отсутствия развитой инфраструктуры в Сибири)¹⁴ и лишь к концу XIX в. предприняли шаги к формированию идеологии, отрицающей духовенство на уровне теоретического богословия. Уместным будет упомянуть и о согласии бегунов, по существу, также отрицавшем институт священства, но исповедовавшем эту норму весьма специфическим образом. В данном согласии, распадавшемся на направления странников и пристанодержателей, приверженцы первого воспринимались остальными последователями толка не только как наиболее праведная группа людей, но порой и как своеобразная альтернатива священству¹⁵.

Другой важной составляющей миропонимания сибирских старообрядцев стала идея о «временах века», которая в оценке публициста-этнографа Пругавина стала основой беспоповского учения¹⁶. Ее суть заключалась в том, что время от сотворения мира до Моисея считалось «весной», от Моисея до Христа — «летом», от Христа до 1666 г. — «осенью», период же с 1666 г. по наши дни признавался «зимой». Параллельно с этим ряд исследователей именуется упомянутые периоды как «век праотеческий», «отеческий», «сыновий» и «век Святого Духа» соответственно¹⁷. Идея «времен века» предполагала наступление последних времен, скорое пришествие Страшного суда, отчуждение всякой благодати от священства и официальной церкви, а также установление в мире власти Антихриста с наступлением 1666 г. Наиболее ревностными последователями учения «времен века» можно считать согласия бегунов и немояков¹⁸, у которых в наибольшей степени проявились все составляющие рассматриваемой идеи. Примечательно еще и то, что эта идея не остановилась в своем распространении в рамках одного старообрядческого направления. Помимо беспоповского течения староверия, почти во всех согласиях которого она воплотилась в той или иной мере, идея «времен века»

оказалась достаточно универсальной для того, чтобы некоторые ее составляющие нашли свое проявление и в мировоззрении поповского направления старообрядчества¹⁹. Как правило, она регулировала отношения беспоповских толков с государственным аппаратом, церковной иерархией, обществом и даже друг с другом. Однако в некоторых случаях можно говорить о влиянии названного учения и на бытовую сферу жизни его последователей. Одним из ярких примеров этого может служить складывание и закрепление в сознании рядовых последователей раскола представлений об образе антихриста.

Так, Н.Н.Покровский выделял три формы восприятия старообрядцами сущности антихриста: 1) чувственное (антихрист предстает в облике правящего царя); 2) расчлененное (когда под антихристом понималась вся династия правящих царей); 3) духовное (антихрист воспринимался не как конкретное лицо, а как воцарение в мире власти зла)²⁰. У ряда исследователей мы можем найти и упоминания о восприятии некоторыми течениями беспоповства, в частности, часовенным согласием, сущности антихриста как фигуры, царствующей в Османской империи²¹. Стоит, однако, отметить, что ни в одном согласии не сложилось одно единственное фиксированное понимание образа антихриста. Как правило, представленные «концепции» сменяли друг друга по ходу изменения исторических, а вместе с тем и политико-социальных реалий. В некоторых случаях рассматриваемые формы могли и вовсе совмещаться, взаимно дополнять друг друга на одной пространственной и временной арене.

Упомянутые формы понимания сущности антихриста оказали значительное влияние на такую характерную для беспоповского старообрядчества вероисповедную особенность, как резкая враждебность согласий к большинству политических, социальных и религиозных реалий повседневности. Вследствие ряда факторов большинство старообрядческих толков в Сибири отличалось весьма настороженным отношением к иноверцам, к числу которых причисляли и православных с «австрийцами», и инородцев-язычников, и даже последователей других близких по духу согласий²². Другими объектами неприязни, помимо рядовых приверженцев различных религиозных течений, выступали государство, церковь и общество. Однако такая вражда была явлением обоюдным

и порождалась всеми сторонами конфликта²³. Вследствие множества вероисповедных предписаний, резко осуждавших любое отклонение от традиционного религиозного или бытового догмата, еще одним предметом агрессии беспоповской общины часто становились сами ее члены, позволившие себе нарушение каких-либо фиксированных норм. В этом отношении наиболее примечательным видится филипповский толк, в свое время отделившийся от поморства лишь по причине смягчения религиозных принципов последнего. Именно филипповцы выступали главной движущей силой антиправительственных и антицерковных выступлений, а также были хранителями традиционных для староверия обособленности быта, скрытности и требовательности к исполнению религиозных догматов.

Примечательной стороной беспоповского мировоззрения являлось и сращивание в понимании сибирских староверов религиозных и бытовых предписаний. Данная норма была выработана непосредственно под влиянием идеи о «временах века», предусматривавшей незаконность любых новшеств с наступлением 1666 г. В частности, по убеждению беспоповцев, вследствие наступления последних времен и установления в мире власти антихриста все новшества, в том числе бытовые, отныне становятся творением сил зла и не должны приниматься последователями старой веры²⁴. Полнее всего рассматриваемая тенденция нашла отражение в идеологии немояжков, которые более других согласий интегрировали отрицание любых религиозных условностей, символов и церемоний в повседневную и церковную жизнь²⁵. По определению ряда исследователей, именно разногласия в вопросе правомерности тех или иных нововведений в среде беспоповцев становились главным источником для раскола согласий и появления качественно новых течений староверия.

Еще одним важным элементом сибирского старообрядчества являлось наличие ряда специфических воззрений на предмет семьи, брака и детей. Особо дискуссионным вопросом было отношение староверия к таинству брака. Вследствие отсутствия священства и доступности для беспоповцев лишь таинств исповеди и крещения ряд согласий выступил с инициативой ликвидации таинства брака, однако им противостоял «альянс» беспоповских течений, сохранивших традицию вступления в брак. Среди первой

группы толков находились согласия филипповцев, федосеевцев и бегунов. Но если у первого полностью отвергались любые проявления супружества, то у двух других институт брака, как правило, заменялся сожителем²⁶. Сторонники брака также не были едины в своих убеждениях. К примеру, поморский толк разрешал венчание брачующихся православным или белокрыцким священником, в то время как принадлежавшие к согласию немояков заключали браки лишь в присутствии родителей без какого-либо духовного лица²⁷. Встречаются и сведения о том, что, несмотря на поразительное равноправие и взаимоуважение в старообрядческих семьях, беспоповцы старались как можно сильнее обособиться не только от иноверцев, но и от членов собственной семьи, опасаясь возможности «осквернения» через контакт с грешником²⁸.

Последним из рассматриваемых нами пунктов старообрядческого вероучения является идея мученичества, ранее присутствовавшая у всех беспоповских согласий, но во второй половине XIX — начале XX вв. сохранившаяся преимущественно лишь у толка бегунов. Эта идея, в частности, строилась на умозаключении, предполагавшем, что пережитое за веру мучение, полученное вследствие государственного преследования или нанесенное по каким-либо причинам самостоятельно, способно сделать дальнейшую жизнь человека безгрешной²⁹. Наиболее яркими приверженцами данной «концепции» на рубеже XIX—XX вв. по праву можно считать принадлежавших к согласию странников. Главным отличием данного согласия от других беспоповских толков, практиковавших такие традиционные формы самобичевания, как самоожжение или самоутопление, было характерное лишь для последователей данного течения добровольное бегство от цивилизации и сопутствующие этому прецеденты религиозных самоубийств и самоистязаний³⁰.

Для всех составляющих беспоповского мировоззрения характерна высокая степень взаимовлияния. Не раз наблюдается, как одно вероисповедное предписание становилось причиной появления другого, а то, в свою очередь, создавало условия для образования и функционирования третьего. Совокупность проанализированных норм затрагивает большинство сфер жизни старообрядцев и является главным регулятором поведения и воззрений последователей старой веры. Рассмотренные вероисповедные

положения чаще всего находят свое проявление у всех беспоповских согласий. Однако у различных толков каждая «концепция» выражена в разной степени, оказываясь то главной составляющей вероучения, то лишь слабовыраженным явлением.

Учение беспоповства регулировало не только обрядовую, но и часто бытовую сторону жизни сибирских староверов. Попытаемся определить реальное влияние идеологии староверия на быт его последователей.

Первоначально следует выяснить, какую роль в повседневной жизни последователей старой веры играло непосредственное отсутствие в их вероучении института священства, что имеет принципиальное значение. Ведь именно отсутствие церковной иерархии стало определяющим фактором при разделении старообрядчества на поповское и беспоповское направление. Отсутствие священства в религиозной жизни беспоповцев, помимо весьма предсказуемых последствий, таких, как появление в среде сибирских староверов большого количества религиозных заблуждений, а также непрекращающегося складывания новых толков и согласий, имело и ряд скрытых, но, вместе с тем, весьма любопытных результатов. Среди них можно выделить сохранение большинством согласий практики проведения лишь таинств крещения и исповеди, складывание «концепции» безбрачия среди некоторых групп беспоповцев, а также частое и активное взаимодействие беспоповских согласий с РПЦ.

К примеру, исчезновение пяти церковных таинств из религиозных практик беспоповцев можно уверенно связать с тем, что их исполнение в соответствии с церковными канонами полностью возлагалось на отсутствовавшее у сибирских старообрядцев священство³¹. Другой присущей беспоповству чертой, крайне неестественной у поповства, стало глубокое взаимодействие согласий с официальной церковной иерархией. Оно явилось прямым следствием уже упомянутого исчезновения из религиозных практик беспоповства ряда таинств, вследствие которого последователям согласий приходилось либо формировать в своей идеологии «концепцию» отрицания той или иной традиционной для христианства нормы, либо же обращаться за исполнением священнодействий к православным сановникам³².

Рассматривая влияние беспоповских религиозных установлений на бытовую сторону жизни рядовых старообрядцев, необходимо обратить внимание на ту роль, которую играла при этом идея «времен века». Разработанная старообрядцами в годы царствования Петра I, она предопределила в дальнейшем сущность взаимоотношений между последователями беспоповского направления и государственным аппаратом вплоть до начала XX в. В соответствии с этой «концепцией» беспоповцы понимали государство как «царство победившего антихриста»³³ и при возможности не упускали случая выказать свои антиправительственные воззрения.

Отчетливыми и наиболее распространенными проявлениями таких воззрений явилось отрицание старообрядцами-беспоповцами законности налогов и воинской повинности, государственной валюты и документов, категорический отказ давать разного рода присяги, становиться на учет в какие-либо государственные списки³⁴. Например, почти все беспоповские согласия обходились без записи новорожденных детей в органах полиции, немоляки хоронили покойников в первый же день после смерти без надлежащего официального оформления, последователи филипповского толка отказывались записываться в так называемые «раскольничьи списки», бегуны, в свою очередь, практиковали уничтожение паспортов государственного образца, считая их «выдумкой антихриста»³⁵.

В соответствии с теорией о «временах века» старoverы вырабатывали и идею о том, что любые обрядовые и культовые объекты после наступления «века Святого Духа» признавались утратившими свою значимость. Поэтому часть беспоповских согласий, проводя ежегодное освящение воды, вынуждена была в сосуд с освящаемой жидкостью вливать воду, по их заявлению, «хранившуюся с древних лет», дабы иметь возможность говорить о благодатности освящаемой после 1666 г. воды³⁶. Помимо этого, подобная специфика наблюдалась и в неприятии старoverами икон, написанных позже 1666 г., а также иногда четырех- и шестиконечных крестов, которые старoverы, по утверждению миссионеров, презрительно называли «латинскими крыжами»³⁷. Наиболее радикальным в данном отношении было согласие немоляков, в идеологии которого присутствовало отрицание любых религиозных обрядов и символов, а также имели место активные иконоборческие настроения.

Наряду с идеей «времен века» большое влияние на отношения староверов с государством оказывала специфика восприятия беспоповцами царя и всей правящей династии как воплощения антихриста. Помимо весьма очевидных последствий этой «концепции», среди которых можно назвать ненависть старообрядцев-беспоповцев ко всему роду Романовых и понимание светской власти как аппарата угнетения, имелся и ряд весьма примечательных проявлений. Так, одним из них был категорический отказ беспоповцев молиться за здоровье правящего царя³⁸.

Весьма примечательным при этом является то, что данное религиозное предписание первоначально распространялось лишь в среде бегунов и филипповцев, но со временем проявилось у большинства беспоповских согласий и даже нашло отражение в идеологии поповского направления старообрядчества. Другим значимым проявлением рассматриваемой вероисповедной нормы стало запрещение сибирским староверам давать какие-либо присяги на верность правящему царю³⁹. Эта норма стала фактором, в наибольшей степени повлиявшим на организацию государственных гонений против староверов во второй и третьей четверти XIX в., что позже вызвало ответную агрессию со стороны старообрядческого сообщества.

В свою очередь, весьма характерная для беспоповского направления религиозная враждебность регулировала взаимоотношения старообрядцев с православным населением Сибири и РПЦ, взаимодействия между различными согласиями, а также отношения староверов внутри одного религиозного направления. В частности, наиболее полно характеризует общую атмосферу отношений беспоповцев с православными выдержка из письма тобольского губернатора А.И.Деспот-Зеновича преосвященному Варлааму (Успенскому): «Раскольники чуждаются православных, считая их нечистыми, имеют для них особую посуду, называемую ими “мирской” или “поганю”, которой сами для себя они не употребляют; вообще проникнуты столь диким и грубым фанатизмом, что православных называют нередко даже в глаза “собаками”»⁴⁰.

Рассматривая отношения старообрядческого населения с православным, следует подчеркнуть тот факт, что в подавляющем большинстве случаев проявления религиозной нетерпимости староверов носили скорее обрядовую форму и не имели под собой

какой-либо реальной неприязни. Весьма любопытными в этом отношении являются принятые среди сибирских староверов нормы, запрещавшие посещение похорон иноверца, исполнение молитв за представителей иных религиозных течений и даже наблюдение за ходом православной свадьбы⁴¹.

Актуальным остается вопрос об отношениях беспоповских согласий друг с другом. В частности, большинство исследователей пишет о том, что эти отношения нередко были враждебны. Так, по утверждению И.Александрова, «последователи федосеевства и филипповства обоюдно называют друг друга еретиками, при совершенно незначительных вероисповедных различиях»⁴². Вследствие этого для беспоповцев было приемлемо полное отгораживание своего быта от представителей иного толка, которое проявлялось в запрете совместно употреблять пищу, мыться в бане, вступать в брак и даже общаться. В наибольшей степени специфике бытового отгораживания от представителей других согласий в своем мировоззрении воплотили немояки, выработав определенную систему приветствий, в которой приветствие другого немояка существенно отличалось от приветствия иноверца⁴³.

Быт старообрядцев и связанные с ним вероисповедные установления преимущественно регулировались «концепцией» религиозно-бытового мировоззрения, заключавшейся в равной незыблемости как религиозных, так и бытовых норм. Так, бытовой консерватизм и обособленность беспоповской общины привели к тому, что под запретом оказались картофель, табак и даже светская литература⁴⁴. Однако нельзя говорить о повсеместном отказе от упомянутых новшеств. Беспоповские толки, употреблявшие в пищу картофель, были вынуждены выработать целые легенды о ниспослании Богом данного продукта соловецким монахам в годы обороны ими своей обители от войск Алексея Михайловича. Под запретом оказались и бритье бороды, ношение заграничной одежды, а такие науки, как астрономия, философия и медицина были наречены «западными новизнами, противными православной вере и древне-церковному благочестию»⁴⁵.

В свою очередь, последователи согласия поморцев, совершая молитву за царя, категорически отказывались называть последнего императором, поскольку «это слово нерусское»⁴⁶. Вместе с тем вследствие склонности беспоповства к аскетизму были выработаны

такие запреты, как недопустимость прикосновения к деньгам, невозможность употребления любых продуктов, которые нельзя получить, минуя денежные отношения (чай, сахар и цветные ткани), да и запрещение держать в доме собак, отпугивавших странников⁴⁷.

Как уже отмечалось, беспоповские воззрения на предмет брака вследствие многообразия течений сибирского раскола были крайне разнообразны, и поэтому мы попытаемся выделить лишь наиболее распространенные их проявления. Так, вследствие отсутствия церковного контроля за семейной жизнью беспоповцев среди последних начали активно развиваться такие деструктивные явления, как распространение гражданских браков, а также легализация разводов и повторных венчаний⁴⁸. Другим часто встречающимся явлением было укрывательство староверами детей от «антихристового мира»⁴⁹ и женитьба их до наступления брачного возраста. Примечательно и то, что, по заявлению современников, «старообрядцы оплакивают рождение ребенка»⁵⁰. Это, по всей видимости, является следствием распространенного в беспоповской среде страха осквернения, имевшего место не только по отношению к иноверцам и посторонним, но даже к наиболее близким родственникам. Другим проявлением данной тенденции является сорокадневное бытовое отгораживание от родившей женщины.

Рассматривая проявления «концепции» мученичества в жизни рядовых беспоповцев, стоит указать на то, что у каждого согласия данная идея имела весьма индивидуализированные проявления, достаточно редко находившие место у других согласий. Так, для наиболее фанатичного по отношению к идее мученичества согласия бегунов было характерно бегство от цивилизации в погаенные уральские скиты. Более того, бегство для согласия странников имело крайне символичное значение. Как правило, оно ассоциировалось у представителей данного вероисповедного течения с обрядом крещения. При наступлении тяжелой болезни или вступлении в глубокую старость бегуны принимали на себя стезю странника и, как правило, умирали в течение непродолжительного времени. В случае же, если странник выживал, он умерщвлял себя голодом, принимая таким образом «венец мученичества»⁵¹.

В свою очередь, для согласия поморцев характерным было исполнение самоубийства посредством самосожжения. Однако это свойственно лишь началу XIX столетия, а к концу третьей четверти

того же века самоубийства прекращаются⁵². У филипповцев практиковалось религиозное самоубийство, имевшее форму уморения тела длительным голодом. Реже представители согласия закалывали себя ножами. Наиболее интересным в этом отношении выступает согласие нетовцев (спасовцев), для которого была свойственна практика религиозного жертвоприношения⁵³. Жертвой обряда, чаще всего, выступала непосредственная семья нетовца либо его односельчане, добровольно согласившиеся принять смерть. Имели место и такие проявления концепции «мученичества», как самоотопление, самопогребение, самоудушение, самораспятие и другие, но все они по преимуществу носили лишь частный характер, а не являлись общепризнанными составляющими учения какого-либо из согласий.

Проанализировав проявления и последствия всех названных религиозных «концепций», идей и предписаний, мы можем прийти к выводу о том, что беспоповство не являлось источником глубоко обрядовых практик. Сибирский раскол, оказывавший глубокое влияние на большинство сфер жизни своих последователей, отличался регламентацией как весьма незначительных сфер бытовой жизни староверов, так и крайне значимых для всего российского общества условий взаимодействия староверия с государством. Устанавливая общий характер отношений в семье, религиозной группе и всем беспоповском направлении, сибирский раскол оказывал глубокое влияние, помимо духовной, и на политическую, экономическую и социальную жизнь общества.

Не стоит и говорить о том, что воззрения сибирских староверов-беспоповцев являлись весьма специфичными и крайне отличались от религиозных заповедей как православного населения, так и представителей поповского направления старообрядчества. Можно с уверенностью сделать вывод о том, что причинами столь значительных расхождений близких по происхождению религиозных течений явились условия существования беспоповского направления, включавшие ряд социальных, экономических, политических и географических факторов, отличавшихся от реалий жизни православной или белокрыницкой общин. Вследствие этого встает задача исследования мнимых и реальных причин складывания и закрепления вероисповедных норм в рамках идеологии беспоповства.

Говоря о причинах появления в мировоззрении сибирских старообрядцев идеи отказа от священства и всего церковного аппарата, следует подчеркнуть, что формирование данной вероисповедной нормы явилось результатом вовсе не сугубо религиозных измышлений. В действительности закрепление в идеологии сибирского староверия данной нормы произошло под влиянием весьма прозаичных факторов. После распространения раскола в Сибири староверы десятилетиями были вынуждены жить в уединенных скитах вдали от любых религиозных центров, священства и церкви. Со временем ввиду необходимости продолжения религиозных практик старообрядцы были вынуждены приспособиться к этому состоянию, а породив институт начетчиков, уже не видели никакой необходимости ни в храмах, ни даже в священстве.

В свою очередь идея о «временах века» сформировалась под воздействием ряда принципиально отличающихся факторов. Данная «концепция» появилась на свет ввиду необходимости обоснования беспоповцами их разрыва с РПЦ, непринятия священства и исповедования ими идей бегства от цивилизации. Наиболее удобным способом аргументации этих действий стало признание беспоповцами наступления последних времен, скорого пришествия Страшного суда, воцарения в мире антихриста. Установление данных положений позволило беспоповцам говорить о том, что церковь является институтом порабощения людей, священство потеряло прежнюю дарованную ему Богом благодать, а каждый истинный христианин должен бежать из мира, где царствует антихрист⁵⁴.

Таким образом, мы можем наблюдать тенденцию, характерную для старообрядческого вероучения, при которой появление и бытование одной религиозной нормы тесно связано с существованием множества других вероисповедных предписаний. В данном случае «концепция» не просто глубоко зависела от рассмотренных ранее предписаний, но и само ее появление стало лишь одним из следствий их функционирования.

Наличие в мировоззрении беспоповцев глубокой враждебности и неприязни по отношению к иноверцам, сопровождавшееся существованием ряда религиозных норм, целью которых было установление границ между православным и старообрядческим населением, в свою очередь было связано с рядом социальных факторов той эпохи. Причинами крайнего озлобления староверов

по отношению к православному населению становились предшествовавшие этому притеснения беспоповцев со стороны официальной церкви.

Как правило, факторами, провоцировавшими староверов на противостояние православному обществу, были ущемление их свобод государством и официальной церковью, постоянное давление православных миссионеров на беспоповскую общину, а также враждебность православных по отношению к старообрядцам⁵⁵. Однако с изменением отношения власти к расколу и введением более мягких способов взаимодействия со староверами менялось и отношение беспоповцев к православному сообществу. Данная тенденция раскрыта в трудах А.С.Пругавина, который, в частности, заявлял, что сибирское староверие конца XIX — начала XX вв. совершенно не отличается такими качествами, как скрытность и враждебность, которые, однако, крепко закрепились в умах населения Российской империи и даже приняли облик стереотипов⁵⁶.

Для изучаемого нами периода были характерны лояльное отношение власти к расколу и, как следствие, «деградация старообрядчества»⁵⁷, под которой можно понимать ослабление фанатизма и враждебности беспоповцев. В подтверждение тому можно привести как получившие широкую огласку случаи поддержки зажиточными старообрядцами голодающего крестьянского населения, так и менее известные случаи заключения смешанных браков или объединения православных и поморцев в религиозном диспуте против немояков⁵⁸.

Вследствие порой крайне напряженных отношений староверов с государством негодование беспоповцев находило отражение в восприятии ими царя и всей правящей династии, что в свою очередь стало главной причиной формирования у старообрядцев идеи об образе антихриста. Смягчение государственного гнета по отношению к староверам с воцарением Александра II, а также окончательная легализация старообрядчества указом 17 апреля 1905 г. и манифестом от 17 октября 1906 г. стали главными условиями для дальнейшего развития данного религиозного течения.

Естественно, что процесс «построения диалога» между государством и староверием со временем стал принимать обоюдный характер. Так, переименование «раскольников» в «старообрядцев», по словам Леонида Соловьева, «дало им [старообрядцам]

возможность утверждать перед темным народом, что раскол есть истинное православие, ибо сам царь признал истинность их веры»⁵⁹. Нельзя не заметить, как царь, совсем недавно олицетворявшийся у старообрядцев с антихристом и всем земным злом, уже к началу XX в. предстает в образе человека, к советам которого они прислушиваются и авторитету которого доверяют.

Сходные факторы лежат и в основе формирования концепции мученичества. Так, нехарактерные для рассматриваемого нами периода, но все же имевшие место прецеденты религиозных убийств и самоубийств берут свое начало еще во второй половине XVII в. Как правило, они становились реакцией на государственные гонения против староверов, усиливались в периоды религиозных притеснений и почти полностью исчезали с установлением веротерпимости. Под угрозой заключения под стражу, пыток или казни староверы предпочитали совершать типичное для XVII—XVIII в. самоожжение, лишь бы не попадать в руки к властям⁶⁰. С вступлением на престол Александра II и наступлением в Российской империи веротерпимости старообрядческие религиозные убийства и самоубийства теряют всякую практическую значимость, находят проявления лишь в весьма ограниченном ряде случаев и осуществляются, по большей части, лишь как дань традициям. В свою очередь, практика бегства в скиты также имела своей реальной причиной элементарный страх староверов перед угрозой рекрутчины, налогового гнета и, кроме того, нежелания беспоповцев исполнять отдельные общественные повинности⁶¹.

Актуальным продолжает оставаться вопрос о факторах, способствовавших складыванию в среде беспоповства представлений о неизменности бытовых и обрядовых установлений. Вероятно, причинами могли стать географические и климатические условия той местности, в которой проживали староверы. Вследствие удаленности от крупных социальных центров, крайней неустроенности путей сообщения, нежелания вступать в контакты с лицами из иных религиозных групп сибирские старообрядцы оказались изолированными от основных очагов раскола, от цивилизации и ее достижений.

Со временем неприятие каких бы то ни было новшеств в беспоповской культуре могло перерасти в своеобразную традицию. В дальнейшем отказ от старых норм и усвоение новых связывалось лишь с изменением условий существования беспоповцев.

Так, при освоении Дальнего Востока староверы, столкнувшись с фактом повального отсутствия женщин, достигших брачного возраста, были вынуждены заключать браки с женщинами из племен аборигенов-иноверцев, что ранее жестко осуждалось беспоповским мировоззрением. Ряд приходов, не имея по разным причинам возможности производить зерновые культуры, прибегал к выращиванию картофеля, запрещенного ранее⁶².

Можно говорить о том, что мировоззрение беспоповского направления старообрядчества было продуктом уникального сочетания ряда условий, в число которых входила и сословная характеристика его приверженцев, и географические условия той местности, где оно зародилось. Появление такого феномена, как беспоповство, существовавшего в столь разных вариациях, явилось прямым следствием потребностей в нем старообрядческого населения, оказавшегося в условиях, когда каждый отдельно взятый населенный пункт вынужден был вести обособленный образ жизни и регулировать свой быт и религиозные воззрения в частном порядке. Данное религиозное течение не являлось чем-то архаичным и закостенелым, а, напротив, видоизменяло свое вероисповедное содержание, находя, однако, возможность сохранять бытовую сторону жизни своих последователей максимально неза тронутой.

Примечания

¹ На путях из Земли Пермской в Сибирь / Под ред. В.А.Александрова. М., 1991. С. 288.

² Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1988. С. 275.

³ Пругавин А.С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. М., 1905. С. 76.

⁴ Покровский Н.Н. Путешествие... С. 179.

⁵ Там же. С. 35, 202.

⁶ Отчет священника о своей деятельности в раскольническом приходе // Тобольские епархиальные ведомости (далее — ТЕВ). 1887. № 21—22. С. 155.

⁷ Покровский Н.Н. Путешествие... С. 34.

⁸ Соловьев Л. Сведения о состоянии раскола и сектантства в Тобольской епархии. Тобольск, 1909. С. 11.

⁹ Сырцов И.Я. Старообрядческая иерархия в Сибири. Тобольск, 1882. С. 46.

¹⁰ Покровский Н.Н. Путешествие... С. 33.

- ¹¹ Александров И. Разговоры о вере с наставником Спасова согласия Аввакумом Анисимовым и наставниками других согласий. М., 1882. С. 21.
- ¹² Соловьев Л. Сведения о состоянии раскола... С. 2.
- ¹³ Немоляки // ТЕВ. 1883. № 21. С. 444.
- ¹⁴ Современное состояние раскола в Тобольской епархии // ТЕВ. 1883. № 23—24. С. 488.
- ¹⁵ Пругавин А.С. Религиозные отщепенцы. Вып. 2. СПб., 1904. С. 67.
- ¹⁶ Там же. С. 7.
- ¹⁷ Немоляки. С. 443.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Пругавин А.С. Раскол и сектантство... С. 32.
- ²⁰ Покровский Н.Н. Путешествие... С. 142.
- ²¹ Современное состояние раскола... С. 488.
- ²² Беседа с старообрядцами-беспоповцами о том, что есть вера и обряд // ТЕВ. 1883. № 4. С. 47.
- ²³ Соловьев Л. Сведения о состоянии раскола... С. 22.
- ²⁴ Беседа с старообрядцами-беспоповцами... С. 77.
- ²⁵ Немоляки. С. 443.
- ²⁶ Современное состояние раскола... С. 492.
- ²⁷ Там же. С. 490.
- ²⁸ О расколе Брылинской волости и соседних с ней местностей // ТЕВ. 1888. № 21—22. С. 437.
- ²⁹ Покровский Н.Н. Путешествие... 247.
- ³⁰ Современное состояние раскола... С. 495.
- ³¹ Там же. С. 489.
- ³² Там же. С. 490.
- ³³ Покровский Н.Н. Путешествие... С. 34
- ³⁴ Пругавин А.С. О необходимости и способах всестороннего изучения русского сектантства. СПб., 1880. С. 3.
- ³⁵ Паспорт старообрядцев-бегунов // ТЕВ. 1885. № 21—22. С. 504.
- ³⁶ Богоявленская вода у раскольников (беспоповцев) и освящение ее // ТЕВ. 1888. № 1—2. С. 39.
- ³⁷ Смерть раскольника крестохуителя // ТЕВ. 1886. № 12. С. 216.
- ³⁸ Современное состояние раскола... С. 495.
- ³⁹ Покровский Н.Н. Путешествие... С. 131.
- ⁴⁰ Соловьев Л. Сведения о состоянии раскола... С. 47.
- ⁴¹ На путях из Земли Пермской... С. 278.
- ⁴² Александров И. Разговоры о вере... С. 5.
- ⁴³ Пругавин А.С. Самоистребление: Проявления аскетизма и фанатизма в расколе (очерки, аналогии, параллели) // Русская мысль. 1885. Кн. 1. С. 13.
- ⁴⁴ Пругавин А.С. Запросы и проявления умственной жизни в расколе // Русская мысль. 1884. Кн. 1. С. 190.
- ⁴⁵ Причины возникновения в русской церкви раскола (по Щапову) // ТЕВ. 1882. № 11—12. С. 221.
- ⁴⁶ Современное состояние раскола... С. 491.
- ⁴⁷ Покровский Н.Н. Путешествие... С. 36.

- ⁴⁸ Немоляки. С. 114.
- ⁴⁹ Пругавин А.С. Религиозные отщепенцы... С. 70.
- ⁵⁰ Пругавин А.С. Раскол и сектантство... С. 45.
- ⁵¹ Пругавин А.С. Самоистребление... С. 79.
- ⁵² Там же. С. 91.
- ⁵³ Пругавин А.С. Самоистребление... // Русская мысль. 1885. Кн. 2. С. 151.
- ⁵⁴ Пругавин А.С. Раскол и сектантство... С. 19.
- ⁵⁵ Соловьев Л. Сведения о состоянии раскола... С. 1.
- ⁵⁶ Пругавин А.С. О необходимости и способах... С. 22.
- ⁵⁷ На путях из Земли Пермской... С. 287.
- ⁵⁸ Немоляки. С. 447.
- ⁵⁹ Соловьев Л. Сведения о состоянии раскола... С. 7.
- ⁶⁰ Покровский Н.Н. Путешествие... С. 135.
- ⁶¹ Там же. С. 131.
- ⁶² Там же. С. 35.

Глава 9

НОВНИКОЛАЕВСКОЕ ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ (1895—1920 гг.): ОБЗОР АРХИВНОГО ФОНДА

За последнее двадцатилетие опубликован целый ряд научных исследований по истории одного из самых больших и интересных сибирских городов — Новониколаевска (Новосибирска). В то же время, не все вопросы организации общественной жизни и развития местного хозяйства исследованы на должном уровне¹. Большая часть документальных источников, касающихся деятельности городских органов власти, еще не исследована. К тому же явное преобладание публицистики и игнорирование архивных документов в работах исследователей приводит к элементарным ошибкам и искажению исторических фактов. Своевременной является дальнейшая работа по подготовке соответствующих справочников и сборников документов.

В данной работе представлен обзор документов архивного фонда Новониколаевского городского самоуправления в досоветский период, показана степень их информативности для исследования различных аспектов жизнедеятельности.

Документы городских органов управления и подведомственных им организаций — источники массового характера, при изучении которых необходимо применять, прежде всего, методы количественного анализа. Данная совокупность источников при всем многообразии структуры, содержания и происхождения имеет общие свойства формы и содержания, что дает возможность единого научного подхода для их изучения.

Порядок делопроизводства городских управлений регламентировался нормативными актами 1860—70-х гг., которые с изменениями и дополнениями действовали до 1917 г. Вследствие этого сложилась система документов органов местного самоуправления, которая имеет целостный, системный характер, стандартную и однотипную форму, взаимосвязанность и взаимозависимость. Городовые положения 1870 и 1892 гг. четко устанавливали виды нормативных документов, издаваемых городской властью: постановления

и распоряжения, которые не могли выходить за пределы ее компетенции, иначе они признавались недействительными². Наряду с этим, порядок функционирования городских управлений регламентировался мнениями (определениями) Госсовета, указами Правительствующего Сената, циркулярами Хозяйственного департамента (Главного управления местного хозяйства) МВД и губернской администрации.

Делопроизводственная документация городских управлений наиболее полно отражает практическую реализацию их функциональных обязанностей. Систематизировать данные документы можно по видам: организационно-распорядительные (приказы, циркуляры, инструкции, предписания); справочно-информационные (протоколы, переписка, донесения, акты дознаний, списки, ведомости и др.); отчетно-статистические акты (обзоры, ежемессячные отчеты и др.); документация по личному составу (формулярные и послужные списки, списки личного состава и пр.).

Согласно описи архивного фонда Д-97 «Новониколаевская городская управа» Государственного архива Новосибирской области, на хранении находятся 420 (в том числе, 45 литературных) дел за 1895—1920 гг. Фонд составили различные виды документов органов городского самоуправления, отложившихся за период их деятельности: циркуляры центральных органов власти; циркуляры и предписания Томского губернского управления; постановления, журналы заседаний Новониколаевской городской думы и управы, отделов канцелярии и комиссий, финансовые отчеты городской управы, обращения граждан и др. В 1982 г. опись фонда Д-97 перерабатывалась. В процессе переработки были отредактированы заголовки дел, проведена пересистематизация дел по хронологически-номинальному принципу. К описи составлен научно-справочный аппарат: оглавление, предисловие, переводная таблица. В настоящее время архивный фонд оцифрован и в электронном виде представлен в читальном зале архива.

Каждое направление в работе органов Новониколаевского городского самоуправления предполагало наличие как общей системы документации, так и специальных подсистем. К первой группе отнесем документацию, связанную с организацией и проведением выборов в городскую думу и подведомственные ей учреждения. Перечень таких документов насчитывает более трех

десятков видов: это, во-первых, нормативные акты (приговоры жителей, постановления думы, журналы управы), а также журналы заседаний думы и отчеты губернатору по вопросам составления списков избирателей, назначения и обеспечения избирательных собраний всем необходимым и подведения итогов работы; во-вторых, различные списки лиц, от имевших право голоса и кандидатов в гласные думы до баллотировавшихся на выборные должности местной управы, учреждений и ведомств (городской голова, председатели судов и их заместители, члены управы, оценщики, аукционисты, торговые депутаты, городской секретарь, члены городских комиссий и др.), составленные уже после выборов³; в-третьих, материалы, обеспечивающие саму процедуру выборов (объявления управы о назначении выборов, избирательные доверенности, счетные карточки, настольные книги избирателей для их регистрации, баллотировочные листы и пр.). Особую подгруппу составляют заявления и жалобы горожан, имевших право в семидневный срок обжаловать допущенные в ходе выборов нарушения⁴.

Отдельно следует назвать первый официальный акт, положивший начало выборному институту местного самоуправления в Новониколаевске — приговор жителей, принятый 3 декабря 1895 г., о преобразовании поселка в посад или город. В приговоре, в частности, отмечалось, что «население нашего поселка, принадлежащее преимущественно к разночинцам, не имеет никакого общественного устройства, поселок возник всего два года назад, из нескольких дворов, перенесенных из села Кривошекова, отсутствие всякого общественного управления не дает возможности позаботиться о благоустройстве поселка, не смотря на пятитысячное народонаселение». Для ходатайства перед правительством сход жителей избрал уполномоченными трех лиц: крестьянина Пермской губернии М.В.Попова, колыванского купца С.М.Яренского и барнаульского мещанина Е.Г.Шапкина. Прошение подписали 1 075 человек⁵.

Большая часть связанных с выборами документов представлена в виде таблицы с различными цифровыми показателями, что дает возможность для сравнительно-статистического анализа. Так, списки избирателей как источник представляют сведения о лицах, участвовавших в местных выборах, а также данные об уплате ими

налогов в бюджет города. На практике новониколаевской управе составить первый список избирателей оказалось делом крайне сложным. Сословная структура местного общества была неоднородной. По подсчетам ученых, более 70% жителей Новониколаевска составляли выходцы из крестьян. Не смотря на проживание в городе, они оставались причисленными к крестьянскому сословию. Второй по численности группой являлись мещане (около 25%), а третьей — купцы — примерно 2% от всего населения⁶.

Первый список избирателей (1904 г.) насчитывает более 820 фамилий, что составляло менее одной четверти жителей города; свыше 70% из них владели собственностью стоимостью от 100 до 300 руб. и немногим более 1% — более 3 тыс. руб. В списке 730 мужчин и 84 женщины, а также 7 представительств от учреждений и торгово-промышленных заведений, из которых самым богатым «избирателем» стал Торговый дом «Иван Тимофеевич Суриков и Сыновья» с оценкой его недвижимости в 17 200 руб., а из частных лиц — Маштаков Федор Данилович, его собственность оценивалась в 14 000 руб. В разработанный список после ряда обращений и жалоб населения были внесены дополнения и изменения⁷.

Из материалов выборного производства следует, что в первых выборах 12 сентября 1904 г. приняли участие около 160 избирателей. Список и выборный лист схода домовладельцев содержат перечень фамилий лиц, избранных городскими уполномоченными: Лапшин Лев Иванович (представитель компании Е.А.Жернакова); Горохов Владимир Александрович (торговый дом); Кривцов Петр Иванович; Рунин Алексей Иванович; Суриков Иван Тимофеевич (торговый дом); Манаков Дмитрий Федорович; Луканин Александр Михайлович; Литвинов Николай Павлович; Кузнецов Григорий Максимович; Федоров Никанор Захарович; Унжин Дмитрий Степанович; Самойлович Иван Николаевич; Крюков Яков Григорьевич; Титлянов Илья Григорьевич; Маштаков Федор Данилович. Сход домовладельцев также избрал 7 кандидатов в уполномоченные (кадровый резерв). Высокий имущественный ценз обеспечивал предпринимателям преобладание в составе органов местной власти. Если в собрание уполномоченных первого созыва 1904—1908 гг. еще «прошли» крестьяне (скажем, И.Г.Титлянов, З.Г.Крюков, Д.Ф.Манаков), то в последующие годы

с усилением торгово-промышленного значения города их из думского состава «вытесняли» купцы, мещане и почетные граждане, являвшиеся крупными торговцами, промышленниками и домовладельцами.

Согласно источникам, городское управление в полном объеме было введено с 1 января 1909 г., т.е. с избранием городской думы и управы. Из объявления управы видно, что выборы гласных в Новониколаевскую городскую думу на первое четырехлетие (1909—1913 гг.) были назначены на 18 января 1909 г. и проходили на одном общем для всех районов города избирательном собрании. Из-за имевших место нарушений процедуры они были признаны недействительными. На повторных выборах 1 марта 1909 г. из 196 баллотировавшихся лиц 40 прошли в гласные и два — в кандидаты к ним. 15 марта 1909 г. собрание доизбрало 14 кандидатов.

Из списка гласных следует, что в число 40 думцев вошли: 24 купца, два промышленника, два подрядчика, два врача, присяжный поверенный, полковник действительной службы, служащий железной дороги (машинист), управляющий торговым предприятием, биржевой маклер и пять домовладельцев. 10 апреля гласные выбрали из своего состава городского голову Н.П.Литвинова, членов управы Е.М.Захарова, Г.М.Кузнецова и кандидата к ним Р.С.Шалля. Любопытно, что кандидатуру Н.П.Литвинова губернатор не утвердил, и 29 апреля последовало избрание на должность городского головы В.И.Жернакова, который занимал ее на протяжении всего выборного срока. 20 сентября 1911 г. новым городским головой был избран Р.С.Шалль.

Вторую группу составляют социально-демографические и кадровые документы: формулярные списки служащих; заявления, рапорты, отзывы, клятвенные обещания, особые мнения гласных думы и служащих по различным вопросам работы; временные увольнительные свидетельства; штатные расписания; ведомости об изменениях личного состава служащих и окладов их содержания и др.⁹ Для большинства из них также характерна списочно-табличная форма.

Интересные сведения содержатся в «особых мнениях» гласных. В частности, 3 апреля 1914 г. гласный думы Р.М.Копылов подал в думу особое мнение на результаты выборов городского головы А.Г.Беседина. Согласно этому документу, приобщенному

к журналу думы, гласный указывал на нарушения, допущенные в ходе выборов (сильная агитация за Беседина, недочеты в процедуре избрания), вследствие чего их следует (по его мнению) признать неправильными. Однако протестов на результаты выборов со стороны губернатора не последовало, о чем свидетельствует надпись «журнал пропущен к исполнению»¹⁰.

Штатное расписание городской управы составлялось с указанием числа служащих и размеров их жалования в течение года (см. табл. 1). Штат канцелярии, как правило, не превышал 10—15 человек и включал должности городского секретаря (думы и управы), бухгалтера и его помощника, столоначальников, делопроизводителей 1-го и 2-го стола, архивариуса и письмоводителей. Однако с развитием города численность и должностной состав местной управы, а также расходы на его содержание только увеличивались. К примеру, по свидетельству журнала думы, в 1915 г. была учреждена четвертая должность члена городской управы¹¹.

Таблица 1

Личный состав Новониколаевской городской управы, 1914 г.¹²

№ п/п	Должность	Ф.И.О.	Выплата жалования за год (руб.)	
			дебет	кредит
1	Городской голова	Жернаков В.И. (до марта)	1083	1083
		Беседин А.Г. (с апреля)	3472	3472
2	Член управы	Шаль Р.С.	2856	2700
3		Стоилов И.Ф.	2447	2400
4		Кузнецов Г.М.	2477	2400
	всего		12335	12055

К этой группе следует отнести записи актов гражданского состояния (метрические книги, посемейные списки представителей различных сословий — купцов, мещан, почетных граждан города и др.), которые в основном велись и хранились в канцелярии городской управы. Информационные возможности данного комплекса документов достаточно высоки. По их данным можно проследить количественный, религиозный, профессиональный состав

жителей. В частности, сохранилось дело о приписке к обществу мещан жителей г. Новониколаевска, подавших заявления в Томскую казенную палату¹³. Согласно источникам, за 18 лет численность населения города увеличилась в 17 раз: 1896 г. — до 5 000, 1899 г. — 14 000, 1903 г. — 22 257, 1907 г. — 47 000, 1910 г. — 52 695, 1914 г. — 86 419 человек¹⁴.

Формулярные списки содержат сведения о социальном составе городской думы и подведомственных ей структур. Они выполнены на специальном типографском бланке в виде таблицы из 14 граф, куда служащие вносили свои персональные данные: чин, фамилию, имя, отчество, вероисповедание, происхождение, наличие собственности, образование, семейное положение, сведения о службе, награждениях, наложении штрафов, нахождении под следствием и др. Официальный статус этих документов позволяет утверждать о высокой степени достоверности содержащейся в них информации¹⁵.

Третья группа — финансово-бухгалтерские документы. К их составлению и хранению городская управа подходила с особой тщательностью, создавала специальные финансовые, оценочные, учетные и ревизионные комиссии. В результате деятельности как их, так и самой управы отложился значительный комплекс документов, связанных с текущим ведением и проверкой местных финансов (ежемесячные приходно-расходные сметы, кассовые книги, материалы ревизий, книги о ежедневном поступлении сумм в кассу управы, ведомости о невыполненных расходах и городских недоимках, балансы, счета, талоны, оценочные ведомости имущества, планы, чертежи и др.).

Анализ финансовых документов показал, что форма расписания о доходах и расходах для городских управлений была стандартной (унифицированной). Документ имел определенный формат (соответствующий современному А3) и представлял собой многоуровневую таблицу из 8 граф с подразделениями¹⁶. Обязательно указывались: номер статьи расходов или доходов и основание для ее формирования (норма Городового положения, другие нормативно-правовые акты или специальное постановление думы), израсходованные (или полученные) суммы по статьям в прошлые годы, ассигнованные суммы на текущий год, расчеты, сметные

исчисления на год (по предложению управы и утверждению думы). Расписание (смета) включало два раздела: расходы и доходы.

Из материалов фонда видно, что первый местный бюджет, весьма специфический и вместе с тем похожий на бюджеты других сибирских городов, городское собрание утвердило 11 февраля 1905 г. Расходы направлялись на содержание городского управления, полицейского управления, воинской квартирной повинности, на народное образование, медицинское, санитарное обслуживание и благоустройство. Перечень сметы доходов и расходов был сбалансирован. Бюджет не вызвал нареканий у уполномоченных, которые нашли, что «сметы, насколько возможно в первый год, составлены правильно, статьи прихода и расхода основаны на указаниях и постановлениях уполномоченных и сведены без дефицита»¹⁷.

Сметы городских доходов и расходов за 1905—1915 гг. свидетельствуют об интенсивном развитии местного хозяйства, росте всех экономических показателей, налоговых сборов и стоимости городской недвижимости. Бурный рост экономики за 10 лет позволил увеличить местный бюджет более чем в 21 раз (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика развития местного бюджета и стоимости городской недвижимости, 1905—1915 гг.¹⁸

Год	Бюджет города (руб.)	Рост в %	Стоимость недвижимости (руб.)	Рост в %
1905	82 578	-	2 245 079 (1908 г.)	-
1909	399 604	384%	3 224 845	44%
1910	630 198	58%	4 661 487	44%
1911	935 972	49%	5 029 863	8%
1912	1 000 070	7%	5 229 800	4%
1913	1 140 635	14%	8 475 146	62%
1914	1 234 701	8%	8 411 820	-0,8%
1915	1 714 269	39%	-	-

В специальных ведомостях городская управа отслеживала и фиксировала уровень цен на предметы первой необходимости на рынке города. По этим документам можно проследить динамику цен в разные периоды. Ситуация заметно дестабилизировалась

с началом войны. По данным ведомостей, цены на отдельные товары взлетели от 12 до 100% (см. табл. 3).

В отдельную группу следует выделить нормативно-правовые акты городской думы и управы, устанавливавшие основы жизнедеятельности города. Среди них особую категорию составляют обязательные постановления городской думы. Городовыми положениями 1870 и 1892 гг. устанавливался перечень вопросов, по которым выносились подобные акты: меры предосторожности от пожаров, санитарные, против порчи воды, безопасности против домашних животных; порядок содержания в исправности улиц, площадей, мостовых, тротуаров и других мест общественного пользования; производство извозного промысла; внутренний распорядок на ярмарках, рынках и базарах, и др.

Таблица 3

**Динамика роста цен на предметы первой необходимости,
июнь 1914 — июнь 1915 гг.¹⁹**

Товар	Вес	июнь 1914 г. (руб.)	июнь 1915 г. (руб.)	% повышения
Дрова березовые	пог. саж.	5,25	10,50	100
Уголь каменный	пуд	0,16	0,19	19
Керосин	пуд	2,05	2,60	27
Сахар пилёный	пуд	6,25	8,50	36
Сахар головной	пуд	6,06	8,30	37
Сахар песок	пуд	5,37	7,10	32
Чай байховый	фунт	1,64	2,35	40
Чай прессованный	фунт	0,97	1,60	64
Чай кирпичный	доска	1,45	1,80	24
Соль	пуд	0,57	0,75	30
Мясо	пуд	4,80	5,40	12,5
Мука пшеничная	пуд	0,67	0,95	41
Мука ржаная	пуд	0,60	0,87	46
Рыба соленая	пуд	3,60	5,00	39

В обязанности полиции входило наблюдение за точным исполнением жителями подобных постановлений и наложение штрафов за их нарушение. Например, в рапорте от 25 ноября 1909 г. полицмейстер г. Новониколаевска представил губернатору протокол на

крестьянина С.А.Скородумова за нарушение им п. 2 обязательного постановления думы, с наложением денежного штрафа 10 руб.²⁰

Проекты обязательных постановлений, как правило, разрабатывались специальными комиссиями и перед утверждением их думой сообщались начальнику местной полиции, который давал свое заключение. Последний также обладал правом разрабатывать и вносить такие проекты на рассмотрение городского собрания. Принятые на местном уровне нормативы сообщались губернатору и при его положительном рассмотрении утверждались губернским управлением и издавались в «Томских губернских ведомостях»²¹.

По нашим подсчетам, за 1905—1917 гг. городская власть приняла более 40 обязательных для жителей постановлений. Список обязательных постановлений г. Новониколаевска:

1. О воспрещении оптовой скупки хлеба во время базарных дней в г. Новониколаевске ранее установленного срока (1905 г.).

2. Об убое скота на мясо, об осмотре мясных продуктов и о продаже их в Новониколаевске (1906 г.).

3. Об устройстве в г. Новониколаевске домовладельцами против их усадеб водосточных канав и тротуаров (1907 г.).

4. О предупреждении появления и развития разного рода болезней на скоте и собаках (1908 г.).

5. Об обеспечении нормального отдыха служащих в торгово-промышленных заведениях г. Новониколаевска (1908 г.).

6. О внутреннем устройстве и порядке содержания пивных лавок (1908 г.).

7. О нормальном отдыхе служащих в ремесленных заведениях г. Новониколаевска (1908 г.).

8. О праздничном отдыхе служащих в торговых заведениях и конторах в г. Новониколаевске (1908 г.).

9. О мерах предосторожности от пожара (1908 г.).

10. О легковом извозном промысле в г. Новониколаевске (1909 г.).

11. О воспрещении возводить деревянные постройки в некоторых кварталах Центральной части г. Новониколаевска (1909 г.).

12. Для содержателей постоянных дворов в г. Новониколаевске (1910 г.).

13. Для лиц, занимающихся водовозным промыслом в г. Новониколаевске (1910 г.).
14. О древонасаждении на улицах г. Новониколаевска (1910 г.).
15. О мерах предосторожности от пожаров (второе, 1911 г.).
16. О санитарно-ветеринарном осмотре сырых животных продуктов от крупного и мелкого скота и о местах вымачивания и сушки этих продуктов (1912 г.).
17. О возведении временных заборов при постройках, переустройствах домов, выходящих на улицу, а также при сломе их в г. Новониколаевске (1913 г.).
18. О местах при торговле сливочным маслом в г. Новониколаевске (1913 г.).
19. О порядке содержания в исправности улиц, площадей, канав, естественных стоков, тротуаров и переходов (1913 г.).
20. О санитарно-ветеринарном осмотре сырых животных продуктов от крупного и мелкого скота и о местах вымачивания и сушки этих продуктов, в отмену изданного в 1912 г. по этому предмету обязательного постановления (1913 г.).
21. Об оптовой покупке зернового хлеба для перепродажи и промышленных целей в г. Новониколаевске (1913 г.).
22. Об открытии столовых и кофеен (1913 г.).
23. О порядке содержания в исправности улиц, площадей, канав, естественных стоков, тротуаров и переходов (второе, 1914 г.).
24. О воспрещении оптовой закупки в г. Новониколаевске жизненных припасов первой необходимости ранее 12 часов дня (1914 г.).
25. О легковом извозном промысле (второе, 1915 г.).
26. О содержании булочных и других хлебопекарных заведений (1915 г.).
27. О содержании гостиниц, подворий, меблированных комнат и других заведений с отдачей в наем покоев (1915 г.).
28. О содержании колбасных заведений (1915 г.).
29. О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия (1916 г.).
30. О легковом извозном промысле в г. Новониколаевске на время войны (третье, 1916 г.).
31. О ломовом и легко-ломовом извозном промысле на время войны (1916 г.).

32. О запрете домохозяевам произвольно увеличивать квартирную плату (Новониколаевское городское народное собрание, от 6 мая 1917 г.).

33. Об уголовной ответственности лиц, виновных в появлении в публичных местах в состоянии опьянения (май 1917 г.).

34. О времени торговли мясом (май 1917 г.).

35. О введении с 1 июня минимальных ставок заработной платы (от 5 июня 1917 г.).

36. О введении твердых цен на продукты первой необходимости (от 9 июня 1917 г.).

37. Об установлении тарифных ставок минимальной заработной платы рабочим и служащим (от 7, 21, 28 июля 1917 г.).

38. Об извозном промысле (июнь 1917 г.).

39. О сохранении всех учреждений Совета рабочих и солдатских депутатов (от 26 июня 1917 г.).

40. Об установлении нормировки труда служащих торговых и промышленных предприятий г. Новониколаевска (от 26 июня 1917 г.).

41. О легковом извозном промысле в г. Новониколаевске (от 9 августа 1917 г.)²².

К ряду обязательных постановлений прилагались «таксы» на товары и услуги. Таксы вводились с целью сдерживать рост цен на рынке. Они лишь временно фиксировали движение рыночных цен, поэтому ситуация на рынке не стабилизировалась, рост цен продолжался. В этой связи таксы периодически пересматривались. Из документов фонда следует, что в городе действовали следующие таксы: для легковых извозчиков (1906 г.); на предметы продовольствия (от 22 июля 1914 г.); за перевоз через реку Обь (от 30 марта 1915 г.); на предметы продовольствия (от 5 мая 1915 г.); на сахар (23 июля 1915 г., 18 января 1916 г.); для легковых извозчиков на время войны (1916 г.); для ломовых и легко-ломовых извозчиков на время войны (1916 г.); по перевозке грузов (от 23 июня 1917 г.); для легковых извозчиков (от 26 июня 1917 г.)²³.

В целом, в обязательных постановлениях нашла отражение текущая нормотворческая деятельность местных думцев и членов городских комиссий, что позволяет достаточно полно представить перечень основных проблем, волновавших городскую власть в 1905—1917 гг.

Наибольший исследовательский интерес представляют содержащиеся в архивном фонде журналы заседаний городской думы и журналы присутствия управы. Для исследуемых обзоров характерны структурированность изложения информации, многоаспектная тематика и служебный характер, что обеспечивает им высокий уровень достоверности и информативности.

Все заседания думы и управы в обязательном порядке протоколировались. Журнал имел унифицированную форму: в верхнем поле документа указывались его вид и номер, название органа (Новониколаевская городская дума), дата заседания; в заголовке указывались фамилия должностного лица — председателя (как правило, это был городской голова или его заместитель) и повестка дня (один или несколько вопросов). Пункты повестки заседания нумеровались, каждый заканчивался определением думы; если решение по какому-либо вопросу не было принято, его рассмотрение переносилось на следующее заседание. В тексте журналов нередко встречаются пометы секретаря и городского головы. Подписывался документ участвовавшими в заседании гласными думы. Большинство решений думы оформлялись журналами²⁴. По некоторым важным вопросам выносились особые постановления.

Распорядительная деятельность присутствия городской управы фиксировалась в специальных журналах²⁵. Формуляр журнала был сходен с думским. Перед основным текстом указывались: наименование учреждения; дата заседания; его председатель и члены-участники. Основной текст обычно состоял из тех же частей (вопрос — обсуждение — справки — ссылки — решение). Структурно они могли не выделяться, но логика составления документа определяла последовательность изложения материала.

Журнальными определениями (постановлениями) оформлялись все решения городской управы как по отдельным подчас мелочным вопросам, так и по принципиально важным. В этой связи поиск значимой информации существенно затруднен отсутствием каких-либо перечней или алфавитных указателей по принятым решениям. Вместе с тем, о важности вопроса можно судить по специальным отметкам в журналах, в случае передачи дела «на благоусмотрение думы». Подобная запись состояла из двух частей: в правом верхнем углу документа отметка «В думу» и в конце журнала — решение гласных по этому вопросу.

В журналах прения по вопросу чаще всего заменялись изложением одного или двух мнений в поддержку того или иного проекта или против него. Содержательная часть таких источников — это официально принятое решение по существу дела, поэтому узнать, что и как действительно говорилось на заседании практически невозможно. Стенограммы, как последовательная запись хода собрания, в работе городского управления не использовались.

Журнальные постановления отражают процесс функционирования городской думы и управы, являются неопровержимым свидетельством их деятельности и характеризуют ее. Следовательно, данные источники раскрывают существовавшую систему управления и документирования, ее структуру и характер связей между элементами системы. Посредством протоколно-распорядительных актов городские власти решали различные управленческие задачи, среди которых основными являлись: регламентация, определение, назначение, регулирование, разрешение и утверждение. Например:

- регламентация основ жизнедеятельности: время открытия и закрытия торговых заведений, обеденный перерыв, запрет на торговлю в воскресные и праздничные дни; порядок ведения извозного и трактирного промыслов; организация мер против пожаров и др.;
- определение предметов налогообложения; размеров сборов; порядка и сроков их внесения в городскую кассу и пр.;
- назначение пособий, пенсий и жалования служащим;
- разрешение частных построек; открытие трактиров, гостиниц и пр.; регулирование торговых операций; цен на продукты первой необходимости; на продажу и сдачу в аренду муниципальной собственности;
- утверждение выборных должностных лиц; отчетов об итогах работы и исполнении смет; доходных и расходных статей бюджета; сложение недоимок.

Например, в одном из первых журналов заседания от 23 декабря 1904 г. городские избранные рассмотрели вопрос о городской пожарной команде. В то время у города не было собственных средств для самостоятельного открытия и оборудования пожарного обоза. Собрание постановило войти в сношение с вольно-пожарным обществом и ассигновать ему субсидию 3 000 руб. на 1905 г. с уплатой их ежемесячно по 250 руб.; приобрести на средства города 2 пожарные машины — ассигновать на это

800 руб., и 4 бочки — 200 руб. На этом же заседании решено было ассигновать средства на содержание двух начальных училищ, на мужское и женское — по 1 000 руб. каждому²⁶.

Журнал заседания от 10 января 1905 г. был посвящен вопросу определения численности полицейских стражников и назначению им содержания. Из текста документа видно, что личный состав полицейской команды был таков: два конных стражника (по 30 руб. в месяц); один старший и девять околоточных (по 25 руб.); двенадцать постоянных (по 15 руб.); один при канцелярии (10 руб.); один заведующий отвалом (25 руб.); два постоянных (по 15 руб.). Данные должности содержались на средства кабинета, кроме того, два — на средства города. В собрании присутствовал пристав, который заявил, что личного состава недостаточно, необходимо довести его до 40 человек. Уполномоченные постановили добавить 6 пеших стражников — по 180 руб. каждому в год — и внести эти расходы в городскую смету²⁷.

Интересно, что постановление от 9 августа 1907 г. о ночной охране города было принято по ходатайству местных жителей. По заявлению 13 домовладельцев города было решено организовать ночную охрану вооруженными стражниками и конными разъездами, предложить жителям оплатить наем стражников. 15 сентября 1907 г. было принято новое постановление. По собранным сведениям, решено нанять 43 обходчика, окарауливающих 1 672 усадьбы и получающих 10 340 руб. в год, т.е. по 20 руб. в месяц каждый. С 1 октября взамен существующих обходных решено нанять 35 конных стражников и 40 пеших; конным полагалось 30 руб. в месяц каждому, пешим — 20 руб. в месяц. Деньги на охрану собирались с жителей, а также выделялись средства городского бюджета; от города стражники получали вооружение; фураж, амуницию и лошадей приобретали за свой счет. Стражники состояли в ведении полицмейстера, но не могли нести других обязанностей, кроме ночного обхода²⁸.

Журнал заседания 13/14 декабря 1907 г. включал доклад смешанной комиссии о нормировке рабочего дня и отдыха служащих в торговых предприятиях. Из документа следует, что все предприятия разделялись на 5 групп: 1) все торгово-промышленные заведения, 2) базары и ярмарки, 3) торговля разносная и развозная, 4) торговля крепкими напитками, 5) склады и конторы,

бакалейно-гастрономическая торговля, фруктово-бакалейная торговля, погреба и винные лавки²⁹.

С помощью журналов думы также можно узнать о работе других учреждений на территории города, подведомственных местной власти (больниц, приютов, школ, ломбардов, банков, скотобоен и пр.), от которых зачастую не сохранилось дел. В частности, в журналах за 1908—1910 гг. периодически поднимался вопрос о сооружении в Новониколаевске электростанции. Однако по свидетельству документов городу не хватало средств для строительства электроцентрали. И все же в течение 1911—1912 гг. была сооружена небольшая электростанция, разместившаяся в каменном здании городских базарных весов. Станцию удалось оборудовать в 1912 г. хозяйственным способом за счет займа. Она дала ток 1 января 1913 г. Электростанция оборудовалась локомотивными Мальцевских заводов и генераторами системы «Сименс-Гальске», «Сименс-Шукерт» и «Браун-Бовери». Достройку приспособленного для нее здания произвело Томское технико-промышленное бюро. В 1913 г. предприятие обслуживало 540 абонентов, питая 5 610 ламп. По данным журналов, местная власть в 1914 г. приступила к сооружению второй электростанции, но начавшаяся война отодвинула эти планы³⁰. В журналах думы можно обнаружить важные сведения по решению данного вопроса в других городах и провести сравнительный анализ (см. табл. 4).

Таблица 4

Стоимость электроэнергии в городах страны, 1915 г.³¹

Город	Владелец электростанции	Вид топлива	Численность населения	Тариф / кВт час
Владивосток	концессия	уголь	101 000	14 коп.
Евпатория	город	уголь	40 000	9 коп.
Житомир	концессия	уголь	65 000	6 коп.
Либава	концессия	уголь	83 000	5 коп.
Самара	город	нефть	160 000	3 коп.
Смоленск	концессия	дрова	70 000	7 коп.
Псков	город	уголь	34 000	11 коп.
Тверь	концессия	дрова	55 000	4 коп.
Киев	концессия	-	450 000	4 коп.
Новониколаевск	концессия	уголь	86 000	8 коп.

Постановления, журналы думы и управы — массовые источники, имевшие стандартную форму и четкий формуляр, поэтому при их изучении можно применять различные методы научного познания. Более того, нормативные акты обладали общими свойствами формы и содержания, что дает возможность для единого исследовательского подхода.

Отдельно рассмотрим статистическую отчетность по различным сферам жизнедеятельности, отложившуюся в канцелярии городской управы. Статистические выкладки в совокупности с другими источниками позволяют точнее и многограннее представить картину хозяйственно-экономического состояния города.

Статистические акты можно объединить в группы, исходя из функционального назначения:

- финансово-хозяйственные операции (городская недвижимость, земельный фонд, уровень жизни населения, обороты финансовых институтов, приход и расход бюджетных средств, страхование имущества и др.);

- социально-демографические процессы (численность жителей, сословный и половозрастной состав, уровень грамотности, род занятости горожан, число браков);

- торговля и промышленность (обороты ярмарок, количество фирм, заводов и фабрик, объемы производства, промыслы, справочные цены на разные товары);

- социально-культурная деятельность (медицинские, учебные, культурно-развлекательные заведения, благотворительные общества, библиотеки, музеи и пр.);

- санитарно-противопожарное состояние (эпидемии, падеж скота, наводнения, пожары, сбор мусора и его переработка и пр.) и ряд других.

Среди документов фонда данной группы главное значение придавалось отчетам. Управа с разрешения думы определяла правила и сроки представления отчетов для подчиненных ей лиц и учреждений, проводила проверки и вносила на утверждение думского собрания доклады: 1) о своей деятельности; 2) о денежных оборотах по городским суммам и 3) о состоянии муниципальных имуществ и заведений³². По срокам выделялись месячные, квартальные, полугодовые и годовые отчеты, с преобладанием последних.

Отчет городского учреждения состоял, как правило, из двух частей: 1) финансово-хозяйственное обеспечение (поступление средств, материальные расходы, содержание служащих); 2) основные итоги профильной работы за год³³. В частности, городские учебные заведения сообщали в местную управу как о расходах на ремонт помещений, закупку литературы, жалование педагогическим работникам, так и по учебной части: численность и социальный состав учащихся, успеваемость и пр. Скажем, отчет реального училища за 1908 г. указывает на то, что к 1 января 1907 г. в нем обучалось 98 учеников, к 1908 г. — 176 учеников и к 1909 г. — 181 ученик³⁴.

Больницы, богадельни, сиротские заведения, состоявшие на балансе города, также представляли узаконенную отчетность. Отчеты свидетельствуют о состоянии дел в социальной сфере, необходимости введения мер по улучшению образовательного процесса, медицинского обслуживания населения и противоэпидемиологических акций (см. табл. 5).

Таблица 5

**Данные санитарного отдела управы о заболеваниях населения
в г. Новониколаевске, июнь 1914 — февраль 1915 гг.**³⁵

Заболевания	1914 г.							1915 г.	
	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль
Тиф брюшной	16	11	14	50	27	66	82*	52*	19*
Тиф сыпной	4	1	-	1	-	-	3**	40**	68**
Тиф возвратный	4	-	-	-	-	-	1	-	-
Скарлатина	12	16	8	22	11	8	15	10	1
Дифтерит	11	15	16	29	21	17	15	6	-
Дизентерия	7	4	6	37	20	19	10	1	-
Воспаление легких	-	-	1	-	3	8	13	17	2
Оспа натуральная	-	-	-	1	1	1	-	-	1
Корь	-	-	-	-	-	-	-	3	10

* из 82 чел. — 68 военнопленных и 14 горожан; из 52 — 49 военнопленных, 3 горожанина; из 19 — 18 военнопленных и 1 с поезда.

** 3 военнопленных; из 40 чел. — 32 военнопленных и 8 горожан; из 68 — 66 военнопленных и 2 с поезда.

Хозяйственная отчетность являлась основной в деятельности органов самоуправления, что позволяло им контролировать использование земельного фонда города, водных объектов, лесных угодий, регулировать и планировать застройку территории. Фиксация текущих операций велась управой посредством различных ведомостей, книг, журналов и списков, которые вместе с отчетами подлежали проверке членами ревизионной комиссии. Следует заметить, что наряду с управой первичный материал «оседал» в городских профильных комиссиях.

Отделы местной управы составляли сводные таблицы с разными статистическими показателями (например, Сводная таблица грузооборота г. Новониколаевска за 1907 г.)³⁶, которые представлялись в административные органы. Статистические акты городского управления являлись информационной основой ежегодных губернаторских отчетов, обзоров, памятных книжек и адрес-календарей.

Научный интерес представляют различные списки, которые велись профильными отделами управы³⁷. Весьма интересные сведения содержатся в списках учебных учреждений, по которым можно проследить, как развивалась образовательная инфраструктура города. С 1906 г. в городе было открыто 25 начальных училищ, из них 5 двухклассных и 20 одноклассных, 2 железнодорожных училища, мужское и женское, мужская церковно-приходская школа и смешанная частная Бутовича. В 1910 г. город приступил к постройке правительственной женской гимназии и ассигновал на нее 10 000 руб.³⁸

Согласно списку учебных заведений (1918 г.), в городе действовали: реальное училище, мужская гимназия, 1-я женская гимназия, 2-я женская гимназия, учительский институт, учительская семинария, торговая школа, 1-е женское высшее начальное училище, 2-е женское высшее начальное училище, 3-е женское высшее начальное училище, мусульманская школа, латышская школа, польская школа, литовская школа и 62 начальные школы³⁹.

Список же медицинских учреждений города был гораздо скромней (см. табл. 6).

В архивном фонде сохранились списки торгово-промышленных фирм и предприятий, что может стать информационной основой для изучения истории предпринимательства в городе. По спискам можно установить владельцев заведений, месторасположение, размер взимаемых налогов (см. табл. 7).

Таблица 6

**Список лечебных заведений г. Новониколаевска
на 5 февраля 1917 г.⁴⁰**

№ п/п	Наименование лечебного заведения	Число кроватей	Число больных
1	1-я Городская больница	40	50
2	2-я Городская заразная больница	50	40
3	Новониколаевская участковая сельская больница	10	7
4	Переселенческая больница	80	74
5	Больница Комитета беженцев	60	13
6	Приемный покой Омской железной дороги	45	37
7	Приемный покой Томской железной дороги	-	-
8	Приемный покой Алтайской железной дороги	-	-
9	Новониколаевский местный лазарет	350	282
10	148-й Сводный эвакуационный госпиталь	420	258
11	146-й Сводный эвакуационный госпиталь	420	261
12	Военный концентрационный лагерь	4 500	-
13	Городские бараки для военнопленных	1 600	-
14	Закаменская городская амбулатория	2	2

Таблица 7

**Список трактирных заведений,
торгующих крепкими напитками, 1909 г.⁴¹**

№ п/п	Наименование заведения	Месторасположение	Размер обложения в год (руб.)
1	Буфет	Железнодорожная станция Новониколаевска	1 047
2	Буфет	Железнодорожное собрание	100
3	Буфет при городском собрании	Кабинетная улица, д. Крюкова	100
4	Трактир II разряда гр. Кудрявцева	Ассинкритовская улица, д. Соловьева	628
5	Трактир II разряда Тов-ва «Прогресс»	Тобизеновская улица, д. Зайцева	628
6	Трактир II разряда г. Гуренкова	Семипалатинская улица, д. Крюкова	628

7	Трактир II разряда Братьев Елинек	Михайловская улица, д. Маштакова	628
8	Трактир II разряда г. Повоженникова	Тобизеновская улица, д. Мартынова	444
9	Трактир III разряда г. Козлова	Михайловская улица, угол Межененовской	549
10	Трактир III разряда г. Пудовкина	Барнаульская улица, д. Чугаева	450
11	Пивная лавка с продажей горячей пищи г. Крюгера	Ассинкритовская улица, д. Соловьёва	366
12	Пивная лавка с продажей горячей пищи Тов-ва «Прогресс»	Михайловская улица, д. Маштакова	200
Всего			5 768

Кроме этого, в городе действовала 41 пивная лавка с обложением 60 руб. в год. В списке меблированных комнат 65 с числом номеров более 6-ти (по 8 руб. с каждой), остальных — 43 (по 6 руб.), постоянных дворов в Центральной части — 56 (по 30 руб. каждый), в Вокзальной и Закаменской частях — 8 (по 20 руб.); комнат при постоянных дворах — 33 (по 3 руб. за каждую); одна кофейня (100 руб.) и 21 бильярд (по 30 руб.)⁴¹.

Среди документов архивного фонда можно обнаружить списки судов и пароходовладельцев, по которым можно представить уровень развития судоходства в регионе, какие компании осуществляли перевозки людей и грузов по водным путям и др. (см. табл. 8). Сегодня в региональных архивах отдельные фонды по данной теме, по большей части, не отложились.

Таблица 8

**Список паровых и непаровых судов, плавающих по р. Оби,
между Новониколаевском и другими пристанями
Обского бассейна за период навигации 1907 г.**⁴²

№ п/п	Владелец	Наименование	Назначение пароходов	Число сил каждого
1	Наследники В.Е.Ельдештейна	Любимец	товарно-пассажирский	60
		Россия	товарно-пассажирский	80
		Алтаец	товарно-пассажирский	35
		Полезный	буксиро-пассажирский	28

		Ал. Невский	товарно-пассажирский	100
		Нарымец	буксиро-пассажирский	80
2	Тов-во «Д.М.Плотников и Сыновья»	Почетный	товарно-пассажирский	70
		Гражданин	буксиро-пассажирский	100
		Потомственный	буксиро-пассажирский	50
		Работник	буксиро-пассажирский	130
3	Е.И.Мельникова	Дедушка	буксиро-пассажирский	100
		Волшебник	товаро-пассажирский	80
		Сибиряк	товаро-пассажирский	40
		Кормилец	товаро-пассажирский	50
		Воронцов	товаро-пассажирский	120
		Гуллет	товаро-пассажирский	120
4	Г.И.Фуксман	Владимир	буксиро-пассажирский	100
		Николай	буксиро-пассажирский	150
		Ильюша	буксирный	30
5	И.Е.Волков	Москва	буксиро-пассажирский	80
6	Тов-во Западно- Сибирского пароходства и торговли	Морозов	буксиро-пассажирский	120
		Первый	буксиро-пассажирский	100
		Второй	буксиро-пассажирский	80
		Шестой	буксирный	50
		Ал.Трапезников	буксирный	150
		Ив. Колчин	буксирный	120
		Товарищество	буксиро-пассажирский	180
		Ал. Морозов	буксирный	160
7	И.Н.Корнилова Наследники	Отец	буксиро-пассажирский	130
		Сын	буксиро-пассажирский	180
		Михаил	буксирный	80
		Дмитрий	буксирный	60
		Рыбак	буксирный	80
		Екатерина	буксирный	100
8	Богословское Горно-Заводское Общество	Горный	буксирный	60
		Заметный	буксирный	250
		Барнаулец	буксирный	120
9	А.В.Колмаков	Помощник	буксирный	60
10	В.А.Горохов	Мельник	буксирный	80
11	Е.Г.Морозова	Пионер	буксирный	20

Широко представлена в исследуемом фонде официальная переписка (донесения) — это основной источник сведений о взаимодействии городской администрации с губернатором, полицией,

казенной палатой, учреждениями, торговцами и частными лицами. Переписка велась на типографских бланках ведомств, изготовленных по специальным формам. Причем использовались как бланки учреждений, так и бланки должностных лиц⁴³. В служебной переписке представлен большой фактический материал по различным аспектам городской жизни. Донесениям как массовым источникам информационно-справочного и отчетно-аналитического характера придавалось особое значение: им свойственна оперативность, достоверность, взаимосвязанность, краткость, обстоятельность, описательность, однородность, повторяемость и аналогичность содержания.

Особая категория документов фонда — письменные обращения жителей: заявления (прошения) и жалобы⁴⁴. Особенностью таких источников является зафиксированное в них многообразие проблем, волновавших население, что позволяет тематически сгруппировать информацию, содержащуюся в письмах, в исследовательских целях: выборы, назначение и отстранение должностных лиц, уплата местных налогов и сборов, ходатайство о займах и пожертвованиях, общественный контроль за работой подведомственных городу учреждений; санитарно-противопожарная безопасность, частная застройка, торговля, промышленность, благоустройство, народное образование, здравоохранение, развитие культурной жизни, помощь малоимущим и др. Основная проблема заключается в том, что послания горожан «рассеяны» по делам фонда, а не сгруппированы в отдельные дела, что затрудняет их поиск и исследование.

Наибольшее число обращений в городское управление составляли разного рода прошения (ходатайства). Чаще всего направлялись коллективные письма от группы граждан, объединенных по какому-либо признаку: торговцы тем или иным товаром; извозчики; домовладельцы одной улицы (района); содержатели публичных заведений; покупатели и др. Например, жители Тобизеновской улицы просили закрыть постоялый двор на их улице, владелец которого — один из грузин — «содержит до десяти девиц и разврат такой, что и по улице невозможно пройти порядочному человеку... кроме того, торговля самогонкой... производится стрельба из ружей и револьверов»⁴⁵.

В исследуемом фонде отложился ряд дел, не входящих в компетенцию городской думы и управы. Например, судебнo-следственная

документация: статистические листы о переводе арестантов; ведомости о розыске граждан; постановления мировых судей; исполнительные листы; ведомости о преступлениях и проступках; приказы Новониколаевского полицмейстера и др., которые можно использовать ученым данной тематики⁴⁶.

Интересно, что в фонде Д-97 можно обнаружить и дела за 1917—1919 гг. Во многих региональных архивах документы этого периода выделены в отдельные фонды. Дело в том, что после победы февральской революции в стране наступило двоевластие: наряду с Временным правительством возникли Советы рабочих и солдатских депутатов. В начале марта 1917 г. установилось двоевластие и в г. Новониколаевске. На смену избранному в 1904 г. городскому управлению пришло Новониколаевское городское народное собрание, а в 1918 г. — Совет городского хозяйства. Городская дума и управа, частично действовавшие в 1918 и 1919 гг., избирались уже по правилам Временного правительства (т.е. не на основе Городового положения 1892 г.), в связи с чем можно предложить руководству архива задуматься о выделении этих дел в самостоятельный фонд.

В целом обзор архивного фонда показал, что документы Новониколаевского городского самоуправления всесторонне отражают общественную деятельность городской власти по развитию местного хозяйства. С их помощью можно анализировать закономерности и особенности организации и функционирования системы городского управления в регионе в досоветский период. Более того, тематика архивных дел достаточно обширна, подчас в них содержатся материалы, напрямую не связанные с проблемами местного значения. Использование методов количественного анализа и классификации позволяет говорить об однотипности делопроизводственной документации городских управлений, сопоставимости их сведений и взаимодополняемости. Акты делопроизводства органов городского управления дают ценную, разностороннюю и подробную информацию об их деятельности, круге решаемых вопросов. Служебный характер документов предполагает высокую степень достоверности источниковых сведений. Комплексное изучение архивного фонда в значительной степени позволяет восполнить пробелы, имеющиеся в изданных сборниках⁴⁷.

Примечания

¹ Например: Баландин С.Н. Новосибирск: История градостроительства 1893—1945 гг. Новосибирск, 1978; Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А. Так начинался Новосибирск. Новосибирск, 1983; История города: Новониколаевск-Новосибирск (исторические очерки). Т. I. Новосибирск, 2005; Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Ч. I. Барнаул, 2003; Скубневский В.А. Новониколаевск: становление города многофункционального типа // Новосибирская область в контексте российской истории. Новосибирск, 2001; Справочник по городу Ново-Николаевску. Новосибирск, 1992.

² Полное собрание законов Российской империи. СПб. 1874. Собр. 2-е. Т. XLV. Ст. 9.

³ Например: Баллотировочный лист от 21 ноября 1904 г. о выборах городским старостой И.Т.Сурикова и его помощниками: И.А.Карелина и А.М.Луканина // Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 5. Л. 99—99 об.; Баллотировочный лист от 1 апреля 1914 г. для избрания городским головой А.Г.Беседина на текущее четырехлетие 1913—1916 гг. в присутствии 40 гласных (26 «за» и 14 «против») // Там же. Д. 162. Л. 153; Состав подготовительной городской финансовой комиссии в 1909 г. // Там же. Д. 47. Л. 236; Состав городской оценочной комиссии в 1914 г. // Там же. Д. 162. Л. 216; Списки членов финансовой, продовольственной, рабочей, земельной, культурно-просветительской, квартирно-жилищной, общественных работ и сооружений, врачебно-санитарной, охраны города, юридической в 1917 г. // Там же. Д. 243. Л. 31—31 об.; Список гласных, избранных городской думой в комиссии 1917—1918 гг. // Там же. Д. 243. Л. 55—55 об.; Список санитарных попечителей по г. Новониколаевску // Там же. Д. 227. Л. 68—69.

⁴ ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 2. Л. 1—16; Д. 5. Л. 7—10 об.

⁵ ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁶ Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 122.

⁷ ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 5. Л. 48—50 об., 60—60 об.

⁸ Там же. Л. 14—44, 60—60 об., 81, 82—82 об.

⁹ Например: Книга лицевых счетов сотрудников учреждений городской управы // ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 364. Л. 1-299; Требовательные ведомости на выдачу заработной платы, удостоверения, списки сотрудников технического отдела Новониколаевской городской управы // Там же. Д. 367. Л. 1-347; Заявления о приеме на работу в Новониколаевскую городскую управу, об увольнении с работы // Там же. Д. 368. Л. 1-181.

¹⁰ ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 162. Л. 151—152, 154—154 об.

¹¹ Там же. Д. 195. Л. 95—98 об.

¹² Там же. Д. 183. Л. 58.

¹³ Там же. Д. 179.

¹⁴ Там же. Д. 1. Л. 139—140 об.

¹⁵ Например: Анкеты, прошения, формулярные и послужные списки учителей г. Новониколаевска и Новониколаевского уезда за 1910—1920 гг. // Там же. Д. 68а. Л. 1—66.

¹⁶ Например: Смета доходов и расходов г. Новониколаевска за 1905 год // Там же. Д. 2а. Л. 1—55; Финансовый отчет Новониколаевской городской управы за 1914 г. // Там же. Д. 183; Финансовый отчет Новониколаевской городской управы за 1916 г. // Там же. Д. 232.

¹⁷ ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 2а Л. 43.

¹⁸ Там же. Д. 141. Л. 7; Д. 183. Л. 120—121; Д. 194. Л. 165 об.

¹⁹ Там же. Д. 195. Л. 74 об. — 75.

²⁰ Там же. Д. 18. Л. 25.

²¹ Например: Обязательное постановление о мерах предосторожности от пожара // Томские губернские ведомости. 1908. № 48.

²² ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 6. Л. 1—2.

²³ Там же. Л. 5, 28, 30, 34, 37, 38, 51, 63 об. — 66 об.

²⁴ Например: Журнал Новониколаевской городской думы от 2 ноября 1909 г. об открытии в городе отделения Государственного банка // Там же. Д. 47. Л. 148—150; Журнал думы от 23 января 1915 г. об учреждении городского страхового фонда // Там же. Д. 194. Л. 34—35; Журнал думы о нормировке цен на дрова от 18 февраля 1915 г. // Там же. Л. 54—55; Журнал думы от 1 марта 1915 г. о принятии мер борьбы с развитием эпидемических заболеваний // Там же. Л. 56—67; Журнал думы от 20 мая 1915 г. о постройке моста через речку Каменку // Там же. Л. 210—213; Журнал думы от 1 сентября 1915 г. о постройке концессионным способом трамвая // Там же. Д. 195. Л. 68—69; Журнал думы от 12 ноября 1915 г. о постройке консервного завода // Там же. Л. 131—133.

²⁵ Например: Журнал присутствия Новониколаевской городской управы от 14 января 1914 г. об открытии городской богадельни // Там же. Д. 166. Л. 11.

²⁶ ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 5. Л. 76, 92, 99, 163, 167, 168, 171, 187.

²⁷ Там же. Д. 1. Л. 93.

²⁸ Там же. Д. 2в. Л. 4—9, 33—36.

²⁹ Там же. Л. 86.

³⁰ Там же. Д. 141. Л. 47—48 об.

³¹ ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 194. Л. 78 об. — 79.

³² ПСЗ. Собр. III. Т. XII. Отд. 1-е. СПб., 1895. Ст. 8708. С. 447.

³³ Например: Отчет Новониколаевской электрической станции за 1911—1914 гг. // ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 183. Л. 133—139; Отчет городского кирпичного завода за 1916 г. // Там же. Д. 233. Л. 187—191 об.; Отчет по операциям 1-й городской аптеки за 1916 г. // Там же. Л. 213—214.

³⁴ ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 1. Л. 121—124.

³⁵ Там же. Д. 194. Л. 60—60 об.

³⁶ Там же. Д. 32. Л. 130.

³⁷ Например: Список предприятий, работающих на государственную оборону (1915 г.) // Там же. Д. 227. Л. 74—81 об.

³⁸ Там же. Д. 1. Л. 133.

³⁹ Там же. Д. 298. Л. 2.

⁴⁰ Там же. Д. 11. Л. 24.

⁴¹ Там же. Д. 47. Л. 74—74 об.

⁴² Там же. Д. 31. Л. 48—48 об.

⁴³ ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 11. Л. 5, 8, 10—10 об., 15, 19, 25, 29; Д. 15. Л. 4—4 об., 5, 6, 10, 11—11 об.; Д. 31. Л. 81; Д. 147. Л. 96, 97—97 об., 98, 99—99 об., 100; Д. 198. Л. 1, 10—10 об., 19.

⁴⁴ Там же. Д. 10. Л. 193—193 об.; Д. 15. Л. 1; Д. 31. Л. 55—55 об.; Д. 123. Л. 10—11 об.; Д. 212. Л. 23—24; 25—25 об.; 34; Д. 227. Л. 94; Д. 298. Л. 7.

⁴⁵ Там же. Д. 10. Л. 17.

⁴⁶ Там же. Д. 10. Л. 211—212; Д. 18. Л. 1—2 об., 8, 14—14 об., 26—26 об.; Д. 55. Л. 71; Д. 310а.

⁴⁷ Например: Большевики Западной Сибири в I русской революции 1905—1907 гг.: Сб. док. и материалов. Новосибирск, 1958; Хрестоматия по истории Новосибирской области: 1917—1970 гг. Новосибирск, 1976; Новониколаевск — Новосибирск: 100 лет: События. Люди, 1893—1993 (Хроника развития города). Новосибирск, 1993; Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: В 4 т. Новосибирск, 1994—1999; История города: Новониколаевск-Новосибирск (исторические очерки): В 2 т. Новосибирск, 2006.

Глава 10

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ И ПРАКТИК СЕЛЬСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (КОНЕЦ XIX — ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX вв.)

В комплексе источников по истории сельского хозяйства и аграрного предпринимательства в Западной Сибири конца XIX — первых десятилетий XX вв. существенное место занимает периодическая печать. Оперативность, наличие обратной связи с читателями, публикация информации с мест и материалов по злободневным региональным проблемам, хроника местной жизни и прочие сюжетные линии делают периодические издания важным источником изучения общественных настроений и поведенческих стратегий различных слоев населения в локальном сообществе.

В отечественной историографии использование материалов периодической печати в качестве источника при изучении проблем самого различного характера давно стало традицией. Достаточное внимание уделяется периодике при написании работ экономического характера, в частности, по российской и региональной аграрной истории¹.

Следует отметить, что периодическая печать является богатейшим источником информации. Она отличается, во-первых, непрерывным, текущим характером сообщаемых сведений; во-вторых, сложным комплексным составом, свойственным в гораздо меньшей степени прочим типам источников; в-третьих, доступностью для историка.

В современных исследовательских практиках особо подчеркивается, что периодика представляет собой многоаспектный комплекс источников, поскольку сама содержит в себе источники всех видов. Так, очень часто в периодических изданиях встречаются законодательные и делопроизводственные материалы, повествовательные источники в виде информационно-новостных сводок, источники личного происхождения, публицистика и художественная литература. Данное обстоятельство позволило новосибирскому

историку В.М.Рынкову сделать вывод о том, что периодическая печать не является «комплексным источником», а представляет собой «комплекс источников»².

При работе с периодикой историк должен потратить немало времени и сил, чтобы из огромного количества материалов отобрать то, что ему необходимо для изучения интересующего его вопроса, отбросить второстепенное, случайное. Чаще всего исследователи привлекают наиболее яркие газетно-журнальные факты или небольшую их совокупность для иллюстрации авторских положений, оставляя за пределами анализа массу фактического материала.

Потребности исторической науки сегодня требуют повышения информативной отдачи источника, совершенно других параметров источниковедческой критики. «Источниковой» единицей в этом случае должна выступать как отдельная публикация, так и издание в целом (газета, журнал), что позволит определить все многообразие опубликованных в прессе материалов и специфику каждого из изданий.

Особый интерес для исследователей имеют общественно-политические, социально-экономические и специализированные сибирские издания, в которых в том числе достаточно активно освещались проблемы преобразований в аграрном секторе экономики региона, развития в нем частной инициативы. В отличие от торгово-промышленного предпринимательства, достаточно активно изучаемого в последние десятилетия, история сельского хозяйства в Сибири, предпринимательства в аграрной сфере на сегодняшний день исследована явно недостаточно. Научное сообщество постоянно сталкивается с дефицитом многообразной и разноплановой повествовательной информации, преодолеть который в известной мере и позволяют периодические издания.

Очерковый и корреспондентский материал, чуть реже проблемные публикации содержали многие региональные периодические издания: журналы «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства» (Омск), «Сельскохозяйственная жизнь» (Омск); газеты «Тобольские губернские ведомости», «Сибирский листок» (Тобольск), «Сибирская торговая газета» (Тюмень), «Акмолинские областные ведомости» (Омск), «Степной край» (Омск), «Омский телеграф», «Омский вестник», «Сибирская жизнь» (Томск), «Сибирский

земледелец и садовод» (Томск), «Сибирское сельское хозяйство: сельскохозяйственный и кооперативный журнал» (Томск) и др.³ На страницах этих изданий, были примерно одинаковые рубрики, такие как — «По Сибири», «Сибирские вести», «Хроника», «Корреспонденции», «Война и общественное мнение», в которых очень часто обсуждались (реже в редакционных статьях и публицистических очерках) вопросы развития сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири, его экономической и культурной роли в жизни региона в годы Первой мировой войны и революции 1917 г. Кроме того, периодика содержит информативные материалы для изучения массового сознания населения региона. В периодических материалах значима не только информация о городском и крестьянском социуме, разнообразных аспектах их жизнедеятельности, но также установки, оценки авторов, отражавшие место изучаемых нами явлений в общественном сознании жителей локального сообщества.

Следует особо подчеркнуть, что редакторы пытались оптимально сочетать местный, общесибирский и общероссийский материалы. Журналы и газеты перепечатавали статьи, заметки из известных и авторитетных сибирских и центральных периодических изданий, осуществляли обмен изданиями.

Заслуживают особого внимания сельскохозяйственные издания, которые зародились в Сибири на рубеже XIX—XX вв., когда на ее территории стали создаваться сельскохозяйственные общества и возникла агрономическая служба. Именно они выступали инициаторами появления подавляющего большинства сельскохозяйственных изданий. При этом основная часть сибирской сельскохозяйственной периодики издавалась крупными городскими сельскохозяйственными обществами при активной поддержке региональных агрономических служб⁴.

Интересную информацию содержат журналы «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства» и «Сельскохозяйственная жизнь». Структура данных журналов включала в себя материалы официального характера, так как на страницах изданий активно обсуждались распоряжения правительства, относившиеся к сельскохозяйственной жизни Сибири. Кроме того, освещалась экономическая и агрономическая деятельность местных общественных и государственных организаций, публиковались многочисленные

статьи по различным сельскохозяйственным и технологическим вопросам, пропагандировавшие рациональные методы ведения хозяйства. Авторами многих статей являлись сельские предприниматели, образованные крестьяне, которые делились своим опытом и знаниями с читателями. В целом, сотрудники этих изданий постоянно искали новые формы сотрудничества с читательской аудиторией и привлечения корреспондентов из числа сельского населения, стремились к увеличению количества подписчиков.

Нами была предпринята попытка изучения данных периодических изданий путем выявления характерных для источника проблемных, типологических единиц информации. В частности, на примере журнала «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства» можно показать информационный потенциал данного вида источников. Подчеркнем, что свою задачу мы видели в отборе и систематизации как определяющих, так и второстепенных проблем, в классификации информации, содержащейся в журнале.

С проведением Транссибирской железнодорожной магистрали и наплывом переселенцев из Европейской России начинается активное развитие сельского хозяйства в Сибири. Развитие товарно-денежных отношений способствовало превращению местного натурального хозяйства в товарное, все сильнее связывало его с внутренним рынком европейской части страны, а чуть позже и с мировым. У динамично развивающегося аграрного сектора сибирской экономики и сельскохозяйственной промышленности возникали специфические проблемы, которые требовали безотлагательного решения. Это, прежде всего, вопрос о возможностях района по приему переселенцев, вопросы оптимальной организации их хозяйственной жизни, сугубо экономические вопросы, связанные с развитием местной промышленности, торговли, предпринимательства и пр.⁵

Проблемы сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности активно обсуждались как региональными администрациями, так и учрежденным в 1900 г. Омским отделом Императорского Московского общества сельского хозяйства⁶. Омский отдел в начале XX столетия являлся центром сельскохозяйственной мысли и агрономических мероприятий в сибирском регионе⁷.

Программа деятельности Омского отдела сельскохозяйственного общества была очень многообразной и включала в себя различные

направления работы, в том числе и «обнародование посредством разных изданий своих действий, наблюдений и открытий в области сельского хозяйства и сельской промышленности»⁸. В соответствии с последним, в марте 1913 г. Омский отдел начал издавать ежемесячный журнал «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства». Цель журнала была четко определена в первом его номере — «знакомить население с результатами работ, наблюдениями и предложениями в области прогресса агрокультуры сельских хозяев и прилегающих к хозяйству организаций»⁹. Так в десяти первых номерах издания было напечатано 50 оригинальных статей, освещающих именно нужды местного сельского хозяйства, кооперации и общественной агрономии. Анализ редакционных статей, обращений сотрудников журнала к читательской аудитории говорит о том, что издание ставило своей главной задачей помощь сельскому товаропроизводителю в успешном ведении хозяйства посредством распространения сельскохозяйственных знаний. Это была ключевая идея журнала.

Первый год издание большей частью бесплатно распространялось первичным кооперативам, мелким сельскохозяйственным обществам, агрономическим и опытным организациям¹⁰.

С 1914 г. журнал «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства» издавался в форме книги, где помещались объемные статьи по вопросам сельского хозяйства и кооперации (вышло 6 номеров). Для удовлетворения запросов широкой массы рядовых читателей Омский отдел общества организовал выпуск популярного приложения к основному органу — газеты, а в последующем — журнала «Сельскохозяйственная жизнь»¹¹. С 1915 г. издание журналов расширяется, причем больше 60% подписчиков являлись платными, число оригинальных статей достигло 120¹². Вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что журналы пользовались большой популярностью у местного населения, государственных и общественных сельскохозяйственных организаций.

Сельскохозяйственные журналы привлекали к сотрудничеству, с одной стороны, специалистов по сельскому хозяйству, которые в своих статьях знакомили читателей с актуальными и порой необходимыми знаниями, с другой — крестьянских корреспондентов, которые делились своим значимым опытом.

Теперь обратимся непосредственно к анализу содержания журнала «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства» за 1913 г., т.е. за первый год существования печатного органа. Выявление необходимой для нас информации велось с применением фронтального просмотра журналов.

Степень частоты публикаций и их печатная площадь по основным проблемам развития сельского хозяйства в регионе отражены в таблице 1.

Таблица 1

**Частота публикаций журнала
«Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства» в 1913 г.
по важнейшим вопросам сельского хозяйства***

Проблематика	Частота публикаций		Общее кол-во по проблеме		% -ное отношение строк и символов
	общая	%	строк	символов	
Полеводство					
Опытное дело	4	4,5	549	21 411	2,2
Обработка почвы	3	3,4	849	33 111	3,4
Посевной материал	3	3,4	649	25 311	2,6
Новые сорта хлебных культур	3	3,4	1 907	74 373	7,7
Борьба с вредителями	4	4,5	374	14 586	1,5
Сбыт хлеба	6	6,8	2503	97 617	10,1
Усовершенствованные сельскохозяйственные машины и орудия	3	3,4	2 114	82446	8,5
Всего	26	29,4	8945	348 855	36
Животноводство					
Молочное животноводство	1	1,2	286	11 154	1,2
Мясное животноводство	4	4,5	644	25 116	2,6
Выставочное дело	7	8,0	1653	64 467	6,6
Всего	12	13,7	2 583	10 0737	10,4
Отраслевые организации					
Деятельность ОО МОСХ	10	11,4	2 873	112 047	11,5
Кооперативное движение	1	1,2	441	17 199	1,8
Агрономические организации	5	5,7	907	35 373	3,6
Всего	16	18,3	4 221	164 619	16,9

Проблематика	Частота публикаций		Общее кол-во по проблеме		% -ное отношение строк и символов
	общая	%	строк	символов	
Организация хозяйства					
Рациональная постановка хозяйства	2	2,3	1 007	39 273	4,0
Сельскохозяйственный кредит	4	4,5	924	36 036	3,7
Всего	6	6,8	1 931	75 309	7,7
Наука и образование					
Сельскохозяйственное образование	4	4,5	591	23 049	2,4
Сельскохозяйственная жизнь зарубежных стран	4	4,5	1 313	51 207	5,3
Всего	8	9,0	1 904	74 256	7,7
Метеорологические наблюдения	7	8,0	1 151	44 889	4,6
Всего	7	8,0	1 151	44 889	4,6
Разное (цены, российская хроника, письма и т.п.)	13	14,8	4 144	161 616	16,7
Всего	13	14,8	4 144	161 616	16,7
ИТОГО	88	100	24 879	970 281	100

* Составление и подсчеты автора. Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства. Омск, 1913. № 1—10.

Анализ структуры публикаций журнала показывает, что приоритетное внимание деятели сельского хозяйства, редакционный комитет уделяли проблемам полеводства. Посвященные им статьи составляют 29,4% всех материалов и 36% печатной площади издания за 1913 г. При этом рассматривались, прежде всего, научно-практические вопросы: условия обработки почвы, сроки и густота посевов, особенности работы с различными сортами хлебных культур, методы и средства борьбы с сельскохозяйственными вредителями, а также затрагивались разные стороны опытного дела, его организации.

Другой, наиболее обсуждаемой проблемой, была проблема образования и функционирования различных государственных и общественных сельскохозяйственных организаций, кооперативного движения. Обозначенные вопросы занимают 18,3% материалов

общей печатной площадью 16,9%. Сельскохозяйственные организации, в том числе и кооперация, рассматривались журналом как эффективное средство объединения крестьянской массы с целью донести до нее передовые достижения производственных технологий.

Животноводству, новым продуктивным породам скота, селекционной работе, а также правильной организации скотоводческого хозяйства в местных условиях посвящено 13,7% материалов издания общей площадью 10,4%.

Редакционный комитет публиковал на страницах журнала метеорологические наблюдения, цены на сельскохозяйственную продукцию, обзоры газет, издаваемых в Европейской России, письма читателей и многие другие интересные материалы, которые составляют 36,7% печатной площади (или 38,6% всех публикаций). Население, как показывают источники, активно старалось применять на практике советы и рекомендации, которые были опубликованы на страницах периодики. Крестьяне выражали признательность через письма в редакцию.

Рамки настоящей работы не позволяют более подробно рассмотреть наиболее содержательные с научно-практической точки зрения статьи издания. При этом без преувеличения можно сказать, что журнал «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства» был лучшим сельскохозяйственным изданием региона, который сыграл особую роль в оказании агрономической и научной помощи населению, в создании «местной агрономии», а также во многих других вопросах сельскохозяйственного развития края в первой четверти XX в. Таким образом, журнал является ценным проблемно-комплексным источником, освещающим преобразования в аграрном секторе экономики Западной Сибири.

Весьма сложным в истории сельского хозяйства Западной Сибири в целом и развития сельскохозяйственного предпринимательства в частности был период революции и Гражданской войны. Поэтому, чтобы лучше понять специфику исторической действительности, особенности развития частной инициативы, необходимо использовать газеты, издававшиеся органами советской власти, политическими партиями, Временным сибирским и Российским правительствами («Известия Совета Солдатских депутатов Томского гарнизона» (Томск), «Правительственный вестник» (Омск) и др.)¹³.

Следует отметить, что изучение экономической и аграрной политики антибольшевистских правительств в годы Гражданской войны и состояния экономики «белой» территории традиционно представляет трудности в связи с утратой значительной массы документов тех учреждений, которые ведали отраслями народного хозяйства. Поэтому источником, содержащим, как показывают современные исследования, богатый фактический и аналитический материал обо всех сторонах жизни «белого тыла», является периодическая печать¹⁴.

Особую группу источников составляют газетные вырезки, хранящиеся в различных фондах архивных учреждений страны¹⁵. Эти материалы представляют собой собрание опубликованных статей и заметок по какой-либо конкретной тематике, несут на себе отпечаток личности фондообразователя, отражают его взгляды. Иногда газетные вырезки вставлялись в группу документов, посвященных определенной тематике, иллюстрируя те или иные доводы. В данном случае, на наш взгляд, можно говорить о существовании особого рода синтетического источника, вобравшего в себя черты неопубликованного источника личного происхождения и периодического издания. Методику его исследования еще предстоит разработать, но уже сейчас очевидно, что эта группа материалов представляет большую ценность как исторический источник, поскольку обладает высокой степенью информативности и достоверности.

Периодической печати как источнику, безусловно, присущи такие недостатки, как фрагментарность, отрывочность информации, иногда явный субъективизм в суждениях и оценках. Но именно благодаря периодике становится возможным увидеть изучаемую действительность глазами современников как повседневную жизнедеятельность индивидов. Зачастую именно газеты и журналы формировали у читающей публики представления и взгляды по основным общественным проблемам. Однако и этот вид источников требует сопоставления с другими документами и материалами, так как сообщаемые в изданиях данные могли не соответствовать действительности, некоторые оценки были нетипичны, определенное влияние на характер публикуемых материалов оказывала официальная позиция властей или владельца издания.

В заключение отметим, что в последние годы в отечественной историографической традиции наметились следующие тенденции. Во-первых, введение в научный оборот более широкого круга изданий, использование материалов периодической печати как основы для самостоятельных выводов, а не иллюстрации к уже доказанному. Во-вторых, стремление к детальному изучению отдельных печатных органов, выявлению эволюции их взглядов по аграрному вопросу и их влиянию на общественное мнение в данной области¹⁶. Разумеется, материалы периодической печати не всегда можно считать первоисточником при изучении аграрной проблематики, но они могут дать массу полезной информации, которой пренебрегать не стоит. Назрела настоятельная необходимость в более полном, а не фрагментарном изучении значительного комплекса источников — периодических изданий, как самостоятельного направления при изучении аграрной истории страны конца XIX — первых десятилетий XX вв.

Примечания

¹ Подробнее см.: Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России. Конец XIX — 1908 г. М., 1984; Голиков А.Г. Российские монополии в зеркале прессы. М., 1991; Голиков А.Г. Источниковедческие проблемы отражения в периодической печати процесса монополизации российской промышленности: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1991; Архангельская И.Д. Методика применения контент-анализа при изучении материалов прессы (на примере «Торгово-промышленной газеты» 1903—1913 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991; Новые исследовательские подходы в работе с историческими источниками XVIII—XXI вв.: Коллективная моногр. / Под ред. В.А.Зверева, Н.Н.Родигиной. Новосибирск, 2013, и др.

² Рынков В.М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. 2010. № 3. С. 44—50.

³ Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства. Омск, 1913—1914; Сельскохозяйственная жизнь. Омск, 1914—1916; Тобольские губернские ведомости. Тобольск, 1892; Сибирский листок. Тобольск, 1918; Сибирская торговая газета. Тюмень, 1916; Асмолинские областные ведомости. Омск, 1895—1919; Степной край. Омск, 1905; Омский телеграф. Омск, 1908—1917; Омский вестник. Омск, 1909—1917; Сибирская жизнь. Томск, 1899—1918; Голос Сибири. Томск, 1919; Сибирский земледелец и садовод. Томск, 1909—1911; Сибирское сельское хозяйство: сельскохозяйственный и кооперативный журнал. Томск, 1916 и др.

⁴ Новые исследовательские подходы в работе с историческими источниками XVIII—XXI вв. С. 34.

⁵ 25 лет жизни и деятельности Омского Центрального Сельскохозяйственного общества. 1900—1925 гг. Омск, 1926. С. 3.

⁶ Казенное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (далее — КУ ИСА). Ф. 119. Оп. 1. Д. 1. Л. 4—4 об.

⁷ 25 лет жизни и деятельности Омского Центрального Сельскохозяйственного общества. С. 50.

⁸ Кузнецов Д.В. К столетию образования Омского отдела Московского Общества Сельского Хозяйства // Омский научный вестник. Омск, 1999. Вып. 9. С. 8; КУ ИСА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

⁹ Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства. Омск, 1913. № 1.

¹⁰ 25 лет жизни и деятельности Омского Центрального Сельскохозяйственного общества. С. 16.

¹¹ Сельскохозяйственная жизнь. Омск, 1914. № 1.

¹² 25 лет жизни и деятельности Омского Центрального Сельскохозяйственного общества. С. 16.

¹³ Правительственный вестник. Омск, 1918—1919; Известия Совета Солдатских депутатов Томского гарнизона. Томск, 1917, и др.

¹⁴ См.: Молчанов Л.А. Газетный мир антибольшевистской России. М., 2001.

¹⁵ См.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 33; Центр документации новейшей истории Омской области. Ф. 19. Оп. 1. Д. 134, и др.

¹⁶ Солоусов А.С. Материалы периодической печати по аграрному вопросу конца XIX — начала XX вв. и их использование в отечественной историографии // Актуальные вопросы отечественной историографии. СПб., 1997. С. 29—32.

Глава 11

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ «ВОЕННОЙ АНТРОПОЛОГИИ» ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ИСТОЧНИКАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ФРОНТОВЫХ ПИСЬМАХ ЮГОРЧАН

История мировых военных катаклизмов XX в. знает не только ужас inferнальных страданий и унижений человеческого духа, но и стремление очевидцев, участников и жертв сохранить и отстоять свое человеческое достоинство любыми возможными в специфических условиях ограниченной коммуникации и цензурного реферирования средствами. Чрезвычайные военные условия, жестко регламентирующие «ритмику поведения» и характер принудительного исполнения заданных, социально ожидаемых в определенных обстоятельствах ролей, выступают фактором, активизирующим поиск режима психического самосохранения личности, находящейся за гранью традиционного семейного социума, общечеловеческих ценностей и собственно самой жизни.

Поэтому рождение такого научного направления как «военная антропология» является не просто закономерным явлением, но и логическим этапом осознания важности пластики научного синтеза тотальной истории и микроистории через персонификацию глобальных потрясений посредством поиска, систематизации и обработки источниковых свидетельств личного происхождения, нередко требующих «третьего зрения», где текстовый пласт нередко зашифрован и мог быть понятен лишь для того адресата, которому и предназначался. Это стало катализатором появления исследовательских проектов по раскодированию подобных материалов.

Две мировые войны продемонстрировали мощную трансформацию характера индивидуального «вхождения» человека в историю посредством эволюции личной переписки. Так, исследователь Ж.В.Кормина, анализируя солдатские письма времен Первой мировой войны, отметила статику содержательной части в контексте не столько ее смысловой наполненности, сколько отсутствия индивидуально прочувствованной информации. Написанные, как правило, чужой рукой под диктовку с обстоятельным перечислением

родственников, соседей и многочисленными им поклонами, просьбами о родительском благословении, эпистолярные тексты той поры были поразительно малоинформативны, в том числе из-за массовой неграмотности. Однако, несмотря на то, что фронтовые послания оказывались по форме «ритуально зеркальными», они воспринимались адресатами как лично обращенные и были ожидаемы как живая связь времен между «тем» и «этим» светом, разделенным на фронтовую короткую жизнь и далекий, такой уютявшийся домашний уют и тепло¹.

Вторая мировая война придала процессу превращения обывателя в «*homo historicos*» особый трагический динамизм. Заложник военных обстоятельств и плена выростал в личность, сумевшую преодолеть более чем 70-летний исторический рубеж посредством эпистолярного «озвучивания» событий войны как бы «изнутри», находясь в лагерях «остарбайтеров» на немецкой территории, где с помощью писем в условиях цензуры воссоздавал этнографически яркий мир метафоричных образов ожидания окончания военного безумия и надежды, пусть и иллюзорной, на освобождение. Настоящей научно-исторической сенсацией стала находка так называемой «фрайбургской коллекции». Хотя, полагаем, случайного здесь крайне мало.

Город Фрайбург (Брайзгау) известен как один из крупнейших научных центров Германии по изучению, в том числе, военной истории. И то, что в 1991 г. при ремонте здания Архива Немецкой Народной Песни именно здесь была обнаружена своеобразная коллекция, переправленная именно сюда в октябре 1944 г. отделом военной цензуры по контролю за письмами «остарбайтеров» — восточных рабочих (главным образом из СССР), является вполне закономерным явлением. Тем более, что фрайбургская академическая школа аккумуляции, хранения и обработки источников является одной из лучших в Европе, а сам Фрайбург — образцовый «научно-статистический центр», учитывая многовековые (с 1457 г.) традиции и всемирно известные имена нобелевских лауреатов — выпускников старинного *Alber — Ludwigs — Univesitat Freiburg*, в том числе Пауля Эрлиха, Ганса Кребса, Макса Вебера, Фридриха Хайека и многих других. Правда, тщательная выборка письменных фрагментов свидетельствует не только о служебном рвении

рядового аккуратиста-цензора, сколько о несомненно проявленном интересе к анализируемому этноматериалу.

Найденная коллекция представлена картотекой из более чем 1300 карточек с цензорскими выписками-купюрами из писем за период с 1943 г. по октябрь 1944 г. Ее составителем был, по мнению специалистов, образованный славист, владевший диалектологией, этнографией и фольклористикой. Поэтому коллекция, по всей видимости, формировалась не только в служебных целях. Хотя, с другой стороны, собрание и обобщение подобных наблюдений традиционно входило в функциональные обязанности почтовой цензуры. Но пометки к выпискам из писем не содержали ни одной фамилии или адреса, что дополнительно свидетельствует в пользу вышеназванной версии.

Между тем почтовая переписка (до двух раз в месяц) с соответствующим цензурным прессингом была разрешена еще в 1942 г., в основном выходцам из западно-украинских и западно-белорусских областей, в том числе, для ослабления сопротивления насильственному вывозу невольников с востока. Отношение к иностранным рабочим по мере приближения конца войны ужесточалось, особенно для категорий «плохих», «очень плохих», и «хуже плохих», начиная от чехов и словаков, затем — югославов и поляков и оканчивая «восточными рабочими» — русскими, украинцами и белоруссами.

По данным архива немецкой цензуры, в марте 1943 г. ежедневно проходило по 20—30 тысяч писем, из которых около 6 тысяч подвергалось выборочной проверке, а до 300 писем задерживалось. Хотя, согласно цензурным донесениям, до 98% всех писем содержали «неблагоприятные» высказывания, жалобы или «намекы» на них. Авторам было важно рассказать о себе и трагизме происходящего в лагерях, тревоге за близких, оставшихся дома, и ожидании конца войны, но способом «от противного»: через особую систему иносказаний, языкового шифр-кода с намеками на узнавание довоенных образов того нереального родного мира, который был оставлен далеко в прошлом. В письмах использовался язык *метафор*, ассоциативно раскрывающих характер ожидаемого конца войны: «большие дожди» — частые бомбежки; «гостинцы — апельсины / конфеты» — бомбы с неба; «Анна, Аня» — английские летчики; «Нина» — немцы. Фраза «У нас

была в гостях Аня, Нина становится все более капризной» — не-сла энергию надежды на освобождение. Партизаны — «гости», «колядники», «купцы», «звери из леса»; охранники — «ангелы» или «архангелы». «Цвести», «красить» — огонь, пожар. Самолеты — «буськи» (аисты), «железные птицы, кладущие яйца», «соловьи», «вороны» («чорні круки»), «черные мухи» и т.д. Подтекстовость образов безошибочно расставляла смысловые акценты: «живу як суха береза край великой дороги»; «жду як циган меду и як свяченого яйця», «Мені хочеться вас побачити, як в жару води напитись»².

В коллекции сохранились даже *самодельные поэмы*, одна из которых «Плач на чужбине» (110 строк) раскрывает трагизм депортации мирных жителей на принудительные работы в Германию, прощания с родными, тяжелой доли невольников, надежды на конец войны. Цитаты и реминисценции из народных песен, популярных стихотворений, песен из предвоенных кинофильмов напоминали о довоенном быте, традициях, памяти предков.

«Круговые письма» (*Kettenbucfen*), появившиеся в России еще в XVIII в., с переписыванием и рассылкой в нескольких экземплярах по «всему свету», во фрайбургской коллекции играли роль богородичных пасхальных посланий, возвращая воспоминаниями в далекие домашние праздники.

Выписки, собранные в фрайбургской коллекции, оцениваются историками как уникальные историко-этнографические источниковые раритеты, которые, в известной мере, могут быть сопоставимы, по мнению части исследователей, с надписями, оставленными узниками гестаповской тюрьмы «Эль-де» в Кельне. Расчистка стен карцеров и камер позволила обнаружить под слоем штукатурки и краски поразительные документы по истории Второй мировой войны. Но между этими источниками есть и различия. Гестаповские узники ожидали своей участи, уже не питая никаких надежд и переживая крайнюю степень отчаяния, хотя даже там сочинялись стихи, припоминались дорогие сердцу песни, частушки, изречения, пословицы. У авторов «фрайбургских» писем еще теплилась надежда на возможность прихода союзников. Хотя иллюзий на этот счет, вероятнее всего, у остарбайтеров также не было³.

Данные по количеству занятых на работах в Германии иностранных рабочих и погибших на работах в различных источниках

весьма противоречивы. Так, по одним подсчетам, к сентябрю 1944 г. в Германии работало около 6 миллионов иностранных рабочих, из них 2 174 644 вывезенных из оккупированных областей Советского Союза, в том числе 1 062 507 мужчин и 1 112 137 женщин. Между тем, по нюрнбергским документам, за период с 1939 по 1945 гг. всего было вывезено в Германию до 12 миллионов человек. До конца войны они, как правило, не возвращались домой. В отличие от рабочих из Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии советские невольники, занятые в промышленности, должны были жить исключительно в лагерях, число которых в 1943—1944 гг. в Германии составляло более 20 тысяч (только около Берлина около 300 лагерей). По данным составителей сборника «Национал-социалистическая система лагерей», принудительные работы были способом не только покрытия недостатка рабочей силы, но и постепенного уничтожения иностранных рабочих. В Германии и на оккупированных территориях других государств в годы Второй мировой войны было уничтожено не менее 18 миллионов человек, из них советских военнопленных 3,3 миллиона⁴.

Персонификация «военной антропологии», представленная солдатскими письмами с фронтов Второй мировой войны, отразила значительные изменения, связанные с социокультурной ситуацией в стране в целом, по сравнению с Первой мировой. С конца XX — начала XXI вв. было издано несколько центральных сборников писем фронтовиков, в том числе с публикацией солдатских посланий в газете «Правда»⁵, где эпистолярные тексты соседствуют с включениями материалов воспоминаний, очерков, интервью, дневниковых записей, рисунков, а также любовных писем, что расширяет предметно-тематический абрис рассматриваемой темы. Эту источниковую группу дополняют многочисленные региональные издания эпистолярного наследия военной поры, выпуск которых традиционно приурочивается к юбилейным датам⁶.

И хотя в эпистолярных посланиях, написанных в боевых условиях, как правило, «на скорую руку», с неизбежным сохранением как трафаретности написания, так и понятного в условиях военной цензуры содержательного клиширования, смысловое напряжение и динамизм событийного психологизма военной ситуации

1941—1945 гг. превращал их в самые разные информационно-личностные формы. Это были нередко и лаконичные письма-исповеди с авторским намерением успеть сказать родным и близким то, что было упущено автором в мирной жизни. Эпистолярные тексты часто становились признанием в любви; наказом детям и близким исполнить последнюю волю фронтовика; мечтами о послевоенной счастливой судьбе; рассказом о боевых товарищах и лечении в военно-полевых госпиталях. Однако денотативно-смысловым рефреном писем становилась фраза: «Пока жив и здоров, что будет дальше, неизвестно...».

Именно такое название получил сборник эпистолярных текстов военной поры, подготовленный к печати в рамках сравнительно недавно появившейся серии «Народный архив», где представлена концепция систематизации результатов научно-исторического поиска «неофициальных» письменных источников, отражающих особенности повседневной жизни и досуговой культуры жителей Обь-Иртышского Севера XX в. В одном из выпусков и были опубликованы фронтовые письма жителей Обь-Иртышского Севера, приоткрывавшие специфичный этно-эпистолярный мир, в том числе, с сохранением авторского стиля и написания, пусть и не вполне литературно «причесанного»⁷. Тем более, что стремление издателей порой подвергнуть тексты редакторской «правке», преследуя, пусть и благородные, но несколько иные, нежели строго научные цели, искажало эпистолярно-смысловую и этнопсихологическую панораму, которая в большинстве случаев оказывается размытой и «поправленной» на уровне графической культуры письма.

Конечно, советская фронтовая цензура, равно как и цензура противника, самым тщательным образом контролировала «письмопоток». Еще до начала войны, 2 июня 1941 г. был разработан Проект постановления ЦК ВКП(б) об утверждении положения о главном военном цензоре при СНК СССР, а также увеличении штата этой службы до более чем 41 тысяч человек. Это позволяло возложить на 1 службиста контроль за 150 письмами или 600 телеграммами в день. Однако в ходе войны условия цензуры, естественно, были ужесточены⁸. Правда, в опубликованном солдатском дневнике Г.П.Еланцева приведен, видимо, нередкий для того времени факт отсутствия самой возможности опустить

в привокзальный почтовый ящик г. Горького свое письмо: «Почтовый ящик был полон, а под ящиком, горкой, чуть не доставая ящика, на снегу лежали письма. Я положил свое письмо на самую макушку. Идет железнодорожник. Я спросил его, отправляют ли письма. — Кто их будет отправлять? — был ответ. На железнодорожных путях стоят обгорелые вагоны — первые признаки фронта»⁹.

Примечательно, что в 2014 г. по инициативе немецкой стороны России был передан весьма специфичный, но и уникальный «презент» времен Второй мировой войны как жест «доброй воли». Им оказался вагон почтовой корреспонденции, захваченный вермахтом в самом начале военных действий на территории СССР. Самое удивительное, что его содержимое не было уничтожено ни Германией, ни бомбами союзников, а дошло в своем первоначальном виде до нашей страны. И здесь есть предмет разговора о научной самоценности таких источниковых раритетов, как почтовая «коллекция», а также об отношении страны и ее научных институтов (полагаем, что речь идет именно о Фрайбурге!), демонстрирующих лучшие научные традиции в тот временной период, когда «пушки молчат, уступая дорогу Музам».

Примечания

¹ См.: Кормина Ж.В. Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. М., 2005. С. 242.

² Балабанова М.Ю. К вопросу о символической стороне жизни остарбайтеров в годы Великой Отечественной войны // Система и среда: Язык. Человек. Общество: Материалы Всероссийской науч. конф. (Нижний Тагил, 4-5 апреля 2005 г.) / Отв. ред. В.П.Конева. Нижний Тагил, 2005. С. 66—68; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967. С. 137—138. Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. М., 1980. Вып. 8. С. 236—237.

³ Досталь В. Молчание в темноте (Немецкая этнология в период национал-социализма) // Этнографическое обозрение. 1993. № 5. С. 95; Марков Г. Народоведение в годы нацизма. Крушение науки // Этнографическое обозрение. 1993. № 5. С. 102.

⁴ Das national-sozialistische Lagersystem. Herausgegeben von M.Weinmann. Frankfurt am Main, 1990. S. 85; Преодоление рабства. Фольклор и язык остарбайтеров / Сост. Б.Е. и К.В.Чистовые. М., 1998.

⁵ Великая Отечественная в письмах / Сост. В.Г.Гришин. 2-е изд., доп. М., 1983. С. 198; Живая память. Великая Отечественная: правда о войне: В 3 т. М., 1995; Последние письма с фронта: Сб. М., 1991—1993. Т. 1—4; Жди меня — письма с фронта / Сост. С.Грибанов. М., 2001.

⁶ Письма с фронта рязанцев — участников Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Рязань, 1998; Письма с фронта и на фронт. Смоленск, 1991; Письма огненных лет / Сост. Ф.Н.Вахитов. Уфа, 2005.

⁷ См.: «Пока жив и здоров, что будет дальше, неизвестно...». Фронтовые письма 1941—1945 годов. М., 2005.

⁸ История советской политической цензуры: Документы и комментарии. М., 1997. С. 86.

⁹ Цит. по: «Пока жив и здоров, что будет дальше, неизвестно...». Фронтовые письма 1941—1945 годов. С. 13.

Глава 12

РЫБНОЕ ХОЗЯЙСТВО ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Важнейшим условием всестороннего исследования проблемы истории рыбного хозяйства Ямало-Ненецкого национального округа в годы Великой Отечественной войны является формирование адекватной источниковой базы, позволяющей осветить разные стороны данного явления. Сложность объекта изучения влияет на необходимость привлечения разнообразных источников. Первая группа — это многие виды документов партийных и советских органов всех уровней: резолюции, решения, постановления, положения и т.д. В них разрабатывались и реализовывались планы развития рыбодобычи и переработки рыбы. Документы органов власти подразделяются на документы центральных, областных, окружных и районных структур. Они различаются как по содержанию, так и по целям создания. При изучении материалов центральных органов власти получена информация об основных мероприятиях в сфере рыбного хозяйства, направлениях его развития, прогнозируемых и реальных результатах.

Документы местных органов партийной и советской власти позволяют охарактеризовать конкретные условия, проблемы и сложности развития отрасли на региональном уровне и варианты, особенности их разрешения. Документы органов власти окружного и районного уровней представляют особый интерес, так как позволяют исследовать конкретную ситуацию по всем вопросам истории военного рыбного хозяйства. К их числу относятся докладные записки, протоколы различных заседаний, резолюции, постановления и решения, а также акты проверок и т.п.

Особое место среди организационно-распорядительной документации занимают документы отчетного характера, которые, в отличие от докладных записок и информационных писем, имеют аналитически производный характер, т.е. являются вторичным

документом, содержащим обобщения и выводы по различным вопросам рыбодобычи и рыбного производства.

Важнейшую группу источников по изучению истории рыбного хозяйства представляют делопроизводственные материалы СНК СССР и КПСС, опубликованные в сборнике «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам»¹. В третьем томе представлена распорядительная документация: решения, резолюции, приказы, инструкции. Один из первых документов военного времени — Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 16 августа 1941 г. «О военно-хозяйственном плане на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии»².

В ходе исследования привлекались документы различных архивов. Так, документы Казенного учреждения «Исторический архив Омской области» представлены фондами объединенных архивов: партийного и государственного. Фонд Омского Облисполкома Ф. 437 содержит большое количество документов, в том числе и по истории Ямало-Ненецкого национального округа периода 1941—1944 гг. Так, в «Основных показателях выполнения плана народно-хозяйственного и социально-культурного строительства области за 9 мес. и III квартал 1941 г.»² содержится информация о производственных результатах деятельности Облгосрыбтреста.

В Д. 953 указанного фонда содержатся многочисленные отчеты и сводки о заготовке и поставках рыбы. Имеются сводки по пятидневкам о выполнении плана рыбодобычи по рыбозаводам Ямальского округа, например, на 25 февраля, 15 июня, 10 октября 1943 г.³ В числе обнаруженных документов — планы и отчеты о добыче рыбы Ямальским государственным рыбным трестом за 1942—1943 гг.⁴ В Д. 1028 также содержатся многочисленные сводки по рыбодобыче за период 1943—1944 гг.⁵ Д. 1068 «Конъюнктурный обзор выполнения народно-хозяйственного плана за I квартал 1944 г.», Д. 1070 «Основные итоги выполнения плана народно-хозяйственного и социокультурного строительства за 1-е полугодие 1944 г.» также содержат общие данные по рыбному хозяйству.

В Д. 454 «Протокольная часть» содержатся интересные сведения об итогах социалистического соревнования районов, рыбаков,

рыбозаводов и МРС за 1943 г.⁶ Там же имеются сведения о передовиках рыбодобычи. Интерес представляют документы, содержащие информацию об упорядочении снабжения населения и улучшении работы рыболовецкой потребительской кооперации⁷.

В Д. 301 Ф. 1088 — Областная плановая комиссия хранится «Обзор выполнения народно-хозяйственного плана по Ямало-Ненецкому округу за 1943 год» представлена информация о Ямальском рыбном тресте. Содержатся сведения о добыче рыбы 11 рыбозаводами, выполнении планов рыбодобычи, передовиках производства, состоянии орудий лова⁸.

Ф. 17-П содержит документы Омского обкома ВКП(б). В Д. 2687 сосредоточены приказы и распоряжения СНК СССР по вопросам работы народного хозяйства области⁹. В Д. 3636 имеется «Отчет Обкома за 1940—1943 гг.», представленный в ЦК ВКП(б). В отчете содержится сводная информация о развитии рыбной отрасли Ямальского округа. Интересны сведения о переселенцах из западных районов страны (1941 г.), в частности, в справке НКВД «О количестве рабочих, расположенных в ЯННО и ХМНО» содержится информация о количестве спецпоселков, численности в них спецпереселенцев и направлении их на работу в рыбный трест¹⁰. Д. 2697 содержит информацию о приеме, размещении и политических настроениях высланного в Омскую область немецкого населения (1941 г.)¹¹. В Д. 3502 имеется протокол заседания бюро Омского обкома ВКП(б) от 16 февраля 1943 г., в котором отражен вопрос «Об организации горыбпромтрестов»¹². В Д. 2939 имеется информация о рыбозаготовках в округе в 1941 г., количестве добытой рыбы, выполнении плана рыбодобычи, о производственной деятельности Салехардского консервного комбината¹³. В этом же деле обнаружена докладная записка «О командировке в Ямало-Ненецкий округ по вопросу проверки работы окружной партийной организации», датированная 29 сентября 1941 г. В документе содержится информация о подготовке кадров рыбной промышленности, о перспективах развития рыбной отрасли в округе, о работе потребкооперации по снабжению населения¹⁴.

В целом, в протоколах заседаний бюро обкома ВКП(б), протоколах пленумов обкома довольно широко представлены вопросы развития рыбной отрасли, выполнения планов, проблемы оснащения промыслов, подготовки кадров, снабжения рыбаков.

14 августа 1944 г. Ямало-Ненецкий национальный округ отошел к Тюменской области. Ценные документы хранятся в этой связи и в архивах Тюменской области. Наиболее важны источники Ф. П-135 — Ямало-Ненецкий окружком ВКП(б) Государственного бюджетного учреждения Тюменской области «Государственный архив социально-политической истории Тюменской области». Изучены протоколы заседаний бюро Ямало-Ненецкого окружкома ВКП(б) за период с июня 1941 по декабрь 1945 гг. В них отражена деятельность рыбной промышленности, колхозов и рыбозаводов (Д. 237, 257), МРС, консервных предприятий, участие в рыбодобыче спецпереселенцев (Д. 285, 286), содержится информация о переводе сельхозартелей на устав рыболовецкой артели (Д. 271), переписка с Омским обкомом и облисполкомом по вопросам рыбного хозяйства (Д. 278); отчеты окружкома ВКП(б), текущая документация, а также документы первичных партийных организаций, докладные записки, справки, обзоры. В информационных отчетах содержатся сведения о производственной деятельности, объемах продукции и уловах, деятельности рыбозаводов и моторно-рыболовных станций, водного транспорта (Д. 287).

Изучены протоколы всех заседаний пленумов Ямало-Ненецкого окружкома ВКП(б) за годы войны¹⁵. Здесь содержатся статистические сведения о развитии рыбного хозяйства, сравнение плановых показателей с их выполнением, анализ причин невыполнения. Изучены и протоколы заседаний всех окружных партийных конференций: стенограммы, доклады, прения, постановления. В них отражены итоговые показатели развития рыбной отрасли за определенный период. Эти документы ценны тем, что в них содержатся обобщенные данные по рыбодобыче, консервному производству, трудовым ресурсам и т.д. Изучены документы первичных партийных организаций, представленные главным образом протоколами партийных собраний, эта группа документов ценна тем, что позволяет увидеть на микроуровне решение тех или иных проблем.

В Государственном архиве Тюменской области изучено несколько дел Ф. Р-814 — Тюменский облисполком. Просмотрены протоколы заседаний и решения, а также стенограмма Первой сессии Тюменского областного совета депутатов трудящихся первого созыва от 24 ноября 1944 г.¹⁶ Изучение указанных документов

позволило представить сложный процесс образования Тюменской области, условия, в которых ей предстояло выстроить отношения с национальными округами, в том числе и с Ямалом. В этом фонде обнаружено и несколько протоколов заседаний Ямало-Ненецкого окрисполкома (Д. 211). Документы Ф. 1787 — Ямало-Ненецкий окрисполком содержат протоколы заседаний окрисполкома, важнейшие решения по рыбному хозяйству (Д. 90, 165). В Д. 237, 238 хранятся протоколы сессий окружного совета депутатов трудящихся. Весьма ценным источником в указанном фонде является отчет «Узловые вопросы развития рыбной промышленности Ямало-Ненецкого округа» за 1942 г. (Оп. 1. Д. 1). В нем содержится обширная информация о промысловых районах, важнейших рыбных угодьях, технической базе отрасли. Богат информацией отчет «Итоги работы ЯГРТ за 1943 г.» (Д. 4а) и «Годовой отчет Ямальского госрыбтреста за 1944 год» (Д. 4). В них представлены сведения об итогах выполнения плана рыбодобычи по колхозам и гослову, сведения о количестве рыбаков, техническом оснащении песков, передовиках рыбодобычи, о спецконтингенте на предприятиях треста (калмыках). Весьма интересны докладные записки управляющего рыбным трестом А.С.Засыпкина в адрес наркома рыбной промышленности СССР А.А.Ишкова «О мероприятиях по дополнительному улучшению положения коренного населения Ямало-Ненецкого округа», «К вопросу о сырьевых рыбных ресурсах Ямальского Севера», «О флоте Ямальского госрыбтреста». В них дана подробная статистическая информация о состоянии рыбного хозяйства округа, а также обозначены имевшиеся проблемы¹⁷. В Д. 4б содержится переписка с наркомом рыбной промышленности (1944 г.), которая интересна для понимания прежде всего проблем развития рыбной отрасли Ямала.

Изученные документы указанных архивных фондов позволяют представить общую картину состояния рыбного хозяйства округа в период войны.

Важную группу источников составляет **эпистолярное наследие**: воспоминания и письма, которые показывают историю через личное восприятие и переживания непосредственных участников событий тех лет. Привлечение воспоминаний позволило получить яркие и образные картины из жизни населения военного времени,

всех тех, кто был привлечен к работам на «рыбном фронте», в том числе детей.

Важную группу источников составили и **материалы периодической печати**, которые весьма существенно дополняют архивные источники. Их широкое использование служило дополнением происходящему, разумеется, с учетом критического анализа и сопоставления с другими источниками. В периодике прослеживается все многообразие событий и явлений тех лет. Все использованные материалы периодической печати можно разделить на несколько групп: *центральные научные и научно-производственные журналы; областные журналы и газеты; районные газеты.*

1. Центральные научные и научно-производственные журналы. В их числе журнал «Рыбное хозяйство» — орган издания народного комиссариата рыбной промышленности СССР. В нем помещались статьи о результатах работы рыбной промышленности по полугодиям и годам, статьи, содержавшие описание новых технологий добычи и обработки рыбы, научные статьи, связанные с исследованием ихтиофауны, а также освещался зарубежный опыт и состояние рыбного хозяйства в ведущих капиталистических странах.

2. Областные журналы и газеты: «Народное хозяйство Омской области» — орган издания областной плановой комиссии Управления народно-хозяйственного учета; «Омская область» — журнал Омского обкома ВКП(б) и облисполкома; «Омская правда» — орган издания Омского обкома ВКП(б) и Омского областного совета депутатов трудящихся; «Тюменская правда» — орган издания Тюменского обкома ВКП(б) и Тюменского областного совета депутатов трудящихся и др.

3. Газеты и журналы Ямало-Ненецкого национального округа. Среди периодических изданий этой группы важное место принадлежит окружной газете «Красный Север» — органу издания Ямало-Ненецкого окружного комитета ВКП(б) и исполкома окружного совета депутатов трудящихся, Салехардского ГК ВКП (б) и горисполкома.

Комплексное, объективное изучение разнообразных исторических источников способствовало созданию довольно полного представления о развитии рыбного хозяйства Ямало-Ненецкого национального округа в военные годы.

Примечания

- ¹ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. 1941—1952 гг.
- ² Казенное учреждение «Исторический архив Омской области» (далее — КУ «ИСАОО»). Ф. 437. Оп. 9. Д. 843.
- ³ Там же. Л. 38, 59.
- ⁴ Там же. Д. 953. Л. 101.
- ⁵ Там же. Д. 1028. Л. 1—11.
- ⁶ Там же. Оп. 14. Д. 454.
- ⁷ Там же. Д. 451.
- ⁸ Там же. Ф. 1088. Оп. 1. Д. 301.
- ⁹ Там же. Ф. 17-П. Оп. 1. Д. 2687.
- ¹⁰ Там же. Д. 2740. Л. 1—10.
- ¹¹ Там же. Д. 2697.
- ¹² Там же. Д. 3502. Л. 19.
- ¹³ Там же. Д. 2939. Л. 44—47.
- ¹⁴ Там же. Л. 82—114.
- ¹⁵ Там же. Д. 630, 631, 686, 687, 688, 750, 752, 754, 755, 827.
- ¹⁶ ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 213.
- ¹⁷ ГБУТО «ГАТО». Ф. 1787. Оп. 1. Д. 4а.

Раздел II

**ПРОШЛОЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
XVIII — НАЧАЛА XXI СТОЛЕТИЙ**

Глава 1

ДОКУМЕНТЫ О ПУШНОМ ПРОМЫСЛЕ В СИБИРИ И ЯСАЧНОЙ ПОВИННОСТИ ЕЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ В ТРУДАХ Н.Н.ОГЛОБЛИНА

Известный историк и архивист конца XIX — начала XX вв. Н.Н.Оглоблин часто обращался к материалам архива Сибирского приказа, отражающим практику взимания ясака с «иноземцев» Азиатской России, уплата которого являлась их основной повинностью.

Среди таких документов исследователь выделял доклады, сообщавшие о сборе «мяхкой рухляди» и его фиксации в ясачных книгах. Доклады могли адресоваться дьяками царю или Боярской думе. Так, сохранился доклад 1626/27 г. о неточностях, обнаруженных в тарских ясачных дозорных книгах, составленных тобольским сыном боярским М.Байкашиным и подьячим Г.Ерофеевым. Как отметил Н.Н.Оглоблин, в эти дозорные книги впоследствии были внесены исправления тобольским письменным головой Б.Лупандиным и подьячим М.Брянским на основе «челобитий» ясачных людей¹. О мангазейской «мяхкой рухляди» шла речь в докладе за 1634/35 г. боярина князя Б.М.Лыкова, а также служивших в Мангазее дьяков Ф.Иванова и И.Переносова.

По замечанию Н.Н.Оглоблина, часто доклады именовались выписями. О енисейской ясачной казне сохранилась выпись за 1640/41 г.² О сборе ясака и пошлин (с приложением росписей из таможенных соболиных книг) говорится, например, в отписке 1635/36 г. мангазейских таможенных голов и отписке 1638/39 г. тобольских голов³. Недоимка пушнины прошлых лет по Тобольску, Верхотурью и другим городам Тобольского и Томского разрядов зафиксирована в приходно-расходной смете 1634/35 г.⁴ Там же, по указанию Н.Н.Оглоблина, сказано про поступление ясака в 1634/35 г. из уездов обоих разрядов Сибири.

Данные об оценке поступившей оттуда пушнины не только служилыми людьми, но и московскими казенными целовальниками, содержит сметный список 1639/40 г.⁵ Смета ясака (а также денег, хлеба) за 1697/98 г., составленная в Сибирском приказе

думным дьяком Н.М.Зотовым, отражала данные по Тобольску, Тюмени и Томску⁶. Наказная память, касающаяся сбора пушнины, как отмечалось Н.Н.Оглоблиным, была направлена ясачному сборщику Братского острога Енисейского уезда сыну боярскому Т.Чемесову в 1675/76 г.⁷ О «выемке» енисейскими таможенными головами у отъезжавшего в Москву воеводы ясака для государственной казны упоминается историком по отписке 1635/36 г. Изъятие «мяхкой рухляди» у служилых людей зафиксировано отпиской 1636/37 г. тобольского головы, а «выемка» ясака — в отписке за тот же год березовского головы (с приложением росписи пушнины)⁸.

О ясачной казне речь шла в грамотах, направленных в Тобольск с местным сыном боярским Т.Панютиным и «литовским человеком» Я.Черницовым с «товарищами», а также в записи от 15 сентября из записной книги 1646/47 г.⁹

Зимовейные сборы ясака были зафиксированы в мангазейской книге за 1632/33 г. Как показал Н.Н.Оглоблин, данные сборы взимались соболями в Мангазее, на «захребетной» реке Лене, в Тазовском городе, в Хеттском ясачном и Туруханском зимовьях. Зимовейные сборы нередко отражались в отдельных книгах (сборниках) — зимовейных. Таким сборником являлась мангазейская книга 1635/36 г., включающая сведения, помимо Мангазеи, по Тазовскому, Хеттскому, Туруханскому зимовьям и сборам на реках Вилуе, Пясида, Хетте, Есее и Подкаменной Тунгуске, а также сборам березовских ясачников¹⁰.

Внимание ученого привлекли и ценовые росписи березовской, тобольской и пельымской (1637/38, 1638/39 гг.) ясачной казны¹¹.

Ясачные люди (остяцкие князьцы), как и русские промышленники, преподносили «подворенные поминки» для московских властей. Так, сохранилась отписка (1624/25 г.) сургутского воеводы Ф.Г.Шишкина об отправке этих «поминков» в Москву. (Н.Н.Оглоблин обращал внимание на редкость встречающихся такого типа отписок, составленных воеводскими товарищами¹²).

Ясачные книги в полдесть были перечислены, наряду с 30 якутскими сметными, пометными, денежными, хлебными книгами, в расходной памяти 1684/85 г. переплетчика И.Фаворова, отмеченной Н.Н.Оглоблиным¹³.

В числе других документов он рассмотрел записи, выписи и росписи о сборе ясака. Так, по указанию историка, в записи

1628/29 г. зафиксирована недостача соболей, присланных из Мангазеи¹⁴. Роспись 1638/39 г. отражала недобор в ясачной казне из Сургута и Мангазеи за 1631/32—1634/35 гг.¹⁵

К тобольскому наказу 1627/28 г. были приложены три наказных памяти, в том числе о сборе пушнины¹⁶.

Сохранился, по указанию Н.Н.Оглоблина, доклад 1636/37 г. о переданной сибирским служилым людям «мяжкой рухляди», отписанной прежде на заставах для государя¹⁷, и доклад 1634/35 г. со сведениями о мангазейской десятинной «мяжкой рухляди»¹⁸.

Н.Н.Оглоблиным были рассмотрены таможенные приходные и соболиные книги. Примером такой книги была туруханская (1629/30 г.), включающая два отдела (о десятой пошлине, взимаемой от продажи пушнины, и денежной пошлине, взимаемой с продажи соленой рыбы). Мангазейская таможенная приходная и соболиная книга (1631/32 г.) показывает, что сборы с пушнины могли взиматься как деньгами, так и самими меховыми шкурами. Н.Н.Оглоблину встретились и книги сборов, взимаемых только «мяжкой рухлядью» (таможенная приходная и соболиная книга Мангазеи за 1632/33 г.)¹⁹.

Десятая пошлина, взимаемая деньгами с продажи соболей частными лицами, была зарегистрирована в енисейской книге за 1645/46 г. Подобный вид десятой пошлины платили промышленные люди, продававшие «мягкую рухлядь» таможенным властям для государевой казны (мангазейские покупочные книги за 1628/29, 1629/30, 1631/32, 1632/33 гг., покупочная книга Туруханского зимовья за 1635/36 г.)²⁰.

Следующим видом книг, изученных Н.Н.Оглоблиным, были таможенные соболиные. Так, к примеру, верхотурская книга за 1625/26 г. включала роспись десятой и отписной «мяжкой рухляди», взимаемой с лозьвинских торговых людей. Аналогичный вид сбора содержала таможенная соболиная мангазейская книга за 1626/27 г. Десятой соболиной пошлиной, согласно книге, облагались торговые, промышленные и служилые люди. В книгу наряду с другими сведениями вошли данные о взимании сбора с 8 березовских служилых людей, сборах ясака в енисейском Хантайском, Сумороковском, Инбацком, Туруханском, на Верхнем Подкаменном Тунгусском зимовьях. Анализируя таможенные соболиные книги, Н.Н.Оглоблин отмечал, что они содержали сведения о месте

службы упоминаемых в книгах служилых людей, инородцы же в книгах записаны как новокрещены — «самоядины»²¹.

Мангазейский росписной список, по определению Н.Н.Оглоблина, был составлен таможенным головой И.Кокориным и П.Брагиным, ранее принимавшим таможенную избу у головы Д.Мокеева. Росписи содержали описания зданий, перечни принадлежностей и таможенного архива. В последнем имелась, к примеру, выделенная ученым явочная книга (1622/23 г.), занимавшая 20 листов²². По наблюдению Н.Н.Оглоблина, опись таможенного архива систематизирована по описанию книг, столпов и документов в свертках и связках. Каждая из этих категорий документов была подобрана согласно хронологии. Изученный Н.Н.Оглоблиным мангазейский росписной список датирован 1635/36 г. В конце списка имеется запись о приеме вновь назначенными головами у старого головы пушнины и пошлинных денег, предназначенных для передачи в съезжую избу. Изучив росписной список, Н.Н.Оглоблин дал высокую оценку вкладу Кокорина и Брагина в сибирское таможенное управление²³.

Сохранился и таможенный счетный список из мангазейской таможенной избы. Список за период службы таможенного головы Д.Мокеева (1633/34—1634/35 гг.) был составлен в момент передачи его полномочий новому таможенному голове в 1636/37 г. в тобольской воеводской избе. По завершении счетного списка его направили в Москву. Счетный список, как показал Н.Н.Оглоблин, содержал статьи о приходах и расходах пошлинных денег, десятинной соболиной казне; 22 воеводские отписи (о приеме денег и пушнины от головы), сверки подлинных таможенных книг, денежные сметы, ясачные книги, расспросные речи Мокеева и других мангазейских таможенных подъячих²⁴.

Приходные книги фиксировали сбор пошлин деньгами и пушниной, «соболиные книги» — исключительно меховые пошлины. Данные группы книг разделены Н.Н.Оглоблиным еще на три отдела. Первый содержал общие книги прихода пошлин, второй — частные книги, предназначенные для фиксирования отдельно каждого вида сбора, третий — это таможенные приходные и соболиные книги²⁵.

Н.Н.Оглоблин выделил одну из рассмотренных им десятинных книг — мангазейскую, составленную в 1628/29 г. таможенным

головой свияженином З.Ивановым с целовальниками. В книге приводятся сведения о сборах с одного вида товаров — пушнины²⁶.

Подобные приходные книги, в которых отмечены пошлины, взимаемые «мяжкой рухлядью», к концу XVII в. становятся редкостью. Все чаще, как указывал ученый, составлялись книги о смешанных таможенных сборах (деньгами и пушшиной); такова, например, нерчинская книга 1696/97 — 1697/98 гг. Н.Н.Оглоблин объясняет эту тенденцию уменьшением количества зверей, добывавшихся русскими²⁷.

Н.Н.Оглоблиным рассматривались и якутские таможенные соболиные книги. Так, одна из них — «книга десятинная соболиная великие реки Лены Якутского острога» за 1644/45 г. — разделена на 3 раздела, отражающих сборы с промышленной пушнины, сборы с перекупной пушнины у торговых людей и сборы с добытой перекупной пушнины у служилых и промышленных людей²⁸.

Внимание ученого привлекли обыскные книги с записями таможенных и заставочных голов, осматривавших товары и имущество проезжих торговых и промышленных людей. Как показывают документы, часто такие осмотры сопровождалось изъятием в пользу государя пушнины или денег, утаенных при предыдущем досмотре, либо товаров, относящихся к «заповедным» (например, меха черно-бурой лисицы)²⁹.

По указанию Н.Н.Оглоблина, тобольская таможенная книга 1635/36 г. содержит помимо общих сведений данные о стоимости изъятых пушнины и расспросы проезжих людей о причинах отсутствия записей о ней в их проезжих грамотах³⁰.

Обыскные книги, как заметил Н.Н.Оглоблин, часто содержали пометы на листах. Так, в книге Печерской заставы (1641/42 г.) сохранилась помета от 14 марта 1643 г. о подаче ее березовским казаком И.Микифоровым, а также указание «отписать» голове Ижемской заставы присылать подлинные книги такого рода с подробными сведениями о провозе пушнины³¹.

Следующая книга, рассмотренная Н.Н.Оглоблиным, — это книга выимочной «мяжкой рухляди», датированная 1704 г. Книга сохранила сведения о пушнине, изъятых тогда таможенными людьми на Ирбитской ярмарке³².

К «отпусным книгам», выделенным Н.Н.Оглоблиным из группы обыскных книг, он отнес книги аналогичного содержания, но

упоминающие об обложении проезжавших людей таможенными пошлинами³³. Примером такой книги была обыскная книга Печерской заставы за 1655/56 г., сохранившая сведения о поездке из Березова через Урал П.Федорова — крестьянина, принадлежавшего боярину князю Я.К.Черкасскому, с пушниной (оцененной в Березове), с которой в Якутском остроге на Собской заставе была взята десятая пошлина в пользу государя³⁴.

В таможенных избах нередко составлялись меновные книги, содержащие сведения об обмене пушнины у инородцев и русских промышленников на другие товары. Данный вид книг нередко носил и следующие наименования: покупочные книги, товарные книги, записные книги, книги государевым товарам.

Обмен государевых московских товаров на пушнину в 1699/1700 г. зафиксирован в красноярской меновой книге. Н.Н.Оглоблин упомянул среди лиц, перечисленных в меновой книге, казачьего сына И.Велченка, которому было выдано в обмен на табак сермяжное сукно³⁵.

Как отмечал Н.Н.Оглоблин, в отписке мангазейских таможенных голов 1635/36 г. говорилось о сборе пушнины с торговых и промышленных людей, о покупке пушнины у промышленных людей для государевой казны. О таком же сборе «мяжкой рухляди» сообщалось в росписи из таможенных соболиных книг, приложенной к отписке тобольских голов за 1638/39 г.³⁶

Исследователь обратил внимание на отписку мангазейских таможенных голов (1640/41 г.), уведомляющую Сибирский приказ о том, что торговые и промышленные люди отказываются платить десятинную пошлину с хлебных запасов. «Скаска», приложенные к отписке, взятые у торговых и промышленных людей, раскрывали причины отказа от уплаты дани³⁷.

По замечанию Н.Н.Оглоблина, сохранились дела о «товарной казне», обменивавшейся в Сибири на пушнину или выдававшейся сибирякам в качестве жалованья, и приемная роспись 1710 г. государевой соболиной казны, отправленной в Енисейск и приготовленной для продажи в Китае. В Енисейске приемкой пушнины занимался комиссар купечеств П.Р.Худяков³⁸.

Н.Н.Оглоблиным были рассмотрены ценовые росписи соболиной казны. Такие росписи встречаются по Мангазее (за 1633/34, 1637/38, 1641/42 гг.)³⁹. В якутской покупочной соболиной книге

(1699/1700 г.) сообщалось об обмене пушнины на московские товары⁴⁰. По наблюдению исследователя, в книге приходной за 1627/28 г. отражена смета поступления пушнины по Сургуту и другим сибирским городам. Книга также содержала роспись стоимости сумм пушнины, присланной из Сибири⁴¹.

Н.Н.Оглоблин выделял среди наиболее ценных книг, составленных в таможенных избах, 880 приходных книг и 234 соболиные книги⁴².

К енисейским книгам соболиной казны десятинного собора (за 1628/29 и 1633/34 гг.) прилагались ценовые росписи «мяжкой рухляди». К подобным книгам могли прилагаться и другие документы или записи (например, об изъятии приставом и таможенным целовальником утаенных соболей, о воровстве промышленных людей). Такие записи есть в енисейской книге за 1629/30 г. Покупочная книга «мяжкой рухляди» была включена в соболиную книгу Туруханского зимовья за 1630/31 г.

Енисейская соболиная книга за тот же год содержала в качестве приложений ежедневные записи об изъятии мехов у промышленных и служилых людей, ценовную роспись десятой соболиной казны, покупочную книгу⁴³.

Н.Н.Оглоблиным был подготовлен отдельный указатель соболиных книг, состоящий из 234 единиц, за период с 1625/26 по 1701 гг. Книги включали и сведения о пошлинах, взимаемых в Верхотурье, Енисейске, Илимске, Иркутске, Мангазее, Нерчинске, Олекминском остроге, Пельме, Томске, Туринске, Якутске, Тазовском и Туруханском зимовьях⁴⁴.

Исследователь обратил внимание и на ценовые росписи, составленные головами и целовальниками Сибирского приказа. Мангазейская соболиная казна была зафиксирована в ценовной росписи 1636/1637 г. и содержала помету дьяка от 10 декабря⁴⁵.

Одно из дел, рассмотренных Н.Н.Оглоблиным, датировано 1669/70—1671/72 гг. и отражает доставку из Якутска в Москву соболиной казны С.Дежневым. В дело вошли отписки якутских, илимских, тобольских воевод, отписки верхотурского таможенного головы, якутская ценовая роспись соболиной казны⁴⁶. Роспись таможенных книг якутской таможенной избы включала опись таможенных книг, в том числе книги десятинной соболиной перекупной «мяжкой рухляди»⁴⁷.

Неверная оценка нерчинской соболиной казны привела к возникновению дела 1698/99 г. Согласно документам дела, как упоминал Н.Н.Оглоблин, с оценщиков (торговых людей поморских городов) была взыскана часть денег⁴⁸.

Про убийство тунгусами служилых людей, перевозивших ясачную казну, и наказание бывшего приказчика Баргузинского острога енисейского сына боярского И.Галкина, который не провел розыск об этом преступлении, сказано в докладе 1657/58 г.⁴⁹

Ясачная казна подлежала досмотру таможенными людьми. По указанию Н.Н.Оглоблина, сохранились отписки таможенных и заставных голов с описанием досмотра направляемой в Москву ясачной казны. Так, в отписке верхотурского головы говорится о досмотре тобольской ясачной казны в 1635/36 г.⁵⁰

Досмотр тазовской и енисейской соболиной казны зафиксирован в отписке 1635/36 г. заставочного головы Ижемской Печерской слободы⁵¹.

Осмотр провозимой через Печерскую заставу кузнецкой ясачной казны был зафиксирован в досмотре за 1637/38 г.⁵²

В 1626/27 г. шесть тарских казаков, отправленных в Москву с ясаком, подали челобитную боярину князю Д.М.Пожарскому с просьбой отпустить их в Казань на богомолье и предоставить подводы тарским дьякам А.Подлесову и П.Копнину, отправлявшимся в Ямской приказ⁵³.

Челобитная, составленная енисейским посадским человеком, являвшимся целовальником при ясачной казне (1633/34 г.), содержала ходатайство о даче подводы из Москвы⁵⁴. Ясачная поминальная и десятичная соболиная казна за 1624/25 г. была отправлена в Москву с литвином Я.Шпаковским, таможенным целовальником Е.Ивановым и еще семью провожатыми — служилыми людьми, о чем свидетельствовала привлекавшая внимание ученого отписка 1624/25 г.⁵⁵.

Данные проезжих памятей (отписок местных и других воевод, выписей, росписей) входили в ясачные книги по Сургуту (1698/99 г.), Верхотурью (1634/35 г.) и Обдорской заставе (1635/36 г.). Данные документы сообщали и о перемещении людей, и о перевозимых ими товарах⁵⁶.

Ученым отмечены отписки 1635/36 г. заставочного головы ижемской Печерской заставы, которые сообщали о досмотре заставочным

головой тазовской и енисейской соболиной казны. Приложенная к отпискам роспись с печатями указывает на принадлежность енисейской казны Обдорской заставе⁵⁷.

Об отписке в пользу государя посылочных денег и посылочной пушнины у служилых людей свидетельствует обыскная книга Обдорской и Собской заставы (1634/35 г.). В книге сказано про изъятие соболей у сургутского служилого человека П.Яковлева, томского сына боярского Ф.И.Пущина, московского подьячего (проезжавшего через Урал из Томска) С.Ищеина⁵⁸. Любопытной Н.Н.Оглоблин считал запись в книге об изъятии большого количества пушнины у березовского воеводы А.А.Плещеева-Мешкова и двух его сыновей. Книга содержит сведения о тайном провозе ими «мяжкой рухляди»⁵⁹.

В «Обозрении...» Н.Н.Оглоблина указаны росписи пенной «мяжкой рухляди». Одна из таких росписей, принадлежавшая Верхотурской нижней заставе (1634/35 г.), сообщала о непредъявленной к обложению пошлинами пушнине, следствием чего стала ее конфискация в пользу государя. Аналогичное содержание имели росписи по Березову и Обдорской заставе (за 1636/37 и 1637/38 гг.). Данные росписи включали и списки пушнины, не зафиксированной в проезжих грамотах, и списки имен торговых людей⁶⁰.

В 1631/32 г. мангазейские промышленные люди — целовальники, присланные в Москву с ясаком, — направили челобитную об оплате их проезда и «корме». Другая челобитная, составленная енисейским посадским человеком — целовальником при ясачной казне (1633/34 г.), содержала ходатайство о даче подводы из Москвы⁶¹.

Наказ Лжедмитрия I от 31 января 1606 г. томским письменным головам М.Н.Ржевскому и С.А.Бартеневу сопровождался наказной памятью об осмотре пушнины на дворе прежних голов⁶².

Изучая документы Сибирского приказа, Н.Н.Оглоблин обратил внимание на расходную книгу за 1627 г., в частности, записи о выдаче сибирских соболей для передачи в Крым. Как видно из памяти за приписью дьяка Б.Милованова, среди пушнины были меха соболя, куницы, бобра, белки, лисицы, предназначенные для пошива одежды царевичам и их приближенным⁶³.

В документах о приготовленной для отсылки в Крым сибирской пушнине определяется ее стоимость. В расходной книге

1628 г. есть записи о взятых за «мяхкую рухлядь» деньгах. Как писал Н.Н.Оглоблин, сибирская пушнина нередко направлялась в Крым и там продавалась⁶⁴. Н.Н.Оглоблин отмечает память 1635 г., свидетельствующую о передаче пушнины отправляемым в Крым русским послам⁶⁵.

Еще один такой документ (1691 г.), отмеченный Н.Н.Оглоблиным, перечисляет пушнину, посланную «цесарскому», французскому, венецианскому, «дохтурскому», английскому, польскому государям. Из Сибири, согласно этой памяти, пушнина передавалась в повытья Посольского приказа — персидское, армянское, донское и калмыцкое⁶⁶.

Приходная книга 1628/29 г. содержит сведения об отборе наиболее ценной пушнины из «мангазейской присылки» в подарок турецкому султану Мурату⁶⁷.

Доклад 1673/74 г. посвящен отправке в Китай пушнины на продажу либо в обмен на китайские товары. К докладу была приложена роспись обмененных товаров при караване, который сопровождали из Тобольска в Китай в 1667/68 г. бухарец С.Аблин и казак И.Торутин «с товарыщи»⁶⁸.

Роспись 1626/27 г. содержала сведения о доставке пушнины из Тары, Тобольска, Пельма, Верхотурья, Енисейска и Туринска. Ценовщиками являлись служилые люди, приглашенные приказом Казанского дворца из Скорнячьего, Бобрового, Ветошного рядов Гостиного двора⁶⁹.

Как указывает Н.Н.Оглоблин, в отписке верхотурского головы (1635/36 г.) сообщалось об осмотре тобольской ясачной казны и отсутствии служилых людей, провожающих пушнину и деньги⁷⁰.

Челобитное дело 1626/27 г. тобольских конных казаков Д.Рачковского и М.Выходцова сообщает о провозе казны через Ярославль в Москву, содержит расспросные речи казаков в Казанском приказе, челобитную казаков, память о предоставлении стрельцов для охраны перевозимой казны, челобитную Рачковского и Выходцова о выдаче «корма» на дорогу и память о выделении подвод (для Ямского приказа). Челобитная тарского конного казака (1629/30 г.), направленного с пушниной в Москву, содержит просьбу об отпуске из столицы и даче подвод⁷¹.

В книге приходной за 1627/28 г. имелось несколько разделов, в одном из которых отражена смета поступления пушнины по

Мангазее. Книга также содержала роспись стоимости сумм пушнины, присланной из Сибири⁷².

Среди документов таможенного управления Н.Н.Оглоблин выделяет и отписку (1697/98 г.) вологодского таможенного головы, приехавшего из Сибири с соболями⁷³.

В отписке нового тобольского архиепископа Нектария за 1636/37 г. содержалась просьба о присылке церковных принадлежностей в обмен на отправленную пушнину и вино для воевод (взятое из запасов прежнего владыки Макария)⁷⁴.

Указной грамотой от 1680/81 г. березовским и другим воеводам предписывалось не назначать в провожатые в Москву лишних людей во время сопровождения соболиной казны и других «посылок» под угрозой наказания самих воевод⁷⁵.

Сохранилась наказная память целовальнику (1636/37 г.) об уходе за двумя живыми соболями, которых из Мангазеи направили царю⁷⁶.

По свидетельству Н.Н.Оглоблина, таможенные головы зачастую изымали излишки пушнины и денег, провозимых служилыми людьми. Об этом свидетельствуют отписка енисейских таможенных голов, отписка с прилагаемой к ней росписью 1636/37 г. тобольского таможенного головы, отписка с прилагаемой росписью березовского головы за то же время⁷⁷.

Как отметил Н.Н.Оглоблин, ясачной казне и ясачным людям посвящалась значительная часть документов (докладов и челобитных дел). К 1634/35 г. относится доклад с челобитьем красноярских служилых и юртовских татар о невзимании с них ясака и поверстании денежным жалованьем подобно другим служилым людям Сибири⁷⁸. Доклад 1634/35 г. фиксировал недобор «в мангазейский ясак»⁷⁹. Челобитное дело (1629/30 г.) тарского стрельца И.Иванова сообщало о неуплатах сборов конным казаком литовского списка М.Микитиным и продаже последним двора, находящегося в кабаке. В этом же году енисейский стрелец, прибывший в Москву с ясаком, просил отпустить его в Яренск для встречи с женой⁸⁰.

Нарымские ясачные люди сообщали в челобитной 1646/47 г. о злоупотреблениях сургутского воеводы А.Измайлова, забравшего у них подводы для собственных нужд.

В 1628/29 г. поступила челобитная от ясачных людей Аялымской волости Тарского уезда князца Байтугача Бальгидеева с товарищами,

которая сообщала о неправильных записях в ясачных книгах 1617/18 г. сыном боярским С.Калитиным, в 1619/20 г. — головой конных казаков Н.Жедовским, в 1623/24 г. — тобольским сыном боярским М.Байкашиным. Некоторый порядок в записях ясачных книг навел в 1625/26 г. присланный из Тобольска письменный голова Б.Лупандин, снявший с 12 человек незаконно наложенный ясак.

В 1629/30 г. было подано челобитье ясачными людьми Кузнецкой и Кадской волостей Енисейского уезда с просьбой об освобождении от ясака и ямской гоньбы, как и тобольских, тюменских и других ясачных людей⁸¹.

Н.Н.Оглоблиным рассматривались и челобитные об освобождении от ясака, например, старых, увечных, хромых и слепых ясачных людей Кетского уезда. В 1644/45 г. они просили вписать вместо себя в список обложенного ясаком населения своих детей и родственников.

К 1633/34 г. относится челобитье мангазейского аманата с прошением отпустить его домой. Такую же просьбу содержала поданная десятилетие спустя челобитная томского аманата киргизского князца Изеня, предлагавшего заменить его⁸².

В челобитном деле 1696/97—1697/98 гг. ясачных людей Васюганской и Тымской волостей Сургутского уезда излагалась просьба причислить их к Нарымскому уезду⁸³.

В «Обозрение...» Н.Н.Оглоблина попали сведения о делах 1697/98 г. по поводу злоупотреблений верхотурских служилых людей — приказчиков пашенных крестьян в ясачных зимовьях; дела были основаны на челобитных крестьян.

Ясачными и приказными людьми Удинского и других острожков Красноярского уезда были направлены челобитные по поводу грабежей и злоупотреблений тобольского сына боярского М.Юдина (отправленного тобольскими воеводами к калмыцкому Бушухте-хану). Впоследствии челобитные вошли в сыскное дело 1691/92—1693/94 гг. сведениями о чинимых Юдиным злоупотреблениях во время его проезда по ясачным волостям Красноярского уезда⁸⁴.

Ясачными и жилецкими людьми, как писал Н.Н.Оглоблин, были составлены челобитные, свидетельствующие о злоупотреблениях красноярских воевод А. и М.Башковского и С.Дурново⁸⁵.

Челобитья ясачных людей нередко подавались от всего уезда, т.е. являлись мирскими челобитными. Так, в 1625/26 г. поступило челобитье от ясачных людей всех волостей Сургутского уезда с жалобой на незаконность сбора ясака, тяжести подводной повинности, уменьшение количества пушного зверя и трудности охоты. Ясачные люди просили увеличить срок на выплату ясака. Данное челобитное дело содержало допросные речи в Казанском приказе бывшего сургутского воеводы И.Р.Безобразова. Согласно приговору приказа и грамоте сургутскому воеводе Н.Пушкину, требовалось снисходительнее относиться к ясачным людям⁸⁶.

Нарымские ясачные люди в 1634/35 г. подали жалобу на тяжесть ямской повинности по перевозке служилых людей на судах по рекам Обь и Кеть. В связи с большими объемами работ нарымские ясачные люди не успевали заготовить ясак и промыслять рыбу. Челобитчики просили облегчить ямскую повинность — разрешить осуществлять ее только до сургутского и кетского рубежей⁸⁷.

Н.Н.Оглоблин выделял и челобитную 1637/38 г. торговых людей Кинешмы Д.Трофимова с товарищами, добивавшимися возвращения отобранной у них в Сибири пушнины. Другое челобитье (1627/28 г.) поступило от торгового человека И.Лехова, просящего известного сибирского «иноземца» П.Хмелевского продать отписанную на государя пушнину⁸⁸.

Некоторые челобитные, как замечал Н.Н.Оглоблин, составлялись именитыми людьми. В 1656 г. Д.Строганов направил челобитную об отсрочке взыскиваемых с него за пушнину долговых денег Сибирскому приказу⁸⁹. Просьбу о выдаче 44 соболей содержало челобитное дело 1650/51 г. архимандрита Чудова монастыря Ферапонта, рассмотренное Н.Н.Оглоблиным⁹⁰.

Ученым зафиксированы челобитные о продаже пушнины. Так, челобитная 1636/37 г. бывшего енисейского воеводы князя С.И.Шаховского свидетельствует о покупке им соболей и лисиц. Челобитной в качестве приложения сопутствовала роспись выданной Шаховскому пушнины. В его челобитной за следующий год мы находим просьбу об отсрочке уплаты долга за выданную «мяхкую рухлядь» для «литовской службы»⁹¹.

Сохранились наказные памяти 1630/31 г. об измене кондомских и барабинских ясачных людей Тарского уезда, о злоупотреблениях при сборе ясака кузнецких служилых людей⁹².

Благодаря отписке 1640/41 г. таможенных мангазейских голов известно об отказе от уплаты сборов торговыми и промышленными людьми. Отписке сопутствует в качестве приложения «ска-ска» о причинах отказа от уплаты⁹³.

Нередко выявлялось население, ранее не вносившее ясак в казну. Н.Н.Оглоблин рассмотрел такие случаи на примере остяцких князей Алачевых и Пельмских. В 1628—1629 гг. в ходе описания владений правителей Коды Михаила и Лобана Алачевых в Березовском и Сургутском уездах посланными из Тобольска письменным головой В.Теприцким, сыном боярским С.Француженином и подьячим Т.Леонтьевым были обнаружены 260 остяков, ранее не облагавшихся ясаком. В результате описания половину остяков оставили за князьями Алачевыми, а другая должна была вносить ясак в государеву казну; князь же Михаил Алачев вместо назначенной ему аудиенции в Тобольске направился в Москву, где челобитную с просьбой сохранить за кодским князем ясачных людей удовлетворили. В 1630 г. в Березовский и Сургутский уезды вновь направили писцов, на этот раз из Москвы (сына боярского А.Воейкова и подьячего М.Козлова). Их описание (1632 г.) зафиксировало действительное количество остяков в вотчинах Михаила и Лобана Алачевых, а также принадлежность им 14 остяцких волостей в Березовском и Сургутском уездах⁹⁴. Отдельные фрагменты из челобитных (от 13 октября 1649 г., марта 1656 г., февраля 1656 г., 23 апреля 1657 г.) березовских и пельмских князцов были опубликованы Н.Н.Оглоблиным⁹⁵.

Историк указывает среди жителей вотчин Алачевых согласно «дозорным книгам» Терпицкого и Костюрина 63 ясачных человека; у этих кодских князей имелись и «дворовые», и «деловые», и ратные люди⁹⁶.

Жалобу на перевод из службы в ясачный оклад двух сыновей князя и 25 дворовых людей, поступившую от сына ставшего березовским служилым человеком князя Садара Чумеева Алачева, содержит челобитное дело 1649/50 г. На челобитную последовал положительный ответ в отношении только сыновей князя — предписывалось не брать с них оброк, дворовые же люди были оставлены ясачными⁹⁷.

Ясачный татарин Чулымской волости Томского уезда Б.Артыбаев в 1648/49 г. «бил челом» о переводе его в служилые татары, и челобитная была удовлетворена⁹⁸.

Челобитные ясачных людей, поступающие в Сибирский приказ, часто скреплялись знаменами инородцев⁹⁹. Так, в сыском деле 1628—1632 г. Н.Н.Оглоблину встретились знамена о переписи «вотчин» Михаила и Лобана Алачевых. «Обыскное» дело содержало множество знамен инородцев, подтверждающих достоверность сведений об ясачных людях алачевских владений в Березовском и Сургутском уездах¹⁰⁰.

«Знамена» инородцев, по указанию Н.Н.Оглоблина, использовали воеводы и служилые люди для подтверждения сведений по сыскам, целью которых было выяснение причин недобора ясака. На дошедших до нас документах сохранились «рукоприкладства» инородцев в виде определенных фигур и знаков¹⁰¹.

В архиве Сибирского приказа исследователь обнаружил 105 знамен, принадлежащих осякам, в том числе Сургутского уезда, татарам, охотским тунгусам, качинцам, аринцам, яринцам и якутам.

С точки зрения Н.Н.Оглоблина, челобитная 1641 г. князцов Красноярских подгородних ясачных татар, которую привез в Москву местный воевода, являлась чуть ли не единственным документом, сообщающим об отсутствии у этих татар традиции ставить знамена на документах¹⁰², тогда как практически не существовало «племена» инородцев, у которого не было бы знамен¹⁰³.

Челобитные ясачных и служилых людей, сыские речи, составленные преемником Красноярского воеводы Г.П.Никитина А.И.Сумароковым в местной приказной избе, расспросные речи в Сибирском приказе, доклады вошли в дело (1666/67—1668/69 гг.), привлечшее внимание Н.Н.Оглоблина. Оно касалось превышения полномочий Г.П.Никитиным¹⁰⁴.

По указанию историка, до нас дошли и расспросы 1640/41 г. о волнениях и измене Красноярских ясачных людей¹⁰⁵.

Против изменивших ясачных людей выступали томские служилые татары, впоследствии направившие челобитную (1631/32 г.) с описанием своих заслуг в походах¹⁰⁶.

Ясачные люди нередко попадали в плен. Так, отписка тарского воеводы (1667/68 г.), появившаяся вслед за нападением Кучумовичей и башкир, включает перечень убитых пленных служилых и ясачных людей¹⁰⁷.

Обложенные ясаком жители, по указанию Н.Н.Оглоблина, часто направляли челобитные со сведениями о произволе властей.

Так, в 1625/26 г. остяк Бардаковской волости Сургутского уезда жаловался на злоупотребления воеводского товарища Б.Белкина¹⁰⁸, а ясачные люди Томского уезда (в следующем году) — на злоупотребления воеводы князя И.Ф.Шаховского¹⁰⁹.

Остякам в некоторые годы, когда добыча пушнины оказывалась скудной, приходилось продавать и закладывать своих жен и детей, чтобы выплатить ясак¹¹⁰.

Якутскими служилыми и ясачными людьми были направлены две челобитные (1704 г.) с просьбой о присылке воеводы¹¹¹.

Ясачные люди Томского уезда, как отмечал Н.Н.Оглоблин, выступали в поддержку бунтовавших служилых. Так, в 1637—1638 гг. от ясачных людей поступали челобитные относительно злоупотреблений воевод. Жалобы посадских и ясачных людей касались и случаев, нередких при князе И.Ромодановском.

Н.Н.Оглоблин сообщает, что инициатор томского бунта 1649 г. пятидесятник А.Губа и поддерживавшие его служилые люди бежали в ясачные волости, поднимая их против населения Москвы. Позднее А.Губа с челобитной от имени посадских, служилых и ясачных людей явился в столицу¹¹³.

Н.Н.Оглоблину при изучении документов Сибирского приказа часто попадались сведения о сборщиках «мяхкой рухляди».

Тобольский сын боярский Ф.Л.Толбузин, по замечанию историка, был назначен приказным человеком казаков и пашенных крестьян, а также ответственным за сбор ясака и пушнины в Иркутском остроге, Томском разряде и Енисейском уезде. Об этом свидетельствует рассмотренная ученым наказная память 1675/76 г., адресованная Ф.Л.Толбузину¹¹⁴. Тогда же приказному человеку и сборщику ясака в Братском остроге Енисейского уезда сыну боярскому Т.Чемесову была послана наказная память¹¹⁵.

Н.Н.Оглоблиным было также рассмотрен сыск о злоупотреблениях якутских ясачных сборщиков в 1698/99—1699/1700 гг. Расследование по данному делу было начато якутским воеводой Д.Траурнихтом и завершено Д.Полянским и Д.Берестовым. В дело вошли отписки Траурнихта, расспросные речи служилых людей, доклады Сибирского приказа¹¹⁶. Расспросные речи свидетельствовали и об избиениях бунтовщиков, к которым приравнивались якутские служилые люди (например, сын боярский М.Антипьев, казачий пятидесятник Ф.Щербаков, казачий пятидесятник

И.Поломошный, атаман В.Петриловский, «прожиточный» человек С.Мухоплев), отказывавшиеся от уплаты денег и ясака. В расспросных речах указано, что такие сборы не относились к ино-родцам¹¹⁷.

Еще один сыск, проведенный Берестовым и Полянским в 1696/97—1699/1700 гг., выявил злоупотребления ясачных сборщиков¹¹⁸.

О назначении атаманом с последующей посылкой на р. Лену с целью сбора ясака енисейского казачьего пятидесятника В.И.Колесникова говорится в челобитном деле 1635/36 г., сохранившем данные о первых походах русских на р. Лену¹¹⁹.

В ценовой росписи от 25 июля 1648 г. речь шла о пушнине, принятой по памяти у енисейского атамана В.Колесникова с товарищами¹²⁰.

Повышения жалованья касалась челобитная 1626/27 г. тобольского казака И.Корнильева, обещавшего обеспечить «прииск» новых земель для сбора ясака. К челобитной была приложена подробная опись собранной пушнины¹²¹.

По свидетельству видного историка, сбор ясака мог также вменяться в обязанность и судьям. О добровольном подчинении города и уезда выбранным судьям свидетельствовало безропотное выполнение повинностей. Выбранные судьи наделяли некоторыми привилегиями промышленных людей, отпуская их на промыслы пушнины в любое время¹²².

По выявленному Н.Н.Оглоблиным документу, составленному Друганко (промышленным или служилым человеком, как поясняет Н.Н.Оглоблин), видно, что его спутник Е.Буза совместно с 20 казаками и целовальниками в 1637—1644 гг. побывал на реках Лене, Омолоевой, Яне, Янге с целью сбора «мяжкой рухляди»¹²³.

Как отмечал Н.Н.Оглоблин, вольные («гулящие») люди составляли в Сибири разряд промышленных людей, добывавших пушнину, и охочих служилых людей, открывающих новые земли¹²⁴.

Исследователем собраны интересные данные о мореплавателе И.И.Реброве, побывавшем на Вилюе, Лене, Алдане, Яне, Индигирке и других реках; именно ему принадлежит честь открытия рек Яны и Индигирки (Собачьей).

По словам И.И.Реброва, морской ход проходил по рекам Вилюю, Лене, Алдану, Оми, Мие. Попутно этот землепроходец со

служилым человеком С.Корытовым собирали ясак. Судя по челобитной, поданной Ребровым и енисейцем И.Перфильевым в 1633 г., затем служилые люди двинулись на реку Яну, получив разрешение приказного человека А.Иванова. Следующей рекой, на которой побывали служилые люди, стала Индигирка¹²⁵.

Как писал Н.Н.Оглоблин, И.Ребров успешно собрал ясак и взял аманатов у якутов на реке Мие. На реке Янге в аманаты попали «князья» Яндарака, Омолой и Тузик¹²⁶. Во время зимовья отряда И.Реброва в устье реки Пиликты в 1647 г. был не только собран ясак, но и взяты в аманаты 6 представителей местного населения. И.Ребров упоминает о боях с инородцами, о полученных от них ранах¹²⁷.

В 1641 г. Ребров с собранным ясаком по предписанию воеводы П.П.Головина двинулся в Якутск «в ленскую службу». Через год И.Реброва направили по реке Оленек, и он служил в «поставленном» там острожке до 1647 г., после чего отправился на реку Пиликту. По мнению Н.Н.Оглоблина, челобитная Реброва не только раскрывает тяготы службы и походов в новые земли, содержит просьбу о назначении приказным человеком, но и подтверждает, что именно этим казаком были открыты Яна и Индигирка. Путешествия Реброва завершились в Туринске, где его назначили на место якутского казачьего пятидесятника Ивана Пермяка¹²⁸.

Следуя челобитной 1650 г., Н.Н.Оглоблин указал, что сын тобольского стрельца якутский казак И.К.Беляна совершил три плавания по рекам Индигирке, Алазее, Колыме. На основании этого документа ученый констатировал, что путешествие по Индигирке И.Беляна совершил в составе отряда П.Иванова в 1642 г. На реке Алазее И.Беляна оказался в 1643 г. с казаком Д.Зыряном и шестью промышленными людьми. Весной 1645 г. морским путем И.Беляна прибыл на реку Ковыму. Как и многие другие, по наблюдению Н.Н.Оглоблина, данный морской поход с целью сбора ясака проходил не без противодействия местных жителей¹²⁹.

В 1651 г. самостоятельную экспедицию предпринял Ю.Селиверстов (после плавания под началом М.Стадухина в 1647—1650 гг.). Из отписки воевод известно о челобитной Ю.Селиверстова, где он рассказывает про путешествия по Чухте, Ковыме, Анадырю, Чондони и еще двум рекам, сообщая о встретившемся на пути коренном населении, не обложенном ясаком¹³⁰.

По сведениям Н.Н.Оглоблина, путь В.Атласова проходил от Анадыря к реке Камчатке по западному берегу полуострова, омываемому Охотским морем, через два острожка, где с местного населения был собран ясак. Встреченные русскими оленные коряки и юкагиры отказывались его платить, и отряд В.Атласова подвергался нападениям. Далее русские двигались по рекам Полани, Камчатке, Тигиле, Канучи (Крестовой), Озерной, Иче, Гольгине, Опалой, Инке, Сиунчу, Харюзове, Каланской, побывали на Пенжинской губе. Как указывал историк, В. Атласов в ходе экспедиции насчитал 22 реки, на берегах которых проживает коренное население¹³¹.

Сохранились три челобитных В.Атласова о награждении мореплавателей. По указу московского правительства за поход на Камчатку и получение ясака с новых земель удостоился поощрения не только В.Атласов, но и ряд других участников экспедиции¹³².

В период похода за 1642—1646 гг. по реке Колыме, длившемся, по указанию челобитчиков, 5—6 лет, были взяты аманаты из местного населения, с которого собирали пушнину. Трехлетнее или четырехлетнее плавание по реке Оленске также сопровождалось сбором ясака¹³³.

В 1641 г. на реке Яне С.Дежнев и Михайлов беспрепятственно собрали ясак с местного населения. Чуть позже на них напали ламуцкие тунгусы, желавшие отобрать пушнину. Нападение было отбито, при этом Дежнев ранил предводителя тунгусов. По данным Н.Н.Оглоблина, летом 1649 г. С.Дежнев, двигаясь с экспедицией по Анадырю, доплыл до зимовья анаульцев и, несмотря на их сопротивление и полученную рану, собрал ясак¹³⁴. Исследователь упоминал о том, что Дежневу часто приходилось вступать в бой с местным населением. Русские не раз громили зимовья, острожки, забирали и аманатов, собирая ясак¹³⁵.

Помимо С.Дежнева, внимание Н.Н.Оглоблина привлекли судьбы и других землепроходцев. Согласно присланной якутским воеводой М.Лодыженским в Сибирский приказ в июне 1659 г. челобитной М.Стадухина, он совершил множество плаваний. Так, в 1630 г. М.Стадухин покорял Якутскую землю в составе отряда сына боярского П.Ходырева, в 1633 г. с отрядом П.Иванова, включившим 15 человек, побывал на Вилное с целью поиска неясчных

тунгусов, в 1641 г. во главе отряда из 14 человек по заданию якутского воеводы П.П.Головина побывал на реках Индигирке и Колыме, где «поставил» ясачное зимовье и в течение двух лет собирал ясак¹³⁶.

На реке Изиге (где проживали юкагиры) отряду Стадухина сделать этого не удалось по причине немногочисленности отряда русских, хотя они надеялись объяснить местных жителей в дальнейшем¹³⁷.

В 1647 г. М.Стадухин был отправлен якутским воеводой В.Пушкиным с девятью казаками за реку Ковыму, где обнаружил залежи моржевой кости. Потом был предпринят морской поход на реку Анадырь и далее на реку Пенжину. После обнаружения М.Стадухиным коряков его путь, по данным Н.Н.Оглоблина, проходил через реки Изигу, Гижигу и Товуй.

В челобитной М.Стадухина (1646 г.), сведения из которой приводит Н.Н.Оглоблин, рассказывается о походах землепроходца и собранной им пущине, а также содержится просьба об увеличении жалованья¹³⁸.

Обычно по пути в населенных пунктах оставлялись служилые люди. Так, на реке Камчатке временно обосновались 12 служилых людей и 30 ясачных юкагиров, при обратном пути на реке Камчатке В.Атласов оставил 15 казаков (под началом П.Серюкова) и 13 юкагиров¹³⁹.

По подсчетам Н.Н.Оглоблина, в период открытия Камчатки при сборе ясака погибло от рук местного населения 45 русских и 56 анадырских ясачных юкагиров¹⁴⁰.

Челобитная, направленная в Сибирский приказ якутским воеводой М.Лодыженским в июне 1659 г., сообщает, что русскому отряду на реке Лене пришлось воевать с якутами, дабы покорить их и обложить ясаком¹⁴¹.

В «Обозрении» Н.Н.Оглоблина представлено дело 1637/38—1640/41 гг., сообщающее о начале воеводства в Якутске. Цель его администраторов состояла в поиске новых земель и ясачного населения по советам бывшего мангазейского воеводы А.Ф.Палицына. В деле сообщается об отправке из Москвы первых воевод стольников П.П.Головина и М.Б.Глебова, дьяка Е.Филатова, письменного головы В.Пояркова. Ими был основан Ленский (Якутский) острог на реке Лене¹⁴².

Открытие новых земель, как показал Н.Н.Оглоблин, сопровождалось обложением ясачной повинностью инородческого населения. Обращаясь к истории русских походов в Сибирь, Н.Н.Оглоблин часто раскрывал отношения коренного населения и землепроходцев, целью которых, помимо разведки новых «землиц», в основном являлся сбор пушнины. Поэтому далеко не всегда местные жители встречали служилых и промышленных людей дружелюбно¹⁴³.

Документы, найденные Н.Н.Оглоблиным, показывают, что экспедиция В.Атласова на Камчатку (1697—1699 гг.) началась с мирной встречи с тремя сотнями коряков и олоторов, проживавших в двух острогах. Отряд В.Атласова, собравший здесь ясак лисьими шкурами, проследовал к реке Камчатке по западному берегу, омываемому Охотским морем. Встреченные здесь две юрты коряков отказались от уплаты ясака, но были усмирены В.Атласовым (каким образом, по замечанию Н.Н.Оглоблина, остается неизвестным). Встреченные далее на пути В.Атласова у реки Полани юкагиры, уже обложенные ясаком, были враждебно настроены к пришедшему отряду. При их нападении погибли 3 казака и были ранены 15 человек, в том числе сам В.Атласов¹⁴⁴.

Н.Н.Оглоблин констатировал, что в центре Камчатского полуострова Атласову удалось собрать ясак. Некоторые из подчинившихся инородцев просили отложить сбор ясака до следующего года. Другие (камчадалы, коряки и курильцы) отказались уплачивать ясак, в связи с чем Атласову пришлось их усмирить¹⁴⁵. Н.Н.Оглоблин приводит сведения о сборе ясака Атласовым с обитателей берегов рек Сиунчи и Хорюзовой¹⁴⁶.

На реке Камчатке служилые люди жили с местным населением в согласии и собирали ясак (это отмечено в сметном списке сбора ясака и поминков с Якутского двора за 1702 г.)¹⁴⁷. Тем не менее в 1699 г. отряд Серюкова при переходе из Верхне-Камчатского острога в Анадырь был истреблен коряками. Приказчик Т.Кобелев в качестве мести за это в следующем году разорил коряцкий городок Кохча.

На взгляд Н.Н.Оглоблина, экспедиции мореплавателей, содействуя развитию знаний, промышленности и принося пушнину в российскую казну, не искупают гибели большого количества людей, как из местного населения, так и из русских отрядов¹⁴⁸.

Н.Н.Оглоблин показал, что сопротивление коренных народов сбору ясака в течение 1740—90-х гг. привело к значительному уменьшению числа местных жителей¹⁴⁹.

Правительство, как показывает Н.Н.Оглоблин, пыталось остановить произвол мореплавателей, в частности, сбор ясака сверх нормы, кражу звериной добычи и другого имущества алеутов, использование населения в качестве бесплатной рабочей силы. Так, согласно касавшемуся экспедиции А.Толстых рескрипту от 2 марта 1766 г. сибирскому губернатору Д.И.Чичерину, Екатерина II предписывала сообщать после экспедиций о взаимоотношениях с коренным населением, с которым следовало обращаться ласково, без притеснений.

Н.Н.Оглоблин называет еще одну экспедицию, «прославившуюся» своей жестокостью в обращении с алеутами. Так, в 1765—1770 гг. экипаж судна «Павел» под руководством А.Очередина, поначалу встреченный дружелюбно местным населением, оставшись зимовать, стал нести людские потери. По указу императрицы Екатерины, узнавшей об этой экспедиции, отныне запрещалось собирать ясак с Алеутских и Курильских островов¹⁵⁰.

Местное население вскоре было порабощено. Алеуты не только выплачивали ясак, но и были превращены практически в рабов, служивших интересам промышленных компаний. Н.Н.Оглоблин, опираясь на записки известного путешественника XVIII в. И.М.Соловьева, приводит примеры наказания алеутов смертью за провинности, хотя, по мнению ученого, мемуарист сознательно опускает факты жестокого обращения с коренным населением, особенно женщинами. Но местами в записках случаи явных насилий над алеутскими женщинами все же упоминаются. И.М.Соловьев также вспоминает о жалобах алеутов на жестокость промышленников с судна Холодиловской компании¹⁵¹.

Еще в одной работе Н.Н.Оглоблина находим записи из путевого журнала, оставленные И.М.Соловьевым. В записях идет речь о морском ходе, трудностях, любопытных случаях, столкновениях участников экспедиции с коренными жителями побережья; помещены расспросы и показания инородцев; говорится о количестве привезенной в результате похода «мяжкой рухляди»¹⁵².

Рассматривая вкладную запись на псалтири из библиотеки Тобольского архиерейского дома XVII в., Н.Н.Оглоблин отметил,

что в ней упоминается известный московский купец Ф.И.Мошеников, занимавшийся скупкой пушнины в Сибири¹⁵³.

Как отмечал исследователь, благодаря тому, что Амурский край был богат пушниной, промышленные, служилые и гулящие люди возвращались оттуда с неплохой добычей, часть которой получали, притесняя инородцев. В то же время, как отмечает историк, расходы правительства по управлению краем соответствовали получаемым там немалым доходам¹⁵⁴.

Документы, рассмотренные Н.Н.Оглоблиным, таким образом, отражают не только формы, места сбора, объемы пушнины, собираемой с обьясаченного населения и инородцев, но и дают обширное представление о приказных и служилых людях XVII — первых лет XVIII вв., которым вменялся в обязанности сбор «мягкой рухляди».

Еще В.Г.Васильевский, признавая «Обозрение» полезным вкладом в современную русскую археографическую литературу, отметил объем изученного Н.Н.Оглоблиным материала (до 1114 таможенных «приходных и соболиных книг»)¹⁵⁵.

А.С.Лаппо-Данилевский же упрекал Н.Н.Оглоблина в том, что он не уделил должного внимания ценовым росписям ясака по причине якобы недостаточной их ценности для историка, лаконично рассмотрел таможенные приходные и соболиные книги, нечетко представил читателю «поживотные приходные книги» мангазейских целовальников за 1629/30 г.¹⁵⁶

Освоение Сибири, сказочно богатой ценными видами пушных зверей, способствовало распространению пушнины в Московском государстве. Н.Н.Оглоблиным было показано, что ценные меха служили установленной формой сбора дани. Зачастую мехом можно было расплатиться за любой товар, учение, церковную службу. Шкурки взимали в качестве торговых и таможенных пошлин, штрафов, податей. Присоединение к России этого «соболиного рая» помогло в XVII в. упрочить позиции «Московии» на мировых рынках меха и сделать «мягкую рухлядь» важнейшим товаром России, а само государство — одним из крупнейших поставщиков меха.

Примечания

- ¹ Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.) / Сост. Н.Н.Оглоблин. Ч. 4. Документы центрального управления. М., 1901. С. 5, 6.
- ² Там же. С. 9.
- ³ Там же. Ч. 3. Документы по сношениям местного управления с центральным. М., 1900. С. 16.
- ⁴ Там же. Ч. 4. Документы центрального управления. С. 60.
- ⁵ Там же. С. 61.
- ⁶ Там же. С. 62.
- ⁷ Там же. С. 40.
- ⁸ Там же. Ч. 3. С. 16.
- ⁹ Там же. Ч. 4. С. 48—49.
- ¹⁰ Там же. Ч. 2. Документы таможенного управления. Б.м., Б.г. С. 44.
- ¹¹ Там же. С. 72—73.
- ¹² Там же. Ч. 3. С. 8.
- ¹³ Там же. Ч. 4. С. 75.
- ¹⁴ Там же. С. 86.
- ¹⁵ Там же. С. 87.
- ¹⁶ Там же. С. 35.
- ¹⁷ Там же. С. 13.
- ¹⁸ Там же. С. 5, 6.
- ¹⁹ Там же. Ч. 2. С. 38.
- ²⁰ Там же. С. 39.
- ²¹ Там же. С. 42—43.
- ²² Там же. С. 7.
- ²³ Там же. С. 8.
- ²⁴ Там же. С. 10.
- ²⁵ Там же. С. 20.
- ²⁶ Там же. С. 28.
- ²⁷ Там же. С. 39.
- ²⁸ Там же. С. 45.
- ²⁹ Там же. С. 54.
- ³⁰ Там же. С. 57.
- ³¹ Там же. С. 58.
- ³² Там же. С. 59.
- ³³ Там же. С. 56.
- ³⁴ Там же. С. 59.
- ³⁵ Там же. С. 75.
- ³⁶ Там же. Ч. 3. С. 15—17.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. С. 197.
- ³⁹ Там же. Ч. 2. С. 72—73.
- ⁴⁰ Там же. С. 76.
- ⁴¹ Там же. С. 59.
- ⁴² Там же. Ч. 2. С. 19.

- ⁴³ Там же. С. 45.
⁴⁴ Там же. С. 46.
⁴⁵ Там же. Ч. 4. С. 85.
⁴⁶ Там же. Ч. 3. С. 79.
⁴⁷ Там же. Ч. 2. С. 17.
⁴⁸ Там же. Ч. 3. С. 177—178.
⁴⁹ Там же. Ч. 4. С. 16.
⁵⁰ Там же. Ч. 3. С. 15.
⁵¹ Там же. С. 16.
⁵² Там же. Ч. 2. С. 60.
⁵³ Там же. Ч. 3. С. 108.
⁵⁴ Там же. С. 125.
⁵⁵ Там же. С. 219.
⁵⁶ Там же. Ч. 2. С. 50, 51.
⁵⁷ Там же. Ч. 3. С. 15—17.
⁵⁸ Там же. Ч. 2. С. 55.
⁵⁹ Там же. С. 57.
⁶⁰ Там же. С. 61.
⁶¹ Там же. Ч. 3. С. 125.
⁶² Там же. Ч.4. Документы центрального управления. С. 39.
⁶³ Оглоблин Н.Н. Материалы для истории Крыма XVII в. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 24. Симферополь, 1896. С. 31.
⁶⁴ Там же. С. 32—34.
⁶⁵ Обзорение... Ч. 4. С. 53.
⁶⁶ Там же. С. 54.
⁶⁷ Там же. С. 61.
⁶⁸ Там же. С. 18.
⁶⁹ Там же. С. 84.
⁷⁰ Там же. Ч. 3. С. 15—17.
⁷¹ Там же. С. 106.
⁷² Там же. Ч. 4. С. 59.
⁷³ Там же. Ч. 3. С. 17.
⁷⁴ Там же. С. 20, 21.
⁷⁵ Там же. Ч. 4. С. 28.
⁷⁶ Там же. С. 95.
⁷⁷ Там же. Ч. 3. С. 15—17.
⁷⁸ Там же. Ч. 4. С. 16.
⁷⁹ Там же. С. 16.
⁸⁰ Там же. Ч. 3. С. 109.
⁸¹ Там же. С. 159.
⁸² Там же. С. 160.
⁸³ Там же. С. 159.
⁸⁴ Там же. С. 172—175.
⁸⁵ Там же. С. 327—331.
⁸⁶ Там же. С. 157.
⁸⁷ Там же. С. 158.

- ⁸⁸ Там же. С. 151.
- ⁸⁹ Там же. С. 155.
- ⁹⁰ Там же. С. 141.
- ⁹¹ Там же. Ч. 4. С. 90.
- ⁹² Там же. С. 36.
- ⁹³ Там же. Ч. 3. С. 15.
- ⁹⁴ Оглоблин Н.Н. Остяцкие князья в XVII веке // Югра. 1997. № 10. С. 20.
Статья перепечатана из журнала «Русская старина». (1890. № 9. С. 457—460).
- ⁹⁵ Там же. С. 22.
- ⁹⁶ Там же. С. 21.
- ⁹⁷ Обзорение... Ч. 3. С. 112.
- ⁹⁸ Там же. С. 111.
- ⁹⁹ Оглоблин Н.Н. Остяцкие «знамена» XVII века // Исторический вестник (далее — ИВ). 1889. Т. 38. С. 136.
- ¹⁰⁰ Оглоблин Н.Н. Знамена сибирских инородцев XVII века // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1891—1892. Т. 13. Вып. 1. С. 1.
- ¹⁰¹ Оглоблин Н.Н. Остяцкие «знамена» ... С. 136.
- ¹⁰² Там же. С. 149.
- ¹⁰³ Обзорение... Ч. 3. С. 158.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 166.
- ¹⁰⁵ Там же. Ч. 4. С. 103.
- ¹⁰⁶ Там же. Ч. 3. С. 118.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 3—4.
- ¹⁰⁸ Оглоблин Н.Н. Происхождение провинциальных подьячих в XVII веке // Журнал министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1894. № 9. Отд. 2. С. 160.
- ¹⁰⁹ Обзорение... Ч. 3. С. 158.
- ¹¹⁰ Оглоблин Н.Н. Томский бунт 1637—1638 гг. // ИВ. 1901. № 7. С. 244.
- ¹¹¹ Обзорение... Ч. 3. С. 123.
- ¹¹² Оглоблин Н.Н. Томский бунт ... С. 230.
- ¹¹³ Там же. С. 231.
- ¹¹⁴ Обзорение... Ч. 4. С. 39.
- ¹¹⁵ Там же. С. 40.
- ¹¹⁶ Там же. Ч. 3. С. 332.
- ¹¹⁷ Там же. С. 333.
- ¹¹⁸ Там же. С. 189.
- ¹¹⁹ Там же. С. 98.
- ¹²⁰ Там же. Ч. 4. С. 85.
- ¹²¹ Там же. Ч. 3. С. 107.
- ¹²² Оглоблин Н.Н. Красноярский бунт 1695—1698 гг. // ЖМНП. 1901. № 5. Отд. 2. С. 34—35, 37—46, 48—69.
- ¹²³ Оглоблин Н.Н. Восточно-сибирские полярные мореходы XVII века // ЖМНП. 1903. № 5. Отд. 2. С. 50—51.
- ¹²⁴ Обзорение... Ч. 3. С. 161.
- ¹²⁵ Оглоблин Н.Н. Восточно-сибирские полярные мореходы... С. 44—45.

- ¹²⁶ Там же. С. 45.
- ¹²⁷ Там же. С. 46.
- ¹²⁸ Там же. С. 44—46.
- ¹²⁹ Там же. С. 58,59.
- ¹³⁰ Там же. С. 61.
- ¹³¹ Оглоблин Н.Н. Новые данные о Владимире Атласове. М., 1888. С. 7—13.
- ¹³² Там же. С. 14—20.
- ¹³³ Оглоблин Н.Н. Восточно-сибирские полярные мореходы ... С. 39—40.
- ¹³⁴ Оглоблин Н.Н. Семен Дежнев (1638—1671 гг.). Новые данные и пересмотр старых // ЖМНП. 1890. № 12. Отд. 2. С. 259.
- ¹³⁵ Там же. С. 260.
- ¹³⁶ Оглоблин Н.Н. Восточно-сибирские полярные мореходы ... С. 41, 42.
- ¹³⁷ Там же. С. 42.
- ¹³⁸ Там же. С. 41, 42.
- ¹³⁹ Оглоблин Н.Н. Новые данные ... С. 7, 8.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 14.
- ¹⁴¹ Там же. С. 7, 8.
- ¹⁴² Обзорение... Ч. 3. С. 33—34.
- ¹⁴³ Оглоблин Н.Н. Восточно-сибирские полярные мореходы... С. 39—40.
- ¹⁴⁴ Оглоблин Н.Н. Новые данные ...С. 7, 8.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 10—11.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 13.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 12.
- ¹⁴⁸ Оглоблин Н.Н. Путевые заметки морехода И.М. Соловьева // Русская старина (далее — РС). 1892. № 9. С. 752.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 755—756.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 756.
- ¹⁵¹ Оглоблин Н.Н. Путевые заметки морехода И.М.Соловьева // РС. 1892. № 10. С. 189—190.
- ¹⁵² Оглоблин Н.Н. Путевые записки морехода И.М.Соловьева// РС. 1892. № 9. С. 758—760.
- ¹⁵³ Оглоблин Н.Н. Из архивных мелочей XVII века // Библиограф. 1890. № 2. С. 26.
- ¹⁵⁴ Оглоблин Н.Н. Нерчинский заговор о побеге на Амур и на острова Восточного океана (Очерк из жизни XVII в.) // РС. 1896. № 10. С. 121.
- ¹⁵⁵ Васильевский В.Г. Отчет о присуждении премии имени почетного гражданина А.М.Сибирякова // Зап. имп. Академии наук по историко-филологическому отделению. Сер. VIII. Т. 4. № 3. СПб., 1899. С. 4.
- ¹⁵⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Отзыв о сочинении Н.Н. Оглоблина «Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа» // Записки имп. Академии наук по историко-филологическому отделению. Сер. VIII. Т. 4. № 3. С. 11.

Глава 2

ГОРОДА ЗАУРАЛЬЯ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XX вв. В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

История провинциальных городов сравнительно недавно стала объектом пристального научного изучения. При этом города по-прежнему изучаются крайне неравномерно. Достаточно удачно причины такого явления вскрыл В.Л.Каганский. Он разделил культурный ландшафт на ряд основных зон¹. Если исходить из его классификации, то города Зауралья (в данной публикации анализируются Верхотурье, Туринск, Ирбит, Камышлов, Долматов, Шадринск и Курган) располагаются в периферийной полосе. Более того, они находятся в зоне соприкосновения крупнейших территориальных массивов Урала, Сибири и Казахстана.

Соответственно, долгое время эти небольшие города были обделены исследовательским интересом. Историки Урала и Сибири, вынужденно ограниченные как прошлым, так современным административно-территориальным делением, почти не уделяли им внимания и смотрели на города Зауралья как бы «боковым зрением». Долгое время эти города не рассматривались непосредственно с «привязкой» к территории своего региона — Зауралья. Как следствие, степень изученности данной темы не может быть оценена однозначно. Присутствуют как основательные исследования, так и поверхностные работы. Одни аспекты в историографии проанализированы достаточно полно, другие только фрагментарно.

Отчасти это объясняется недостаточной разработанностью вопроса о том, чем же собственно является Зауралье и где проходят его границы. Постановка данной комплексной проблемы применительно к позднефеодальному периоду истории Зауралья была впервые предпринята в наших предшествующих работах². Мы рассматриваем эти периферийные города в качестве важнейших узловых элементов территории Зауралья и считаем, что исследование истории их изучения достаточно актуально, чему и посвящена настоящая публикация.

Заметим, что в силу недостатка сведений о зауральских городах конца XVIII — первой половины XIX вв. одна и та же работа

может выступать и в качестве исторического источника и, одновременно, исторического труда. Что же, в ряде случаев, позволяет отнести ту или иную работу к историографическому массиву? По нашему мнению, определяющей характеристикой здесь будет не столько вторичность содержащейся в ней исторической информации, сколько наличие некоей отстраненности, рефлексии. Если тот или иной исследователь, оперируя имеющимися у него сведениями, претендует на значимое обобщение (историческое, географическое, публицистическое), если он, преодолевая ограниченную «сухую» фиксацию фактов, дополнительно привносит в их оценку личное начало, интерпретацию, то это означает, что в его работе присутствуют элементы историографического анализа.

Соответственно, задача историка будет состоять в выявлении историографических элементов. Данная точка зрения не претендует на оригинальность. Так, еще в работах Д.Я.Резуна было доказано, что авторы историко-географических и иных сочинений о городах Сибири имели представление об исторических фактах и обладали теоретическим багажом³. О проницаемости теоретических границ источниковедческого и историографического подходов писала О.М.Медушевская⁴.

Тематика интересующих нас исследований городов Зауралья открывается именами участников академических экспедиций 60—70-х гг. XVIII в. П.С.Палласа⁵, И.И.Лепехина⁶, И.Фалька⁷, П.И.Рычкова⁸. Приводимые ими данные не отличаются объемом, но дают первые системные представления об облике поселений, составе жителей и их занятиях. В их описаниях также присутствуют элементы исторических исследований — существуют оценочные суждения, сообщаются важные даты, произошедшие изменения в экономическом и административном положении. Поскольку путешественники пользовались местными сведениями о прошлом определенных населенных пунктов, то можно считать, что они зафиксировали существование исторических знаний о компактно заселенных пространствах.

Чрезвычайно кратки, но информационно насыщены материалы А.Н.Радищева. В работах «Описание Тобольского наместничества» и «Записки путешествия в Сибирь» он дал краткую оценку Камышлова («город из деревни») и предположил, что первоначально Ирбитская ярмарка действовала в качестве «потаненного

торга»⁹. Его размышления позволяют выйти на проблемы действия механизмов социальной памяти и силы традиций. Частный случай наличия устных сведений можно обнаружить в воспоминаниях сосланного Павлом I в Курган Августа Коцебу. Он обратил внимание на межэтнические противоречия в Зауралье и на рассказы курганцев о набегах кочевников в середине XVIII в. Книга Коцебу — это прежде всего публицистическое произведение, нацеленное на реабилитацию ее автора. Наделенный писательским талантом, Коцебу оставил тонкие психологические характеристики местной чиновничьей верхушки и яркие впечатления о восприятии образа Сибири ссыльными, об обыденном существовании в провинциальном городе¹⁰.

В начале XIX в. Н.С.Попов, в соответствии с программой Вольного экономического общества, выпускает обстоятельное «Хозяйственное описание Пермской губернии», вышедшее в 1804 и 1811—1813 гг. в двух вариантах, несколько отличных друг от друга. В работе подробно описаны экономическая деятельность горожан, планировка городов, наличие учреждений, сословный состав населения. Интересным моментом является попытка выделения индивидуальных черт торгующей части жителей¹¹. Менее значимым оказалось «Статистическое обозрение Сибири», составленное в 1810 г. М.И.Баккаревичем на основании топографических описаний. Интересно, что вопреки административному делению, в книге представлены все зауральские города, относящиеся как к Пермской, так и к Тобольской губернии. Они описаны по стандартной схеме: географическое положение, история, статус, количество домов, состав населения, экономическая деятельность¹².

Вторая четверть XIX в. характеризуется привнесением новых моментов в исторические исследования. К массиву обзорных трудов теперь все чаще добавляются опыты анализа эволюции отдельных городов Зауралья для прогнозирования их дальнейшей судьбы. Эта тенденция была вызвана совмещением общего хода мирового развития (утверждение капиталистических отношений) с конкретными местными условиями (колониационные процессы отступают на второй план, наступает пора осознания своего места в общероссийском масштабе). П.А.Словцов, полемически спрашивавший, стоит ли «видеть в Березове Ригу», а «в Шадринске

Бирмингем или Манчестер», дал на эти вопросы отрицательный ответ. Ряд поднятых им проблем не утратили актуальности и до сего дня, например, роль отдельных территорий, значение местного патриотизма, жизнь провинциальной интеллигенции. Патриот Сибири в своих размышлениях опирался на знание прошлого и современной ему действительности, в том числе и о городах Зауралья. Словцову в его исследованиях помогало хорошее знание территории Зауралья, где он многократно бывал и откуда собирал необходимые ему сведения¹³.

Некоторые работы затрагивали положение Ирбитской ярмарки, чье существование противоречило рационалистическим схемам того времени. Губернатор К.Я.Тюфяев (сторонник перенесения торгового пункта в Пермь) после исторического обзора сосредоточил внимание на описании города и сделал вывод, что большая часть продаваемых товаров непосредственно в Ирбит не завозилась¹⁴. К сожалению, ценность последнего замечания должным образом не оценена и сегодня. Е.А.Вердеревский вслед за К.Я.Тюфяевым продолжал публикацию данных об оборотах ярмарки, но новизна его умозаключений не находится в сфере экономики или истории возникновения Ирбита. Е.А.Вердеревский на ярких примерах раскрыл иное — подчеркнутое внеобыденное, раскрепощенное поведение участников ярмарки¹⁵.

В 50-х гг. XIX в. исследования о зауральских городах обычно уже различались по выбору тем и по целям, поставленным авторами. Обобщающие экономико-статистические труды выделялись наибольшей полнотой и информационной насыщенностью. Так, в «Статистическом обозрении Сибири» Ю.Гагемейстера присутствует обширный цифровой материал о Кургане и Туринске. Им проанализированы сословный состав населения, количество домов и лавок, которые сравниваются за 1823, 1833 и 1851 гг., рассмотрены также и межрегиональные связи¹⁶. Еще большей детализацией, анализом человеческих и материальных ресурсов отличается «Военно-статистическое обозрение Пермской Губернии», написанное Макшеевым¹⁷.

Обособленной по способу подачи материала и по поставленным задачам оказалась книга И.И.Завалишина «Описание Западной Сибири». Она была написана в форме путевых заметок и призвана продемонстрировать лояльность крайне неуживчивого

и склочного автора к сибирским властям. Несмотря на явный субъективизм и попытки выдать желаемое за действительное, «Описание Западной Сибири» являлась новаторским трудом. Комплексный анализ социальных отношений на обширной территории дополнялся здесь яркими рассказами о повседневном быте населения. В книге раскрыта специфика хозяйственной жизни в городах, подняты вопросы их экологии¹⁸.

Ссылный И.Завалишин апеллировал к правительству. Общая же направленность исследований, в которых рассматривалось прошлое городов Зауралья, после 1861 г. решительно изменилась. Теперь краеведческие работы были обращены к общественности. Переломным событием в региональной историографии можно считать появление «Пермского сборника», напечатанного накануне отмены крепостного права. В издании был наглядно представлен творческий потенциал демократической интеллигенции Пермской губернии. Так, например, Н.Эйгер продолжил традицию разработки вопроса о причинах возникновения и бурного развития Ирбитской ярмарки¹⁹, Н.Фирсов, автор одной из статей «Пермского сборника», посвященной открытию народных училищ, заложил основу для дальнейших публикаций об истории просвещения в Зауралье²⁰.

«Пермский сборник», связанный с именами местных авторов, имел значение большее, чем узко краеведческое издание. Он дополнял сведениями культурно-бытового плана академизм центральных экономико-статистических описаний. Следствием этой синхронизации явилось введение в научный оборот нового крупного массива исторических знаний. Совокупность статей, включенных в этот сборник, задавала проблемную тематику для работ последующего времени. Однако тогда большинство местных краеведов еще не смогло преодолеть фрагментарности, присутствующей в их исследованиях.

Официальные издания отличались куда большей фундаментальностью. Так, например, заслуженно претендует на всеобъемлющий охват работа Х.Мозеля о Пермской губернии, опубликованная в 1864 г. Выполненная для нужд Генерального штаба, онаместила в себя разнообразные сведения об историческом прошлом, материальном производстве, торговле, культуре и многих других сторонах жизни населения губернии²¹. Данный труд и статьи

В.Ильина в «Памятной книжке для Тобольской губернии»²² фактически подвели итоги изучения формирования и развития зауральских городов в первой половине XIX в. Одновременно выходит обобщающая многотомная работа «Городские поселения в Российской империи». Она впервые свела воедино сведения об изменениях в управлении городами, начиная с конца XVIII в.²³

С середины XIX в. научно-популярные работы получали все большее распространение в провинциальной среде. Исследователи, живущие здесь, отличались прекрасным знанием материала и основательностью в освещении конкретных вопросов. Это далеко не случайно. Деятельность авторов на местах направлялась и корректировалась крупнейшими научными центрами России: Вольным экономическим и Русским Географическим обществами. Статьи выходили в центральных изданиях, в Пермских и Тобольских «Губернских ведомостях». Главной задачей краеведов было привлечение внимания образованного читателя к событиям прошлого, к природно-географическим особенностям, к специфике хозяйственной деятельности, быта и культуры местных крестьян.

Городская жизнь являлась малозначительным объектом для исследований краеведов, в их трудах она освещалась лишь побочно. Тем не менее, значение краеведческих материалов для познания особенностей городов невозможно переоценить. Сведения из публикаций А.Серафимова²⁴, Т.Успенского²⁵, А.Третьякова²⁶, И.Кожина²⁷, выделяют специфику местных урбанизационных процессов, позволяют уточнить картину взаимоотношений городов и окружающих территорий в экономической и культурной сферах. Данная проблематика наиболее последовательно представлена в работах А.Н.Зырянова²⁸. Шадринский краевед, исследуя крестьянские бунты, последовательно соотносил их с недостатком образования в деревенской среде. Видимо, неслучайно, что попытка принизить городской статуса Долматова вызвала его публичную отповедь²⁹.

Наряду с общекраеведческими, появлялись работы, в которых акцентируется внимание на предпринимательской деятельности за Уралом. Некоторые из них публиковались в либеральном «Экономическом указателе». Таковы, в частности, анонимное «Письмо редактору» из Суздаля об особенностях и перспективах

шадринской торговли³⁰ или статья Колмогорова «Торговый дом Поповых в Сибири», в которой описаны земляческие связи богатейших купцов с родным Верхотурьем³¹. По-прежнему особый интерес вызывает феномен Ирбитской ярмарки. О ней, в частности, пишут Н.К.Чупин³², С.И.Сигов³³, Н.М.Чукмалдин³⁴. Книга А.Хитрова «К истории г. Ирбита и Ирбитской ярмарки»³⁵ по обстоятельности освещения изучаемой проблемы в дореволюционной историографии превзойдена не была.

Еще одна рубежная работа, имеющая значение уже в ином, региональном масштабе, — книга Н.М.Ядринцева «Сибирь как колония»³⁶. Собственно городская жизнь в Сибири мало интересовала маститого исследователя. Однако при описании хозяйственной жизни обширного региона Ядринцев обращался к рассмотрению проблем торговли и промышленности. В использованном им статистическом материале можно найти и отрывочные сведения о городах Зауралья. Несомненная заслуга Н.М.Ядринцева — рассмотрение этих городов в контексте сибирских и российских проблем.

К клерикальному направлению (речь идет не столько о сословном статусе авторов, сколько о предмете исследования) относятся произведения Н.Абрамова³⁷, иеромонаха Макария³⁸. В них, в частности, представлены особенности взаимоотношений городов с монастырями, расположенными на их территории. В работах архимандрита Палладия³⁹ и историка сибирского духовенства А.Сулоцкого⁴⁰ даются оценки внешнего воздействия на местное население, в том числе городское, изменения его духовности и суеверий.

Характерно, что развитие рыночных отношений в последующее время наложило отпечаток и на работы этого направления. Так, превращение Верхотурья в центр религиозного паломничества породило спрос на историко-краеведческие издания. Появилась целая линейка работ, посвященных истории монастыря и города. Это труды В.П.Полякова⁴¹, местного священника П.Торопова⁴³, а также известного исследователя-архивиста И.Токмакова⁴². Особенно много книг написано В.С.Барановым⁴⁴. В начале XX в. эта тенденция распространилась и на Далматовский монастырь. Г.С.Плотников⁴⁵ и А.Кривошеков⁴⁶ описали его прошлое, что расширило область знаний о Зауралье в целом. Концептуально близкой к последним работам является книга «Приходы и церкви Екатеринбургской епархии»⁴⁷.

Пишущий человек редко являлся сторонним наблюдателем, и его «вживание» в локальную культуру означало и соприкосновение с местным прошлым, оценку тех или иных исторических событий. Несмотря на разность подходов, авторов краеведческих разысканий объединяло стремление не только узнать прошлое, но и улучшить окружающую их действительность. Определяющими для краеведов при этом были идеалы просвещения (понимаемые достаточно широко: как распространение духовности, знаний, образования). Работы В.И.Иконникова⁴⁸, В.Н.Шишонко⁴⁹, С.А.Удинцева⁵⁰, В.Е.Попова⁵¹ и И.Михайловой⁵² богаты фактическим материалом о развитии народного образования в уездных городах Пермской губернии. Их характерными чертами является дополнение официальной отчетности частностями образовательного процесса. История школьного дела в Туринске и Кургане раскрыта в меньшей степени. Она представлена «Материалами по истории народного просвещения в Западной Сибири» А.И.Дмитриева-Мамонова⁵³.

Нет сомнения, что со временем в общественной мысли произошло понимание ограниченности возможностей исключительно просветительских подходов. Кто-то из активных личностей, подобно ссыльному литератору А.Коцебу, сосредоточивал внимание на отрицательных моментах. Однако теперь в работах преобладали не защита личных интересов, а разоблачение социальных язв. Кто-то из пишущих предпочел идти еще дальше и пытался вести активную борьбу с негативными явлениями, вплоть до участия в революционной деятельности. У конкретных лиц нередко наблюдались переплетения или смена ранее избранных сценариев жизненного поведения.

Достаточно часто это наблюдалось в среде ссыльных декабристов, в целом мало интересующихся особенностями существования провинциального социума. При этом среди декабристского мемуарного и эпистолярного наследия особняком стоят работы, принадлежащие перу Н.В.Басаргина. Будучи человеком прагматичным и наблюдательным, он замечал, описывал и оценивал многое из того, мимо чего проходили его аристократичные товарищи по ссылке. Нельзя не согласиться с характеристикой его писем, высказанной С.В.Житомирской и С.В.Мироненко: «В несколько идеалистическое представление о реальных обстоятельствах и взаимоотношениях декабристов, созданные ретроспективными

обобщениями мемуаристов, эти письма вносят живые черты трудностей и различия мнений»⁵⁴. Добавим — и воссоздают не только картины повседневного быта, но и очерчивают уровень социально-экономического развития и правосознания в зауральских городах. Стоит заметить, что выводы С.В.Житомирской и С.В.Мироненко в дальнейшем были документально подтверждены публикацией Т.С.Мамсик⁵⁵.

Одним из первых политических ссыльных, чье отношение к провинции было не просто равнодушным, но глубоко заинтересованным (и, одновременно, отрицательным), оказался В.О.Португалов. Участник революционно-демократического движения, попав в ссылку, во многом изменил свои прежние взгляды. Будучи врачом, Португалов стал поборником «санитарного социализма». В его публицистических произведениях отражены реалии Шадринска и Ирбитской ярмарки. Португалов претендовал на научную значимость своих публикаций, однако, в общем контексте истории городов Зауралья его работы интересны прежде всего проявлением личностных оценок уровня культурного развития провинциального социума⁵⁶.

Под влиянием В.О.Португалова на работу в Шадринский уезд приехал И.И.Моллесон. Этого врача отличала социальная активность и настойчивость в отстаивании собственной позиции, в том числе и посредством печатного слова⁵⁷. Перипетии его борьбы за улучшение эпидемиологической обстановки, за лучшую организацию земской медицины становились достоянием широкой общности. В последующем изучение санитарного и медицинского состояния было продолжено в работах П.Серебренникова⁵⁸, Д.Никольского⁵⁹, Б.Каратова⁶⁰, Р.Егоровской⁶¹. Через описание медицинских проблем данные авторы не только фиксировали острые социальные противоречия на конкретной территории, но и вдумчиво оценивали происходящее. В их работах рассказывалось о работе местной интеллигенции, о ее взаимоотношениях с властями, о распространении элементов городской культуры на сельскую местность, предлагались рецепты улучшения существующего положения.

Однако к рубежу XIX и XIX вв. в большинстве работ о Зауралье усилились противоположные, прагматические элементы. Читателю стало важно знание не столько исторического прошлого,

сколько конкретного настоящего. В ходу были путеводители, дорожники, справочные и памятные книжки — все то, что облегчало личное проникновение в отдаленные местности. Теперь печатная продукция не замещала собой объект изучения, а, напротив, содействовала его наибольшему раскрытию. Та или иная информация систематизировалась с учетом интересов ее конкретного получателя.

Так, например, «Обзор деятельности Курганского отдела Московского общества сельского хозяйства за четырнадцать лет его существования (1897—1910 гг.)»⁶² был в основном рассчитан на образованную часть сельских предпринимателей. При изучении итогов работы данного общества для историка будут важны зафиксированные факты распространения рыночных отношений, новая культура хозяйствования, «идущая» из городов в деревню, и ее оценка различными социальными стратами. Прагматизм описаний не уничтожил полностью их историческую составляющую. Из описаний она не исчезла, но была минимизирована, перемещаясь, очень часто некритически, из одной книжки в другую.

Сведения о городах Зауралья и их истории присутствовали во многих изданиях. Среди них можно назвать: «Путеводитель по всей Сибири и Среднеазиатским владениям России» В.А.Долгокурова⁶³, «Урал северный, средний, южный. Справочная книга» Ф.П.Доброхотова⁶⁴, «Путеводитель по Уралу» В.Г.Чекана, выдержавший несколько изданий⁶⁵. Для составителей сведений значимым моментом была оценка степени цивилизованности благоустройства описываемого города. В частности, этому немало внимания уделено в очерке «Туринск Тобольской губернии», опубликованном в «Дорожнике по Сибири и Азиатской России»⁶⁶.

Интересно, что тяга к описательности не была обязательно связана с профессиональными занятиями. Она существовала не только у исследователей и издателей, но и у путешествующих по личной надобности. Мемуары и заметки в периодической печати Г.Н.Потанина⁶⁷ и Н.М.Чукмалдина⁶⁸ интересны размышлениями об исторической эволюции и общественной психологии провинциального населения. Не являясь историческими трудами в чистом виде, они написаны на основе местной специфики и отличаются адекватностью отражения прошлых и современных им событий. Определенная интеллектуальная отстраненность позволила

этим сибирским авторам выступить перед читателями в роли своеобразных проводников, в том числе и по зауральским территориям. Их сочинения близки между собой по общественной значимости, по ярко выраженной авторской позиции.

Заметки иностранцев о городах Зауралья, как правило, информационно скудны. Проиллюстрируем данное утверждение несколькими примерами. В полной мере оно применимо к книге А.Алквиста⁶⁹ о его трех путешествиях за Урал в 1858, 1877 и 1883 гг. Временные разрывы между поездками позволили финскому филологу отметить постепенное распространение европейского комфорта на территории Зауралья. Туринск и Верхотурье привлекли минимальное внимание путешественника, однако в его книге хорошо воспроизведен дорожный быт, хозяйственные занятия местного населения и не всегда достойное поведение его спутников.

Достаточно интересны воспоминания С.Соммье. Этот итальянский автор посетил Западную Сибирь в 1880 г. Сфера его интересов была обширна: ботаника, этнография, антропология. Описание увиденных местностей сопровождается у этого исследователя обширными экскурсами в историю. Но его отношение к провинциальным зауральским городам по преимуществу снисходительное. Так, например, отметив достоинства Кургана, Соммье тут же спешит уточнить, что, «по мнению европейцев, все эти сибирские города кажутся чем-то временным. Они напоминают о том, что многие из них сегодня строились по государеву указу из Петербурга, а на завтра новый указ мог отправить их обитателей совсем в иное место»⁷⁰. Налицо, таким образом, перенесение иностранным путешественником исторических реалий управления Сибирью из XVII в. к концу XIX вв.

Иная тональность присуща небольшой книге «Каторга и бродяги Сибири» композитора В.Гартвельда⁷¹. Будучи шведом по происхождению, он с 1882 по 1918 гг. жил в России. В 1908 г. Гартвельд отправился в Сибирь собирать фольклор в местах заключения⁷². Он оставил ценное описание о Кургане и его жителях. Одно из достоинств его книги заключается в том, что действительно «грязный» Курган сравнивается с похожими на него ближними соседями, и это сравнение, в целом, оправдывает быстро растущий экономический центр. В Кургане еще есть нечистые на руку русские купцы, неспособные к цивилизованной торговле

с заграницей, в городе неблагоприятная криминальная обстановка из-за «сахалинцев», но здесь же, одновременно, развивается общественная и культурная жизнь.

Причины экономических и культурных успехов Кургана легко объяснимы. Они были связаны с проведением к городу Великой Сибирской железной дороги. Начиная с последней четверти XIX в. вопрос о проведении к какому-либо зауральскому городу железнодорожной магистрали был в числе наиболее острых. Конкретный городской социум стремился любыми путями доказать положительные последствия строительства железнодорожного полотна именно в их направлении. Направлялись ходоки к влиятельным лицам, подписывались многочисленные прошения, составлялись экономические обоснования, велась полемика в периодической печати. Оппоненты, в поисках аргументов, были вынуждены обращаться к истории вопроса, к анализу эволюции того или иного поселения, причем в достаточно широких географических и временных пределах.

Очень условно участников дискуссии можно разделить на сторонников строительства железнодорожных магистралей к северным городам Зауралья⁷³ и на тех, кто ратовал за южные направления⁷⁴. Появление одного из самых основательных статистических исследований, в котором присутствовала и историческая информация, было вызвано полемикой в III Государственной Думе о вариантах проведения железной дороги (Тюмень—Омск или Екатеринбург—Курган)⁷⁵. По мере прокладки железнодорожных путей связанная с ними полемика, не утихая полностью, дополнялась спорами о возможности соединения бассейна Оби с бассейном Волги или Печоры, прерванными начавшейся Мировой войной.

Во второй половине XIX и в начале XX вв. в обзорных географических и статистических трудах небольшим городам уделялось недостаточное внимание. Обычно в них доминировало большое количество цифрового материала, подкрепленное кратким перечислением *уже* известных исторических сведений. Таковы, например, работы пермских статистиков, одни из лучших в России, которые создавались под влиянием народнических представлений. В статистическом материале, систематизированном Е.И.Красноперовым⁷⁶ и П.А.Голубевым⁷⁷, было проанализировано не только современное положение, но и освещен дореформенный период,

а сделанные выводы отличались достоверностью. Их дополняет «Географический и статистический словарь Пермской губернии» Н.К.Чупина⁷⁸, составленный в алфавитном порядке. Подобное положение было характерно и для общероссийских изданий. Среди них выделяются «Географо-статистический словарь Российской империи»⁷⁹ и «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества»⁸⁰, в отдельных томах которых были отображены сведения из истории городов Зауралья.

В целом, при изучении провинциальных городов дореволюционная историография во многом руководствовалась мотивами долженствования. Явно или неявно, но предполагалось сравнение отечественных городов с теми культурными стандартами, которые были заимствованы из Европы. Поэтому в работах исследователей могли присутствовать и элементы пренебрежения к местной городской специфике. Вышеизложенное в определенной мере обезличивало небольшие города и содействовало формированию их негативных образов. Историография того времени так и не смогла подняться до детального анализа индивидуальных свойств каждого конкретного города. Созданию обобщающих исторических трудов по данной тематике препятствовала также и недостаточная изученность источниковой базы.

Фрагментарность в исследованиях отчасти возмещалась успехами краеведения с его вниманием к уникальным фактам, с его ориентацией на просветительские идеалы, на популяризацию народной культуры. Слабой стороной исторических работ краеведов являлся недостаточный интерес к деталям экономической и социальной деятельности, к обыденной жизни в небольших провинциальных городах. И, напротив, обобщающим географо-статистическим и экономическим трудам была присуща строгая системность при включении немногих типичных сведений о провинциальных городах в общероссийскую научную тематику.

С одной стороны, данные различия вели к разобщенности единого информационного массива. С другой же — создавали возможности для последующего научного синтеза. Сегодня уже нет особой необходимости доказывать желательность совмещения разных видов информации в урбанистических исследованиях. В настоящее время те объективные и субъективные предпосылки, которые были заложены нашими предшественниками при изучении

городов, оказываются по-прежнему значимыми. В трудах о городском прошлом всегда существует неповторимое сочетание научности, системности и профессионализма с частными деталями, повторами и клишированными сведениями.

В публикациях о городах Зауралья конца XVIII — начала XX вв. имеются оценочные суждения, уникальные факты и типизация ранее известных сведений. На комплекс данных работ наложили отпечаток те условия, в которых они были созданы. В них есть историческая динамика, разные варианты осознания городского прошлого. В ряде случаев содержащаяся в них историческая информация может трактоваться двояко: и как исторический источник, и как историографический факт. Адаптация под нужды конкретного исследования допускает их двойственное толкование.

Примечания

¹ Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сб. ст. М., 2001. С. 60—95.

² Ершов М.Ф. Уездные города Зауралья в конце XVIII — начале 60-х гг. XIX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Курган, 1995.

³ Резун Д.Я. Современная урбанистика и сибирское городоведение XVIII — первой половины XIX в. // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI — первой половины XIX вв. Новосибирск, 1987. С. 229—230; Он же. Очерки истории изучения сибирского города (XVIII в.). Новосибирск, 1991. С. 22.

⁴ Медушевская О.М. Теория исторического познания: Избр. произведения. СПб., 2010. С. 209.

⁵ Паллас П.С. Путешествия по разным местам Российского государства. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 2; СПб., 1814. Ч. 3.

⁶ Лепехин И. Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771 году. СПб., 1814. Ч. 3.

⁷ Фальк И.П. Записки путешествия академика Фалька. СПб., 1824.

⁸ Рычков П.И. История Оренбургская (1730—1750). Оренбург, 1896.

⁹ Радищев А.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 3. С. 137, 259.

¹⁰ Коцебу А. Достопамятный год моей жизни. Воспоминания Августа Коцебу. СПб., 1806. Ч. 1—2; Переиздание: Он же. Достопамятный год моей жизни: Воспоминания. М., 2001.

¹¹ Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1804. Ч. 1—2; Он же. СПб., 1811—1813. Ч. 1—3.

¹² Баккаревич М. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1810.

¹³ Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Кн. 1—2; Он же. Письма из Сибири 1826 года. М., 1828; Он же. Письма к брату И.В.Словцову в Стерлитамак // Московский телеграф. 1830. Ч. 31. С. 289—313; Переиздание: Он же. Письма из Сибири. Тюмень, 1999.

- ¹⁴ Тюфяев К.Я. Известия о Ирбитской ярмарке // Журнал МВД. 1829. Ч. 1. Кн. 2. С. 426—439.
- ¹⁵ Вердеревский Е.В. От Зауралья до Закавказья, юмористические, сентиментальные и практические письма с дороги. М., 1857; Он же. Ирбитская ярмарка // Отечественные записки. 1849. Т. 65. Отд. 4. С. 1—16.
- ¹⁶ Гагеймстер Ю. Статистическое обозрение Сибири: В 3 ч. СПб., 1854. Ч. II.
- ¹⁷ Макшеев. Военно-статистическое обозрение Пермской губернии // Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XIV. Ч. 1. Пермская губерния. СПб., 1853.
- ¹⁸ Завалишин И. Описание Западной Сибири: В 2 т. М., 1862. Т. 1; 1865. Т. 2; Переиздание: Он же. Описание Западной Сибири. Тюмень, 2005.
- ¹⁹ Эйгер Н. Сведения об учреждении Ирбитской ярмарки и развитие в ней торговли // Пермский сборник. Повременное издание. М., 1860. Кн. 2. Отд. 3. С. 1—17.
- ²⁰ Фирсов Н. Открытие народных училищ в Пермской губернии // Там же. Кн. 1. Отд. 1. С. 143—184.
- ²¹ Мозель Х. Материалы для географии и статистики России: Пермская губерния: В 2 ч. СПб., 1864.
- ²² Ильин В. Краткие статистические описания окружных городов Тобольской губернии // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год. Тобольск, 1864; Он же. Статистические сведения по Тобольской губернии // Там же; Он же. О торжках и ярмарках в городах и округах Тобольской губернии // Там же. С. 77—130; 335—400; 401—438.
- ²³ Городские поселения в Российской империи. СПб., 1863 Т. 3 (Пермская губ.) и др.
- ²⁴ Серафимов А. Записка о Шадринском уезде Пермской губернии // Оттиск из «Учен. зап., изданных имп. Казанским ун-том». Кн. 4. 1858; Он же. Ивановская ярмарка в Шадринском уезде // ПГВ. Часть неофиц. № 26. С. 336—339; № 27. С. 348—349.
- ²⁵ Успенский Т. Очерк юго-западной половины Шадринского уезда // Пермский сборник. М., 1859. Кн. 1. Отд. IV. С. 1—42.
- ²⁶ Третьяков А. Шадринский уезд Пермской губернии в сельскохозяйственном отношении // Журнал Министерства государственных имуществ. 1852. Т. 65. Ч. 2. № 10. С. 179—226.
- ²⁷ Кожин И. Заметки о Шадринском уезде Пермской губернии члена-корреспондента Пермского губернского статистического комитета Ивана Кожина // Журнал МВД. 1855. Ч. 15. Отд. 5. С. 1—4.
- ²⁸ Зырянов А.Н. Промыслы в Шадринском уезде Пермской губернии // Труды ВЭО 1868. Т. 3. Вып. 1, 3; 1869. Т. 1. Вып. 5. Отд. оттиск; Он же. Крестьянское движение в Шадринском уезде Пермской губернии в 1843 году // Календарь Пермской губернии на 1885 год. Пермь, 1884. С. 59—159; Он же. Заметка о мнимосерном ключе близ города Шадринска // Пермские губернские ведомости (далее — ПГВ). Часть неофиц. 1862. № 10. С. 174.
- ²⁹ П-в Н. Из села Долматовского Шадринского уезда // ПГВ. 1868. № 11. С. 44; Зырянов А. Заметка по поводу Корреспонденции из села Долматовского // ПГВ. 1868. № 59. С. 258—259.

- ³⁰ Письмо редактору // Экономический указатель. 1857. № 23. С. 521—522.
- ³¹ Колмогоров Г. Торговый дом Поповых в Сибири // Там же. № 33. С. 737—772; № 39. С. 901—916.
- ³² Чупин Н.К. Ирбит и Ирбитская ярмарка в 1834 году // Ирбитский ярмарочный листок. 1864. № 32; Он же. К истории города Ирбити и Ирбитской ярмарки. Там же. 1867. № 3; Он же. К истории Ирбитской ярмарки // Там же. 1870. № 6.
- ³³ Сигов С.И. Статьи об Ирбитской ярмарке // Ирбитский ярмарочный листок. 1868. № 13.
- ³⁴ Чукмадин Н. О Ирбитской ярмарке в 1863 году // Тобольские губернские ведомости (далее — ТГВ). Часть неофиц. 1863. № 19. С. 150—154; Он же. О сельских ярмарках Западной Сибири // ТГВ. Часть неофиц. 1863. № 31. С. 242—246.
- ³⁵ Хитров А. К истории г. Ирбити и Ирбитской ярмарки. Ирбит, 1872.
- ³⁶ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1882.
- ³⁷ Абрамов Н.А. Слобода Царево городище до переименования ее городом Курганом Тобольской губернии // Вестник РГО. 1854. Ч. 9. Кн. 3. Отд. 2. С. 93—104; Он же. Туринский Николаевский женский монастырь // ТГВ. 1865. № 45. С. 289—290.; Переиздание: Он же. Город Тюмень. Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 440—448.
- ³⁸ Макарий. Записка о городе Шадринске // Вестник РГО. 1853. Кн. 5. Отд. VIII. Смесь. С. 1—8; Он же. Описание города Верхотурья. СПб., 1854.
- ³⁹ А(рхимандрит) П(алладий) П(ьянков). Обзорение Пермского раскола, так называемого «старообрядства». СПб., 1863.
- ⁴⁰ Сулоцкий А. Описание наиболее чтимых икон, находящихся в Тобольской епархии. СПб., 1864; Он же. Протоиерей Стефан Яковлевич Знаменский. СПб., 1877; Переиздание: Он же. Сочинения в трех томах. Тюмень, 2000—2001.
- ⁴¹ Поляков В.П. Прошлое и настоящее города Верхотурья (К предстоящему 300-летию со дня его основания) // Исторический вестник. Т. 64. Май. 1869. С. 586—604.
- ⁴² Торопов П. Трехсотлетие г. Верхотурья. Пермь, 1897; Он же. Город Верхотурье и его святыни. Верхотурье, 1912.
- ⁴³ Токмаков И. Историко-статистическое и археологическое описание г. Верхотурья с уездом (Пермской губернии) в связи с историческим сказанием о Житии святого праведного Симеона Верхотурского чудотворца. М., 1899.
- ⁴⁴ Баранов В.С. Древний кремль г. Верхотурья, Свято-Троицкий собор и часовня. Нижний Новгород, 1908; Он же. Летопись верхотурского Николаевского мужского общежительного монастыря. Верхотурье, 1910. Имеются и др. работы этого автора, в том числе и переизданные в конце XX в.
- ⁴⁵ Плотников Г.С. Описание мужского Далматовского Успенского общежительного третьеклассного монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря (Екатеринбургской епархии, Пермской губернии). 4-е изд. Екатеринбург, 1906 (в конце XX в. появилось репринтное переиздание без выходных данных).
- ⁴⁶ Кривошеков А. Далматовский монастырь как опыт русского владычества и православия // Вестник Оренбургского учебного округа. 1914. № 5—7.

- ⁴⁷ Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902.
- ⁴⁸ Иконников В.И. Пятидесятилетие Ирбитского уездного училища (1820—1870). Историческая записка. Тюмень, 1871.
- ⁴⁹ Шишонко В. Описание начальных народных училищ в уездах Екатеринбургском, Ирбитском, Шадринском Екатеринбургского района Пермской губернии. Екатеринбург, 1878; Он же. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений. Екатеринбург, 1879.
- ⁵⁰ Удинцев С.А. Очерк развития народного образования в Ирбитском уезде Пермской губернии. Ирбит, 1892.
- ⁵¹ Попов В.Е. Шадринское уездное училище (1812—1881 гг.). Екатеринбург, 1898.
- ⁵² Михайлова И. Женское образование в Ирбите 1775—1895 гг. Ирбит, 1897.
- ⁵³ Дмитриев-Мамонов А. Материалы по истории народного просвещения в Западной Сибири // ТГВ. 1884. № 20—24, 26—30.
- ⁵⁴ Житомирская С.В., Мироненко СВ. Из архива И.И.Пущина. Письма Н.В.Басаргина // Сибирь и декабристы. Вып. 3. Иркутск, 1983. С. 159—220. См. также: Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи / Изд-е подг. И.В.Порохом. Иркутск, 1988.
- ⁵⁵ Мамсик Т.С. Новые материалы о пребывании Н.В.Басаргина в Сибири // Земля Курганская: прошлое и настоящее: Краевед. сб. Курган, 1994. Вып. 6. С. 104—115.
- ⁵⁶ Португалов В. Шадринск и Чердынь // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1867. Кн. 4. Отд. 3. С. 36—60; Он же. Пьянство как социальный недуг // Там же. 1869. Кн. 1. С. 43—78.
- ⁵⁷ Моллесон И.И. Очерк санитарной обстановки Шадринского уезда Пермской губернии. Казань, 1873.
- ⁵⁸ Серебрянников П.Н. Опыт медико-топографического описания г. Ирбита Пермской губернии. СПб., 1885.
- ⁵⁹ Никольский Д.П. О санитарно-гигиенических условиях народных школ в Пермской губернии // Земская медицина. 1888. № 2—5; Он же. Краткий врачебно-санитарный очерк Пермской губернии // Екатеринбургская неделя. 1896. № 4—6, 8, 9; Он же. О санитарно-гигиенических условиях городов Пермской губернии // Там же. 1898. № 16; Он же. О санитарных условиях наших городов // Медицинская беседа. 1898. № 23.
- ⁶⁰ Каратов Б. Ирбитские трущобы. Ирбит, 1912.
- ⁶¹ Егоровская Р.А. Земская медицина в Шадринском уезде Пермской губернии с 1870 по 1910 г.: краткий очерк ее развития. Шадринск, 1912; Она же. Пимокатный промысел в Шадринском уезде Пермской губернии. СПб., 1913.
- ⁶² Обзор деятельности Курганского отдела Московского общества сельского хозяйства за четырнадцать лет его существования (1897—1910 гг.). Курган, 1911.
- ⁶³ Долгоруков В.А. Путеводитель по всей Сибири и Среднеазиатским владениям России. Томск, 1898.
- ⁶⁴ Доброхотов Ф.П. Урал северный, средний, южный. Справочная книга. Петроград, 1917.
- ⁶⁵ Чекан В.Г. Путеводитель по Уралу. Екатеринбург, 1899, 1902.

- ⁶⁶ Бахарев А. Туринск Тобольской губернии // Дорожник по Сибири и Азиатской России. Томск, 1901. Т. III. Кн. 1. С. 1—2.
- ⁶⁷ Потанин Г.Н. Из записной книжки сибиряка // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1936. Т. 7. С. 206—238.
- ⁶⁸ Чукмалдин Н. Мои воспоминания: В 2 ч. СПб., 1899. Ч. 1; М., 1902. Ч. 2; Переиздано: Он же. Мои воспоминания. Тюмень, 1997.
- ⁶⁹ Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки / Пер. с нем. и публ. Н.В.Лукиной. Томск, 1999.
- ⁷⁰ Соммье С. Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир. Томск, 2012. С. 492.
- ⁷¹ Гартвельд В. Каторга и бродяги Сибири (Историческая библиотека № 47/48). М., 1912.
- ⁷² Альманах «Тобольск и вся Сибирь». Курган. Тобольск, 2014. Т. XXIII. С. 514.
- ⁷³ См., например: Краткий обзор ходатайств о проведении железной дороги до Тобольска; «Гром не из Тучи» // Сибирский листок. 1890—1894. Тюмень, 2003. С. 470—473, 482—484; 1908—1911. Тюмень, 2003. С. 425—442.
- ⁷⁴ См., например: Андронников И.А. Доклад на заседании Курганского отделения общества (о важности для местного края проведения ж. д. ветки от Кургана на Екатеринбург и второй колеи Сибирской магистрали). Курган, 1904; Мокеев В.Я., Астафьев П.А. По поводу представления министра путей сообщения в Госдуму. СПб., 1908; Записка о предполагаемой работе и вероятной доходности линии Мишкино—Шадринск. 1913 г. / Изыскания железнодорожной линии Мишкино—Шадринск / В.Я.Мокеев, П.А.Астафьев. Екатеринбург, 1914; Неопханов А.А. Исторический очерк вопроса о сооружении Екатеринбург—Тюмень—Обской железной дороги и Синарско-Шадринского подъездного пути. Омск, 1915; Железные дороги в Шадринском уезде (Существующие и желательные) // Календарь-справочник на 1917 г. Издание Шадринского земства, год 3-й. Пермь, 1916. С. 140—145.
- ⁷⁵ Материалы по социально-экономическому описанию районов проектируемых линий / Собраны и разработаны под руководством и ред. Л.К.Чермака. СПб., 1909; Торговля и промышленность Европейской России по районам. Т. II. Вып. V. Уральская полоса. СПб., 1909.
- ⁷⁶ Красноперов Е.И. Двадцатипятилетие Пермского края со времени отмены крепостного права царем-освободителем Императором Александром II. Историко-статистический очерк. Пермь, 1886.
- ⁷⁷ Голубев П.А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. Составленные по очеркам, ежегодникам и специальным изданиям разных министерств. Пермь, 1904.
- ⁷⁸ Чупин Н.К. Географический и статистический словарь Пермской губернии: В 8 вып. Пермь, 1873—1887.
- ⁷⁹ Географо-статистический словарь Российской империи / Под ред. П.П.Семенова. СПб., 1863. Т. 1; 1873. Т. 4; 1885. Т. 5.
- ⁸⁰ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества / Под ред. В.П.Семенова-Тян-Шанского. СПб., 1914, Т. 5. Урал и Приуралье; 1907. Т. 16. Западная Сибирь.

Глава 3

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В СИБИРЬ В ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XXI вв.

Феномен переселенческого движения, ставшего заметным явлением российской действительности во второй половине XIX — начале XX вв., всегда был в фокусе внимания представителей исторической науки. В отечественной историографии крестьянские переселения на восточные окраины империи оценивались в тесной связи с осмыслением природы внутреннего колониационного процесса. Во многом поэтому причины миграционной мобильности и миграционного поведения крестьянства в районах земледельческой колонизации становились предметом обстоятельного анализа представителями власти, находили отклик в работах экономистов, историков, этнографов, географов, причем как современников и непосредственных участников переселенческого дела, так и последующих поколений исследователей.

Вместе с тем невозможно игнорировать очевидный факт, что исследование переселенческого процесса, как наиболее существенного сегмента российской колонизации, а также его различных аспектов, значительную часть времени (по сути, от пореформенной эпохи до 90-х гг. XX века), развивалось в рамках позитивистской методологической модели, сообразно с которой во главу угла была поставлена идея установления фактов, обнаружения типологически сходных явлений в истории и разработки законов, поверяемых исторической практикой. Бесспорным является то, что «блеск» российской позитивистской исторической школы определялся сочетанием социально-экономического подхода с активно проявляемым интересом к проблемам политического устройства, факторам становления гражданского общества и правового государства, развития монархии и конституционализма. У историков-позитивистов постоянно присутствовало осознание аграрной истории как сложно структурированного социального

процесса, что инициировало обращение к реальным судьбам простых людей, в частности, крестьянства.

С другой стороны, уязвимость позитивистского подхода к истории, в том числе аграрной, в отечественной историографии заключалась в органической зависимости исследователя от «государственного взгляда» на исторические события и явления. В данном отношении именно проблема переселенческого движения на восточные окраины империи, будучи политически экстраординарной, оказалась в большей степени вовлечена в поле зрения государственных структур и в значительной мере «отягощена» преобладанием экономических подходов и оценок содержательных аспектов миграций в пореформенной России. Действительно, в оценке причин миграционной активности и оснований миграционного поведения крестьянства представители позитивистской линии в изучении вопроса уверенно называли факторы экономического порядка. При этом совершенно игнорировался факт участия в переселениях не только бедноты, но и состоятельных крестьян, сыгравших решающую роль в аграрной колонизации Сибири. Сбрасывался со счетов и так называемый психологический аспект миграционного процесса: роль коллективных представлений в традиционном обществе, во многом обуславливавших принятие крестьянством рискованных решений. Объективно переселенческая тема в отечественной историографии, с момента ее рождения во второй половине XIX в. и до настоящего времени, осваивалась как следствие государственного заказа. Так, в дореволюционной историографии проблема аграрных миграций обсуждалась преимущественно на публицистическом уровне и рассматривалась в качестве важнейшего элемента текущей государственной политики. В советской и ранней постсоветской историографии обращение к переселенческой проблематике предполагало существование жестких схем, смыслообразующими элементами которых являлись сугубо хозяйственно-экономические приоритеты причинности крестьянских миграций и критические оценки государственной переселенческой политики, потерпевшей, в конечном счете, крах.

Приступая к раскрытию позиций, сложившихся в исторической науке в оценке процесса формирования и видоизменения стратегий адаптивного поведения российского крестьянства в переселении,

представляется конструктивным отказаться от общепринятой и во многом тривиальной модели периодизации историографии, не выделяя в отдельные блоки дореволюционный, советский и современный этапы. Конструируя интеллектуальный ландшафт исследования, автор исходит из предположения, согласно которому изучение переселенческого движения в Западную Сибирь являлось плодом двух научных направлений: историко-экономического и культурно-антропологического. Нельзя однозначно утверждать, что названные направления в постановке и решении переселенческой проблематики выступали в качестве антагонистов. Вместе с тем, наиболее продуктивные эпизоды историографии вопроса связаны именно с теми периодами, когда происходило их сближение или пересечение.

Историко-экономическая традиция осмысления темы крестьянских переселений и ее коннотаций была заложена во второй половине XIX — начале XX вв. современниками и непосредственными участниками событий, круг которых был необычайно обширен: правительственные чиновники различных ведомств в центре и на местах, специалисты в области экономических вопросов, общественно-политические деятели (А.А.Кауфман, В.П.Вощинин, И.Л.Ямзин, В.П.Воронцов и др.)¹.

При всем разнообразии взглядов исследователей на количественные и качественные проявления переселенческого процесса, они были единодушны в одном: миграции явились непосредственной формой реагирования крестьянства на кризисные явления в аграрном секторе экономики России. На исходе XIX в. в научно-публицистический дискурс внедряется понятие «аграрный кризис». По мнению широкого круга исследователей, представлявших различные течения отечественной экономической мысли, проблема миграционной активности крестьянского населения в пореформенное время явилась прямым следствием аграрного кризиса, элементы которого впервые проявились в сельском хозяйстве европейской части России на рубеже 70—80-х гг. XIX столетия, а на стыке XIX и XX вв. стали характерологической чертой отечественного сельскохозяйственного производства. В работах экономистов второй половины XIX — начала XX вв. (А.С.Ермолов, Ф.Бар, А.Е.Воскресенский и др.)² были выявлены основные группы причин возникновения и эскалации кризисных проявлений в аграрном

секторе экономики черноземного центра страны. К таковым относились избыток земледельческого населения в регионе, господство архаических форм хозяйствования и развившееся на этом фоне крестьянское малоземелье. В исследованиях экономического профиля второй половины XIX — начала XX вв. переселения, наряду с такими вариантами урегулирования аграрного кризиса, как вовлечение в оборот частновладельческих земель, развитие арендных отношений и стимуляция промыслового отхода земледельческого населения рассматривались как паллиативная мера, ввиду ограниченности или неподготовленности земельных участков в Сибири для водворения там переселенческого элемента.

По замечанию П.Грегори, «сила сложившегося в конце столетия консенсуса относительно “аграрного кризиса” является поистине впечатляющей, причем это убеждение до сих пор остается предметом веры среди историков»³. Следствием экономического неблагополучия в аграрной сфере исследователи конца XIX — начала XX вв. называли рост внеземледельческого отхода в сельской местности, расширяющуюся практику арендных отношений, переселения на восточные окраины страны. С 1880-х гг. земледельческие миграции за Урал становятся статистически заметным явлением, что отмечалось в специальной литературе тех лет, фиксировалось в официальном делопроизводстве.

В этой связи необходимо признать тот факт, что модернизация экономики Российской империи разворачивалась в условиях доминанты патриархального уклада и правовой обособленности главного субъекта аграрного производства — крестьянства, составлявшего более 80% населения страны. Во многом поэтому решение аграрного вопроса рассматривалось как в официальной пропаганде, так и в либеральной публицистической практике в качестве необходимого условия для преодоления социальной нестабильности. Развернувшаяся на рубеже веков на страницах общественно-политических журналов и научно-публицистической литературы полемика по вопросам современного состояния аграрного производства и крестьянских переселений носила резко политизированный характер, а выводы авторов, за редким исключением, конструировались с ориентацией на сиюминутность, социально-политическую актуальность ситуации, вне историографического режима оценки сложившихся условий.

В трудах историко-экономического направления проблемы аграрного строя России и народных миграций освещались по преимуществу сквозь призму количественных показателей, а также роли государственных структур в урегулировании «аграрного кризиса», организации переселенческого движения. Необходимо также отметить, что процесс эскалации переселенческого движения, достигший своего пика к концу XIX — началу XX вв., ставил дореволюционных исследователей в весьма щекотливую ситуацию. Масштабы переселений и общая экстраординарная канва колонизации восточных окраин обязывали специалистов в переселенческом вопросе не только параметрально анализировать данное явление, но, главным образом, высказывать оперативные рекомендации по его реализации с учетом текущей политической, экономической ситуации и общественных настроений. Параллельно формировавшаяся в дореволюционной историографии вопроса линия, ориентированная на учет сложной композиции факторов, определявших содержание переселенческого движения (социально-психологических и природно-географических) и озвученная в работах И.А.Гурвича и А.А.Исаева, не стала значимой в силу ярко выраженного диссонанса их воззрений с традиционной оценочной моделью, что выходило за рамки устоявшихся, окрашенных в тона политической ангажированности представлений о народных миграциях. И.А.Гурвич, использовавший в качестве источника при написании книги о крестьянских переселениях в Сибирь материалы систематического опроса переселенческих партий в 1882—1883 гг., пришел к выводу об определяющей роли психологического фактора в момент принятия решений о переселении. По убеждению И.А.Гурвича, в конце 1880-х гг. во взглядах крестьянства произошел общий переворот в понимании условий окружающей жизни, связанный с нерешенным в России аграрным вопросом. Однако текущее состояние психологической науки, а также традиционная «экономическая» доминанта в осмыслении переселенческого движения не позволили исследователю выйти на иной уровень оценки причин, хода и результатов аграрных миграций⁴.

Профессор А.А.Исаев в опубликованной в 1891 г. монографии о переселениях предпринял попытку выявления причин массовых миграций в пореформенный период через раскрытие поведенческих

стереотипов и социальных установок крестьянства. По определению А.А.Исаева, «сельчане всю жизнь имеют одно занятие, которым и привязаны к одному месту, к своей малой родине. Крестьянин особенно цепко держится своих привычек и покидает родину только тогда, когда жить становится уже совсем не под силу»⁵. Увы, но поставленные специалистом вопросы о региональной и социальной идентичности крестьянства, объяснение которых сулило качественный прорыв в выявлении природы массовых миграций и адаптивных моделей поведения, лишь пролонгировали сколь оживленную, столь и бесплодную журнальную полемику 70—80-х гг. XIX в. о «бродяжнических» инстинктах и «переселенческом зуде» русского народа (Н.Серповский, С.П.Швецов)⁶. Попытки «расшифровать» содержание переселенческого процесса с точки зрения качественных трансформаций в крестьянском сознании были представлены в весьма ограниченном спектре работ (Б.Ленский, В.О.Португалов, Н.А.Языков) и не получили поддержки в среде исследователей аграрного вопроса в России⁷.

Преодоление жестких позитивистских пут в освоении аграрной темы и, как следствие, выход на структурные составляющие переселенческой проблематики, в частности, поведенческие стратегии крестьянства в миграционных процессах, имел определенные перспективы в связи со становлением крестьяноведческого направления, представленного трудами Н.Д.Кондратьева, А.В.Чаянова, А.Н.Челинцева⁸. Так, например, отношение А.В.Чаянова к переселениям как паллиативной и малоэффективной мере, уступающей по своему значению развитию научной агрономии и агротехническим улучшениям в сельскохозяйственном производстве, привело исследователя к формулированию семейно-грудовой теории, в рамках которой знаковую роль приобретала личность крестьянина и выстраивавшаяся вокруг него организация крестьянского двора. Здесь, по всей вероятности, могли быть обнаружены выходы на такие проблемы как «моральная экономика» крестьянского хозяйства, «структурные компоненты социальной мобильности крестьянства», «стратегии адаптивного поведения в условиях риска». Однако исторический дефицит времени и идеологическая ситуация, подкрепленные набиравшей силу марксистской методологией, привели к консервации крестьяноведческого направления в исследовании аграрного вопроса вообще и аграрных миграций в частности.

Новая историографическая традиция, формирующаяся в конце 1920-х и в 1930-е гг., имела ряд принципиальных характеристик, определивших основные тенденции в изучении аграрного вопроса и переселений: экономики крестьянского двора в губерниях выхода мигрантов, детерминирующих факторов миграционной мобильности крестьянства, соотношения материальных возможностей и морально-психологических установок в принятии решений о переселении, организации хозяйства в районах водворения, социальной и психологической адаптации мигрантов.

Вряд ли стоит напоминать о том, что идеологическая компонента во все времена оказывала корректирующее влияние на состояние исторической науки. Проблема заключается, главным образом, в степени этого воздействия и интенсивности внедрения идеологии в профессиональную кухню научно-исторического сообщества. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. в СССР происходит своеобразная «приватизация» национальной историографии тоталитарным режимом, разворачивающаяся на фоне процессов государственно-политического изоляционизма. Подчинение исторической науки партийно-идеологической системе, помимо ликвидации любой научной альтернативы марксизму, привело и к выхолащиванию классических позитивистских формул, правопреемниками которых в условиях существования «закрытого» государственно-политического конструкта стали советские историки. Прежде всего, это касалось антропоцентризма как неотъемлемого принципа западного позитивизма, предполагавшего нахождение в центре внимания человека мыслящего, сознающего свои цели и свободно действующего в пространстве истории. Несмотря на одностороннее рефлексирование роли человека в истории (выдающаяся личность), именно в данной плоскости впоследствии западные исследователи обнаружили механизмы для обретения новых подходов и научно-исследовательских практик, ознаменовавших антропологический поворот в гуманитаристике.

Политические реалии, подкрепленные марксистской методологией, привели к тому, что работы в области аграрной истории оказались включены в канву строжайшей государственной цензуры. Мероприятия большевиков в аграрной области были направлены на уничтожение крестьянства как сословной общности, что сопровождалось разрушением традиционного уклада, веками

формировавшихся социальных связей, нарушением преемственности поколений и, в конечном итоге, складыванием иного типа отношений в сельской среде. В результате коллективизации крестьянство как локальное сообщество было ликвидировано, деревня превратилась в материальную базу индустриализации и продуктовый придаток города, а место крестьянства в социальной ткани общества занял новый человек, «гомункулус» — сельское население, лишенное каких бы то ни было признаков сословной принадлежности. В сложившейся ситуации аграрная проблематика свелась преимущественно к «разоблачению» и разгрому историографической школы крестьяноведения, исследования переселенческого движения в дореволюционной России практически прекратились. Завершившаяся в конце 1920-х — начале 1930-х гг. ротация научных кадров окончательно «вбила гвоздь в крышку гроба» переселенческой проблемы, возникавшей теперь лишь в связи с критикой сталинской аграрной политики и общей неэффективности переселенческих мероприятий, организованных правительством (С.М.Дубровский, П.Н.Черменский и др.)⁹.

Несмотря на кажущееся обилие исследований по аграрной тематике, созданных в историко-экономическом формате до конца 1980-х гг., в них проблемам крестьянских миграций либо не отводилось места вовсе, либо факты переселенческого движения рассматривались сквозь призму количественных показателей. Кроме того, в освещении темы переселенческого движения на первый план было выведено механистическое понимание миграционных процессов, в рамках которых обезличенная масса земледельцев искала спасения от голодной смерти во вновь колонизируемых районах Российской империи. Не менее печальным следствием идеологического диктата в историографии переселенческого вопроса стала регионализация аграрной проблематики вообще и темы крестьянских миграций в частности. Наиболее рельефно регионализм в исследовании переселенческого процесса проявился в научной традиции констатации крестьянского малоземелья как первопричины миграционной активности земледельческого населения, завершающейся актом переселения в работах историков европейской части страны, тогда как непосредственно в Сибири внимание специалистов было сосредоточено на вопросах водворения и обустройства переселенческого контингента, с акцентуацией

внимания на экономической и политико-правовой компоненте проблемы¹⁰.

Однако важно отметить, что именно на этом этапе происходили и структурно позитивные процессы. В рамках позитивистской парадигмы, пусть и изрядно «отрихтованной» марксистским влиянием, шло накопление «мышечной массы», обеспечившей расширение семантических границ исследования переселенческой проблематики в будущем. В некотором смысле, фетишизированное отношение к источнику, всегда являвшееся «оселком» позитивистского метода в исторических исследованиях, способствовало сохранению признаков актуальности переселенческой проблемы. Произошло это во многом потому, что выявление экономических аспектов переселенческого движения требовало от историка постоянного извлечения и введения в научный оборот материалов справочно-статистического характера. Плюс ко всему, представления историков-марксистов о конструктивной критике переселенческой политики правительства находились в прямой зависимости от количества привлеченных сведений официально-делопроизводства и законодательства, которые, несмотря на принадлежность к одному типологическому ряду, могли по-разному интерпретироваться.

В частности, в фундаментальных трудах М.С.Симоновой, П.Г.Рындзюнского, И.Д.Ковальченко, А.С.Нифонтова, А.М.Анфилова и др.¹¹, основанных на объективных статистических материалах по черноземным губерниям, настойчиво проводилась мысль о «грандиозном аграрном кризисе», «ухудшении положения крестьян», «падении крестьянских хозяйств», но при этом ареал распространения кризисных явлений указанными авторами очерчивался в пределах центрального производящего региона.

В работах В.Г.Тюкавкина, Л.М.Горюшкина и др.¹², а также авторов, изучавших аграрный вопрос в местах массового выхода крестьян (Г.М.Богданова, В.Лилеева, К.Ф.Максимовой, Г.М.Птушкина, М.М.Шевченко)¹³, написанных в условиях благоприятного общественно-политического фона «оттепельных» лет, благодаря систематизации статистических сведений, реализовалась возможность в рамках формационного подхода обнаружить некоторые новые аспекты в изучении переселений. Сбор сведений о прямых и обратных переселениях позволил выявить факт зависимости

развития переселенческих хозяйств от материального положения мигрантов.

В целом негативные оценки переселенческого сегмента аграрной политики российского правительства в период 1861—1905 гг., данные в 1960-е гг. в трудах Е.М.Брусникина, И.А.Асалханова, Г.П.Жидкова и др.¹⁴, полагавших, что деятельность властей, направленная на заселение колонизируемого региона, отличалась хаотичностью, непоследовательностью, «насквозь реакционным, крепостническим характером», были существенно скорректированы в 1970—80-е гг., в том числе и вследствие прироста источниковой базы.

В исследовании переселенческой политики, произведенном Б.В.Тихоновым¹⁵, впервые в историографии был поставлен вопрос о настроениях крестьянства регионов Европейской России в связи с функционированием переселенческого законодательства в 1890-е гг. Автор, апеллируя к характеристике социально-психологического облика переселенцев, данной А.Н.Куломзиным, отметил слабую детерминированность миграционной активности крестьянства черноземной полосы правительственными решениями по переселенческому делу.

Новые подходы к исследованию экономических и социальных аспектов переселенческого процесса в контексте аграрной политики правительства были намечены в работах, написанных в 1980-е — начале 1990-х гг. (Л.М.Горюшкин, Н.А.Миненко, В.Н.Худяков, В.Л.Степанов, И.В.Островский)¹⁶. В них, в частности, были поставлены вопросы о взаимозависимости аграрного кризиса в центральном производящем регионе и системы аграрных отношений на колонизируемых территориях, поземельной политики властей в Сибири и землеустройства мигрантов, что потребовало более скрупулезного изучения и осмысления роли субъективного фактора в переселенческом движении, проявившегося в самовольной миграции, дихотомических колебаниях в социальном составе переселенцев, отношении крестьянства к ссудным и фискальным мероприятиям центральных и региональных органов власти в Сибири пореформенного периода.

Вместе с тем, необходимо отметить, что именно в конце 1980-х — начале 1990-х гг. историко-экономическая модель исследования аграрного вопроса и крестьянских миграций в России

постепенно погружается в кризисное состояние. Государственная либерализация инициировала резкий всплеск интереса в обществе к крестьянскому вопросу. Нарастающая публицистическая активность в этот период сопровождалась крушением старых и рождением новых мифов о крестьянстве, что значительно притормозило исследования в области переселенческого вопроса. С другой стороны, в историографии переселений стала складываться ситуация, определяемая Т.Куном как кризис «нормальной» науки и ее вступление в экстраординарную фазу, в границах которой исторические явления уже невозможно постичь посредством использования прежних методологических подходов. Совершенно очевидно, что долгосрочное существование переселенческой темы в «прокрустовом ложе» позитивизма, вдобавок обезображенного влиянием марксистской догмы, привело к тому, что проблема аграрных миграций уже на рубеже 80—90-х гг. XX в. представлялась специалистам в данной области исчерпанной.

Только с конца 1990-х — начала 2000-х гг. в историко-экономическом русле изучения переселенческого вопроса намечается методологическая эмансипация от принципов позитивизма и обращение к социокультурному подходу, открывающему возможность исследования крестьянского социума в контекстных рамках традиционной культуры, с характерными для нее признаками общества «моральной экономики».

Отечественная историко-экономическая традиция историографии аграрного вопроса и его аспектов была частично реанимирована благодаря падению «железного занавеса» и проникновению в научную сферу исследовательских практик западной экономической истории и крестьяноведения.

Симптоматично, что, как и в предыдущие периоды развития историографии вопроса, наиболее обсуждаемой в историко-экономических трудах рубежа веков проблемой стал аграрный кризис: причины его возникновения, формы проявления, пространственное распространение и способы преодоления. Методологический кризис советской исторической науки, возникший в том числе и по причине отсутствия надежной аргументации в исследованиях экономического положения крестьянства Европейской России, доминирования в них бездоказательных деклараций, основанных преимущественно на «лошадиной» статистике, активно

способствовал формированию историографических «пустот», которые при отсутствии отечественных исследований частично восполнялись за счет ставших доступными монографий западного происхождения, увидевших свет еще в 1960—70-х гг.

Именно указанный период являлся точкой отсчета западной историографии в изучении аграрного вопроса в России, где в это время утвердилась оригинальная концепция А.Гершенкрона¹⁷, интерпретировавшего социально-экономическое развитие пореформенной России с позиций теории «стадий экономической отсталости».

Вслед за ним английский историк Т.Шанин¹⁸ указывал на непропорциональное развитие индустриального и аграрного секторов российской экономики, наличие всеобщего аграрного кризиса.

Однако уже в работах Р.Голдсмита, С.Уиткрофа, П.Грегори¹⁹ многое из положений адептов теории «стадий экономической отсталости» было ревизовано и отвергнуто.

Важным достижением зарубежной историографии следует признать дифференциацию понятия «аграрный кризис» на три составляющих: сельскохозяйственный кризис как кризис экономический, связанный с упадком производства; кризис в уровне жизни крестьян, определяемый воздействием на сельское хозяйство со стороны рыночных механизмов и правительственной политики; аграрный кризис как кризис общественно-политический. На основании данного подхода С.Уиткрофу, П.Грегори, Р.Голдсмиту и другим специалистам удалось выявить региональные особенности экономического развития и динамики сельскохозяйственного производства в конце XIX — начале XX вв. и установить районы Европейской России (прежде всего Центрально-Черноземный), где проявления аграрного кризиса были наиболее очевидными.

Под непосредственным влиянием выводов западноевропейского историко-экономического направления историографии отечественная историческая наука второй половины 90-х гг. XX и начала XXI столетий приступила к изучению различных аспектов аграрных отношений в пореформенной России. В частности, предметом рассмотрения исследователей сегодня являются вопросы состояния и динамики крестьянской земельной собственности в Центрально-Черноземном регионе второй половины XIX — начала XX вв. (Р.В.Косов, А.В.Силин)²⁰, специфики развития зернового

производства в рамках отдельных крестьянских хозяйств и всего народнохозяйственного экономического комплекса (Е.С.Шукаева)²¹, деятельности земских учреждений по развитию сельскохозяйственного образования и научной агрономии (В.Н.Плаксин, И.Н.Манохина)²², экономико-демографических процессов в черноземной деревне (А.Н.Быканов)²³.

На рубеже XX—XXI вв. появляется ряд обобщающих работ по истории аграрных отношений в Черноземном регионе, в которых подробно анализируются основные тенденции его экономического развития, рассматриваются вопросы переселений земледельческого населения на восточные окраины страны.

В опубликованной в 1998 г. докторской диссертации С.А.Есикова, написанной на материале изучения тамбовской деревни начала XX столетия, были выявлены общие закономерности и региональные особенности развития крестьянского хозяйства и его основных элементов, охарактеризована производственно-экономическая сфера сельской жизни, степень и темпы развития аграрного капитализма в Тамбовской губернии. Автором исследованы миграционные потоки из различных уездов Тамбовской губернии в период с 1861 по 1905 гг., дана подробная оценка результатов выселений с точки зрения экономического положения крестьян, оставшихся в пределах своего первоначального проживания, а также сделано важное замечание о том, что переселению, как правило, предшествовал систематический промысловый отход, в процессе которого крестьянство региона приобретало бесценный миграционный опыт, имело возможность окрепнуть материально перед миграционным актом²⁴.

В исследовании О.Г.Вронского досконально изучены демографические изменения, произошедшие в границах Курской, Орловской, Тамбовской губерний. О.Г.Вронский, оперируя обширным фактическим и статистическим материалом, проиллюстрировал отчетливую тенденцию роста населения в пореформенный период (к началу XX в. более 74,0% от уровня 1861 г.) при отсутствии существенных количественных изменений в надельном земельном фонде²⁵. В работе предметно рассмотрены гипотетические возможности преодоления аграрного кризиса, среди которых наряду с развитием промыслов, участием в арендных операциях, улучшением агротехники названы и крестьянские переселения.

Установив количественный состав мигрантов за шестнадцать лет (1885—1900 гг.), О.Г.Вронский пришел к выводу, что переселение, вызванное деструктивными процессами в аграрном секторе экономики черноземного центра, не способно было решить проблем аграрного перенаселения старопахотных губерний, так как все крестьяне, вышедшие из них на переселение, составляли в 1900 г. лишь 3,12% от сельскохозяйственного населения Центрально-Черноземного региона²⁶.

Экономические аспекты адаптации мигрантов из черноземного центра России в местах водворения в Западной Сибири начинают осваиваться в рамках научно-исследовательской практики рефлексивного крестьяноведения. Авторы, специализирующиеся в данной проблематике, в массе своей отказались от одиозных способов количественных характеристик уровня развития крестьянских хозяйств (переселенческих и старожильческих) в Сибири, когда во главу угла выносились только имущественные критерии: наличие сельскохозяйственного инвентаря, крупного и мелкого скота, фискальные факторы.

Данная тенденция впервые проявилась еще в 1990-х гг. в работах В.И.Шадурского, В.А.Зверева, П.П.Вибе, К.А.Чуркина, З.П.Горьковской и О.Н.Катионова²⁷ и других авторов, использовавших данные об имущественном положении переселенческого сегмента сибирской деревни в контексте изучения репродуктивного поведения сельского населения, его бытовых особенностей, пищевого довольствия. Отметим, что подобный подход к исследованию переселенческих хозяйств, при котором аргументация автора сводилась не только к цифрам, иллюстрирующим экономическое состояние крестьянских дворов, но и к характеристике особенностей стереотипов поведения (в том числе и производственных), предоставил обширную информацию о специфике адаптационного процесса в регионе, убедительно доказал многофакторность этого явления.

В традициях указанной исследовательской парадигмы были написаны и опубликованы, соответственно, в 2000 и 2003 гг., работы А.Н.Сагайдачного²⁸, изучившего демографические процессы в Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв., с использованием статистических данных о людности крестьянских хозяйств и их экономической полноценности, и Н.А.Балюк²⁹,

исследовавшей уровень и динамику развития крестьянских хозяйств Зауралья в связи с соотношением в них зерновых культур, соответствия реального потребления с установленными нормами, состоянием бюджетов крестьянских семей.

В принципиально ином ключе в первом десятилетии XXI в. стала рассматриваться и тема организации крестьянского хозяйства в Сибири, что стало возможным благодаря синтезу отечественной историографической традиции системно-структурного и функционального анализа внутреннего строя крестьянского хозяйства и опыта западной историографии, реализованного в рамках социокультурного направления. Определение западными историками российского крестьянства в качестве самостоятельного экономического субъекта позволило современным российским исследователям крестьянского хозяйства (в том числе и переселенческого) выявить базовые элементы его внутреннего строя, условия, формы и тенденции модернизации; обнаружить системность связей между природно-географическими, экономическими и политико-правовыми «агентами» крестьянского землеустройства и землепользования в колонизируемом регионе (А.А.Храмков, П.Ф.Никулин, М.В.Дорофеев, Д.Н.Белянин и др.)³⁰.

Таким образом, историко-экономическое направление оценки причинно-следственных характеристик аграрного вопроса и его миграционной компоненты продолжительный временной отрезок находилось в «плелу» эвристически-познавательных стереотипов, видя в миграциях лишь следствие нерешенных в центре страны проблем аграрного порядка, ограничиваясь чаще всего лишь констатацией факта переселений, облаченного в строгие статистические формулы. Кризис позитивистской традиции в историографии, означавший смену парадигмы, инициировал интенсивный поиск и приток новых теорий и концепций в раскрытии структурных элементов аграрного строя Российской империи, причин эскалации переселенческого процесса, что в известной степени обеспечивалось мощной базой источников, введенных в научный оборот несколькими поколениями исследователей. Вместе с тем, в историко-экономической системе координат осмысления переселенческой проблемы сложилась устойчивая традиция и собственная, формировавшаяся десятилетиями, ценностная иерархия, авторитетно (в известной мере и авторитарно) сужающая круг

проблем, имеющих отношение к выяснению содержательных характеристик переселенческого движения. К разряду «узких» мест, игнорируемых исследователями историко-экономической школы, традиционно относится проблема установления роли личности крестьянина в выборе экономических стратегий адаптивного поведения в условиях риска, оценки экономических стереотипов и поведенческих реакций крестьянства в кризисных обстоятельствах, далеко не всегда зависящих от материальных возможностей крестьянского двора, что значительно ограничивало и ограничивает исследователей в научном поиске.

Совершенно иной вектор развития тема миграционного потенциала и формирования стратегий адаптивного поведения мигрантов получила в масштабах культурно-антропологического направления.

Роль своеобразного «детонатора», взорвавшего переселенческую тему и выведшего ее на новый качественный уровень, выполнили работы, принадлежавшие к разным областям естественного знания, а именно бурно развивавшихся в Российской империи с середины XIX в. географии, антропологии и медицины.

Основы географического сегмента научного знания, оказавшего решающее влияние на изучение исторических процессов, в том числе и переселенческого движения, были заложены еще в середине и второй половине XIX в. К.С.Веселовским, А.И.Воейковым, В.В.Докучаевым³¹, творчески осмыслены и адаптированы к исторической почве С.М.Соловьевым, В.О.Ключевским, П.Н.Милюковым³².

Детальный разбор природно-географических особенностей типично черноземных губерний европейской части России, произведенный во второй половине XIX — начале XX вв. такими исследователями, как В.И.Долженков, И.А.Вернер, И.А.Пульман (Курская губерния), Н.П.Коломийцов, В.К.Артюхов (Тамбовская губерния), А.А.Каминский, А.Е.Филиппченко, П.А.Загорский (Орловская губерния), Г.Ф.Клинген, Г.Ф.Морозов (Воронежская губерния)³³, рассматривавших действие климатических и географических факторов сквозь призму сельскохозяйственного производства в земледельческом регионе России, предоставил возможность специалистам в области экономической географии сделать принципиальный вывод о преобладании экологической компоненты

в формировании кризисных явлений в аграрном секторе экономики черноземного центра.

Географические изыскания, подкрепленные данными о фактах систематического антропогенного воздействия человека на природу (крестьянства на сельскохозяйственный ландшафт), позволили авторам, исследовавшим специфику аграрного производства в России на стыке географии и экономики, сформулировать важную теоретическую проблему о допустимом пределе распашки земель, за которым дальнейшее увеличение пашни пагубно сказывается на развитии крестьянского хозяйства. По определению Н.П.Огановского, А.А.Кауфмана, А.В.Чаянова, трехпольная система хозяйствования, доминировавшая в черноземных губерниях России, являлась эффективной лишь в ситуации пропорционального соотношения элементов сельскохозяйственного ландшафта, а предел распространения пашни наступал тогда, когда она достигала 80% удобной безлесной территории³⁴.

Знаковым событием в исследовании роли природно-географического фактора в освоении региона и закреплении в нем земледельческого населения стал фундаментальный труд Н.М.Ядринцева³⁵, в котором наряду с обстоятельным анализом естественно-географических и климатических условий колонизируемых пространств автор сфокусировал свой взгляд на проблеме территориального распределения переселенческих потоков, соответствия природных условий мест выхода и водворения мигрантов, степени комфортности районов обустройства и адаптации переселенцев³⁶.

Рост переселенческого движения в Сибирь в пореформенную эпоху стимулировал изучение отдельных составляющих природно-географического фактора, оказывавших мощное воздействие на характер и темпы адаптации мигрантов в местах их водворения: климата, растительности, почвенных свойств, расположения транспортных артерий и состояния путей сообщения. Весомый вклад в исследование природно-географического фактора, действовавшего в условиях сибирского месторазвития и оказывавшего влияние на производственную деятельность населения региона, внесли во второй половине XIX — начале XX вв. работы В.В.Сапожникова, В.П.Семенова-Тян-Шанского (общегеографическое описание колонизируемых районов), П.М.Брейтигама, Н.О.Осипова (характеристика климата Сибири), В.Королева, К.П.Горшенина,

П.Карамзина, В.И.Баранова (анализ состояния почв и растительности в Западной Сибири), Н.А.Кострова, М.Н.Соболева (изучение путей сообщения и транспортной инфраструктуры региона)³⁷. Указанными авторами были собраны и систематизированы важные сведения о метеорологических, орографических, ландшафтных, гидрологических особенностях региона, во многом подтвердивших предположения этнографов о том, что «Сибирь не представляет места, непригодного для жизни... условия для существования людей здесь удовлетворительны, а в некоторых местах благоприятные»³⁸. Вместе с тем, отмеченные исследователями некоторые специфические, свойственные только Зауралью особенности географических и климатических условий, такие как: территориальная отдаленность от метрополии, значительные расстояния от очагов цивилизации и между населенными пунктами, краткость безморозного периода и частые отклонения температур от нормальных значений, воздействовавшие на состояние путей сообщения и эффективность земледелия, наглядно демонстрировали изначальную ограниченность адаптивных возможностей переселенцев в Сибири.

В советский период вопросы, связанные с изучением влияния природных факторов на различные явления общественной жизни, рассматривались с позиции новой идеологической доктрины. Большинство географов, ставивших перед собой задачи не только описательного свойства, но и пытавшихся выявить закономерности во взаимодействии природы и общественных процессов, были обвинены в «вульгарном географизме» и «географическом детерминизме» (Л.С.Берг, А.А.Григорьев). В результате в изучении проблемы о влиянии природно-географических обстоятельств на миграционное поведение крестьянства образовался вакуум, который быстро заполнился работами, акцентировавшими внимание преимущественно на экономических аспектах переселенческого движения на восточные окраины страны.

Тем не менее, в географической науке советского периода продолжался процесс накопления научного материала, а систематизация и анализ собранных сведений позволили географам впоследствии вернуться к изучению проблемы о взаимодействии человеческого общества и природы, роли географического фактора в историческом процессе.

Во второй половине XX в. отдельные выводы географического знания постепенно вовлекались в русло исторических исследований, в том числе и посвященных проблемам переселенческого движения в Сибирь, причинам и последствиям крестьянских миграций. В 1950—60-е гг. в рамках данного направления работали такие исследователи переселенческого движения как В.В.Покшишевский, рассматривавший проблемы соотношения ландшафтных условий мест выхода и водворения мигрантов³⁹; Е.И.Соловьева, обратившая внимание на роль экологических факторов в обустройстве новоселов в Сибири, подчеркнув естественное стремление переселенцев к оседанию в тех географических зонах, которые имели условия для хозяйственной деятельности, схожие с местами их прежнего проживания⁴⁰.

Изучение широкого круга вопросов, связанных с обстоятельствами природно-географического воздействия на миграционные процессы в пореформенный период началось в конце 1970-х — 1980-е гг. и продолжилось в 1990-е гг., когда в работах П.Д.Верещагина, А.В.Минжуренко, В.А.Зверева детальному анализу были подвергнуты проблемы влияния естественно-географических факторов на выбор мигрантами мест водворения, их переселенческую активность, колонизационные возможности переселенцев с учетом выхода из европейских губерний России, а также геодемографические последствия крестьянской колонизации⁴¹.

С начала 1990-х гг. предпринимаются попытки анализа аграрной истории России пореформенного времени в связи с воздействием природных факторов на производственные процессы, организацию быта и особенности сознания крестьянства.

Данный подход получил распространение и активно отстаивался в статьях и монографии Л.В.Милова⁴², использовавшего в своей работе фактический и статистический материал по сельскохозяйственным районам Нечерноземья и некоторым губерниям черноземного центра Европейской России. В монографии исследователя специфика развития российского исторического процесса, государственности и национального менталитета рассматривается с позиций влияния природно-географического фактора. По утверждению Л.В.Милова, в российских условиях «необычайная кратковременность цикла земледельческих работ, ... господство малоплодородных и неплодородных почв приводили к наибольшей

концентрации труда земледельца в относительно небольшой временной отрезок»⁴³. Все это требовало от крестьянина крайнего напряжения сил, удлинения рабочего дня, использования дополнительных трудовых ресурсов и, в конечном счете, формирования компенсационных механизмов выживания, выразившихся в жесткой общинной консолидации и тоталитарных формах государственной власти. Определяя значимость природно-географического фактора в истории России, Л.В.Милов апеллировал к мнению классиков отечественной исторической мысли С.М.Соловьева и В.О.Ключевского⁴⁴, но при этом уточнял, что «простой возврат к восстановлению в историографии их постулатов недостаточен, ибо это только макроподход, не позволяющий выделить конкретно-исторический и экономический механизм воздействия природных условий на жизнь крестьянина, общество и государство»⁴⁵. Для решения своей задачи автором был привлечен к исследованию обширный пласт научных работ географического характера, отраженный в разновременных работах П.А.Словцова, А.П.Щапова, А.И.Воейкова, М.А.Цветкова, И.Е.Бучинского, А.В.Дулова⁴⁶. В результате Л.В.Милову, с опорой на репрезентативный географический материал, удалось доказать неправомочность и некорректность сравнений природных условий, в которых происходило становление экономических и общественно-политических институтов России и ряда государственных образований с похожим природно-климатическим потенциалом (страны Скандинавского полуострова, Канада).

Противоположная точка зрения была озвучена в работах Б.Н.Миронова⁴⁷, который, признавая в целом некоторые выводы Л.В.Милова о воздействии географического фактора на социально-экономические процессы в России, высказал мнение, что своеобразие природных условий прежде всего «дело рук человеческих»⁴⁸. С точки зрения Б.Н.Миронова, влияние географической среды на человека и общественные явления происходит опосредованно и во взаимодействии с другими социальными, экономическими и политическими факторами, оценить индивидуальный вклад каждого из которых не представляется возможным⁴⁹. Б.Н.Миронов, критикуя своих оппонентов за «географический детерминизм», считает, что любые соображения о влиянии географической среды на отдельные институты, модели поведения,

социальные и экономические процессы «носят предположительный, а часто просто гадательный и спекулятивный характер»⁵⁰.

Полемика между Л.В.Миловым и Б.Н.Мироновым, а также их сторонниками или противниками, определила различную степень акцентуации роли естественно-географических факторов и их влияния на производственную деятельность и миграционную мобильность крестьянства в региональных исторических исследованиях.

В работах историков Центрального Черноземья, написанных на рубеже XX—XXI столетий, восполнялись главным образом лакуны, образовавшиеся в изучении аграрного вопроса в центральном производящем регионе пореформенного периода в советский период историографии. В круг интересов диссертационных трудов и монографий проблемы миграций земледельческого населения за пределы территории постоянного проживания либо не входили совсем, либо были представлены в виде простой констатации факта переселений и дополнены краткими статистическими сведениями о числе крестьян, вышедших на переселение за изучаемый авторами хронологический отрезок (С.А.Есиков, О.Г.Вронский)⁵¹.

Более детальному анализу вопрос о роли природно-географического фактора в историческом процессе подвергся в трудах сибирских ученых новейшего времени. В конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. в сибиреведческом сегменте аграрных исследований сформировалась и продолжала развиваться устойчивая концепция, утверждавшая, что по мере продвижения русской оседлости на восток роль природных факторов актуализировалась, а перемещение части населения из континентальной зоны проживания в резкоконтинентальную инициировало перестройку крестьянских хозяйств сообразно местным условиям, требовало коррекции, а иногда и ломки индивидуального сознания мигрантов.

Знаковым событием в русле выделенного исследовательского направления стала вышедшая в свет в 1991 г. монография В.И.Шадурского⁵², посвященная проблемам изучения народного опыта земледелия в зауральском регионе в хронологически обширный исторический период XVII — начала XX вв. Автором были даны подробные характеристики условий становления и развития земледелия в Сибири: местного климата, растительности и почвенных

свойств региона. Не говоря впрямую о факторах адаптации переселенцев в колонизируемых местностях, В.И.Шадурский указал на «исключительное экологическое разнообразие» вовлекаемых в земледельческий оборот районов Западной Сибири и автономную сложность природно-климатических условий для сельскохозяйственного производства⁵³.

Конец 80-х — первая половина 90-х гг. XX в. были ознаменованы появлением работ геодемографического и геоэкономического содержания, в которых авторы указывали на значимую роль в переселенческом процессе природно-географических факторов.

В диссертации П.П.Вибе⁵⁴ были исследованы (на примере переселения крестьян в Тобольскую губернию в конце XIX — начале XX вв.) колонизационные возможности переселенцев с учетом выхода из европейских губерний России, а также особенности расселения мигрантов в Западной Сибири, геодемографические последствия крестьянской колонизации.

В монографии и статьях В.А.Зверева, сосредоточившего внимание на изучении русской крестьянской семьи в Сибири и специфике демографического поведения сельского населения колонизируемого региона во второй половине XIX — начале XX вв., неоднократно отмечалось, что природно-географический фактор оказывал влияние на миграционное поведение крестьянства на всех стадиях переселения: в период выхода, водворения и обустройства, а также внутрирегиональных перемещений лиц крестьянского сословия. С точки зрения ученого, такие элементы природно-географического фактора, как траектории транспортных путей, расстояние до основных районов колонизации, сравнительные природно-климатические, ландшафтные, почвенные характеристики мест выхода переселенцев и предполагаемого водворения играли важную роль, поскольку экологические знания мигрантов составляли одно из условий быстрой «приживаемости» их в Сибири⁵⁵.

Влиянию природно-географического фактора на особенности устройства и становления переселенческих хозяйств в колонизируемом регионе, развитие земледелия и скотоводства была посвящена опубликованная в 1995 г. исследовательская работа К.А.Чуркина⁵⁶. Автор, основываясь на широком круге опубликованных источников, произвел подробный анализ природно-климатических

условий, вовлеченных в колониционный процесс территорий Сибири, выявил основные направления миграционных потоков, определил степень зависимости результатов хозяйственной деятельности переселенцев и специфики их быта от природных обстоятельств.

В семантических границах изучения взаимоотношений переселенцев и старожилов в Западной Сибири автором настоящего труда было проведено подробное исследование природно-географического контекста водворения и обустройства мигрантов из европейской части России в колонизируемых местностях, на основании чего сделан вывод о неодинаковых условиях, в которых происходило становление хозяйств новоселов, в зависимости от периода прибытия переселенческих партий в Сибирь; отмечено разнопорядковое влияние природно-географического фактора на хозяйственную деятельность крестьян в различных районах региона⁵⁷.

Интенсивные исследования природно-географической компоненты переселенческого процесса, прямого и опосредованного воздействия специфики природного окружения на все стороны быта и хозяйственной жизни мигрантов в регионе водворения сделали возможным и необходимым разработку новых методологических подходов к изучению адаптации русских переселенцев в Сибири как одного из основных факторов культурогенеза. Предпосылкой к проведению специальных исследований в области изучения генерирующих механизмов хода и результатов адаптации стало накопление и описание обширного этнографического материала, характеризующего уникальные и универсальные черты материальной культуры русских сибиряков. В работах А.А.Люцидарской, В.А.Липинской, М.Л.Бережновой, П.Е.Бардиной, М.А.Жигуновой, Т.Н.Золотовой⁵⁸ и др. широко освещались вопросы питания, одежды, архитектурных традиций сельского населения Сибири, в том числе и с точки зрения определенных трансформаций этих элементов материальной культуры в связи с влиянием естественно-географической обстановки.

Обобщение данного материала, с привлечением экспедиционных дневников и полевых наблюдений, позволили О.Н.Шелегиной уточнить и внести ясность в понятие культурной адаптации, определив ее как приспособление человеческих сообществ, социальных

групп и отдельных индивидуумов к меняющимся природно-географическим и историческим условиям жизни посредством изменения стереотипов сознания и поведения. Автор справедливо указала на взаимообразность адаптационных процессов, так как миграционные потоки из центральных регионов России в Сибирь делали культурную адаптацию значимой не только для переселенцев, но и для жителей тех территорий, куда эти потоки направлялись. Наконец, впервые в исследовательской литературе, в связи с воздействием природных факторов на адаптационные возможности крестьянства сибирского региона, был сформулирован тезис о складывании внутрирегиональных комплексов материальной культуры, в наибольшей степени соответствовавших природно-климатическим особенностям территорий, образу жизни поселившихся на них людей⁵⁹.

Обстоятельное исследование природно-географического контекста мест выхода и водворения мигрантов, в связи с выявлением факторов миграционной мобильности крестьянства и поведенческих стратегий адаптации в условиях колонизируемой окраины, становится общим местом в отечественной историографии первого десятилетия XXI в. Так, в монографии Б.Е.Андюсева подчеркивается, что в процессе адаптации русских сибиряков в регионе решающую роль выполнял природно-географический фактор⁶⁰. Полагая, что адаптация — это процесс взаимного приспособления между культурой и средой, направленный на выживание и стабильность социальной системы, исследователь, исходя из определения «месторазвитие», пришел к выводу о том, что наибольшее влияние на формирование хозяйственной инфраструктуры, приспособительную изменчивость и традиционное сознание сибирского населения оказывали естественно-географические, природные факторы⁶¹. Очевидным достоинством монографии, посвященной характеру адаптации старожилов в Сибири, явилась концептуальная позиция автора о постоянстве адаптационных процессов, в ходе которых, вследствие непрерывного притока земледельческого населения из Европейской России, у всех жителей региона вырабатывались адекватные адаптивные стратегии.

В докторской диссертации М.К.Чуркина⁶², посвященной проблеме раскрытия детерминант миграционной мобильности крестьянства Черноземного Центра, а также установлению факторов

адаптации переселенцев в Сибири, было доказано, что именно географическая среда стимулировала актуализацию аграрно-экологических девиаций в регионе-доноре, потянув за собой процессы формирования кризисного сознания в наиболее мобильном с миграционной точки зрения слое земледельцев, а также структурирования моделей адаптивного поведения в условиях риска.

Проблемы крестьянского землепользования и организации крестьянского хозяйства в Западной Сибири с учетом значимой роли природно-географического фактора продуктивно решены в монографии и статьях М.В.Дорофеева⁶³. Автору удалось убедительно показать, что процесс адаптации переселенцев в условиях Зауралья являл собой сложную ткань взаимодействия и взаимопроникновения различных составляющих — природно-географических, политико-правовых, социальных, складывающихся в единую систему.

В середине XIX в. происходит знаковый прорыв в развитии антропологии, приобретающей в этот период абрис самостоятельной сферы научного познания. В программу работ основанного А.П.Богдановым в 1864 г. Антропологического отдела в составе ОЛЕА и российской школы физической антропологи были включены антропологические, этнографические и археологические исследования, отражающие воззрения эпохи на антропологию как комплексную науку о физическом типе человека и его культуре. Этот комплексный подход, призванный объединить и систематизировать исследования в области антропологии, географии, этнографии и истории, впервые в России был реализован направлением, начало которому было положено работами и организаторской деятельностью Д.Н.Анучина. В период с 1874 по 1899 гг. Д.Н.Анучин публикует серию фундаментальных трудов, имеющих с методологической точки зрения междисциплинарный характер, поскольку в основании теоретического подхода исследователя лежала идея о неразрывной связи таких наук как антропология, этнография и археология⁶⁴.

В поле зрения ученого оказались вопросы, определившие основные тенденции в становлении культурно-антропологического направления научной мысли, в том числе и в контексте сложного и многоаспектного процесса колониационного освоения окраин империи. К числу таковых относились проблемы географического

распределения роста мужского населения России, а также сибирской этнографии, в частности, условий и факторов становления русско-сибирской народности⁶⁵.

Монография Д.Н.Анучина о географическом распределении роста мужского населения России основывалась на данных всеобщей воинской повинности за 1874—1883 гг. и ставила целью установление центров высокорослости и низкорослости в границах Восточной Европы. Д.Н.Анучину, изучавшему проблему пригодности призывного элемента на воинскую службу, удалось установить процент непринятых в войска по недостатку роста в различных местностях России. По его заключению, более 2,0% молодых людей, забракованных воинскими присутствиями, являлись выходцами из Архангельской, Ковенской, Минской, Самарской, Вятской губерний, от 1,0 до 2,0% негодных представляли черноземную полосу — Воронежскую, Орловскую, Курскую губернии⁶⁶. Данный труд не только способствовал введению в научный оборот новых сведений статистического и медико-антропологического характера, но и стимулировал активную практическую деятельность по вовлечению представителей земской, государственной, военно-медицинской интеллигенции в обсуждение вопроса о физических потенциях крестьянского населения страны. Свообразным рупором данной проблематики стали во второй половине XIX — начале XX вв. «толстые» журналы медико-санитарного профиля, такие как «Архив судебной медицины и общественной гигиены» (позднее «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины»), «Медицинское обозрение», «Медицинская беседа», «Журнал русского общества охранения народного здравия», «Военно-медицинский журнал», на страницах которых в различные годы печатались такие выдающиеся в своей области специалисты-медики, как М.М.Белоглазов, А.И.Шингарев, С.А.Дедюлин, В.М.Никольский и др.⁶⁷. Тематика публикаций в журналах отличалась как разнообразием, так и отчетливой медико-социальной направленностью. Круг вопросов, обсуждаемых на страницах медицинской печати, затрагивал проблемы народной гигиены, судебной, практической, земской и сельской медицины.

Благодаря изысканиям названных исследователей широкий общественный резонанс приобрела тема крестьянских переселений

и социально-психологических характеристик русского человека в миграционном процессе. Симптоматично, что среагировавшие на успехи естествознания представители российского федерализма и сибирского регионализма (областничества) в своих выводах первоначально отталкивались от антропологических черт участников колонизации (инородцев, старожилов, переселенцев), постепенно переходя к оценкам социально-психологического облика и форм организации хозяйственной деятельности.

Усилиями А.П.Щапова, Г.Н.Потанина, Н.М.Ядринцева⁶⁸ было сформулировано положение о складывании в специфических естественно-географических, исторических и бытовых условиях Сибири новой разновидности русского народа — «европейско-сибирского или великорусского инородческого типа». В оценке физиологического, умственного и нравственного облика русских сибиряков между упомянутыми авторами и их последователями имелись серьезные разногласия. А.П.Щапов и его сторонники (Н.М.Астырев, Н.П.Григоровский, Н.А.Костров и др.)⁶⁹, выделяя старожильческое население в «особую русско-сибирскую народность», говорили о преобладании в сибирском населении личных, семейно-родовых начал над общественными. По убеждению данных авторов, сибиряки были начисто лишены культурных потребностей и «высших человеческих чувств», что свидетельствовало о генетическом и социокультурном отрыве их от метрополии, вплоть до утраты принесенных предками с родины культурных традиций и ценностей.

Н.М.Ядринцев и Г.Н.Потанин вывели идеализированный тип крестьянина-старожила, выгодно отличавшегося своими качествами от русского крестьянина большей предприимчивостью, энергичностью, развитостью в умственном и нравственном отношении.

Несмотря на то, что в последующих исследованиях положение о сибиряке как едином, «особом типе» поддержки не нашло, а в работах Д.А.Клеменца, А.А.Макаренко⁷⁰ и др. подверглось жесткой критике, подавляющее большинство авторов второй половины XIX — начала XX вв., в круг интересов которых входило изучение переселенческого движения, приняли как естественный факт наличие у русских сибиряков специфического самосознания, что не могло не оказывать влияния на протекание процесса

адаптации мигрантов в регионе водворения. В работах А.Н.Пыпина впервые было введено в научный оборот понятие «сибирский характер», получившее дальнейшее обоснование в монографии П.М.Головачева⁷¹, полагавшего, что черты сибирского характера формировались при непосредственном воздействии географических, социально-психологических и исторических обстоятельств.

К концу первой четверти XX в. культурно-антропологическое направление исследования аграрного вопроса в России прекратило свое существование по политическим и идеологическим мотивам. Однако традиция рефлексии аграрной проблемы, с учетом факторов географического, антропологического и медицинского порядка, формировавшаяся в течение второй половины XIX — начала XX вв., оказалась устойчивой, что в дальнейшем расчистило почву для аккомодации к исследованиям аграрного вопроса и переселений новых методологий и подходов. Объективным толчком к переоценке ценностей в методологической сфере исторической науки и области интерпретации фактического материала по истории крестьянства явилось становление и развитие «рефлексивного крестьяноведения» (Т.Шанин), положившего начало крестьяноведческим исследованиям в России. В монографиях, статьях и комментариях к ним в рамках данного научно-исторического направления излагались основные положения крестьяноведческого дискурса, центральное место среди которых занимали понятия «моральная экономика», «экономика и этика выживания», «социальная память крестьянства», недвусмысленно указывающие на антропологический характер крестьяноведения как исследовательской дисциплины⁷².

Знаковое влияние на процесс антропологизации подходов к осмыслению истории, в том числе и аграрной, оказало широко обсуждаемое в научно-исторических кругах понятие менталитета, введенное в научный оборот еще в 1930-е гг. представителями школы «Анналов», ставивших во главу угла не традиционные для исторической науки вопросы истории государства и права, а проблемы обыденного мышления, развития идей и способов поведения в контексте «времени большой протяженности» и массовости. Междисциплинарный подход, активированный представителями уже первых поколений школы, конституировавший возможность и правомерность привлечения историками в исследование

методов других наук: антропологии, географии, социальной психологии, стимулировал расширение спектра вопросов, связанных с историей и, прежде всего, содержательными моментами переселенческого движения, что не только существенно продлило жизнь данному научному направлению, но и вывело его на новый качественный уровень.

В середине 1990-х гг. в России вышел ряд научных монографий, в которых авторы, используя новые методы исследования, пришли к неожиданным и оригинальным теоретическим выводам.

В этой связи необходимо отметить монографию О.Г.Буховца⁷³, посвященную изучению системообразующих элементов крестьянского менталитета и социальных конфликтов в России начала XX в., работу О.Н.Поршневой⁷⁴, сосредоточившей внимание на исследованиях в области массового сознания, менталитета и социального поведения крестьян, рабочих и солдат в годы Первой мировой войны.

Появление обобщающих монографий по означенной проблематике стало возможным во многом благодаря методичной исследовательской работе предшествующих поколений историков, деятельность которых пришлась на переходное время 80-х — начала 90-х гг. XX столетия, когда экономический детерминизм в исторической науке постепенно сменялся методологическим хаосом и неопределенностью. В этот период в работах М.М.Громыко⁷⁵ изучались крестьянские представления о труде и собственности, трудовые традиции, общественное мнение и настроения, календарные обряды. В русле данного направления проводили исследования общинного быта земледельцев, обрядовой культуры, производственных традиций, развития элементов крестьянского самоуправления, физического и социального воспроизводства Н.А.Миненко, Т.С.Мамсик, А.Ю.Майничева, Е.Ф.Фурсова⁷⁶ и другие авторы.

Необходимо обратить внимание на факт постепенного освобождения историографии переселенческой проблемы от абсолютного доминирования тенденции, столь присущей «региональной истории», в параметрах которой регион рассматривался как самостоятельное целое при сведении к минимуму содержания его взаимодействия с центром. Ряду исследователей, пишущих в рамках направления «новая история империи», удалось в какой-то

степени «примирить» имперский и региональный нарративы, выделив в качестве первоочередной задачу изучения сложной ткани взаимодействия имперских властей и местных сообществ (А.В.Ремнев, М.В.Шиловский)⁷⁷. В результате, в предметное поле исследователей Сибири, работавших ранее в узком русле переселенческой проблематики, попали темы характеристики образов Сибири, их эволюции в общественном мнении и массовом (коллективном) сознании россиян в продолжительных хронологических параметрах колонизации восточных окраин страны (конец XVI — начало XX вв.), что потребовало обнаружения и детального анализа факторов влияния на процессы формирования сибирской региональной идентичности (Д.Н.Замятин, А.Н.Замятин, Н.Н.Родигина, В.П.Зиновьев и др.)⁷⁸.

В заданных масштабах сегодня осуществляются исследования массовых трансрегиональных миграций из губерний Европейской России (регион-донор) в земельные местности Сибири (регион-реципиент), с учетом стадийных особенностей переселенческого процесса, сочетания природно-географических, экономических, социально-психологических условий регионов выхода и водворения. В рамках предлагаемой модели миграционная активность крестьянства рассматривается с точки зрения совокупности влияния факторов природно-географического, экономического, социокультурного и социально-психологического характера, реализуемых в границах единого колонизационного пространства.

Решающее значение придается характеристике социально-психологического облика крестьянства (старожилов и переселенцев), природным и социально-психологическим аспектам адаптации мигрантов в Сибири, этническим, геодемографическим и гендерным аспектам переселенческого движения (В.Н.Разгон, А.А.Храмков, К.А.Пожарская, М.К.Чуркин, И.И.Кротт, М.А.Нагорная и др.)⁷⁹. В новом ключе осваивается и тема организации крестьянского хозяйства в Сибири посредством определения базовых элементов его внутреннего строя; условий, форм и тенденций модернизации, системных связей между природно-географическими, экономическими и политико-правовыми «агентами» крестьянского землеустройства и землепользования в колонизируемом регионе (П.Ф.Никулин, М.В.Дорофеев и др.)⁸⁰.

Таким образом, в означенных хронологических параметрах исследования проблемы переселенческого движения в Сибирь во второй половине XIX — начале XX вв. отечественная историография проделала сложный путь от оценки преимущественно количественных (экономических) аспектов крестьянской миграции к выявлению культурно-антропологических факторов и характера их действия в колонизационном процессе. Деидеологизация исторического знания рубежа XX—XXI столетий вкупе с накопленным в рамках историографической традиции опытом открыли уникальные возможности для привлечения новых подходов и методологий к научному осмыслению переселенческого движения.

Примечания

¹ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905; Воронцов В.П. Очерки крестьянского хозяйства. СПб., 1911; Вошинин В.П. На сибирском просторе. Картины переселений. СПб., 1912; Ямзин И.А. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев, 1912.

² Воскресенский А.Е. Общинное землевладение и крестьянское малоземелье. СПб., 1903; Бар Ф. Коренное преобразование крестьянского хозяйства и общинного землевладения. М., 1903; Ермолов А.С. Наш земельный вопрос. СПб., 1906.

³ Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX вв.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003.

⁴ Гурвич И.А. Переселения крестьян в Сибирь. СПб., 1888. С. 56—69.

⁵ Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб., 1891. С.6.

⁶ Серповский Н. Переселения в России в древнейшее и новое время. Ярославль, 1885; Швецов С.П. В степях и предгорьях Алтая // Вестник Европы. 1895. № 5.

⁷ Ленский Б. Крестьянские переселения // Дело. 1881. № 12. С. 42, 52; Португалов В. Двести лет спустя // Там же. № 8. С. 318; Языков Н. Еще о просветительской неумелости // Там же. С. 20—21.

⁸ Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989; Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989; Челинцев А.Н. Динамика крестьянского хозяйства. М., 1928.

⁹ Дубровский С.М. Столыпинская реформа. М., 1930; Черменский П.Н. От крепостного права к Октябрю в Тамбовской губернии. Тамбов, 1928.

¹⁰ См., например: Курцев А.Н. Миграция Центрально-Черноземного крестьянства в капиталистической России (по материалам Курской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1982; Складов Л.Г. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962; Соловьева Е.И. Переселение крестьян в Томскую губернию в период столыпинской аграрной реформы:

Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1956; Степынин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962; Минжуренко А.В. Переселенческая деревня Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1977.

¹¹ Симонова М.С. Столыпинская аграрная реформа в ЦЧР (Воронежская, Курская, Орловская, Тамбовская губернии): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1953; Рындзюнский П.Г. Вымирало ли крепостное крестьянство перед реформой 1861 года? // Вопросы истории. 1967. № 7. С. 54—70; Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.А., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России во второй половине XIX века. М., 1974; Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX века. М., 1974; Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России (1881—1904 гг.). М., 1984.

¹² Тюкавкин В.Г. Переселение крестьян в Восточную Сибирь в период столыпинской аграрной реформы: Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1958; Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917). Новосибирск, 1976.

¹³ Богданов Г.М. Проведение реформы 1861 года в Курской губернии // В помощь учителю: Сб. методических разработок по краеведению. Курск, 1959; Лилеев В. Реформа 1861 года в Курской губернии // Прошлое Курской области. Курск, 1940; Максимова К.Ф. Крестьянская реформа 1861 года в Тамбовской губернии: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1951; Птушкин Г.М. Надельное землевладение крестьян Тамбовской губернии в 60-х гг. XIX века // Тр. Воронежского ун-та. 1958. Т. 38. С. 142—164; Шевченко М.М. Помещичьи крестьяне Воронежской губернии накануне и в период падения крепостного права: Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1956.

¹⁴ Брусникин Е.М. Переселенческая политика царизма в конце XIX века // Вопросы истории. 1965. № 1. С. 28—38; Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX — начала XX вв. Новосибирск, 1975; Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747—1917 гг.). Новосибирск, 1973.

¹⁵ Тихонов Б.В. Переселенческая политика царского правительства в 1892—1897 гг. // История СССР. 1977. № 1. С. 109—121.

¹⁶ Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI — начало XX вв.). Новосибирск, 1984; Худяков В.Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986; Степанов В.Л. Н.Х. Бунге и вопросы переселенческой политики в 80—90-е гг. XIX века // Политика царизма в Сибири в XIX — начале XX вв. Иркутск, 1987. С. 36—45; Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991.

¹⁷ Гершенкрон А. Экономическая отсталость в экономической перспективе // Истоки. Вып. 5. Экономика в контексте истории и культуры / Под ред. Я.И.Кузьмина. М., 2004. С. 420—448.

¹⁸ Шанин Т. Понятие крестьянства // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992.

¹⁹ Goldsmith R. The Economic Growth of Tsarist Russia // Economic Development and Cultural Change. Vol. 9. 3 April 1961. P. 441—475; Wheatcroft St. Crisis

and the Conditions of the Peasantry in Late Imperial Russia // Kingston-Mann E., Mixer T. Op. cit. P. 128; Грегори П. Указ. соч.

²⁰ Косов Р.В. Крестьянская земельная собственность Тамбовской губернии в структуре частного землевладения (1861—1906): Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2000; Силин А.В. Крестьянская община Воронежской губернии в 1861—1904 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1998.

²¹ Шукаева Е.С. Крестьянское хозяйство Воронежской и Курской губерний в начале XX века: Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2004.

²² Плаксин В.Н. История становления и развития сельскохозяйственного образования и научной агрономии в Черноземном Центре России (XVIII — начале XX вв.): Дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2002; Манохина И.Н. Деятельность земств Центрально-Черноземной России по развитию низшего сельскохозяйственного образования в конце XIX — начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2004.

²³ Быканов А.Н. Воспроизводство сельского населения Курской губернии в конце XVIII — начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2001.

²⁴ Есиков С.А. Крестьянство Тамбовской губернии в начале XX века (1900—1921 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. Тамбов, 1998. С. 82.

²⁵ Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община. Рубеж XIX—XX вв. — 1917 г.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. С. 30.

²⁶ Там же. С. 31.

²⁷ Шадурский В.И. Народный опыт земледелия Зауралья в XVII — начале XX вв. Свердловск, 1991; Зверев В.А. Дети — отцам замена. Воспроизводство сельского населения Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. Новосибирск, 1993; Виле П.П. Крестьянская колонизация Тобольской губернии в эпоху капитализма: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1989; Чуркин К.А. Природа и крестьянство Сибири. Омск, 1995; Горьковская З.П., Катюнов О.Н. Пища русских крестьян Сибири в повседневной жизни (период капитализма) // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1992. С. 55—67.

²⁸ Сагайдачный А.Н. Демографические процессы в Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв.: Дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000.

²⁹ Балюк Н.А. Крестьянское хозяйство Зауралья в конце XVI — начале XX вв.: Дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2003.

³⁰ Храмов А.А. Сравнительно-исторический очерк о переселенческих селах Алтайской губернии (по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Алтайская деревня во второй половине XIX — начале XX вв. Сб. науч. ст. Вып. 2. Барнаул, 2004. С. 12—34; Белянин Д.Н. Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906—1914). Кемерово, 2003; Дорофеев М.В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX века. Томск, 2009; Никулин П.Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX века. Томск, 2009.

³¹ Веселовский К.С. О климате России. СПб., 1857; Воейков А.И. Климаты Земного шара, в особенности России // Воейков А.И. Избр. соч. М.; Л., 1948; Докучаев В.В. Русский чернозем. М., 1952.

³² Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч. в 18 кн. Т. 1—2. М., 1988; Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. в 9 т. Ч. 1. М., 1993; Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М., 1993. Т. 1.

³³ См., например: Долженков В.И. Санитарное состояние Курской губернии. Курск, 1895; Каминский А.А. Климат и погода в равнинной местности. Л., 1925; Клинген Г.Ф. Снежный покров в Воронежской губернии // Метеорологический вестник. 1893. № 3; Морозов Г.Ф. Снежный покров в лесу и в степи в связи с влажностью почвы. СПб., 1905.

³⁴ Цит. по: Воскресенский А.Е. Указ. соч. С. 64.

³⁵ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, 2003.

³⁶ Там же. С. 163—197.

³⁷ См., например: Сапожников В.В. Географический очерк Сибири // Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908; Брейтгам П.М. Материалы для климатологии Западной Сибири и Степного края // Записки ЗСОИРГО. Кн. XXVI. Омск, 1899; Горшенин К.П. Почвы черноземной полосы Западной Сибири. Омск, 1927; Костров Н.А. О путях сообщения между южными частями Томской и Енисейской губерний // Томские губернские ведомости. 1873; Соболев М.Н. Пути сообщения в Сибирь // Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908.

³⁸ Цит. по: Ядринцев Н.М. Указ. соч. С. 93—94.

³⁹ Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951.

⁴⁰ Соловьева Е.И. Переселение крестьян в Сибирь в конце XIX — начале XX вв. // Из истории Западной Сибири. Вып. 1. Кемерово, 1966. С. 138—167.

⁴¹ Верещагин П.Д. К вопросу о роли природно-географических и социальных факторов при выборе крестьянами-переселенцами мест водворения за Уралом в период капитализма (80-е гг. XIX века) // Проблемы исторической географии России. Вып. 1. М., 1982. С. 188—198; Минжуренко А.В. Влияние природно-географического фактора на устройство переселенцев в Сибири (конец XIX — начало XX вв) // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. С. 30—36; Зверев В.А. Природные факторы воспроизводства сельского населения Сибири во 2-й пол. XIX — нач. XX вв. // Влияние переселения на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1991. С. 63—80.

⁴² Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998; Он же. Природно-климатический фактор и менталитет российского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX — XX вв.). М., 1996.

⁴³ Он же. Природно-климатический фактор и менталитет российского крестьянства... С. 40—56.

⁴⁴ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 56—73; Ключевский В.О. Указ. соч. С. 78—90.

⁴⁵ Милов Л.В. Великорусский пахарь... С. 5.

⁴⁶ Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995; Воейков А.И. Указ. соч.; Шапов А.П. Историко-географические и этнографические заметки о сибирском населении // Известия ЗСОИРГО. 1884; Цветков М.А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия до 1914 года. М., 1957; Бучинский И.Е. О климате прошлого русской равнины. Л., 1958; Дулов А.В. Географическая среда и история России (конец XV — середина XIX вв.). М., 1983.

⁴⁷ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.): В 2 т. СПб., 2000.

- ⁴⁸ Там же. С. 56.
- ⁴⁹ Там же. С. 57.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Есиков С.А. Указ. соч.; Вронский О.Г. Указ. соч.
- ⁵² Шадурский В.И. Указ. соч.
- ⁵³ Там же. С. 42—43, 197.
- ⁵⁴ Вибе П.П. Указ. соч.
- ⁵⁵ Зверев В.А. Природные факторы воспроизводства сельского населения Сибири во 2-й пол. XIX — нач. XX вв. ... С. 63—81; Он же. Современный этап изучения социально-демографического развития Сибири в исследовательском и образовательном пространстве. Новосибирск, 2004. С. 61—65.
- ⁵⁶ Чуркин К.А. Указ. соч.
- ⁵⁷ Чуркин М.К. Переселения крестьян Черноземного Центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX — начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск, 2006.
- ⁵⁸ Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки XVII—XVIII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1992; Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVIII — начала XX вв. М., 1993; Русские в Омском Прииртышье (XVIII—XX века): Историко-этнографические очерки / Отв. ред. М.Л.Бережнова. Омск, 2002; Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск, 1995; Жигунова М.А. Изменения в питании русских сибиряков в XX в. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2004. Ч. 2. С. 47—51; Золотова Т.Н. Календарные праздники русских Тоболо-Иртышского региона в конце XIX — начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1997.
- ⁵⁹ Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. М., 2001. С. 3, 41.
- ⁶⁰ Андюсов Б.Е. Традиционное сознание крестьян-старожиллов Приенисейского края 60-х гг. XVIII — 90-х гг. XIX вв. Опыт реконструкции. Красноярск, 2004.
- ⁶¹ Там же. С. 66.
- ⁶² Чуркин М.К. Переселения крестьян Черноземного Центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX — начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации: Дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2007.
- ⁶³ Дорофеев М.В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири...; Он же. Переселения крестьян в Западную Сибирь и земельные отношения (вторая половина XIX в.) // Вопросы истории Сибири: Сб. науч. ст. Вып. 5. / Отв. ред. М.К.Чуркин. Омск, 2012. С. 68—71.
- ⁶⁴ См., например: Анучин Д.Н. Антропология и этнография // Русская мысль. 1884. Декабрь; Он же. Изучение психофизических типов // Вестник Европы. 1890. № 3.
- ⁶⁵ Он же. О географическом распределении роста мужского населения России. СПб., 1889; Великорусы. Энциклоп. словарь Брокгауза и Ефрона. X. 1892. С. 828—843.
- ⁶⁶ Анучин Д.Н. О распределении роста мужского населения... С. 99—100.

⁶⁷ Белоглазов М.М. Вырождение населения Тамбовской губернии // Вестник общественной гигиены. 1905. Октябрь; Шингарев А.И. Заболеваемость населения Воронежской губернии (1888—1902). Воронеж, 1906; Дедулин С.А. К вопросу о причинах физического вырождения русского народа (Составлено по отчетам государственного контроля в диаграммах и таблицах). СПб., 1900; Никольский В.М. Тамбовский уезд. Статистика населения и болезненности. Тамбов, 1885.

⁶⁸ Щапов А.П. Указ. соч.; Потанин Г.Н. Климат и люди Сибири // Томские губернские ведомости. 1869. № 83; Ядринцев Н.М. Указ соч.

⁶⁹ См. об этом: Астырев Н.М. На таежных проталинах. Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891; Григоровский Н.П. Очерки Нарымского края // Известия ЗСОИРГО. 1184. Т. 1; Костров Н.А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876.

⁷⁰ Клеменц Д.А., Макаренко А.А. Новый сборник статей о Сибири // Сибирские вопросы. 1908. № 32—34; Клеменц Д.А. Население Сибири // Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды...

⁷¹ Пыпин А.Н. История русской этнографии. СПб., 1892. Т. 4; Он же. Русская народность в Сибири // Вестник Европы. СПб., 1892. № 1; Головачев П.Н. Сибирь. Природа, люди, жизнь. М., 1905.

⁷² Шанин Т. Рефлективное крестьяноведение и русское село // Рефлективное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т.Шанина, А.Никулина, В.Данилова. М., 2002.

⁷³ Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность. М., 1996.

⁷⁴ Поршнева О.Н. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы первой мировой войны. М., 2004.

⁷⁵ Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991; Она же. Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века. М., 1986.

⁷⁶ Миненко Н.А. Русская крестьянская община Западной Сибири в XVII — первой половине XIX вв. Новосибирск, 1991; Мамсик Т.С. Сельская непосредственная среда обитания сибиряков XVIII—XIX вв.: бюрократия и народная культура. Новосибирск, 1997; Майничева А.Ю. Переселения из Белоруссии в Приобье в середине XIX — начале XX вв. // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области: Сб. науч. тр. Новосибирск. 1997. С. 170—174; Фурсова Е.Ф. Историческая память и национальный менталитет старожилов и переселенцев Приобья // Русский вопрос: история и современность. Омск, 1994. С. 18—22.

⁷⁷ См., например: Ремнев А.В. Имперская история России: азиатский вектор. Проблемы исследования и преподавания // Изв. Иркутского гос. ун-та. Серия «История». Иркутск, 2009. С. 272—296; Шиловский М.В. К вопросу о колониальном положении Сибири в составе русского государства // Европейские исследования в Сибири. Материалы Всероссийской научной конф. «Американский и сибирский фронт». Томск, 2001. Вып. 3. С. 6—17.

⁷⁸ Замятин Д.Н., Замятин А.Н. Империя пространства: Хрестоматия по геополитике и геокультуре России. М., 2003; Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культуре // Общественные науки и современность. М., 1998. № 5. С. 75—88; Родигина Н.Н. «Земля обетованная»

или «каторжный край»: Сибирь в восприятии крестьян Европейской России второй половины XIX века // *Моя Сибирь. Вопросы региональной истории и исторического образования*. Новосибирск, 2002. С. 24—34; Она же. «Другая Россия». Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX в. Новосибирск, 2006; Зиновьев В.П. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // *Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII—XX вв.* Сб. материалов Всероссийской конференции. Новосибирск, 2003. С. 185—193.

⁷⁹ Разгон В.Н., Храмов А.А., Пожарская К.А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул, 2010; Чуркин М.К. Обратные миграции: опыт системного анализа причин дезадаптации переселенцев в Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. // *Сибирское общество в условиях трансформаций конца XIX — начала XX вв.: идентичность и стратегии поведения: Коллективная моногр.* / Под ред. Т.А.Сабуровой. Омск, 2009. С. 71—113; Нагорная М.А. Социальные роли и функции женщин в крестьянской переселенческой семье в России (последняя четверть XIX — начало XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2011.

⁸⁰ Никулин П.Ф. Указ. соч.; Дорофеев М.В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири...

Глава 4

В.Е.ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО О РОЛИ СИБИРИ В РАЗВИТИИ УРАЛЬСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Владимир Ефимович Грум-Гржимайло (1864—1928) — известный российский металлург, член-корреспондент АН СССР (1927 г.) — долгое время жил и работал на Урале и в Сибири. В 1895 г. после окончания Петербургского горного института он впервые приехал на Урал, где до 1907 г. работал на разных инженерных и административных должностях в Нижне-Тагильском и Алапаевском горных округах. С 1907 по 1918 гг. он преподавал в Петербургском политехническом институте¹.

Революционные события октября 1917 г. в Петрограде вынудили В.Е.Грум-Гржимайло вновь вернуться на Урал. В 1918 г. он стал работать инженером на Надеждинском металлургическом заводе². Гражданская война забросила В.Е.Грум-Гржимайло на некоторое время в Сибирь, где он в 1919—1920 гг. читал лекции в Томском технологическом институте³. В письме к члену ВСНХ М.А.Савельеву в феврале 1920 г. ученый писал, что в Сибирь он был эвакуирован вместе с персоналом и оборудованием Надеждинского завода при отступлении белых войск с Урала летом 1919 г.⁴ Связи с Томском у него сохранились до конца жизни.

С 1920 по 1924 гг. В.Е.Грум-Гржимайло преподавал в г. Екатеринбурге. Изучая многочисленную биографическую литературу об ученом, неискушенный читатель может прийти в недоумение. По данным Г.Н.Шапошникова, в эти годы ученый работал профессором Уральского горного института⁵. Составители биографического справочника профессоров Уральского государственного университета им. А.М.Горького отмечают, что В.Е.Грум-Гржимайло в 1920—1924 гг. работал профессором Уральского университета⁶, а их коллеги из Уральского политехнического института (УГТУ — УПИ) числят ученого в своем составе⁷. Между тем никакого противоречия здесь нет. Дело заключается в том, что В.Е.Грум-Гржимайло до создания Уральского университета 19 октября 1920 г. на основании декрета работал профессором Уральского горного института. В декрете СНК РСФСР «Об учреждении

Уральского государственного университета», подписанном В.И. Лениным, говорилось: «В состав Уральского государственного университета входят: Горный, Политехнический, Медицинский, Сельскохозяйственный, Педагогический Институты, Институт общественных Наук и Рабочий Факультет»⁸. В.Е.Грум-Гржимайло, став профессором Уральского университета, читал лекции в политехническом институте университета.

В письме профессору Томского технологического института Г.Г.Поварнину от 17 июля 1920 г. ученый весьма критически отозвался об уровне развития высшего образования на Урале. Он писал, что по сравнению с Томском «Горный институт здесь (в Екатеринбурге. — *В.К.*) есть пустое место, это игрушка в руках детей-малолеток»⁹.

Вся научная и педагогическая деятельность В.Е.Грум-Гржимайло была посвящена металлургической промышленности. Он хорошо знал особенности развития российской и зарубежной металлургии, но его главное внимание как ученого было посвящено судьбе уральской железоделательной промышленности. В 1920 г. В.Е.Грум-Гржимайло возглавил Уральское отделение научно-технического отдела ВСНХ, которое стало центром научного изучения перспектив развития уральской промышленности.

В 1924 г. ученый переехал на работу в Москву. Работая профессором Московской горной академии, В.Е.Грум-Гржимайло организовал хозрасчетное Бюро металлургических и теплотехнических конструкций при Научно-техническом отделе ВСНХ СССР (впоследствии — институт Стальпроект)¹⁰. С 1924 по 1928 гг. он часто посещал Урал, привлекая научно-технические силы региона к решению важнейших народнохозяйственных задач.

Творческое наследие выдающегося российского металлурга обширно. За 30 лет его активной научной деятельности (с 1898 по 1928 гг.) им была опубликована 141 работа¹¹.

После кончины В.Е.Грум-Гржимайло отношение к ученому и его наследию сложилось неоднозначное. Недоброжелатели припоминали ему не только дореволюционное происхождение («буржуазный специалист»), но и следующие вехи его биографии: работа в Томске в 1919 г., находящемся под властью белых; его правозащитная деятельность в отношении технической интеллигенции Сибири¹²; яркое выступление ученого в 1924 г. на суде в защиту

заведующего геологоразведочной частью треста «Уралплатина», президента Уральского общества любителей естествознания, одного из ведущих профессоров Уральского университета М.О.Клера, обвиняемого в шпионаже¹³; обоснования необходимости развития промышленности в годы нэпа на капиталистических началах¹⁴; его демонстративную отставку с поста председателя научно-технического совета ВСНХ СССР в июне 1928 г. в связи с начавшимся Шахтинским процессом¹⁵ и др. В связи с этим становятся понятными слова В.М.Молотова о В.Е.Грум-Гржимайло как откровенном контрреволюционере, о кончине которого не стоит жалеть¹⁶.

С другой стороны, научная общественность страны старалась сохранить память о В.Е.Грум-Гржимайло. В 1949 г. в связи с 85-летием со дня рождения ученого увидело свет собрание его трудов¹⁷. Автор предисловия к этой работе вице-президент Академии наук СССР, заместитель министра черной металлургии СССР академик И.П.Бардин отметил, что «В.Е.Грум-Гржимайло является крупнейшей величиной в области металлургии». В 1951 г. была опубликована первая работа о жизни и творчестве ученого-металлурга¹⁸.

С тех пор вышло немало работ о Викторе Ефимовиче. Следует отметить, что вплоть до настоящего времени дискурс по поводу его творческого наследия ведется в границах от правозащитника советской эпохи до откровенного контрреволюционера.

Для раскрытия позиции ученого по отношению к Сибири важное значение имеют источники личного происхождения, в частности, его эпистолярное наследие. Большую роль в выявлении и введении в научный оборот этого наследия сыграл профессор Уральского государственного университета им. А.М.Горького М.Е.Главацкий. Первые письма В.Е.Грум-Гржимайло были опубликованы им в связи со 130-летием со дня рождения ученого¹⁹. В дальнейшем М.Е.Главацкий издал большую часть эпистолярного и выявленного им неопубликованного научного наследия В.Е.Грум-Гржимайло²⁰.

Виктор Ефимович был ярким поборником идеи строительства Урало-Кузнецкого комбината и, работая в Томске Екатеринбурге, принимал активное участие в разработке его первых проектов.

Переехав из Томска в Екатеринбург в 1920 г., В.Е.Грум-Гржимайло привлек внимание технической общественности Урала к

разработанному осенью 1919 г. им в соавторстве с другими сибирскими инженерами «Северному проекту». Суть его состояла в комплексном развитии сельского хозяйства Южной Сибири, освоении лесных богатств севера Европейской России, Северного Урала и севера Западной Сибири путем постройки с помощью привлечения иностранных капиталов Северной Сибирской железной дороги, которая позволила бы провести колонизацию этих районов и создать мощную лесную и химическую промышленность.

Современные сибирские ученые В.А.Ламин, В.Ю.Пленкин, В.Я.Ткаченко истоки идеи о строительстве Северной Сибирской железной дороги относят к периоду Первой мировой войны, которая выявила то, что «паровозопропускные мощности Транссиба оказались недостаточными для переработки дополнительного угольного грузопредъявления». Они отмечают, что в 1918—1921 гг. В.Е.Грум-Гржимайло «возглавлял деятельность по разработке водного транзита угольного грузопотока из Кузбасса на Урал и железной руды в обратном направлении»²¹.

Между тем, изучение эпистолярного наследия ученого позволяет увидеть, что он имел непосредственное отношение к проекту Северной Сибирской железной дороги. Свидетельством его причастности к разработке «Северного проекта» является переписка с М.А.Савельевым. Ученый писал, что, проехав от Надеждинска до Томска 3 тыс. верст по территории Сибири, он заметил, что «государство площадью с Германию, лежащее в хлебородной полосе, покрыто океаном леса и безлюдно». Ученый обосновал план освоения этой территории: «Мы пробиваем просеку железной дороги и сейчас же нарезаем участки для переселенцев». Железную дорогу он предлагал проложить от Томска, через Тобольск, Туринск, Верхотурье, Чердынь и Котлас на соединение с Мурманской железной дорогой. В.Е.Грум-Гржимайло рекомендовал ВСНХ в этом деле наладить производственную кооперацию Сибири и Урала. Он предложил вырубленный при строительстве дороги лес использовать таким образом: «Строевой лес сдается на построенные на рельсах лесопильные заводы; дровяной лес — на углевыжигательные заведения; продукты сухой перегонки — на химические заводы». По его подсчетам, «Урал получает ежегодно 112 миллионов пудов древесного угля и доводит выплавку чугуна до 160 миллионов пудов при цене чугуна 45—50 копеек»²².

Суть «Северного проекта» получила различную оценку в исторической литературе. Ряд авторов отмечает положительное значение проекта. В.С.Голубцов писал: «Некоторые авторы (Федорович и др.) считали, что Северный проект совершенно отрицает необходимость развития коксовой плавки чугуна на Урале. На самом деле Северный проект предполагает это нововведение на Урале, но не за счет кокса Кузнецкого бассейна, а путем использования углей Южного Урала (Берчогур) или в крайнем случае углей Кузбасса»²³. Д.В.Гаврилов полагает, что Северная Сибирская железная дорога «рассекла бы лесные таежные северные районы, снабдила уральскую металлургическую промышленность в достаточном количестве древесным углем, обеспечила массовый вывоз леса за границу, на внешний рынок»²⁴.

Другие ученые критиковали «Северный проект». П.Г.Матушкин отмечал, что «проект в своей основе был не жизнеспособным, ибо ориентировался на привлечение иностранного капитала. По своему содержанию он был консервативен, так как не предусматривал коренной перестройки уральской металлургической промышленности. В нем отстаивалась мысль о превращении Урала в мировой центр высококачественного древесноугольного железа и планировалось лишь расширение древесноугольной металлургии на старой технической базе. Авторы проекта, будучи принципиальными противниками комплексного использования природных богатств Урала и Сибири, отвергали возможность использования каменных углей Кузбасса для уральских нужд»²⁵.

Работая в Томске, В.Е.Грум-Гржимайло имел возможность познакомиться с Урало-Кузнецким проектом, составленным группой томских ученых (Усов, Федорович и др.) во главе с профессором Н.В.Гутовским в течение 1918—1920 гг. Л.К.Казанцева указывает, что в разработке проекта принимали участие «более 40 инженеров, знатоков Урала и Сибири»²⁶.

В проекте предусматривалось развитие промышленности и, в частности, металлургии, не только на Урале, но и в Сибири на основе использования природных богатств этих регионов. Проект предполагал строительство трех новых металлургических заводов на Урале (у горы Магнитной, в р-нах Алапаевска и Бакала). Производство чугуна на этих заводах планировалось на кузнецком минеральном топливе, доставляемом на Урал в виде кокса. Намечалось

также перевести ряд старых заводов Урала на коксовую плавку. Четвертый металлургический завод планировалось построить в Кузбассе. На всех четырех заводах предусматривалось производить до 200 млн пудов чугуна в год²⁷.

Урало-Кузнецкий проект получил наиболее высокую оценку в исторической литературе, как советской, так и современной. Исследователи считают данный проект наиболее «прогрессивным» из всех проектов создания Урало-Кузбасса²⁸. П.Г.Матушкин отмечал, что достоинство проекта Н.В.Гутовского заключалось в том, что все три новых уральских завода должны были работать на кузнечном коксе²⁹. А.В.Бакунин писал, что Урало-Кузнецкий проект состоял из трех частей — заводской, горной и транспортной, и его преимущество перед другими проектами заключалось в том, что он предусматривал не только строительство новых металлургических заводов, которые должны были производить чугун на кузнечном минеральном топливе, доставляемом на Урал в виде кокса, но и перевод ряда старых уральских заводов на коксовую плавку. Проект также учитывал развитие угольной промышленности Казахстана³⁰.

Д.В.Гаврилов пишет, что достоинство проекта Гутовского состояло в том, что он «давал наиболее радикальное решение проблемы Урало-Кузбасса» и «содержал идею комплексного использования природных богатств Урала и Сибири»³¹. Л.К.Казанцева полагает, что Урало-Кузнецкий проект исходил из достаточно разумных пропорций распределения выплавки чугуна по территории страны: с учетом привязки к основным районам потребления черных металлов и разведанным сырьевым запасам 50% выплавки чугуна должно было сосредоточиться на юге России, 40% — на Урале и в центре России и, наконец, 10% — на территории Сибири. Авторы проекта предусматривали и сохранение древесно-угольной металлургии Урала с целью получения чугуна для производства высших сортов железа и стали, однако доля традиционной выплавки чугуна должна была составить, согласно проекту, не более 20 млн пудов в год³².

Обращение к творчеству В.Е.Грум-Гржимайло показывает, что он видел как достоинства, так и недостатки Урало-Кузнецкого проекта. По его мнению, проект отдавал преимущество идее развития крупной коксовой металлургии на Урале. Сам ученый настаивал на

сохранении оптимальных пропорций комбинирования в регионе коксовой и древесно-угольной выплавки чугуна. По его мнению, расположение железорудных месторождений и качество руд определяло места будущих производственных центров металлургии Урала по принципу «... чистые руды на древесном угле, сернистые — на коксе». Ученый считал, что, государство должно всячески поддерживать развитие древесноугольной металлургии, предоставляя государственную помощь металлургическим предприятиям³³.

В.Е.Грум-Гржимайло, еще работая в Томске, попытался объединить Урало-Кузнецкий проект, предусматривающий перевод уральской металлургии на коксовое топливо, и Северный проект, предполагавший сохранение на длительный срок на Урале древесноугольной металлургии, создав компромиссный Урало-Сибирский проект. Ученый вошел в состав специальной коллегии по согласованию Урало-Кузнецкого проекта и проекта Северной Сибирской магистрали. Для ускорения работы в этой области он неоднократно ставил перед Урало-Сибирской комиссией ВСНХ вопрос об освобождении из-под следствия в Томской ЧК специалистов, необходимых для работы в коллегии³⁴.

Член Урало-Сибирской комиссии ВСНХ Г.Г. Гербек 3 мая 1920 г. интересовался у В.Е.Грум-Гржимайло: «... в каком положении работы по согласованию проектов Урало-Кузнецкого и Сибирского пути, чем задерживаются они». Он требовал скорейшего прибытия ученого в Екатеринбург³⁵.

В письме профессору Томского технологического института Г.Г.Поварнину от 17 июля 1920 г. В.Е.Грум-Гржимайло высказал сомнения по поводу возможности реализации в Советском государстве Урало-Сибирского проекта, ибо для этого необходимо было «добиться полного единения административных единиц Урала, Сибири и северных русских губерний»³⁶.

Прибыв в Екатеринбург, ученый написал по поводу согласования Урало-Кузнецкого проекта и проекта Северной Сибирской магистрали докладную записку в ВСНХ «Задачи уральской железной промышленности». В этом документе, а также в ряде статей, опубликованных в уральской периодике, он обосновал необходимость использования для перестройки уральской металлургии все предоставляющиеся возможности. Автор исходил из предположения, что уральская металлургия в старом виде существовать

в XX веке больше не может и обречена на вымирание. Она не способна дать стране необходимое количество качественного и дешевого железа³⁷.

Учитывая опыт Швеции и США, ученый предлагал организовать древесноугольную металлургию Урала по принципу трестирования. Он писал: «Будет ли это трестирование государственным или капиталистическим, туземным или иностранным, будет ли ему сочувствовать государственный строй русской земли или отнесется к этому трестированию только как к неизбежному злу — это все равно»³⁸.

Для перестройки металлургической отрасли Урала В.Е.Грум-Гржимайло предлагал решить две основные задачи. По его мнению, во-первых, нужно было объединить все технические работы, образовав специальное научно-техническое объединение уральской промышленности. В одной из своих статей ученый писал, что «неграмотная промышленность умирает. Еще одно поколение, и вся промышленная область делается достоянием науки»³⁹.

Вторая задача заключалась в создании мощного металлургического треста американского типа, готового немедленно приступить к сооружению весьма крупных металлургических заводов. Предполагалось вести выплавку чугуна на коксе на пяти заводах: трех уральских (Магнитный, Кушвинский, Надеждинский) и двух сибирских (Кузнецкий, Абаканский)⁴⁰.

В.Е.Грум-Гржимайло, отмечая, что древесноугольная металлургия создает известные ограничения размерам заводов и увеличивает накладные расходы, предлагал наладить массовое производство и перейти к узкой специализации заводов на определенных видах продукции. Он исходил из того, что «для снабжения рельсами всей России достаточно поставить только один американского типа рельсовый прокатный стан. Только одного стана хватит для снабжения всей России квадратной заготовкой. Одного стана достаточно для снабжения сутункой всех русских заводов, катающих кровельное железо. Одного комплекта из пяти-шести специальных станков достаточно для прокатки всего ассортимента сортового железа; одного, двух станков достаточно для прокатки проволоки; одного стана — для обручного железа и т.д.

Предлагая создать мощный металлургический трест, В.Е.Грум-Гржимайло не мог обойти вопросы снабжения предприятий треста

рудой и топливом. Отвечая на данные вопросы, уральский металлург пришел к следующим выводам: «... если Россия не пожелает обратиться в колонию Западной Европы и Америки, то потеря юга и Польши заставит поднять вопрос о необходимости создания для России нового источника снабжения железом. Такой источник для России возможен, это руды Урала и коксующийся каменный уголь Кузнецкого бассейна»⁴¹. Возможность перестройки древесноугольной металлургии Урала ученый ставил в зависимость от постройки Северной Сибирской магистрали. Он писал, что все уральские заводы должны «получать свое горючее из одного источника: древесный уголь — с Северной Сибирской магистрали, кокс — из Кузнецкого бассейна»⁴².

В.Е.Грум-Гржимайло был убежден, что из-за разрухи и нищеты, постигших Россию в результате гражданской войны, маловероятно, что «уральскую промышленность удастся восстановить и построить железнодорожную магистраль без помощи международного капитала». Он предлагал передать в концессию и Северную Сибирскую магистраль, и месторождения Кузнецкого бассейна. При этом ученый подчеркивал, что, занимая деньги у иностранных предпринимателей, «надо приложить все усилия для сохранения правительством всей инициативы в деле Сибирской магистрали, снабжения Урала коксом Кузнецкого бассейна и перестройки уральских заводов. Отказ от этой инициативы будет большим несчастьем страны»⁴³.

Хотя эксперты ВСНХ положительно оценили некоторые разделы проекта В.Е.Грум-Гржимайло, в частности, идеи трестирования и специализации, однако в целом Урало-Сибирский проект поддержан не был. Высказывались возражения по поводу расчетов ученого по снижению транспортных расходов и др. Автор проекта был разочарован. В письме Г.Г.Поварнину от 16 сентября 1920 г. В.Е.Грум-Гржимайло отмечал: «Идея Урало-Сибирского проекта живет в Томске, это важно и существенно, ибо на Урале никакой надежды нет». Причина такого положения состояла, по мнению ученого, в деградации уральской промышленности в период расцвета «военного коммунизма». По словам В.Е.Грум-Гржимайло, «заводы работают 1/10 своей производительности. Дрова не рубятся, уголь не заготавливается, даже та несчастная жизнь Урала, что была до войны, замирает и окончательно замрет,

как только запасы руды, угля, чугуна и др. материалов будут израсходованы, если только не изменится настроение масс». Ученый пришел к выводу, что «при такой обстановке можно ли говорить о заводах американского масштаба, делать предположения на 1940 год и высчитывать все те хорошие вещи и проекты, что считали мы в Томске? Полный застой, полный упадок, полный тупик в работе и американизации промышленности»⁴⁴.

Отвечая на письмо В.Е.Грум-Гржимайло, Г.Г.Поварнин в 1921 г. признал, что и у сибиряков не хватило сил довести до конца разработку Урало-Сибирского проекта. По его словам, «за отсутствием экономистов и транспортников, мы прекратили сами себя...»⁴⁵.

В.Е.Грум-Гржимайло и впоследствии не оставлял идеи возвращения к реализации Урало-Сибирского проекта. Работая в Научно-техническом отделе ВСНХ СССР, он высказался по поводу выступления в печати известного советского экономиста и географа Н.Н.Колосовского, работавшего в Госплане в комиссии по размещению производительных сил и экономическому районированию. Н.Н.Колосовский, говоря о перспективах экономического развития Сибири, предлагал в рамках экономического районирования страны образовать Западно-Сибирскую область из территорий, вошедших в 1923 г. в Уральскую область (Тобольский, Тюменский, Ишимский и Курганский округа), и Омской губернии. По мнению данного специалиста, основанием для этого была общая производственная характеристика этих территорий⁴⁶.

Автор данной главы уже писал о том, что большая часть уральских руководителей и специалистов выступили против данной идеи⁴⁷. В.Е.Грум-Гржимайло также отклонил предложение Н.Н.Колосовского и предложил вернуться к идее создания Урало-Сибирского хозяйственного объединения, связующим звеном которого должна была стать Северная Сибирская магистраль⁴⁸.

В советское время отношение к Урало-Сибирскому проекту было неоднозначным. Многие советские историки, исходя из того, что В.Е.Грум-Гржимайло являлся буржуазным специалистом, пытались принизить значение его деятельности для развития промышленности Урала, зачастую извращая его идеи. Так появилась тенденциозная оценка деятельности и взглядов ученого как противника коксовой и апологета древесноугольной металлургии на Урале⁴⁹. П.Г.Матушкин осуждал автора проекта за «приверженность

старине», за «попытки отодвинуть решение Урало-Кузнецкой проблемы на второй план»⁵⁰. Т.И.Ефимова приписывала В.Е.Грум-Гржимайло следующие слова: «Уральцами овладела мания величия. Мне кажется, вопрос о новых заводах должен быть в корне пересмотрен... Я настаиваю на том, что кормильцами Урала будут маленькие заводы-специалисты..., а не гиганты на глиняных ногах... Оси, железнодорожные скаты, изложницы, отливки труб, чугунная посуда, косы... обеспечат для Урала запас денег»⁵¹.

Напротив, И.В.Комар, оценивая результаты конкурса проектов по созданию Урало-Кузнецкого комбината, обращал внимание на значение именно компромиссных вариантов (в частности, предложения Уральской комиссии отдела металлов ВСНХ и проекта В.Е.Грум-Гржимайло), которые связывали перспективу сохранения древесно-угольной плавки чугуна с необходимостью повышения общей эффективности уральской черной металлургии за счет более профилированной специализации Урала на производстве высококачественных сортов металла с перспективой организации здесь дешевой переработки дорогого чугуна в готовые изделия. В этом случае предполагалось довести выплавку чугуна на древесном угле до максимальных размеров с учетом имеющихся топливных ресурсов — до 70 млн пудов (против 100 млн чугуна, выплавляемого на коксе)⁵². В.С.Голубцов отмечал: «Признание использования кузнецкого кокса для развития металлургии Урала составляло положительную сторону Урало-Сибирского проекта»⁵³.

В современной историографии отношение к проекту В.Е.Грум-Гржимайло также является неоднозначным. Ряд исследователей придерживается негативной оценки деятельности ученого. Д.В.Гаврилов называет В.Е.Грум-Гржимайло «адептом древесноугольной металлургии и частного предпринимательства»⁵⁴. В.П.Микитюк, оценивая докладную записку ученого, поданную на конкурс ВСНХ, пишет, что эта записка «полностью не соответствовала условиям конкурса ВСНХ. Владимир Ефимович не только не уделил никакого внимания реорганизации старых уральских заводов, но и не подготовил сколько-нибудь конкретных предложений по сооружению новых заводов»⁵⁵.

По мнению Д.В.Гаврилова, решение Урало-Кузнецкой проблемы ученым отодвигалось на самые поздние сроки. Он пишет: «Слишком продолжительный, 20-летний срок намеченной программы,

преклонение перед древесноугольным металлом, полная ориентация на непостроенную и, как показывали расчеты, нерентабельную или малорентабельную Северо-Сибирскую железнодорожную магистраль — делали осуществление этого проекта не-реальным». По словам Д.В.Гаврилова, «Великая Отечественная война показала ошибочность мнения известного ученого, но плохого политика, экономиста и стратега»⁵⁶.

К.И.Зубков, напротив, считает, что позиция В.Е.Грум-Гржимайло в большей мере учитывала ряд уникальных естественных преимуществ сырьевой и топливной базы Урала (особая чистота руд, сохраняющиеся обширные запасы древесины, особенно в северных районах Уральской области) и были сориентирована на максимально возможное удержание технических достижений старой уральской металлургии. Он пишет: «Выдающийся ученый-металлург В.Е.Грум-Гржимайло, в частности, рассматривал в качестве основы реорганизации уральской металлургии так называемый Урало-Сибирский проект, связанный с идеей сооружения Северо-Сибирской магистрали (Томск—Котлас—бухта Сороки). Согласно этому проекту, особо чистые уральские руды в комбинации с громадными ресурсами древесины в северных лесах Урала и Сибири позволяли производить на древесном угле высококачественные сорта металла в значительных объемах; к 1940 г. намечалось более половины всего уральского металла (175 млн пудов из общих 325 млн) по-прежнему выплавлять на древесном угле»⁵⁷.

Нам положительная оценка Урало-Сибирского проекта В.Е.Грум-Гржимайло и его настойчивое требование строительства Северо-Сибирской магистрали представляется более обоснованным, ибо к необходимости реализации некоторых идей ученого обращаются многие современные государственные деятели. В сегодняшней печати обсуждаются практические аспекты реализации не только проекта «Урал промышленный — Урал полярный», в рамках которого в апреле 2013 г. Научно-технический совет ОАО «РЖД» утвердил Северный широтный ход в качестве приоритетного проекта строительства на территории Полярного Урала⁵⁸, но и связанные с ним проекты освоения северных территорий Западной Сибири. В сообщении администрации Томской области говорится, что строительство Северо-Сибирской железнодорожной магистрали начнется в 2016 г. По мнению разработчиков проекта,

«создание Северо-Сибирской железнодорожной магистрали необходимо для развития и обслуживания промышленной зоны в Нижнем Приангарье (Красноярский край), а также выявления и освоения природных богатств на территории, расположенной севернее Транссибирской магистрали». Сибирская железная дорога, как ожидается, свяжет город Нижнеартовск в ХМАО, поселок Белый Яр в Томской области, города Лесосибирск в Красноярском крае и Усть-Илимск в Иркутской области⁵⁹.

Примечания

¹ См.: Мазур В.А. Грум-Гржимайло Владимир Ефимович (1864—1928) // Металлургия Урала. Энциклопедия. Екатеринбург, 2003. 2-е изд. С. 123—124.

² См.: Шапошников Г.Н. Грум-Гржимайло Владимир Ефимович (1864—1928) // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. 2-е изд. С. 170.

³ См.: Профессора Томского политехнического университета. Биографический справочник: В 2 т. / Авт. и сост. А.В.Гагарин. Томск, 2000. Т. 1. С. 114.

⁴ См.: Грум-Гржимайло В.Е. «Поднять дорожную мне уральскую промышленность» // Грум-Гржимайло В.Е. Из жизни металлурга, рассказанной им самим. Екатеринбург, 1994. С. 34.

⁵ См.: Шапошников Г.Н. Грум-Гржимайло Владимир Ефимович (1864—1928). С. 170.

⁶ См.: Грум-Гржимайло Владимир Ефимович (1864—1928) // Уральский государственный университет в биографиях. 3-е изд. Екатеринбург, 2010. С. 535.

⁷ См.: Грум-Гржимайло Владимир Ефимович (1864—1928) // УГТУ-УПИ: Профессура 1920—2008 гг. Екатеринбург, 2011. С. 54.

⁸ Главацкий М.Е. Рождение Уральского государственного университета. Екатеринбург, 1995. С. 115.

⁹ В.Е.Грум-Гржимайло — Г.Г.Поварнину // Грум-Гржимайло В.Е. Из жизни металлурга, рассказанной им самим. С. 61.

¹⁰ См.: Шапошников Г.Н. Грум-Гржимайло Владимир Ефимович (1864—1928). С. 170.

¹¹ См.: Список печатных трудов В.Е.Грум-Гржимайло // Грум-Гржимайло В.Е. Из жизни металлурга, рассказанной им самим. С. 178—184.

¹² См.: Грум-Гржимайло В.Е. Из жизни металлурга, рассказанной им самим. С. 57—60.

¹³ См.: Мазур В.А. К делу профессора Клера // Известия Урал. ун-та. 1997. № 5. С. 93—94.

¹⁴ См.: Грум-Гржимайло В.Е. «Капитализм не выдуман. Его родила жизнь...» // История России. 1917—1940: Хрестоматия / Под ред. М.Е.Главацкого. Екатеринбург, 1993. С. 161—163.

¹⁵ См.: Грум-Гржимайло В.Е. «...Ухватились за Шахтинский процесс, как за возможное оправдание своих неудач...» // История России. 1917—1940. С. 218—221.

¹⁶ См.: Главацкий М.Е. О жизни, прожитой в полный рост // Грум-Гржимайло В.Е. Хочу быть полезным Родине / Под ред. М.Е.Главацкого. Екатеринбург, 1996. С. 314.

¹⁷ См.: Грум-Гржимайло В.Е. Собрание трудов / Под ред. акад. И.П.Бардина. М.: Л., 1949.

¹⁸ См.: Кучин А.В. Выдающийся русский металлург Владимир Ефимович Грум-Гржимайло, Харьков; М., 1951.

¹⁹ См.: История России. 1917—1940. С. 161—163; 218—221; Хрестоматия по истории России. 1917—1940 / Под ред. М.Е.Главацкого. М., 1994. С. 202—204; 280—283; Грум-Гржимайло В.Е. «Я был тем муравьем, который понемногу сделал большое дело» (Из жизни металлурга, рассказанного им самим) / Под ред. М.Е.Главацкого. Екатеринбург, 1994; Он же. Из жизни металлурга, рассказанного им самим.

²⁰ См.: Грум-Гржимайло В.Е. Хочу быть полезным Родине / Под ред. М.Е.Главацкого. Екатеринбург, 1996; Он же. «Поведение рудничных рабочих невыносимо» // Урал XX век: книга для чтения по истории: Учеб. пособие для учащихся старших классов / Под ред. М.Е.Главацкого. Екатеринбург, 1997. С. 59; Он же. «Теперь на Урале заводы переходят акционерным кампаниям» // Там же. С. 74—75; Грум-Гржимайло Владимир и Софья. Секрет счастливой жизни. Книга для семейного чтения / Под ред. М.Е.Главацкого. Екатеринбург, 2001.

²¹ Ламин В.А., Пленкин В.Ю., Ткаченко В.Я. Глобальный трек. Развитие транспортной системы на востоке страны. Екатеринбург, 1999. С. 77.

²² Грум-Гржимайло В.Е. «Поднять дорогую мне уральскую промышленность» // Грум-Гржимайло В.Е. Из жизни металлурга, рассказанной им самим. С. 34.

²³ Голубцов В.С. Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти (1917—1923 гг.). М., 1975. С. 97.

²⁴ Гаврилов Д.В. У истоков Урало-Кузбасса // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Екатеринбург, 2010. С. 80.

²⁵ См.: Матушкин П.Г. Урало-Кузбасс. Борьба Коммунистической партии за создание второй угольно-металлургической базы СССР. Челябинск, 1966. С. 71—72.

²⁶ Казанцева Л.К. Исторический опыт разработки Урало-Кузнецкой проблемы: Автореф. дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 1993. С. 15.

²⁷ См.: Тимошенко А.И. Урало-Кузбасс // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2013. Т. 3. С. 321.

²⁸ См.: Матушкин П.Г. Урало-Кузбасс. С. 74.

²⁹ См.: Там же. С. 73.

³⁰ Бакунин А.В. Урало-Кузбасс // Урал. Историческая энциклопедия. С. 547.

³¹ Гаврилов Д.В. У истоков Урало-Кузбасса. С. 83.

³² См.: Казанцева Л.К. Исторический опыт разработки Урало-Кузнецкой проблемы. С. 15.

³³ Грум-Гржимайло В.Е. Уральская железная промышленность в ее прошлом и будущем // Промышленный Урал. 1920. № 2. С. 45—84.

³⁴ См.: Грум-Гржимайло В.Е. Из жизни металлурга, рассказанной им самим. С. 57—60.

³⁵ См.: Г.Г.Гербек — В.Е.Грум-Гржимайло. Телеграмма // Грум-Гржимайло В.Е. Из жизни металлурга, рассказанной им самим. С. 57.

- ³⁶ В.Е.Грум-Гржимайло — Г.Г.Поварнину // Грум-Гржимайло В.Е. Из жизни металлурга, рассказанной им самим. С. 60.
- ³⁷ См.: Об организации уральской металлургической промышленности // Серп и молот. 1920. 1 окт. С. 41.
- ³⁸ Грум-Гржимайло В.Е. Уральская железная промышленность в ее прошлом и будущем. С. 79.
- ³⁹ Грум-Гржимайло В.Е. Собрание трудов. С. 232.
- ⁴⁰ См.: Грум-Гржимайло В.Е. Формы и пути организации уральской промышленности // Серп и Молот. 1920. № 27. С. 112.
- ⁴¹ См.: Об организации уральской металлургической промышленности. С. 41.
- ⁴² Грум-Гржимайло В.Е. Уральская железная промышленность в ее прошлом и будущем. С. 79.
- ⁴³ Там же. С. 79—80.
- ⁴⁴ В.Е.Грум-Гржимайло — Г.Г.Поварнину. С. 61, 62.
- ⁴⁵ Г.Г.Поварнин — В.Е.Грум-Гржимайло // Грум-Гржимайло В.Е. Из жизни металлурга, рассказанной им самим. С. 64.
- ⁴⁶ См.: Колосовский Н.Н. Хозяйственные проблемы Сибири // Плановое хозяйство. 1925. № 5. С. 241.
- ⁴⁷ См.: Камынин В.Д. Оценка проведенного в 1920-е гг. эксперимента по экономическому районированию страны современниками событий // Теория и практика государственного и муниципального управления. Тюмень, 2014. Вып. 8. С. 34—39.
- ⁴⁸ См.: Грум-Гржимайло В.Е. Северо-Сибирская магистраль и Урало-Сибирское хозяйственное объединение // Жизнь Сибири. 1925. № 5.
- ⁴⁹ См.: Бек А., Григорьев Г. Михаил Константинович Курако. М., 1953. С. 139—140; Зуйков В.Н. Создание тяжелой индустрии на Урале (1926—1932). М., 1971. С. 189.
- ⁵⁰ Матушкин П.Г. Урало-Кузбасс. С. 75.
- ⁵¹ Цит. по: Ефимова Т.И. Уралмашевцы. Свердловск, 1982. С. 22.
- ⁵² Комар И.В. Урал: Экономико-географическая характеристика. Свердловск, 1959. С. 190—191.
- ⁵³ Голубцов В.С. Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти (1917—1923 гг.). С. 99.
- ⁵⁴ Гаврилов Д.В. У истоков Урало-Кузбасса. С. 83.
- ⁵⁵ См.: Микитюк В.П. Конкурс проектов «Организация уральской металлургической промышленности» // Уральский исторический вестник. 2011. № 1 (30). С. 19.
- ⁵⁶ Гаврилов Д.В. У истоков Урало-Кузбасса. С. 85.
- ⁵⁷ Зубков К.И. На перепутье (1922—1929) // Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 176.
- ⁵⁸ URL: www.cupp.ru
- ⁵⁹ URL: www.rzd-partner.ru/news/different/363613

Глава 5

«ВСЕ ИЗВЕСТИЯ О ВАС МЫ ЛОВИМ С НЕТЕРПЕНИЕМ...»: ПИСЬМА С.В.БАХРУШИНА К С.Ф.ПЛАТОНОВУ

Оценка и переосмысление творчества выдающегося советского историка С.В.Бахрушина началось сразу же после смерти ученого¹ и продолжается до сих пор. Подготовлены и изданы списки трудов ученого², обзор его личного фонда, хранящегося в Архиве Академии Наук³.

Н.Г.Башарина относит 1950—60-е гг. к первому периоду изучения творческого наследия С.В.Бахрушина. Второй датирует 1970-ми — началом 80-х гг. прошлого века⁴, когда появились исследования С.М.Каштанова, А.В.Демкина, М.Б.Шейнфельда⁵. Большое значение для популяризации творческого наследия С.В.Бахрушина имели сборники, подготовленные его учениками и последователями⁶, юбилейные издания, посвященные 100-летию со дня его рождения⁷. Здесь следует отметить, что периодизация, предложенная Н.Г.Башариной, была правильной для времени защиты ею диссертации, но в настоящее время требует корректировки. Целесообразно второй период расширить до выхода в свет книги А.М.Дубровского⁸, где наиболее полно рассмотрены главные этапы биографии и творчества одного из талантливых учеников В.О.Ключевского. Выявленные новые работы ученого опубликованы отдельным сборником⁹.

Время же с середины 90-х гг. и до настоящего времени следует выделить в отдельный, третий период. Для него характерно, прежде всего, появление нижевартовского центра по изучению научного наследия крупнейшего сибиреведа XX в. В этот период продолжают появляться работы и признанных знатоков творчества ученого¹⁰. А.М.Дубровский в обстоятельной монографии (в заключительной главе) отвел два больших параграфа творчеству С.В.Бахрушина, основанных на новых архивных материалах. Брянский ученый опубликовал и обширный (ранее не издававшийся) доклад С.В.Бахрушина «Восстание в Западной Сибири в 1662—1665 гг.»¹¹

Объединяющим началом всех трех периодов следует по праву считать Бахрушинские чтения, начавшие свою работу в 1966 г. Первые четыре года материалы чтений издавались в 3-х выпусках, а с 5-го по 27-й — в одном. В работе над выпусками принимала участие целая плеяда талантливых сибирских ученых, прослеживается и определенная преемственность в редакционной коллегии: А.П.Окладников, Н.Я.Гущин, Н.А.Миненко, Л.М.Горюшкин, В.И.Шишкин, И.С.Кузнецов. Статус издания менялся: материалы конференции, сборник научных трудов, межвузовский сборник научных трудов. Количество издаваемых экземпляров уменьшалось с 1000 в первые годы до 200 — в последние, но остается неизменной направленность материалов — история Сибири в разные эпохи, хотя следует отметить, что материалов, посвященных собственно С.В.Бахрушину, становится все меньше.

В последние полтора десятка лет нижевартовские исследователи активно продолжают изучать творчество выдающегося отечественного историка, что говорит о перемещении соответствующего центра в этот провинциальный город. Свидетельством тому являются диссертационные работы, главы в коллективных монографиях¹², десятки статей, конференция, посвященная 125-летию со дня рождения ученого¹³. Можно говорить как о сложившемся направлении — бахрушиноведении — в научной историографической школе, которая оформилась благодаря целенаправленной многолетней деятельности одного из самых авторитетных современных источниковедов и историографов Я.Г.Солодкина. Под его руководством выполнено два десятка диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата наук, в том числе по истории воеводского управления в Сибири¹⁴, сибирскому летописанию¹⁵ и творчеству С.В.Бахрушина¹⁶. В многогранном творчестве нижевартовского профессора сибиреведческое направление стало преобладать с 1997 г. — со времени начала его работы в Нижневартовском государственном пединституте (затем университете). В сферу его научных интересов входят проблемы сибирского летописания, возникновение сибирских городов, организация их управления, «взятие» Сибири Ермаком и его соратниками, творчество С.В.Бахрушина и оценки его вклада в советское сибиреведение.

Тематика работ исследователей школы Я.Г.Солодкина разнообразна. Продолжается и вовлечение в научный оборот малоизвестных

и неизвестных работ С.В.Бахрушина: отзывов, рецензий, эпистолярного наследия¹⁷.

Труды С.В.Бахрушина служат Я.Г.Солодкину как источником для подтверждения определенных выводов, так и материалом для дискуссий по спорным вопросам¹⁸ или опровержения ранее устоявшихся точек зрения¹⁹.

Например, по мнению Я.Г.Солодкина, «вызывает сомнение и достоверность указанного Г.Ивановым “круглого” (20 лет)», как это указано, в том числе и в издании, вышедшем под редакцией С.В.Бахрушина²⁰, «срока “полевой” службы с Ермаком и другими атаманами»²¹. Порой, предположения, сделанные С.В.Бахрушиным, исследователи принимали за утверждения²², как это было с родственными связями атамана Ивана Кольцо и Ермака, мнением о том, что фраза Кунгурского летописца «егда же начахомъ приступати анъ на косогор» принадлежит очевидцу. По утверждению современного знатока летописей, сходная фраза имеется в Есиповской летописи²³. Чаше всего Я.Г.Солодкин ссылается на исследования С.В.Бахрушина, касающиеся сибирского летописания²⁴ и начала похода Ермака²⁵.

В современной историографии неоднозначно оцениваются источники формирования взглядов С.В.Бахрушина на колонизацию Сибири. А.А.Преображенский считал, хотя и неопределенно, что «вероятно, влияние Ключевского сказалось на пристальном внимании Бахрушина к проблемам колонизации в истории России, прежде всего на сибирских просторах». Это мнение объясняется, прежде всего, тем, что «в концепции Ключевского роль колонизационного фактора являлась одной из определяющих доминант исторического развития России»²⁶.

В эту формулу можно внести принципиальное уточнение, которое можно обосновать и материалами публикуемых писем. Оно заключается в том, что «если первоначальные взгляды С.В.Бахрушина на колонизационные процессы сформировались под воздействием авторитета В.О.Ключевского, то в дальнейшем, в 1920-е гг., они испытали серьезное влияние С.Ф.Платонова, которое проявилось в формулировке взглядов на освоение Сибири»²⁷.

О том, что С.Ф.Платонов высоко ценил С.В.Бахрушина как ученого, свидетельствует и факт выдвижения им в 1929 г. представителя московской исторической школы в члены-корреспонденты АН.

А также черновик письма, написанный в декабре 1929 г. А.К.Дживелегову и И.И.Шитцу (сотрудникам издательства), в котором С.Ф.Платонов, отказываясь от работы над коллективной монографией, указывает на своих возможных преемников в этом деле — М.К.Любавского и С.В.Бахрушина, которые, по его мнению, «срабатывают отлично»²⁸.

Тесные связи самого авторитетного после смерти В.О.Ключевского историка России С.Ф.Платонова с С.В.Бахрушиным были уже предметом специального исследования²⁹. Примечательно, что эпистолярный раздел фонда С.В.Бахрушина небольшой, отсутствуют и письма С.Ф.Платонова, по всей видимости, они были уничтожены в период нагнетания ситуации вокруг последнего. Об этом писал С.О.Шмидт: «Известно, что от С.Ф.Платонова получали письма видные историки, обвиненные вместе с ним в 1930—1931 гг. — С.В.Бахрушин, С.К.Богоявленский, Ю.В.Готье, Д.Н.Егоров, М.К.Любавский и др. Основной массив этих писем не обнаружен. Можно полагать, что московские адресаты уничтожили их, узнав об аресте ученого»³⁰. Опубликовано только небольшое письмо С.Ф.Платонова, адресованное С.В.Бахрушину, от 4 октября 1926 г.³¹

Архив же С.Ф.Платонова, к счастью, сохранившийся полностью, поражает своим объемом (насчитывает несколько тысяч папок), является одним из самых востребованных исследователями. Он был приобретен у наследников ученого в 1937 г.³² Кстати, уникальное по своей полноте собрание хотел приобрести В.Д.Бонч-Бруевич для собрания Государственного литературного музея³³.

На фоне обширного комплекса писем самого С.В.Бахрушина, сохранившегося в фонде С.Ф.Платонова, можно говорить о разнообразности тематики переписки. Она затрагивает ситуацию в научном сообществе в 1920-е гг., раскрывает личные отношения, научные интересы, хронологию написания исследований и, что особенно важно, творческую атмосферу в ходе исследования сибирской проблематики С.В.Бахрушиным и роль в этом процессе С.Ф.Платонова. Интересен сюжет о работе по изданию научного наследия Б.Н.Чичерина, кстати, малоизвестный.

Примечателен тот факт, что у С.Ф.Платонова сложились дружеские отношения с рядом учеников В.О.Ключевского, например, П.Н.Милюковым, М.М.Богословским, А.И.Яковлевым, а очень

теплые — с С.В.Бахрушиным. Это обстоятельство особенно ярко прослеживается на фоне определенной напряженности в отношениях С.Ф.Платонова с самим российским корифеем³⁴. Любопытно, что и сближение С.Ф.Платонова с П.Н.Милюковым произошло еще при жизни его учителя и также не могло способствовать дружеским взаимоотношениям первого с В.О.Ключевским.

Современные исследователи активно вовлекают в научный оборот эпистолярное наследие видных ученых, которое является замечательным историческим и историографическим источником³⁵. В настоящее время опубликована взаимная переписка С.Ф.Платонова с П.Н.Милюковым³⁶, подготовлена к печати переписка с М.М.Богословским и А.И.Яковлевым³⁷. Следовательно, публикация писем С.В.Бахрушина, адресованных С.Ф.Платонову, будет важным дополнением к вышеназванным материалам.

Письма хранятся в двух папках (2221 и 2222): в первой содержится 24 письма и один конверт, датированные 12 июня 1920 г. — 1927 г. Вторая папка намного меньше, в ней всего 8 писем за период с 28 января 1928 по 13 декабря 1929 г. Ровно через месяц после отправки последнего письма С.Ф.Платонов будет арестован. Переписка была регулярной и взаимной, об этом свидетельствуют упоминания о полученных С.В.Бахрушиным письмах. Некоторые письма не датированы, имеют карандашные приписки и пометы рукой С.Ф.Платонова о получении. Одно письмо за 1927 г., как свидетельствует записка в деле, найдено в Институте истории АН СССР и передано в ГПБ (принесено в рукописный отдел В.Г.Гейманом, 21 июня 1979 г.).

Последние письма свидетельствуют о нарастающей опасности, нависшей над С.Ф.Платоновым. После его ареста последовала целая волна, которая захлестнула четырех академиков и более полутора сотен других ученых, прежде всего учеников, сотрудников учреждений, которыми он руководил, близких коллег, обвиненных в «монархическом заговоре». По всей видимости, в это время и была уничтожены письма С.Ф.Платонова, кстати, не только С.В.Бахрушиным. С.Ф.Платонов был отправлен в ссылку в Самару, где и скончался в 1933 г.³⁸, С.В.Бахрушин — в Семипалатинск, но в 1933 г. возвращен в Москву. Как отразился этот арест на дальнейшей судьбе и творчестве С.В.Бахрушина, да и других историков, испытывавших на себе методы «укрощения» властными

структурами, подробно изложено в ряде публикаций последних лет³⁹.

Многие исследователи отмечают уникальность эпистолярных материалов, например, М.О.Робинсон писал, что «эпистолярное наследие» является «бесценным источником»⁴⁰, омские исследователи подчеркивают, что «письма, написанные учеными-историками, давно и, в общем, вполне успешно используются в качестве одного из основных историографических источников», они «содержат в себе принципиально значимую информацию для научного познания, которую практически невозможно извлечь из иного вида источников», так как «уникальны и неисчерпаемы»⁴¹.

С.В.Бахрушин, воспринявший все самое лучшее от старой профессуры — представителей двух основных историографических школ (московской и петербургской), сформировался как историк-марксист⁴².

При публикации писем перед исследователем возникает ряд трудностей: существует большая опасность в «передаче текста писем», так как порой допускаются неточности при их прочтении, часто письма не датированы, поэтому возникает сложность расположения их в хронологическом порядке. На эти обстоятельства указали недавно А.В.Макушин и П.А.Трибунский⁴³. Кроме того, бывает проблематично иногда раскрыть сокращения, понятные адресату писем.

Письма публикуются в современной орфографии, мелкие особенности текста (зачеркивания, надстрочные вставки) не оговариваются, сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Письма С.В.Бахрушина С.Ф.Платонову за 1920—1927 гг.

№ 1

Лист сложен пополам, формат А4

12 июня/30 мая 1920 г.

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Сейчас получил Ваше любезное письмо с предложением принять участие в редактируемом Вами издании⁴⁴. Большое спасибо за доброе отношение и память. Я с благодарностью готов предоставить себя в Ваше распоряжение и постараюсь вовремя доставить Вам рукопись, хотя по временам ощущаю признаки некоторого упадка работоспособности, которые меня беспокоят. Когда я пообдумаю тему, то сообщу Вам план предполагаемого очерка⁴⁵ и буду ждать Ваших замечаний.

Все Ваши московские знакомые просили передать вам их приветы. Алексей Иванович⁴⁶ готовится к отъезду в Симбирск⁴⁷, остальные остаются пока в Москве, торопятся насладиться ощущением (увы, кратковременным) тепла и света и уныло думают о грядущей зиме. В университете⁴⁸ занятия идут еле-еле; сейчас происходят осложнения с «Рабочим факультетом»⁴⁹, которые грозят вообще дальнейшему существованию университета в том виде, как он сейчас. Из новостей, которые могут Вас интересовать, могу сообщить, что «Моско»⁵⁰, которое приобрело у Вас право издания Ваших «Очерков»⁵¹ в настоящее время перестало существовать, как независимое учреждение и слилось с казенным «Центросоюзом», не знаю, берет ли «Центросоюз» на себя обязательства «Моско» по отношению к авторам; кажется, это еще не выяснилось.

Всего Вам хорошего. Еще раз большое Вам спасибо за сделанные Вами мне предложения. Мама⁵² и сестры кланяются Вам. Будьте здоровы. Все Ваши друзья не теряют надежды, что после Мурман⁵³ Вы найдете возможность посетить и Москву; в таком случае буду очень просить Вас сделать маме и мне удовольствие зайти к нам. Всего лучшего.

Остаюсь с глубоким уважением Бахрушин (подпись).

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2211. Л. 1—2 об.

№ 2

Лист в клетку, согнут пополам, формат А4

Многоуважаемый Сергей Федорович,
должен очень повиниться перед Вами, что так долго не отвечал на Ваше письмо, так что Вам пришлось даже «призвать меня к порядку». Я просто одно время несколько раскис; дает себя знать и усталость, и трехлетняя жизнь безвылазно в городе, без воздуха и без освежающих впечатлений, а главное, эта невообразимая жара, которая сейчас тяготееет над Москвой и действует самым развращающим образом на тело и на дух. С величайшим трудом, поэтому обдумывал я эту проспеку, которую Вы от меня ждете.

В общих чертах план моей статьи складывается так:

I Пути в Сибирь и их история.

II Колонизация Прикамья и завоевание Сибирского царства в XVI в.

III Общий очерк распространения русского владычества в Азии с XVI в по 60-е годы XIX в.

IV Цели, которые преследовала русская колонизация, в различные исторические периоды.

V Русская колонизация Сибири в XVI—XVII вв.

- 1) Промышленные люди.
- 2) Военная оккупация.
- 3) Развитие пашни.
- 4) Деятельность церкви.
- 5) Возникновение посадов.
- 6) Состав русского элемента в Сибири в XVI—XVII в.

Говоря о программе статьи, я бы хотел указать, что мне, казалось бы, естественным остановиться не на 80-х годах XIX в., как мне предложено, а приблизительно на 60-х годах, так как падение крепостного права является определенной гранью, от которой удобнее написать новый период в истории колонизации Сибири. Мне кажется, что и деятельность Переселенческого Управления⁵⁴

находится в теснейшей связи с теми новыми условиями, которые создались с отменой крепостного права наоборот, обрывать повествование на 80-х годах, мне кажется, несколько затруднительным. Конечно, подчиняюсь всецело Вашему решению, но думаю, что довольно веские соображения могут быть приведены в пользу указанного мною подготовленного материала.

План, предлагаемый мною, конечно, примерный, и я буду ждать Ваших указаний. Боюсь, что он слишком обширный для предполагаемых размеров. Вам, во всяком случае, будет виднее, что и как поменять или сократить, чтобы не было нарушено единство всего издания.

Несколько смущает меня вопрос о картах и таблицах. Очевидно, что те и другие должны быть разработаны по одному общему плану, так, чтобы и по внешности их и по содержанию не было слишком большого разнообразия. Не лучше ли было бы, когда дело дойдет до них, переслать к Вам в Петербург материалы с тем, чтоб работа проведена была в Петербурге под руководством редакции? Иначе боюсь, что получится большая несурезица.

Материал по XVI—XVII вв. у меня собран в общих чертах. По XVIII—XIX вв. собираю, так что по получении от Вас руководящих указаний, могу приступить к делу при условии, что прекратится африканская жара, которая сейчас лишает совершенно возможности работать.

В Москве у нас ничего нового нет. Сейчас в университете перерыв занятий. По обыкновению ходят слухи об опале, которая грозит будто бы нашей «alma mater», но мы привыкли жить все время под грозой.

Все русские историки шлют Вам свой привет. Алексей Иванович все собирается в Симбирск, но переезд тем сложнее, чем ты кажешься ближе. Он очень похваливался, рвется выехать из Москвы и все надеется, что через неделю выедет.

Известие о смерти Б.А.Тураева⁵⁵ нас в Москве тем более поразило, что у нас как раз было только что постановление просить его занять кафедру востоковедения в Моск[овском] университете; мы рассчитывали, что он найдет время для приездов в Москву. Теперь совершенно не знаем, к кому обратиться. Грустно, что старое поколение профессоров сходит со сцены, а молодых сил нет даже в виду. Люди преклонных лет не выдерживали теперешних

условий жизни, а теперешние условия жизни лишают молодежь возможности работать и готовиться к научной работе. Да и немногочисленные ряды тех молодых людей, которые находят в себе силы для работы, гибнут у нас на глазах; недавно трагически погибли два студента, которые подавали большие надежды. Прямо жутко становится за русскую науку, за русскую культуру. Пора, казалось бы понять, что ее не спасти пайками, я бы сказал, **требуется** более героическое.

В заключение позвольте еще раз принести Вам свои извинения за задержку с ответом.

Желаю Вам всего хорошего. Будьте здоровы.

Остаюсь с уваж[ением] Бахрушин.

17/30 июля 1920.

Москва, Арбат, Денежный пер., д. № 7, кв. 16.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2211. Л. 3—5 об.

№ 3

Лист в широкую линию, сложен пополам, формат А4

Многоуважаемый Сергей Федорович,

поздравляю Вас с избранием в члены Академии или вернее с тем, что Вы заняли в ней то место, которое давно и по праву Вам принадлежало. Мих[аил] Мих[айлович] Богословский⁵⁶ говорил мне, что Вы ему писали про возникновение у Вас в связи с избранием⁵⁷ предложения относительно полного издания декабристов. В Румянцевском музее⁵⁸ у нас есть некоторые, правда, немногочисленные бумаги, касающиеся декабристов. Так, недавно в музей передан Дмитрием Иван. Шаховским⁵⁹ небольшой семейный архив (кн. Федора Шаховского — декабриста⁶⁰), который в настоящее время и разбираю; в числе бумаг есть принадлежащие кн. Федору Шаховскому⁶¹ — декабристу. Если Вам это интересно, то музей, конечно, всецело к Вашим услугам.

Я думаю, что Вы получили мое письмо с подробным изложением моих предложений касательно заказанной мне статьи; я жду в настоящее время Ваших указаний. Еще раз пользуюсь случаем повиниться перед Вами за опоздание. В Москве у нас жизнь течет скучно, однообразно и жестоко. Алексей Ив[анович] на прошлой

неделе уехал в Симбирск, уехал он далеко не в розовом настроении, и, действительно, мы его провожали с жутким сознанием, что он уезжает на полную неизвестность. Он хотел вернуться месяца через полтора один, без семьи, и тогда решить дальнейшую свою судьбу. По-видимому, ему тяжело отрываться от Москвы; в последние дни перед отъездом он был сильно удручен. Грустно было с ним прощаться.

Вы слышали, вероятно, про ужасное горе, которое поразило бедного Матвея Кузьмича⁶². Первое время после того, как он узнал про судьбу сына, он ходил как неживой. Не знаю, слышали ли Вы, что за это время Михаил Мих[айлович] устал быть арестованным за однофамильца; его освободили благодаря, скажу откровенно, энергичному вмешательству Рязанова⁶³. Видите, какой однообразный и своеобразный цикл академических новостей у нас в Москве. Из слов Николаева⁶⁴, приехавшего в Москву с месяц тому назад, я вынес впечатление, что у Вас в Петербурге все-таки повеселей.

Всего Вам лучшего. Еще раз поздравляю и желаю всего, всего хорошего. Остаюсь с уваж[ением] Бахрушин (подпись). 5/18 авг[уста] 1920.

P.S. Известно ли Вам что-нибудь про новый университетский устав, про съезд высших учебных заведений⁶⁵ и т.д.? Хотя мы ближе к центру, чем Вы, но обо всем этом слышали лишь по слухам.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2211. Л. 6—7 об.

№ 4

Лист желтого цвета, в широкую линию,
согнут пополам, формат А4

Многоуважаемый Сергей Федорович,
в воскресенье, 5-го, получил Вашу открытку, а через день и заказное письмо. Очень был рад их получить, так как начинал опасаться, не произошло ли недоразумения. Впрочем, моя вина в том, что посылал свои письма не заказным, а простой корреспонденцией. Как бы то ни было, странствие 1-ого из моих писем загадочно и даты заставили меня подумать о некогда знаменитом M. Veliot, о котором Ал[ексей] Толстой⁶⁶ сказал, что он «многое

читает». Теперь жду с нетерпением обещанного второго письма, в котором я надеюсь найти более подробные замечания по поводу моей программы, а пока приступил к своей работе ввиду того, что, в общем, программа не встречает возражений.

Что касается условий, то они меня вполне устраивают, и я буду очень благодарен получить задаток, если это возможно.

Ваши петербургские новости опять грустные. Про смерть Шахматова⁶⁷ мы узнали случайно и долго не хотелось верить, что это правда. Сын⁶⁸ бедного Матвея Кузьмича расстрелян; очень жаль юношу и самого Матвея Кузьмича, который весь как-то пришиблен ужасным свалившимся на него несчастьем. Остальные наши общие знакомые здоровы: об Алексее Ивановиче было известие, что он доехал благополучно и что, по-видимому, жизнь в Симбирске по сравнению с Москвой была в момент его приезда получше; с тех пор больше никаких известий нет. Из академических новостей — главный предмет разговоров, недоумений, негодований и опасений составляет проект нового устава, не только сводящий на нет эфемерную академическую автономию, но и устраняющий профессоров совершенно от университетских дел. Проект прошел все инстанции Наркомпроса; но последствия известны и таковы, что дальнейшее его продвижение приостановлено временно, по-видимому, в правительственных сферах возникли сомнения в его целесообразности. Зато, отказавшись от проведения проекта (по крайней мере, сейчас во всероссийском масштабе торопятся ввести его) ... для одного Московского университета, по поводу чего идут совещания. Из других академических новостей могу сообщить об открытии подготов[ительных] курсов при университете, это попытка конкурировать с Раб[очим] Факультетом. Записались до 700 слушателей, на днях приступили к делу, но что из этого выйдет, трудно сказать. Но, во всяком случае, попытка интересная, и за работу преподаватели принимаются с увлечением.

Всего Вам хорошего. Моя мама и сестры простят передать Вам их поклон. Остаюсь с уваж[ением] Бахрушин. 9 сент[ября]/27 авг[уста] 1920.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2211. Л. 37—38

№ 5

Лист, сложенный пополам, формат ½ листа А4

Многоуважаемый Сергей Федорович,
Пользуюсь любезностью С.Ф.Ольденбурга⁶⁹, чтобы переслать Вам заинтересовавшую Вас статью⁷⁰ (она была помещена в Известиях нашего Моск[овского] Истор[ического] О[бществ]а⁷¹); это небольшая попытка не совсем обычных приемов критики источников.

Спасибо большое за Ваше письмо. С нетерпением буду ожидать Вашего отзыва о моей работе.

Всего лучшего. Остаюсь с ув[ажением] Бахрушин.

21 мая 1921.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2211. Л. 8

№ 6

Записка на листе желтого цвета ≈ 10×12

Многоуважаемый Сергей Федорович,
большое Вам спасибо за то, что зашли к нам и привезли мне деньги. Я ужасно жалел, что Вы меня не застали, я пришел, по словам мамы, минут через 5—10 после того, как Вы ушли. Очень жаль, что в этот Ваш приезд не удалось повидаться.

Большая просьба, прежде чем печатать мою статью, попросить прислать мне корректуру, так как в рукописи есть описка. Еще раз большое Вам спасибо. Всего Вам лучшего. Остаюсь с уваж[ением] Бахрушин.

Б/д.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2211. Л. 34—34 об.

№ 7

Лист желтого цвета, нелинованный, формат А4

Б.д. [1921]

Христос Воскресе, многоуважаемый Сергей Федорович, поздравляю Вас с праздником и желаю Вам всего лучшего.

Я воспользовался любезностью Юрия Влад[имировича]⁷², чтобы направить к Вам статью; она вышла немного громоздкой. Некоторые части ее, меня самого не совсем удовлетворяют, но Вы сами будете судьей. Если успеете, сообщите, пожалуйста, с Юрием Влад[имировичем] Ваше мнение. Писалось, признаться, с большим трудом; все-таки истощение дает себя чувствовать. О наших московских новостях Вам расскажет Юрий Владимирович. Всего хорошего. Ваш Бахрушин (подпись).

P.S. По почте пришлю Вам список пособий, которыми я пользовался для напечатания в конце статьи.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2211. Л. 39

№ 8

Тетрадный лист в клетку, зеленоватого цвета, сложен пополам

Б. д.

Многоуважаемый Сергей Федорович,
пользуюсь любезностью А.И.Андреева, чтобы переслать Вам счет, который Вы были так добры направить ко мне и вместе с тем поблагодарить Вас за Вашу любезность.

У нас в Москве ничего нового нет. Все Ваши друзья шлют Вам привет. Остаюсь с уваж[ением] Бахрушин.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2211. Л. 40

№ 9

Лист нелинованный, формат А4

29/16 июля 1921, Москва

Многоуважаемый Сергей Федорович,
весь июль я пробыл вне Москвы, устроившись в загородной школьной колонии⁷³, где одновременно и отдыхаю, и занимаюсь с детьми. Поэтому письмо Ваше я получил только на днях и спешу поблагодарить Вас за него. Я очень рад, что статья моя Вас удовлетворила, хотя я сам не вполне ею доволен. По той же причине отсутствия из Москвы я одновременно узнал и о постигшем Вас

несчастном случае и о том, что Вы в настоящее время поправляе-
тесь⁷⁴. Позвольте выразить Вам мое глубокое огорчение по повод-
у случившегося и радость Вашему выздоровлению.

В Москву я приехал несколько дней тому назад и сегодня со-
бираюсь обратно в колонию, где рассчитываю провести еще ав-
густ. В Москве настроение довольно бодрое. Образованный Об-
щественный Комитет помощи голодающим вызывает много тол-
ков и очень много самых противоречивых суждений. Далеко не
все, по-видимому, сочувствуют этому начинанию и верят в его ус-
пех. Академическая жизнь замерла. В мои редкие приезды в Мос-
кву я видел М.М.Богословского, Д.Н.Егорова, иногда Ю.В.Готье;
все они здоровы и тянут обычную служебную лямку. От Алексея
Ив[ановича] были известия, что он собирается приехать в Мос-
кву. Всего Вам хорошего. Желаю Вам полного выздоровления. Оста-
юсь с ув[ажением] Бахрушин.

P.S. Прилагаю список пособий к моей статье.

Список основных пособий к статье С.В. Бахрушина

«Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX ве-
ка»⁷⁵.

Главными пособиями служили

Миллер⁷⁶: Описание Сибирского царства и продолжение этой
работы в «Ежемесячных сочинениях» за 1764 год⁷⁷.

Его же: Морские путешествия по Ледовитому и Восточному
океану с российской стороны, опубликованные в «Ежемесячных
сочинениях»⁷⁸ за 1758 г.

Словцов⁷⁹: Историческое Обозрение Сибири⁸⁰.

Андреевич⁸¹: Исторический очерк Сибири (в 6 частях)⁸².

Его же: Сибирь в XIX веке⁸³.

Его же: Краткий очерк истории Забайкалья⁸⁴.

Буцинский⁸⁵: Заселение Сибири⁸⁶.

Его же: К истории Сибири (в Записках Харьковского универ-
ситета за 1893 год)⁸⁷.

Дмитриев⁸⁸: Пермская Старина⁸⁹.

Щеглов⁹⁰: Хронологическое перечисление важнейших данных
по истории Сибири⁹¹.

Ядринцев⁹²: Сибирь как колония⁹³.

Гагеместер⁹⁴: Статистическое обозрение Сибири (1854 год)⁹⁵.

«Россия» под ред. П.П.Семенова⁹⁶, Т. XVI⁹⁷.

Golder⁹⁸. Russian Expansion on the Pacific⁹⁹.

Берг¹⁰⁰: Известия о Беринговом проливе и его берегах¹⁰¹.

Огородников¹⁰²: Сибирские инородцы и русская государственная власть в XVI—XVIII вв.¹⁰³

Шашков¹⁰⁴: Рабство в Сибири¹⁰⁵ и др. статьи¹⁰⁶. Статьи¹⁰⁷ Шапова¹⁰⁸ Оглоблина¹⁰⁹, Козьмина¹¹⁰ и друг[их].

Источниками служили неизданные архивные материалы Сибирского Приказа¹¹¹, хранящегося в бывшем Архиве М[инистерств]а Юстиции, а также материалы, напечатанные в Актах Исторических и Дополнениях к Актам Историческим¹¹², в Чтениях О[бществ]а Истории и Древностей Российских¹¹³ за 1867 год, во II и VIII т.т. Русской Исторической Библиотеки¹¹⁴ и в Памятниках Сибирской Истории¹¹⁵, изд[ания] Археогр[афической] Комис[сии]¹¹⁶; Сибирь в XVII в.¹¹⁷, изд[ано] Титовым¹¹⁸ (Материалы для истории города XVII и XVIII вв.¹¹⁹).

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2211. Л. 9—10 об.

№ 10

Лист желтого цвета, нелинованный, согнут пополам, формат А4

3/16 авг[уста], Москва

Многоуважаемый Сергей Федорович, приехав вчера из деревни, нашел Ваше любезное письмо от 17/30 июля и спешу повиниться, что отсутствие из Москвы, как и в прошлый раз, помешало ответить Вам сразу. Я очень рад принять предложение, которое Вы делаете мне относительно моего «Очерка»¹²⁰. Вместе с тем прошу Вас принять мою глубокую благодарность, так как для меня очевидно, что этими предложениями я всецело обязан Вам и Вашему доброму отношению ко мне.

Я продолжаю жить в городе, в мирной деревенской обстановке и посвящаю все свое время педагогическим занятиям с детьми, живущим в колонии; это для меня большой отдых. Сейчас приехал в Москву на три дня; еще никого не видал, но узнал, что в мое отсутствие здесь был Алексей Иванович и очень жалею, что не удалось с ним повидаться; говорят, он бодр, выглядит недурно и пока не собирается покидать Симбирска.

Всего Вам лучшего. Все наши шлют Вам привет. Еще раз большое спасибо. Остаюсь с ув[ажением] Бахрушин.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2211. Л. 35—36

№ 11

Лист в широкую линию, сложен пополам, формат А4

Многоуважаемый Сергей Федорович,
по поручению А. Ив. Яковлева я попросил К.В.Базилевича¹²¹ передать Вам на просмотр I т. Актов по истории крестьянства и холопства¹²², издаваемых Истор[ическим] Институтом¹²³. К сожалению, это только пробный черновой экземпляр, на который Ал[ександр] Ив[анович] просил Вас смотреть именно как на таковой. Наша общая просьба к Вам не отказаться поглядеть этот том и дать о нем письменный отзыв, так как это необходимо для получения ассигновки для продолжения этой работы.

Всего Вам хорошего. Мой привет общим друзьям и знакомым в Петербурге. Остаюсь с уваж[ением] Бахрушин.

14 апр[еля] 1925 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2211. Л. 11

№ 12

Лист в широкую линию, сложен пополам, формат А4

Карандашная пометка

Платонова о получении «15.XII»

Многоуважаемый Сергей Федорович,
у нас сейчас в Москве на очереди 2 небольших по важности юбилея — М.М.Богословского и Д.М.Петрушевского¹²⁴. О первом еще только вопрос поставлен, но он встретил сочувствие М.Н.Покровского¹²⁵ и поэтому мы не ожидаем никаких затруднений. Что касается юбилея Д.М.Петрушевского, то благодаря тому, что инициативу принял на себя Волгин¹²⁶, я предложил провести его в настоящем году, то дело уже налажено. 20-го декабря, в 5 ½ ч дня будет заседание Историч[еского] Института, на котором и состоится

небольшое чествование. Предполагается придать этому чествованию интимный характер, поэтому официальных извещений никому не посылаем, и даже из учреждений уведомлены только очень немногие, как, например, Академия. Но инициативная группа поручила мне сообщить Вам о предполагаемом чествовании, а также о том, что имеется в виду подать сборник статей, посвященных Петрушевскому, и просить Вас принять участие, как в заседании, так и в сборнике, а также уведомить о юбилее тех лиц и учреждения, которые Вы сочтете желательным. Прилагаю уведомление о сборнике¹²⁷. Исполнив поручение, которое мне было дано, позволяю себе перейти к нашим московским домашним делам. Все наши друзья и знакомые шлют Вам привет. Не могу сказать, чтобы я был доволен своими московскими друзьями: Михаил Михайлович мне очень не нравится, несчастье¹²⁸, его поразившее, странно на нем отразилось; Алексей Ив[анович] тоже последнее время как-то плохо себя чувствует, переработался. Научные занятия идут своим чередом, но как-то не чувствуется оживления, все поутомились. Словом, не знаю, как Вам сказать, но как-то чувствуется, что все кругом поутомилось, одряхлело. Временное ли это настроение или нет, или может быть вообще это лишь мое лично субъективное впечатление? Очень жалею, что в прошлый Ваш приезд так мало Вас видел. Мои все Вам кланяются. Мама приехала из путешествия, и мы опять все вместе. Если соберетесь в Москву, будем ужасно рады, если Вы найдете минуточку нас навестить.

Всего лучшего. Остаюсь с ув[ажением] Бахрушин (подпись).
10 дек[абря]. 1925.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2211. Л. 12—13 об.

№ 13

Лист нелинованный, формат А4

Помета Платонова пером сверху:

«Отв[ет]. 31/ХІІ»

Москва. 20 дек[абря] 1925

Многоуважаемый Сергей Федорович,
вчера получил я Вашу открытку, в которой Вы спрашиваете меня относительно юбилея Михаила Михайловича и спешу Вам

ответить. С тех пор, как впервые несколько друзей, собравшись, по выражению самого Михаила Михайловича — на моей «территории в Денежном пер[еулке]»¹²⁹, обсуждали вопрос о юбилее, выяснилось совершенно определенно, что публичное чествование юбиляра будет для него слишком тяжело. Чем меньше Михаил Михайлович выказывает пред друзьями всю глубину постигшего его горя, тем, в сущности, тяжелее он переносит его внутри себя. Люди близкие, как Сергей Константинович¹³⁰, предупреждают нас поэтому, что о публичном чествовании не может быть и речи. Вот почему в моем прошлом письме к Вам я об этом юбилее писал так неопределенно. Вчера Мих[аил] Мих[айлович] с той обычной ему простотой, которая делала его слова как-то особенно грустными, сказал мне, что там, где дело идет о чужих юбилеях, он находит отвлечение и даже развлечение, но собственный юбилей ему был бы невыносимо тяжел. Это, конечно, решает вопрос, относительно которого мы до сих пор колебались. Поэтому мы предполагаем только возбудить вопрос об ассигновании средств на издание сборника в честь М.М.Богословского, и тут мы надеемся на Ваше содействие, чтобы привлечь к делу петербургских друзей Мих[аила] Михайловича. Когда сборник будет напечатан (а это будет, конечно, не скоро — в конце этого года), можно будет подумать о том, чтобы вручение его Мих[аилу] Мих[айловичу] обставить если не торжественно, то во всяком случае сердечно и тепло. Но об этом впереди.

Что касается обычных преимуществ, которые присваиваются юбилярам, то вопрос о персональной ставке отпал ввиду повышения вознаграждения академикам; остается лишь вопрос о закрытии квартиры. Вот приблизительно все, к чему мы пришли. Мы не ожидали, что до Петербурга известие о наступающем юбилее дойдет уже в такой форме, которая заставила Вас предположить очень скорое исполнение возникшей между нас мысли. Боюсь, что Дмитрий Николаевич¹³¹ со свойственной ему экспансивностью дал повод такому предположению. Но, во всяком случае, как только что-нибудь реальное обозначилось бы, мы первым делом сообщили Вам, и без Вас не начали бы приводить в исполнение что-либо, касающееся Михаила Михайловича.

Очень надеюсь, что в скором времени увидим Вас в Москве. В прошлый Ваш приезд я Вас почти не видел. Надеюсь, что Вы

найдете минуту зайти и к нам. Все наши были бы этому очень рады.

Остаюсь с уваж[ением] Бахрушин (подпись).

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2211. Л. 14—15 об.

№ 14

Лист в широкую линию, серого цвета,
сложен пополам, формат ½ А4

Москва, 26 янв[аря]1926

Большое спасибо Вам, глубокоуважаемый Сергей Федорович, за присылку обещанных книги и рукописи, которые я получил вчера.

Мне давно хотелось иметь Вашу книгу¹³², и я Вам очень благодарен, что Вы выполнили мою просьбу, а надпись, которую Вы на ней сделали, свидетельствует лишний раз о Вашем добром и снисходительном отношении ко мне, которое меня очень трогает.

Работу¹³³ г[оспо]жи Ставрович¹³⁴ я лишь успел слегка проглядеть. Она какая-то незаконченная, и если можно так выразиться, растрепанная. Как будто она вертится вокруг правильного разрешения вопроса, но не умеет приняться за дело.

У нас в Москве все по-старому. Впрочем, от Михаила Михайловича Вы узнаете обо всем подробно. Вопрос о сборнике в честь Михаила Михайловича прошел через Коллегию Института, и мы на днях приступили к работе.

Всего Вам лучшего. Еще раз большое спасибо. Жена и мама шлют Вам свой привет.

Остаюсь с глуб[оким] уваж[ением] Бахрушин (подпись).

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2211. Л. 16—17

№ 15

Лист серого цвета, в широкую линию, формат ½ А4

Многоуважаемый Сергей Федорович,
к сожалению, вопрос о сборнике в честь Михаила Михайловича сейчас застрял безнадежно. Мы рассчитывали на ассигновку от

Института, как на этот сборник, так и на сборник Дмитрия Моисеевича; нам это было почти обещано. Но сейчас, мне кажется, выяснилось, что денег нет. Как иначе организовать, мы еще не сообразили; боюсь, что при общем безденежье и большой дороговизне печатания, складчина тоже не удастся. Все это печально, но, по-видимому, мы вообще вступили опять в очень тяжелую полосу жизни.

Видел Ваш учебник в английском переводе¹³⁵. Внешне — издано необыкновенно изящно, но, по-видимому, редакция безбожно сокращала и, боюсь сказать, исказила содержание. Я, впрочем, успел только просмотреть книжку.

В Москве у нас все идет по-прежнему. Все Ваши друзья шлют Вам привет. В этом году все как-то живут больше врозь, встречаясь только в научных собраниях, которых довольно много. Из последних интересных работ нам всем очень понравились прекрасные доклады А. А. Новосельского¹³⁶ о хозяйстве Безобразова¹³⁷, основанные на громадной переписке, которую А[лексей] А[ндреевич] собрал и превосходно обработал.

Алексей Иванович выпустил III, IV выпуски своего издания по истории крестьянства и холопства¹³⁸; они много содержательнее и интереснее первого, есть прямо ценнейшие документы. В связи с «неделей о декабристах» довольно много опубликовано любопытных материалов, но ни одного дельного доклада! Говорили о том, что делали, что думали, что стали бы делать, если бы все пошло не так, но никто не сказал, что такое декабристы.

Из книжных новинок на днях выйдет Сборник трудов Истор[ического] Разряда Ист[орического] Музея¹³⁹. Вышли в Сабашниковском издании 2 ч. Записок¹⁴⁰ Кузминской¹⁴¹ и небольшой сборник по Декабристам¹⁴². Вы их, я надеюсь, скоро получите. Сейчас печатаем Записки¹⁴³ художника Л. М. Жемчужникова¹⁴⁴.

Всего Вам лучшего. Мама и жена кланяются Вам и шлют наилучшие пожелания.

Остаюсь с глубоким ув[ажением] Бахрушин.

Москва, 18 марта 1926.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2211. Л. 18—19 об.

№ 16

Лист серого цвета, в широкую линию,
согнут пополам, формат ½ А4

21-го окт[ября] 1926, Москва

Дорогой Сергей Федорович,
давно собираюсь Вам написать, во-первых, чтоб поблагодарить Вас за издание Археогр[афической] Комиссии и попросить передать Комиссии мою благодарность. Письмо Ваше по делу Вашей знакомой я передал Михаилу Михайловичу, который приехал как раз к моменту получения Вашего письма; он хотел сам справиться, хотя я и предлагал ему свои услуги. Я нашел, что Мих[аил] Мих[айлович] очень поправился или вернее не столько поправился, сколько посвежел и поотдохнул душевно на Кавказе.

Мне даже кажется, что к нему вернулось кое-что из прежней молодости; боюсь только, что это ненадолго. По возвращении, он тотчас окунулся во все дела, которые без него несколько запутались. Сейчас все входит в свою колею. Алексея Ив[анович] я за последнее время видал довольно часто; он сидит в своем СовНарХоз[е] и порядком устает. Что касается меня, то принялся за статью по Якутии¹⁴⁵ и еще несколько есть работ, т[ак] ч[то] немного разбиваюсь и это отражается на занятиях; все тороплюсь и ничего не успеваю делать.

Мне говорил Мих[аил] Мих[айлович], что Вы в конце месяца собираетесь в Москву, и я с нетерпением жду Вашего приезда. Я всегда вспоминаю с необычайно приятным чувством мое пребывание в Петербурге и эту ласку, которую я встретил в Вашей семье. Передайте, пожалуйста, глубокоуважаемой Надежде Николаевне мой привет; надеюсь, чувствует себя удовлетворительно. Мой привет Вашим дочерям¹⁴⁶ и Вашей прелестной маленькой внучке.

Еще раз большое Вам спасибо. Желаю Вам всего хорошего.
Остаюсь с глубоким уваж[ением] Бахрушин.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2211. Л. 20—21

№ 17

Лист желтого цвета, нелинованный,
сложен пополам, формат ½ А4

Дорогой Сергей Федорович,

сегодня я надеюсь выехать на Научно-исследовательский съезд в Новосибирск¹⁴⁷ и прежде, чем уезжать, мне хотелось еще раз поблагодарить Вас за издания Археогр[афической] Комиссии, которые я все получил, и попросить Вас передать Комиссии мою благодарность.

Статью свою по Якутии я на днях послал в Комиссию по изучению Я[кутской] А[втономной] С[оветской] С[оциалистической] Р[еспублики]¹⁴⁸; П.Н.Виттенбург¹⁴⁹, проездом в Москву, говорил мне, что они ею довольны, но нужно кое в чем согласовать с другими статьями (что совершенно естественно); но сам я ею совсем не удовлетворен, пришлось очень спешить, и не удалось как следует отделать, да и далеко не все материалы нашлись, какие мне были нужны. Получили ли Вы труды Историч[еского] Музея? Вам должны были их прислать. Сейчас вышел I т. Трудов Историч[еского] Института¹⁵⁰. Не берусь судить о нем, но, мне кажется, что он вышел интересным. Статьи покойного А.Н.Савина¹⁵¹ дают богатейший и свежий материал для характеристики Николая I¹⁵². Очень хороша, по-моему, статья Н.М.Дружинина¹⁵³ (вернее маленькая диссертация) «Журнал Землевладельцев» 1858—1860¹⁵⁴, это очень талантливый ученик М.М.Богословского, очень вдумчивый и интересный работник. Мих[аил] Мих[айлович] поместил отрывок из его Истории Петра I¹⁵⁵. Новосельский дал хорошую статью о побегах крестьян¹⁵⁶, я очень высокого мнения о нем, как об ученом, ему претит только полнейшая застенчивость. Помещена и моя статья «Торги гости Никитина в Сибири и в Китае»¹⁵⁷, которую я буду иметь удовольствие Вам доставить.

В Москве все идет понемножку, но и нового, и интересного мало. Жена, мама и сестры шлют Вам привет.

Прошу Вас передать мой привет Надежде Николаевне¹⁵⁸ и Вашим дочкам. Всего хорошего. Крепко жму Вашу руку и остаюсь с уваж[ением] Бахрушин (подпись). 11 дек[абря] 1926.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2211. Л. 22—23 об.

№ 18

Лист желтого цвета, нелинованный, сложен пополам, формат А4

Пометка Платонова карандашом сверху: «Бахруш[ин]»
6-го янв[аря] 1927/24 дек[абря]1926

С Новым годом, дорогой Сергей Федорович,
передайте, пожалуйста, Надежде Николаевне и всей Вашей семье мои поздравления и пожелания всего лучшего.

Я очень хорошо и очень интересно съездил в Сибирь¹⁵⁹, хотя настоящую старую Сибирь, в сущности, и не видал. То, что я видал, это «новая Сибирь», растущая со стремительной быстротой подобно тому Новосибирску, в котором я был, где за 30 лет население увеличилось в 20 раз и где над рядами маленьких деревянных хибарок господствуют великолепные каменные здания казенных учреждений. Съезд привлек до 300 человек и носил хороший, деловой тон. В основе это был съезд техников и естествоиспытателей, но была секция «Человек», в которой представителем исторической науки был, кажется, я один. Ко мне обратились с предложением прочесть доклад о задачах исторического изучения Сибири¹⁶⁰, и наскоро скроенный доклад был встречен очень сочувственно и состоялся ряд постановлений, признающих современность восстановления исторического образования, так что результатами я остался очень доволен. Были довольно интересные доклады по вопросу о туземцах Сибири, а главное тон был серьезный. Для меня было особенно ценно, что я мог установить непосредственные связи, как с сибирскими научными работниками, так и с издательствами. Сейчас опять настраиваю себя на работу, нарушенную моей поездкой. Очень буду рад, если Вы удосужитесь прочесть мою статью о Якутии. Только поимейте, пожалуйста, ввиду, что она еще подлежит основательной корректуре.

Ваш отзыв о моей статье по истории Сиб[ирской] торговли доставил мне большое удовлетворение, хотя я и знаю, что к моим работам Вы всегда относитесь с слишком большой добротой.

Всего Вам лучшего. Моя семья просит передать Вам ее поздравления и привет. Остаюсь с глубоким уваж[ением] Бахрушин.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2211. Л. 24—25 об.

№ 19

Лист желтого цвета, в широкую линию,
согнут пополам, формат А4

Дорогой Сергей Федорович,

от всей души благодарю Вас за содействие к избранию моему члены Археогр[афической] Комиссии¹⁶¹ и прошу Вас передать Комиссии мою глубокую благодарность. Будьте добры, поблагодарите от меня всех членов Комиссии, которые помогли в этом деле.

Получил извещение и о том, что план издания Тамож[енных] книг¹⁶² принципиально встретил одобрение и в скором времени рассчитываю представить Комиссии исчерпывающие соображения.

У нас в Москве все идет по-старому. Только предполагаемый отъезд Михаила Михайловича всех нас чрезвычайно взволновал и неожиданностью, и необычностью. Мне лично кажется, что ему, в конце концов, эта поездка принесет пользу, отвлечет его от многого, что ему тяжело. Алексея Ив[ановича] я за последнее время что-то мало видел, он очень занят и очень устает. Сам я сейчас читаю в университете; это берет много времени, но я делаю это с удовольствием. Состав слушателей лучше, чем я ожидал, и та группа, которая посещает занятия, относится к ним удовлетворительно. Впрочем, в современном университете есть некоторые черты, которые для меня странны, например, регистрация посещений семинаров, военные обучения и т.д.

Мой привет Надежде Николаевне и Вашим дочерям. Желаю Вам всего лучшего. Жена и мама посылают Вам свои поклоны. Остаюсь с уваж[ением] Бахрушин.

15-го апр[еля] 1927.

P.S. Передайте, пожалуйста, мой большой привет Александру Игнатьевичу¹⁶³.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2211. Л. 26—27

№ 20

Лист желтого цвета, в широкую линию, сложен пополам, формат А4

Дорогой Сергей Федорович,

спасибо Вам большое за письмо и за привет. Спешу сообщить Вам, что мне известно о Шестаковых¹⁶⁴. Афан[асий] Шестаков¹⁶⁵ —

личность очень известная; это любопытный исследователь Сибири чина Сем[ена] Ремезова¹⁶⁶, только головою ниже его, инициатор завоевания Чукотской земли и открытия «Большой Земли» (т.е. Северн[ой] Америки) и составитель (хотя и не самостоятельный) карты Чукотского полуострова, которой пользовался географ Делиль¹⁶⁷. Он был простой неграмотный якутский казак¹⁶⁸. В конце 1705 г. он исполнял обязанности десятника казачьего; 11 января 1706 г. он был «приверстан» в «десятники казачьи с прежним своим казачьим окладом» (Сибирские города. Матер[иалы] для их из[учения] XVII и XVIII в Москве, 1886 г., с. 97). Затем он делает быструю карьеру: 1714—1716 гг. он уже фигурирует с званием «дворянина» (Пам[ятники] Сиб[ири] из XVIII в. В изд[ании] Археогр[афической] Ком[иссии], т. II, с. 50, 120). Позже его называют обычно «казачьим головою». В 1726 и 1727 гг. он был в Петербурге и «чинил ... многие предложения об усмирении непокорных чукчей», причем представил «ландкарту» (О карте Аф. Шестакова — Л.С.Берг, Гезверг о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Куке, в Зап[иски] по гидрографии, т. II (XLIII), вып. 2 и отд., с. 45—47; там же воспроизведена карта Шестакова во французской копии Делиля). В результате его хлопот ему была поручена большая экспедиция на Чукотский полуостров. Вернувшись в Якутск, в декабре двинулся на север вдоль побережья. За 2 дня езды до р. Пенжины (Чендона) он имел столкновение с большой партией чукчей, был разбит на голову и сам пал в сражении (на р. Агаче¹⁶⁹, 14 марта 1730 г.). По его распоряжению казак Треска, Козыревский¹⁷⁰ и геодез[ист] Гвоздев были посланы для проведения «Большой земли», расположенной против устья р. Анадырь. Сведения о нем у Миллера. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие 1758 г. I, с. 117—119, 400—403.

Об экспедиции Шестакова есть статья А.Сгибнева¹⁷¹ в Морск[ом] сборн[ике] 1869 г., № 4¹⁷². Я полагаю, что архивный материал по этой экспедиции должен иметься в принадлежащих Академии портфелях Миллера¹⁷³, так как материалы, на основании которых составлено и помещено в Соч. и перев. 1758 г. «Описание морских путешествий по Ледов[итому] и по Вост[очному] морю» и которые напечатаны в Пам[ятниках] Сиб[ирской] Ист[ории] XVIII в. (до 1724 г.), (извлечены именно¹⁷⁴) из этого фонда; надо полагать, что материалы после 1724 г. в том же фонде. Некоторые сведения

о службе Шестакова до 1706 г. (формальные) могут быть найдены в делах Сиб[ирского] приказа. В окладной книге 1681 г., напеч[атанной] в «Сиб[ирских] городах», я его не нашел. Меньше данных о его сыне Петре Аф[анасьевиче] Шестакове. Знаю о нем только, что в 1761 г. он служил в Якутске в звании сына боярского 2-й степени и был «на железном заводе комиссаром»¹⁷⁵, может быть, дело идет о железном заводе близ Якутска, построенном для обслуживания экспедиции Беринга, но я не уверен, не прекратил ли он свое существование к этому времени.

Что касается самого поручения Петра I¹⁷⁶ о поисках скелета мамонта, то я не помню, чтобы мне попадалось о том упоминание. Оговариваюсь, однако, что я мог позабыть, так как этот вопрос не входил в круг моих занятий, и я мог пропустить без внимания указания на этот факт. Представления современников о мамонте превосходно изложены Новицким в «Описании о народе остяцком»¹⁷⁷ (Памятники Др[евней] Письм[енности], LIV). Посмотрите также в сборнике¹⁷⁸ Попова¹⁷⁹ описание мамонта на стр. 402. К сожалению, у меня нет под руками Витзена¹⁸⁰, второе издание труда которого вышло в 1702 г.; в нем тоже Петр мог найти много про мамонта.

Последние дни до нас дошло известие о предполагаемом Вашем приезде с Надеждой Николаевной в Москву. Мы все ждем Вас с большим нетерпением. Жена, мама и сестры шлют Вам поклон. Мой привет Вам и всей Вашей семье. Очень кланяюсь Надежде Николаевне и надеюсь ее скоро увидеть. Всего лучшего. Остаюсь с ув[ажением] Бахрушин.

5 мая 1927 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2211. Л. 18—29 об.

№ 21

Почтовая карточка

Адрес: Ленинград, улица Красных
Зорь (Каменноостровская), д. 75
Сергею Федоровичу Платонову

Дорогой Сергей Федорович,
очень Вас благодарю за поздравления и со своей стороны сердечно поздравляю Вас и прошу передать мои поздравления

Надежде Николаевне и всей Вашей семье. Я ужасно жалел, что нам не удалось встретиться в последний Ваш приезд; спасибо, что Вы зашли к нам, мама была очень довольна с Вами повидаться, но жаловалась, что Вы очень торопились. Относительно Петербурга у меня пока еще ничего не выяснилось; сейчас у меня денег нет. Как только выясню, я Вам напишу. Еще раз большое Вам спасибо. Жена, мама и сестры шлют Вам свой привет.

Ваш Бахрушин. 7 сент[ября] 1927 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2211. Л. 30—30 об.

№ 22

Почтовая карточка

Адрес: Ленинград, улица Красных
Зорь (Каменноостровская), д. 75
Сергею Федоровичу Платонову

Дорогой Сергей Федорович,

очень мечтаю в конце этой недели примерно в субботу (22-го) приехать в Питер, чтобы захватить в Археогр[афическую] Комиссию. Одновременно с этим письмом я обращаюсь в Дом Ученых с просьбой оказать мне гостеприимство в течение недели или дней 10. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы были так добры, замолвить за меня словечко. Как только приеду, позвоню к Вам, чтобы узнать, когда и где с Вами повидаться? Простите, что беспокою Вас и злоупотребляю Вашей добротой.

Мой привет глубокоуважаемой Надежде Николаевне и всей Вашей семье, которую я надеюсь в скором времени, если ничего не помешает, увидеть.

Жена, мама и сестры кланяются Вам.

Всего Вам хорошего. Ваш Бахрушин.

17-го окт[ября] 1927.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2211. Л. 31—31 об.

№ 23

Почтовая карточка

Адрес: Ленинград, улица Красных
Зорь (Каменноостровская), д. 75
Сергею Федоровичу Платонову
13 нояб[ря] 1927

Спасибо, дорогой Сергей Федорович,
за выписки, которые мне передал Михаил Михайлович. Они
для меня очень интересны, т[ак] к[ак] дополняют мои сведения о
туземном костюме XVII—XVIII вв., которые я собираю в полном
смысле слова по крохам. Мой привет Надежде Николаевне и всей
Вашей семье. Я вспоминаю с большим удовольствием мое пре-
бывание в Питере и сейчас приступил к разборке вывезенных от-
туда архивных «ценностей».

Всего хорошего, и мама кланяется Вам. Еще раз очень Вас
благодарю. Я был очень тронут Вашим добрым вниманием. Ваш
Бахрушин.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2211. Л. 32—32 об.

№ 24

Почтовая карточка

Адрес: Ленинград, улица Красных
Зорь (Каменноостровская), д. 75
Сергею Федоровичу Платонову

Дорогой Сергей Федорович,
поздравляю Вас и всю Вашу семью с праздником и Новым го-
дом и желаю Вам всего лучшего. Мой большой привет Надежде
Николаевне и пожелание ей доброго здоровья. Как Вы себя чувст-
вуете? Мы в Москве все были очень встревожены Вашей болез-
нью; надеюсь, что, как я слышал от Мих[аила] Мих[айловича],
Вы теперь вполне поправились. Жена и мама кланяются Вам.
Всего Вам лучшего.

Ваш Бахрушин.

24 дек[абря] 1927/3 янв[аря] 1928.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч.2. Д. 2211. Л. 33—33 об.

№ 25

Конверт:

Сергею Федоровичу Платонову
улица Красных Зорь (Каменноостровская), д. 75. Ленинград

Письма С.В.Бахрушина С.Ф.Платонову за 1928—1929 гг.

№ 1

Лист желтого цвета, в широкую линию,
сложен пополам, формат ½ А4

Спасибо, дорогой Сергей Федорович, за предложение участвовать в Вашем журнале¹⁸¹; мне доставило большое удовольствие работать в издании, выходящем под Вашей редакцией. При случае, будьте добры уведомить меня, на какого читателя приблизительно рассчитан Ваш журнал и, во-вторых, к какому сроку Вам нужна моя статья.

Передайте, пожалуйста, мою благодарность Археогр[афической] Комиссии за присылку Тихвинских книг. Очень благодарю Вас лично за содействие.

Мой привет Надежде Николаевне и всей Вашей семье. Мы очень ждем Вас в Москве, одно время Вы навещали нас довольно часто, а теперь совсем забыли. Всего Вам хорошего. Остаюсь с уваж[ением] Бахрушин (подпись).

24 янв[аря] 1928.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2212. Л. 1—2

№ 2

Лист желтого цвета, в широкую линию,
сложен пополам, формат ½ А4

Дорогой Сергей Федорович!

Посылаю Вам свою статью для Вашего журнала и очень прошу Вас внести в нее все необходимые с точки зрения редакции изменения, в частности в заглавие, которое меня не совсем удовлетворяет.

Сейчас мне звонил Конст[антин] Вас[ильевич] Базилевич, он вернулся сегодня из Петербурга в полном восхищении от Вашей речи на юбилее Комиссии¹⁸² и заставил меня лишний раз пожалеть, что я не смог сам на него попасть. Очень был рад узнать, что здоровье Ваше настолько поправилось, что Вы смогли выступить публично.

Как чувствует себя Надежда Николаевна? Передавайте ей и всей Вашей семье мой сердечный привет. Всего Вам лучшего. Жена, мама и сестры шлют Вам поклон.

О наших московских делах Вам порасскажет Мих[аил] Михайл[ович], хотя многие слухи слишком, мне кажется, предупреждают события.

Остаюсь с уваж[ением] Бахрушин.

3 апр[еля] 1928.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2212. Л. 3—4

№ 3

Лист желтого цвета, в широкую линию, формат ½ А4

Москва. 1928/VI. [19]29

Дорогой Сергей Федорович,

позвольте сообщить Вам все, что я узнал относительно интересующих Вас рукописей. Михаил Вас[ильевич], к которому я обратился, познакомил меня с договором, заключенным с племянницей Б[ориса] Н[иколаевича]¹⁸³ Чичериной, дочерью его брата Аркадия Николаевича — Натальею Аркадьевной Чичериной. Для Вас может быть интересен первый пункт договора: «Москва, апреля 28 дня 1922 г. Мы, нижеподписавшиеся, Наталья Аркадьевна, с одной стороны, и изд[ательств]о М. и С. Сабашниковых с другой, заключили настоящий договор в следующем: 1) Н.А.Чичерина уступила изд[ательств]у М. и С. Сабашниковых исключительное право выпуска в свет Воспоминаний Б.Н.Чичерина¹⁸⁴, для чего предоставляет изд[ательств]у переписанную на машинке копию трех Воспоминаний в полную собственность, а оригинал рукописи во временное пользование¹⁸⁵ для редакционной работы, причем изд[ательств]о обязано оригинал рукописи возвратить в полной сохранности (к 28 апр[еля] 1923 г.)». В 1922—1923 гг. я

еще не работал в издательстве Сабашниковых и «оригинала» поэтому сам не видал. Но из опроса лиц, работавших над рукописью, я узнал, что она представляла восемь тетрадей в темно-зеленом сафьяновом переплете, исписанных от руки, без помарок и производила впечатление чистовых экземпляров. «Оригинал», согласно договору, был возвращен Н.А.Чичериной по ее требованию (впрочем, позже, чем в 1923 г., но когда точно в издательстве не сказали, а я забыл спросить). Где он находится сейчас, мы не знаем. В вышедших в 1928 г. «Трудах» Ленинской библиотеки («Письма Толстого и к Толстому»¹⁸⁶) в статье Н.М.Мендельсона¹⁸⁷ «Толстой и Чичерин» имеются цитаты из «Воспоминаний», снабженные следующим примечанием: «За разрешение ознакомиться с подлинником Воспоминаний и частично воспользоваться ими для настоящей работы искренно благодарю Алексея Владимировича Чичерина»¹⁸⁸. Как А. Вл. Чичерин приходится Б.Н.Чичерину, я точно не знаю, кажется, он племянник комиссара и, след[овательно], внук одного из братьев Бориса Николаевича. Это молодой человек, поэт (и довольно плохой); он всегда фигурирует рядом с Н.А.Чичериной в качестве наследника Бориса Николаевича, но официально в договоре с издательством не участвовал. К двум названным лицам, насколько я слышал, рукописи достались по наследству от вдовы Б.Н.Чичерина — Александры Алексеевны, рожденной Капнист¹⁸⁹, умершей, по наведенным мною справкам, в 1920 г. И Нат[алья] Аркадьевна, и Ал[ексей] Влад[имирович] Чичерины живут в Москве и, вероятно, не откажутся сообщить о судьбе оригинала, если это та рукопись, которая предназначалась для Академии¹⁹⁰.

Что касается копии, принадлежащей издательству, то ее сверил с подлинником А.А.Захаров (довольно поверхностно) и выяснил, что она близко повторяет оригинал. Главнейшие отличия следующие: есть несколько пропусков, из которых только один значительный (характеристика злая, и, по-моему, несправедливая, Влад[имира] Ив[ановича] Герье¹⁹¹, выпущенная, очевидно, сознательно при копировании, но по желанию ли Б.Н.Чичерина или после его смерти, сказать нельзя, так как время составления копии нам неизвестно); несколько мест старательно вычернены, но по сличению с оригиналом, оказалось, что в них ничего нет, кроме деталей, действительно, довольно неуместных. Наконец, имеются

поправки литературного свойства. В копии есть поправки от руки, сделанные тем же почерком, что и «оригинал». Но в свое время не было выяснено, чей это почерк. Это, конечно, большое упущение и мне ужасно досадно, что я слишком поздно подошел к этому делу, когда подлинник был уже возвращен. Я постарался сравнить почерк поправок на копии с почерком писем Чичерина в Ленинской б[иблиоте]ке, но не пришел к категорическим выводам; Ульянов¹⁹², который как Вы знаете, работает над архивом Чичерина, тоже не находит полного сходства в почерках, но говорил, что этим же почерком сделаны некоторые позднейшие надписи на письмах. Вопрос, таким образом, требует еще выяснения, которое затруднено тем, что в архивное отделение вносить свои материалы для сравнения затруднительно. Во всяком случае, я думаю, что сумею выяснить этот вопрос из опроса лиц, знавших Б.Н.Чичерина.

Вот все сведения, которые мне удалось собрать. Надеюсь, что при всей их неполноте они могут дать Вам приблизительную нить для Ваших поисков.

Всего Вам хорошего, дорогой Сергей Федорович, крепко Вас обнимаю и жму Вам руку. Мой привет Вашей семье. Куда Вы собираетесь на лето? Сам я на днях собираюсь переехать на дачу, где уже ждут меня жена с девочк[ами]¹⁹³. Всего лучшего. Остаюсь с уваж[ением] Бахрушин.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2212. Л. 5—7 об.

№ 4

Лист желтого цвета, в широкую линию,
сложен пополам, формат А4

Дорогой Сергей Федорович,

очень рад, что мои сведения о рукописи Чичерина Вас удовлетворили. Хочу сообщить Вам несколько несущественных дополнительных данных. Алексей Владимирович Чичерин — внук брата Бориса Николаевича — Владимира Николаевича, но я ошибся, отождествив его с поэтом Алексеем Николаевичем Чичериным, который отношение к ним, как я узнал, не имеет. Теперь одно

маленькое практическое соображение. Если Вы хотите начать переговоры о возвращении подлинника, то лучше обратиться именно к Алексею Влад[имировичу] Чичерину, о котором говорят, как об очень деликатном и порядочном человеке; это тем удобнее сделать, что можно основываться на ссылке, которую я Вам привел в прошлом письме из издания Писем Толстого к Толстому Ленинской Библиотеки. Наоборот, Нат[алья] Арк[адьевна] Чичерина — и очень неумный, и очень непорядочный в деловых отношениях человек. Осенью, когда вернется из отпуска Ник[олай] Мих[айлович] Мендельсон, который схож с Ал. Чичериным, если Вы найдете нужным, то я смогу от Вашего имени попросить его переговорить с ним об этом деле.

Я передал Мих[айлу] Васильевичу Ваше любезное предложение относительно фотокопий, он был очень тронут и хотел, будучи в Петербурге, лично к Вам заехать. Сейчас нам передал свои Воспоминания профессор Нечаев — педагог¹⁹⁴. Мих[айл] Вас[ильевич], ознакомившись с их содержанием, не решает, однако, дать ему определенный ответ. В них описывается столкновение, которое у него произошло в Петербургском университете по поводу его диссертации; в частности, с благодарностью упоминается Ваше участие к его труду. Хотелось бы, прежде чем решать вопрос, знать Ваше мнение, как лица, близко стоявшего к университету, чтобы не попасть в ложное положение, т[ак] к[ак] ни Мих[айлу] Вас[ильевичу], ни мне не известна в точности сущность дела. Поэтому при свидании позвольте с Вами об этом поговорить.

Моя семья и я живем сейчас в деревне в очень живописном уголке Моск[овского] уезда у слиянии Москвы с Истрой и в Москве я бываю мало и редко. Погода хорошая и я много хожу и совсем не работаю.

В кармане у меня сейчас командировка в Петербург, но когда я выберусь — я не знаю.

Всего Вам лучшего. Мой привет Вашей семье. Жена и мама Вам кланяются. Ваш Бахрушин. 1920/VII. 29. Москва.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2212. Л. 8—9 об.

№ 5

Лист желтого цвета, нелинованный, сложен пополам, формат А4

Ваше письмо, дорогой Сергей Федорович, меня очень тронуло. Для меня было такое большое удовольствие видеть Вас в Москве, что я мог только сожалеть, что не в состоянии обставить Ваше пребывание здесь так, как мне хотелось бы; но я очень рад, что Вы остались довольны — это дает мне надежду, что Вы не будете откладывать своего намерения посетить нас опять в скором времени. Сейчас, когда всем так трудно, испытываешь особенно сильно потребность видаться с людьми, которых любишь и уважаешь.

Позвольте очень поблагодарить Вас за книги, присланные мне благодаря Вашему содействию из Академии, я получил их третьего дня. Большое, большое Вам спасибо.

Как скончался Александр Евгеньевич?¹⁹⁵ Из Вашего письма я заключил, что он умер сразу, без мучений. Надеюсь, что это так, а то ему грозила ужасная смерть.

У нас в Москве ничего нового нет. У меня лично все также неопределенно. Матвей Кузьмич, которого я видел вчера, в понедельник собирается подать заявление в президиум Обл[астного] Совета относительно общества и одновременно послать копию с него в Академию.

Передайте, пожалуйста, мой искренний привет Вашему семейству. Все мои Вам кланяются и просят передать, что ждут Вас в скором времени, как Вы обещались.

Крепко Вас обнимаю. Всего хорошего. Ваш Бахрушин. 19 — 6/IX — 29.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2212. Л. 10—11

№ 6

Лист желтого цвета, в широкую линию, сложен пополам, формат А4

Дорогой Сергей Федорович,
большое Вам спасибо за книги, я их получил вчера и премного благодарен Вам и Археографич[еской] Комиссии.

Сегодня получил Ваше письмо, и сегодня же попробовал выяснить, как обстоит дело с Отдел[ом] Рукописей в Историч[еском] Музее. Дело в том, что «катастрофа» коснулась в числе 34

чел[овек] и меня. Это форменный погром и расправа со всеми, кто смел «свои суждения иметь». В частности, устранены все, кто был близок к Мих[аилу] Мих[айловичу] (это не моя догадка, а об этом мне говорили люди осведомленные). Тем не менее, в Отдел[е] Рукоп[исей] осталось большинство прежних сотрудников Михаила Нестеровича¹⁹⁶ (удален, к моему большому сожалению, Вяч[еслав] Фед[орович] Ржига¹⁹⁷), и они, конечно, окажут Вам полное содействие. Далее 27-го вернется Юрий Влад[имирович] Готье, который из всех нас один уцелел, что я объясняю это тем, что ему не приходилось иметь дело с администрацией и следов[ательно], он не раздражал ее. Он Вам все устроит. Наконец, молва называет заместителем Мих[аила] Нес[теровича] — А.С.Орлова¹⁹⁸; я пытался к нему позвонить, но, кажется, он переменял квартиру и я не дозвонился, но во всяком случае можно быть уверенным в его любезности. Словом, не откладывайте Вашего приезда; с Кормчей дело, несомненно, устроится.

Надеюсь, до скорого свидания в среду. Крепко жму Вашу руку. Еще раз большое Вам спасибо за книги. Привет Вашей семье.

Ваш Бахрушин. 19 — 20/IX — 29.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2212. Л. 12—13

№ 7

Лист желтого цвета, нелинованный, сложен пополам, формат А4

Спасибо за письмо, дорогой Сергей Федорович!

Мама была очень тронута Вашим вниманием и просила передать Вам ее благодарность, а я лишний раз был изумлен, как Вы можете помнить все мелочи, касающиеся жизни Ваших друзей, особенно сейчас, когда у Вас так много забот.

Академические новости нас сильно поранили, но мы все глубоко убеждены, что дело уладится. Очень хотелось бы знать, что делается у Вас, а то очень беспокоит на душе. Главное, меня огорчает, что вся эта история не особенно должна Вас волновать, тревожить и может отразиться на Вашем здоровье, для которого так важно спокойствие. Хотелось бы очень Вас повидать. Собираетесь ли Вы приехать в Москву и когда? Надеюсь, что скоро.

У меня в жизни некоторая перемена. Я поступил в Ленинскую библиотеку. Чувствую себя закабаленным, но встретил такое доброе отношение со стороны всех, начиная с Влад[имира] Ив[ановича]¹⁹⁹, что вступил под кров библиотеки, как в родной дом. Конечно, служба ограничит сильно возможность работать научно; но что же поделаться? Все так вынуждены сейчас делать.

Как поживают все Ваши? Передайте, пожалуйста, всем мой привет.

Всего Вам лучшего. Всеми помыслами в эти трудные для Вас дни мы с Вами. Крепко Вас обнимаю. Остаюсь с уваж[ением] Бахрушин (подпись).

19—8/XI—29.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2212. Л. 14—15 об.

№ 8

Лист желтого цвета нелинованный, сложен пополам, формат А4

Дорогой Сергей Федорович,

Как Вы себя чувствуете? Как Ваше здоровье? В Ваших письмах Вы так мало пишете о себе. Но в последнем Вашем письме промелькнуло несколько слов, которые беспокоят Ваших московских друзей. Все известия о Вас мы ловим с нетерпением, но, к сожалению, редко что до нас доходит. Все мы душой с Вами в это тяжелое для Вас время и глубоко убеждены и верим, что Вы с честью выйдете из испытания.

Поручение Ваше я исполнил. Некролог Мих[аила] Мих[айловича]²⁰⁰ я показал Серг[ею] Конст[антиновичу] и Марии Михайловне²⁰¹, Юрию Владим[ировичу], и затем отнес к Елизавете Петровне²⁰², которая оставила его у себя, чтобы переписать. Она обещала показать его Матвею Кузьмичу (я дважды и оба раза неудачно заходил к нему). Подлинник Елиз[авета] Петровна хотела вернуть мне, а я, если позволите, сохраню его у себя, это было бы мне вдвойне дорого, и как память о дорогом Мих[аиле] Мих[айловиче], отсутствие которого мы сейчас особенно живо все чувствуем, и как написанное Вами. Очень хороши, изящны свойственным Вам изяществом, те строки, в которых в 2—3 словах рисуете живой и цельный образ Мих[аила] Мих[айловича].

У нас ничего нового нет. Я продолжаю служить, это берет много времени, а главное, с непривычки очень утомляюсь, так что по вечерам я ни к чему не пригоден. Никого не вижу, кроме сослуживцев. Мои все шлют Вам привет и пожелания здоровья, сил и бодрости. Мы часто о Вас говорим и все время думаем. Передайте, пожалуйста, мой поклон Вашей семье. Не спрашиваю о том, как они себя чувствуют, так как представляем себе, как все, что происходит, должно быть для них тяжело. Помогай Вам Бог! Крепко обнимаю Вас и от всей души желаю Вам спокойствия. Собираетесь ли Вы в Москву и когда. Ваш Бахрушин (подпись).
13 декабря 1929 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2212. Л. 16—17 об.

Примечания

¹ Кафенгауз Б.Б. С.В.Бахрушин // Уч. зап. Моск. ун-та. 1952. Вып. 156; Зимин А.А. Творческий путь С.В.Бахрушина // Научные доклады высшей школы: Исторические науки. 1961. № 2.

² Исторические работы С.В.Бахрушина (Книги, статьи из журналов и сборников, редакция публикаций и книг, рецензии) // Вопросы истории. 1950. № 6. С. 127—136; Список научных трудов С.В.Бахрушина // Бахрушин С.В. Науч. тр. М., 1952. Т. 1. С. 9—20; Список научных работ С.В.Бахрушина по истории Сибири // Бахрушин С.В. Там же. Т. 3. Ч. 2. С. 273—276.

³ Архив Академии наук СССР: Обзорение архивных материалов. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 197—202.

⁴ Башарина Н.Г. С.В.Бахрушин как историк Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 5—7.

⁵ Шейнфельд М.Б. Методология работ С.В.Бахрушина по истории Сибири // Вопросы историографии и социально-политического развития Сибири (XIX—XX вв.). Вып. 1. Красноярск, 1976. С. 106—134; Он же. С.В.Бахрушин и историография Сибири советского периода: Учеб. пособие, Красноярск, 1980; Он же. С.В.Бахрушин и историография Сибири. Красноярск, 1980; Каштанов С.М. Творческое наследие С.В.Бахрушина и его значение для советской исторической науки (К столетию со дня рождения) // История СССР. 1982. № 6. С. 110—123; Демкин А.В. Проблема торгового капитализма в России XVII в. в трудах С.В.Бахрушина // Ист. зап. Т. 111. М., 1984. С. 318—323;

⁶ Русский город: Исследования и материалы. М., 1982.

⁷ Проблемы социально-экономической истории феодальной России: К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР С.В.Бахрушина. М., 1984. В этом издании была опубликована и библиография о С.В.Бахрушине (С. 280—281).

⁸ Дубровский А.М. С.В.Бахрушин и его время. М., 1992.

⁹ Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (Научное наследие) / Сост.: Л.Г.Дубинская, А.М.Дубровский; отв. ред. д-р ист. наук Б.В.Левшин. М., 1987. Здесь же помещена и библиография трудов С.В.Бахрушина, не вошедших в более ранние списки.

¹⁰ Преображенский А.А. Бахрушин Сергей Владимирович (1882—1950) // Историки России. Биографии / Сост., отв. ред. А.А.Чернобаев. М., 2001. С. 587—593.

¹¹ Бахрушин С.В. Восстание в Западной Сибири в 1662—1665 гг. // Отечественная культура и историческая мысль XVIII—XX веков. Брянск, 1999. С. 229—255.

¹² Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Нижневартовск, 2006. Ч. 1; 2007. Ч. 2; 2008. Ч. 3; 2009. Ч. 4; 2010. Ч. 5; 2011. Ч. 6; 2012. Ч. 7; 2013. Ч. 8; 2014. Ч. 9. Немало материалов о С.В.Бахрушине и его сибиреведческих работах содержится на страницах книги «Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки» (к настоящему времени вышло 12 томов), краеведческих чтениях «Мира не узнаешь, не зная края своего» (Шагиловских чтения). Примечательно, что все издания выходят под редакцией Я.Г.Солодкина, который является одним из их организаторов.

¹³ Прошлое Западной Сибири: дискуссионные проблемы, итоги, перспективы изучения: Материалы межрегиональной науч. конф., посвященной 125-летию со дня рождения С.В.Бахрушина (Нижневартовск, 30 октября 2007 г.). Нижневартовск, 2007; Тихонов В.В. Московские историки первой половины XX века: Научное творчество Ю.В.Готье, С.Б.Веселовского, А.И.Яковлева, С.В.Бахрушина. М., 2012.

¹⁴ Симачкова Н.Н. Становление воеводской системы управления в Сибири в конце XVI — начале XVII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2002.

¹⁵ Яковлева А.М. Отечественная историография раннего Сибирского летописания: 1920-е — 1990-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004.

¹⁶ Решетникова С.В. Основные проблемы источниковедения сибирской истории в творчестве С.В.Бахрушина: Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010.

¹⁷ Митрофанов В.В. О программе курса С.В.Бахрушина по истории Сибири // «Aus Sibirien—2006»: Научно-информационный сб. Тюмень, 2006. С. 78—80; Он же. О связях С.В.Бахрушина с исследователями истории Сибири // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие зап. Вып. 8. Тюмень, 2006. С. 11—26; Он же. Письма Н.К.Ауэрбаха к С.В.Бахрушину (по материалам Архива РАН) // 75 лет Ханты-Мансийскому автономному округу: итоги, уроки, перспективы: Материалы региональной науч. конф. (Нижневартовск, 9 декабря 2005 г.) / Отв. ред. Л.В.Алексеева. Нижневартовск, 2007. С. 15—18; Он же. Об отзыве С.В.Бахрушина на книгу С.А.Токарева по истории якутов // Прошлое Западной Сибири. С. 46—52; Он же. Об отзыве С.В.Бахрушина на книгу С.В.Киселева «Древняя история Южной Сибири» // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие зап. Вып. 9. Тюмень, 2007. С. 18—24; Он же. С.В.Бахрушин о функциях воевод Тобольского разряда в XVII в. // «Aus Sibirien—2008»: Научно-информационный сб. IV международной науч.-практич. конф. Тюмень, 2008. С. 120—122; Он же. Проблемы истории Сибири в неопубликованных отзывах С.В.Бахрушина // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная моногр. / Под общ. ред. Я.Г.Солодкина. Нижневартовск, 2008. Ч. 3. С. 119—138; Он же. Административно-правовой статус

воевод Тобольского разряда в XVII в. в трактовке С.В.Бахрушина // Проблемы реализации прав и свобод человека и гражданина в современном обществе: Материалы науч.-практич. очно-заочной конф. (4 декабря 2008 г.). Нижневартовск, 2008. С. 10—14.

¹⁸ Так, Я.Г.Солодкин не разделяет мнение В.Г.Мирзоева, А.А.Введенского, А.М.Дубровского о том, что С.В.Бахрушин «следовал шахматовскому методу анализа летописных сочинений в форме повременных записей», находя, что обоим ученым «сближает только поиск протографа» (Солодкин Я.Г. Зарождение сибирского летописания: Историковедческие очерки. Нижневартовск, 2005. С. 6—7. Примеч. 4). «Явной натяжкой» Я.Г.Солодкин называет представление А.М.Дубровского о том, что «написание» «как бы обретоено вновь благодаря анализу» С.В.Бахрушина, а «утверждение» брянского историка, «будто именно С.В.Бахрушиным найдено упоминание о «написании» в Есиповской летописи», считается «заблуждением» (Солодкин Я.Г. Зарождение сибирского летописания. С. 27. Примеч. 3). Я.Г.Солодкин полагает, что мнение М.Н.Тихомирова и В.А.Могильникова, что «будто в представлении Г.Ф.Миллера и С.В.Бахрушина Есиповская летопись “возникла в связи с деятельностью” Киприана», «не отличается точностью» (Солодкин Я.Г. Зарождение сибирского летописания. С. 56—57. Примеч. 49). По мнению Я.Г.Солодкина, Е.К.Ромодановская «недоценила значимость выводов ученого (Бахрушина. — В.М.) о сибирском летописании (Солодкин Я.Г. Научное наследие С.В.Бахрушина и некоторые дискуссионные проблемы истории раннего сибирского летописания // Прошлое Западной Сибири: дискуссионные проблемы, итоги, перспективы изучения. С. 32. Примеч. 8).

¹⁹ Солодкин Я.Г. Вослед Савве Есипову: Очерки по истории сибирского летописания середины — второй половины XVII века. Нижневартовск, 2011; Он же. Тобольские летописцы середины — второй половины XVII века (редакции и виды сибирского летописного свода). Нижневартовск, 2012.

²⁰ Якутия в XVII в. (Очерки) / Под ред. С.В.Бахрушина и С.А.Токарева. Якутск, 1953. С. 324; Бахрушин С.В. Науч. тр. Т. 3. Ч. 2. С. 164, 173.

²¹ Солодкин Я.Г. «Ермаково взятие» Сибири: загадки и решения. Нижневартовск, 2010. С. 11.

²² На это несоответствие обратил внимание Я.Г.Солодкин (Солодкин Я.Г. «Ермаково взятие» Сибири. С. 36. Примеч. 13).

²³ Солодкин Я.Г. «Ермаково взятие» Сибири. С. 76, 77, 85. Примеч. 15.

²⁴ Там же. С. 75, 84. Примеч. 10. Не поддержал Я.Г.Солодкин и утверждение С.В.Бахрушина о том, что «о написании говорится в Синодике (Солодкин Я.Г. Зарождение сибирского летописания. С. 30. Примеч. 26). Мнение С.В.Бахрушина, что Киприана нельзя считать «зачинателем сибирского летописания», Я.Г.Солодкин не считает «весомым», а оценку синодика С.В.Бахрушиным как «краткой летописи» считает «не бесспорной» (Солодкин Я.Г. Зарождение сибирского летописания. С. 44, 78).

²⁵ Солодкин Я.Г. «Ермаково взятие» Сибири. С. 84. Примеч. 13. Я.Г.Солодкин находит мысль С.В.Бахрушина «об использовании Ремезовым каких-то неизвестных источников об этом походе» «сомнительной» (Солодкин Я.Г. «Ермаково взятие» Сибири. С. 77), а «утверждение, будто под пером Ремезова Алач стал по воле Брязги правителем Березовского уезда, “неверным”» (Солодкин Я.Г.

«Ермаково взятие» Сибири. С. 85. Примеч.16), утверждение же, что «Самар погиб “под стенами своего городка в борьбе с казаками Ермак”», не отличается точностью» (Солодкин Я.Г. «Ермаково взятие» Сибири. С. 89. Примеч. 39); уточняется и мнение С.В.Бахрушина о том, что казаки, «служившие Строгановым, “воевали” “Пелымские уезды” в 1582 г.» (Поход только замышлялся, но не был осуществлен) (Солодкин Я.Г. «Ермаково взятие» Сибири. С. 98. Примеч. 7). Не согласился Я.Г.Солодкин с мнением С.В.Бахрушина о сведениях, содержащихся в синодике, о «возвращении ермаковцев из-под Атбаша» (Солодкин Я.Г. «Ермаково взятие» Сибири. С. 122. Примеч. 13). «Не бесспорным» находит Я.Г.Солодкин и утверждение С.В.Бахрушина о «татарине-лазутчике», как и «трафаретном рассказе о гибели Ермака в волнах Вагая» (Солодкин Я.Г. «Ермаково взятие» Сибири. С. 123. Примеч. 18). «Маловероятными» находит Я.Г.Солодкин и утверждения С.В.Бахрушина о «пожаловании атаману панцирей Иваном Грозным», о чем писал У.Ремезов (Солодкин Я.Г. «Ермаково взятие» Сибири. С. 127. Примеч. 39).

²⁶ Преображенский А.А. Бахрушин Сергей Владимирович (1882—1950) // Историки России. Биографии / Сост., отв. ред. А.А.Чернобаев. М., 2001. С. 588.

²⁷ Митрофанов В.В. С.Ф.Платонов и формирование взглядов С.В.Бахрушина на проблемы колонизации Сибири // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие зап. Вып. 6. Тюмень, 2004. С. 80—81.

²⁸ Брачев В.С. Служители исторической науки. Академик С.Ф.Платонов. Профессор И.Я.Фроянов. СПб., 2010. С. 178.

²⁹ Митрофанов В.В. Проблемы истории Сибири в переписке С.В.Бахрушина и С.Ф.Платонова // Тезисы докладов и сообщений V регион. науч.-практич. краеведческой конф. «Русские в Сибири». Нижневартовск, 2003. С. 44—45; Он же. С.Ф.Платонов и формирование взглядов С.В.Бахрушина... С. 77—82.

³⁰ Шмидт С.О. Предисловие // Академик С.Ф.Платонов: Переписка с историками: В 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 8.

³¹ Академик С.Ф.Платонов: Переписка с историками. Т. 1. С. 256.

³² Краткий отчет рукописного отделения за 1914—1938 гг. / Со вступ. ист. очерком; под ред. Т.К.Ухмыловой и В.Г.Геймана. Л., 1940. С. 212; Архив академика С.Ф.Платонова в отделе рукописей Российской национальной библиотеки: каталог / Сост. В.А.Колобков. Вып. 1. 1994. СПб., С. 8.

³³ Бухерт В.Г. К истории приобретения архива С.Ф.Платонова (Из переписки В.Д.Бонч-Бруевича) // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы / Отв. ред. А.Ю.Дворниченко, С.О.Шмидт. СПб., 2011. С. 228—231.

³⁴ Ростовцев Е.А. В.О.Ключевский и историки «петербургской школы» (С.Ф.Платонов, А.С.Лаппо-Данилевский, А.Е.Пресняков) // В.О.Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии: Материалы науч. конф. (Пенза, 26—26 июня 2001 г.): В 2 кн. М., 2005. Кн. 1. С. 340—371.

³⁵ Критский Ю.М. Эпистолярное наследие историков как историографический источник (середина XIX в. — 1917 г.) // История и историки: 1973. М., 1975. С. 85—112.

³⁶ Корзун В.П., Мамонтова М.А., Свешников А.В. «В промоции Вашей я всегда был уверен». Письма П.Н.Милюкова С.Ф.Платонову // Исторический

архив. 2001. № 3. С. 137—148; № 4. С. 24—41; Корзун В.П., Свешников А.В., Мамонтова М.А. Историк в собственных письмах: зеркало или мир зазеркалья? (Несколько замечаний о специфике писем русских историков XIX — начала XX веков в качестве историографического источника). Письма русских историков (С.Ф.Платонов, П.Н.Милоков) / Под ред. В.П.Корзун. Омск, 2003; Академик С.Ф.Платонов: Переписка с историками: В 2 т. М., 2011. Т. 2. Кн. 1.

³⁷ Академик С.Ф.Платонов: Переписка с историками. Т. 2. Кн. 2.

³⁸ О том, что состояние здоровья С.Ф.Платонова в ссылке резко ухудшилось, свидетельствует медицинская справка, выданная ему 1 июня 1932 г. доктором медицины И.С.Разумовым, с его подписью и личной печатью. «Справка. Гр[аждани]н С.Ф.Платонов, 72-х лет, вследствие появившихся в последние дни приступов удушья, осложнивших хронический миокардий, в настоящее время не может выходить из дома. 19 I/VI 32 г. Самара. Д[окто]р Разумов» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1170. Л. 1). Но власти на такую информацию не реагировали, чем и погубили выдающегося ученого.

³⁹ Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930—1950-е гг.). Брянск, 2005; Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х — середина 1950-х гг. / Под ред. В.П.Корзун. М., 2011.

⁴⁰ Робинсон М. Русская академическая элита: советский опыт (1910—1920 годы) // Новое литературное обозрение. 2002. № 53. С. 159.

⁴¹ Корзун В.П., Свешников А.В., Мамонтова М.А. Историк в собственных письмах... С. 3—5.

⁴² Иногда это подчеркивание самим С.В.Бахрушиным принимало искаженные формы. Например, в отзыве на исследование З.Я.Бояршиновой он заметил, что сведения и выводы П.Н.Буцинского для советского ученого не могут служить «доказательствами», хотя ранее он использовал его работы «Заселение Сибири и быт первых ее насельников», «К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск» в числе «главных пособий» во время работы над своим «Очерком» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2211. Л. 10), а позже называл его ученым, который сделал «первую попытку» к «полному и всестороннему изучению» дел Сибирского приказа. Исследования П.Н.Буцинского при всех их недостатках С.В.Бахрушин оценивал как «крупный шаг вперед в деле изучения сибирской истории» (Бахрушин С.В. Науч. тр. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 69). Другой пример: «служилых людей» С.В.Бахрушин предлагал называть «царскими», а «не русскими», чтобы «отделить деятельность русского народа и политики царизма» (что было не всегда оправдано).

⁴³ Макушин А.В., Трибунский П.А. Предисловие // Академик С.Ф.Платонов: Переписка с историками. С. 6—8.

⁴⁴ Речь идет об «Историческом очерке заселения Сибири до конца XIX века» (Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. 2. Пг., 1922).

⁴⁵ Бахрушин С.В. Исторический очерк...

⁴⁶ Яковлев Алексей Иванович (1878—1951) — историк, член-корреспондент АН СССР (с 1929 г.).

⁴⁷ В 1920 г. по просьбе отца Алексей Иванович прибыл из Москвы в Симбирск и начал работать в Чувашском институте народного образования в должности профессора истории и заведующего учебной частью.

⁴⁸ Речь идет о Московском университете.

⁴⁹ Постановление Народного Комиссариата Просвещения РСФСР «Об организации рабочих факультетов при университетах» от 11 сентября 1919 г. Курсам присвоено название «Рабочие факультеты» («рабфаки»). В 1919 г. решением коллегии РСФСР при МГУ были открыты IV курсы для подготовки рабочих и крестьян для поступления в вузы (рабочий факультет), которые действовали до 1936 г.

⁵⁰ Издание книги не было осуществлено.

⁵¹ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время).

⁵² Бахрушина (урожденная Перлова) Елизавета Сергеевна (1862—1943).

⁵³ Речь о поездке С.Ф.Платонова на Север европейской части России, в том числе и Мурман.

⁵⁴ Переселенческое управление (1896—1918) — учреждение, ведавшее переселенческим делом в России; по уровню приравнивалось к департаменту Министерства внутренних дел (МВД), позднее вошло в состав Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ). Создано 2 декабря 1896, входило в состав МВД до 1905 г.

⁵⁵ Тураев Борис Александрович (1868—1920) — русский историк, создатель отечественной школы истории Древнего Востока, в частности, Древнего Египта и Нубии.

⁵⁶ Богословский Михаил Михайлович (1867—1929) — российский историк, член-корреспондент Российской академии наук (с 1920); академик с 1921 г.

⁵⁷ 3 апреля 1920 г. Общим собранием Российской Академии Наук был избран (за большой вклад в развитие русской исторической науки) ее действительным членом.

⁵⁸ Румянцевский музей — крупное собрание книг, монет, рукописей, других этнографических и исторических материалов в Петербурге, а затем и Москве. Возник на основе частной коллекции, которую при жизни собрал, а частью унаследовал русский дипломат и граф Н.П. Румянцев.

⁵⁹ Шаховской Дмитрий Иванович (1861—1939) — князь, российский общественный и политический деятель. Министр государственного призрения Временного правительства (1917), внук Ф.П. Шаховского.

⁶⁰ Текст в скобках зачеркнут.

⁶¹ Шаховской Федор Петрович (1796—1829) — князь, декабрист, отставной майор лейб-гвардии Семеновского полка. Один из учредителей «Союза спасения» (1816) и «Союза благоденствия» (1818). Поддерживал планы царевубийства, в последующих декабристских организациях участия не принимал. На следствии проявил большое мужество. Приговорен к ссылке на поселение навечно (затем на 20 лет). В 1826 г. сослан в Туруханск; в 1827 переведен в Енисейск. Занимался ботаническими исследованиями, оказал значительную денежную помощь населению Туруханска при неурожае. В 1829 г. переведен в Спасо-Ефимьев монастырь (в Суздале), где умер.

⁶² Любавский Матвей Кузьмич (1860—1936) — российский историк. Ректор Московского университета (1911—1917), член-корреспондент РАН с 1917 г., с 1929 г. академик Академии наук СССР.

⁶³ Рязанов Давид Борисович (настоящая фамилия — Гольдендах; 1870—1938) — деятель российского революционного (социал-демократ) и профсоюзного движения, историк, библиограф, архивист, видный марксовед.

⁶⁴ Николаев Александр Сергеевич (1877—?) — историк-архивист, начальник архива Министерства народного просвещения, с 1918 г. сотрудник Центрархива. О нем см.: Зелов Н.С. Петроградский архивист профессор А.С.Николаев // Советские архивы. 1978. № 2. С. 34—37.

⁶⁵ В 1918 г. новой властью было принято «Положение о Российской университетам», по сути, это был первый советский университетский устав. Но работа в этом направлении продолжалась в напряженной обстановке. Принципиальное решение о начале разработки нового университетского устава было принято Политбюро ЦК РКП(б) в середине апреля 1921 г., после чего к этой работе подключились ведомства Наркомпроса (Купайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти. Л., 1984. С. 97). Чуть позже проект дорабатывался комиссией, в состав которой входили А.В.Луначарский, М.Н.Покровский, В.П.Волгин. Итоговый вариант был представлен на конференции деятелей высшей школы, которая проходила в Москве с 27 июня по 2 июля 1921 г. (Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы. М., 1988. С. 118).

⁶⁶ Толстой Алексей Николаевич (1882—1945) — русский советский писатель и общественный деятель из рода Толстых, граф.

⁶⁷ Шахматов Алексей Александрович (1864—1920) — академик, выдающийся русский филолог и историк, основоположник исторического изучения русского языка, древнерусского летописания и литературы. Умер 16 августа.

⁶⁸ Трагически оборвется жизнь и второго сына Валериана Матвеевича Любавского (1904—1931) — преподавателя Московского института растениеводства. 28 февраля 1931 г. он был арестован, 20 июня приговорен Коллегией ОГПУ к расстрелу, а 29 июня 1931 г. расстрелян «за контрреволюционную деятельность». Реабилитирован в январе 1989 г.

⁶⁹ Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934) — русский и советский востоковед, один из основателей русской индологической школы, академик РАН (1908).

⁷⁰ Бахрушин С. Туземные легенды в «Сибирской истории» С.Ремезова // Исторические известия, издаваемые Историческим обществом при Московском Университете. М., 1916. № 3—4.

⁷¹ Историческое общество при Московском университете — научное историческое общество в Российской империи, созданное в 1893 г. для изучения методов и приемов исторической науки. Основано при Московском университете по инициативе Герье (Герье В. Новое общество истории при Московском университете // Вестник Европы. 1895. № 4. С. 433—446; Бухерт В.Г. Основание Исторического общества при Московском университете // Археографический ежегодник за 2000 г. М., 2001. С. 200—205; Цыганков Д.А. В.И.Герье и Московский университет его эпохи. М., 2008).

⁷² Готье Юрий Владимирович (1873—1943) — историк, археолог, археограф, академик АН СССР (с 1939 г.).

⁷³ Бахрушины — известные меценаты, они пожертвовали средства для беспризорных детей на приют-колонию в Тихвинском городском имении в Москве. Перед Февральской революцией Бахрушины подарили Московскому городскому самоуправлению свое имение Ивановское в трех верстах от Подольска для устройства в нем приюта-колонии для беспризорных детей.

⁷⁴ Речь идет о случае падения С.Ф.Платонова с трамвая.

⁷⁵ Бахрушин С.В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX века // Очерки по истории колонизации Севера. Вып. 2. Пб., 1922.

⁷⁶ Миллер Герард Фридерик (1705—1783) — российский историограф немецкого происхождения, академик Петербургской академии наук, профессор.

⁷⁷ «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» — первый в России ежемесячный научно-популярный и литературный журнал, издававшийся Петербургской Академией Наук в 1755—1764 гг. Журнал печатался в типографии Академии наук тиражом до 2000 экземпляров. В 1758—1762 гг. назывался «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», с 1763 г. — «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах».

⁷⁸ «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», издавались Академией наук.

⁷⁹ Словцов Петр Андреевич (1767—1843) — сибирский историк, директор народных училищ Иркутской губернии.

⁸⁰ Главный труд П.А.Словцова — «Историческое обозрение Сибири». Первая часть его, охватывающая время 1588—1742 гг., вышла в 1838 г., а вторая, доводящая историю Сибири до 1823 г., — в 1844 г. Труд основан на архивных данных и личном изучении географии страны, является довольно полным сочинением о Сибири, не лишенным и историко-философских обобщений. О П.А.Словцове см.: Степанов Н. П.А.Словцов (У истоков сибирского областничества). Л., 1935; Мирзоев В.Г. Историография Сибири. М., 1970. С. 168—81; Беспалова Л.Г. Сибирский просветитель. Свердловск, 1973.

⁸¹ Андриевич Владимир Константинович (Каллистратович) (1838—1898) — исследователь Забайкалья, генерал, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В 1881—1884 гг. служил начальником штаба войск Забайкальской области, в 1884 г. был переведен в Иркутск губернским воинским начальником, в 1886 г. — в Красноярск, с августа 1888 г. — комендант Очаковской крепости.

⁸² Исторический очерк Сибири по данным, представляемым полным собранием законов / Сост. В.Андреевич. Период от древнейших времен до установления главенства города Тобольска и основания Иркутского острога. Кн. 1. СПб., 1889; Период с 1660 года до воцарения императрицы Елисаветы Петровны. Кн. 1. Ч. II; Период от 1700 года до воцарения императрицы Елизаветы Петровны 25 ноября 1741 года. Иркутск, 1886; Т. III. Елизаветинский период (1742—1762). Томск, 1887; Т. 4. Екатерининское время. СПб., 1887; Т. 5. Екатерининский период. Отделы: горное дело, духовенство, лихоимство, общий очерк. Одесса, 1889.

⁸³ Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии. Часть вторая (период с 1806 по 1819 гг.). СПб., 1880.

⁸⁴ Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 года / Сост. В.К. Андриевич. СПб., 1887.

⁸⁵ Буцинский Петр Никитьевич (1853—1916) — русский историк, исследователь Сибири. Ординарный профессор Харьковского университета (1893—1913).

⁸⁶ Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889.

⁸⁷ Буцинский П.Н. К истории Сибири // Записки Императорского Харьковского университета. Кн. 1. Харьков, 1893. С. 33—98; Там же. Кн. 2. С. 57—84.

⁸⁸ Дмитриев Александр Алексеевич (1854—1902) — российский историк, профессиональный исследователь истории Урала, автор восьмитомного научно-го труда «Пермская старина».

⁸⁹ Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов о Пермском крае Александра Дмитриева, преподавателя народных училищ Пермского уезда, члена общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете и других обществ. Стrogановы и Ермак. Пермь, 1892; Дмитриев А.А. Покорение угорских земель и Сибири. Пермь, 1894. Вып. 5.

⁹⁰ Щеглов Иван Васильевич (1855—1884) — историк, занимавшийся специально историей Сибири.

⁹¹ Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032—1882 гг. Иркутск, 1882.

⁹² Ядринцев Николай Михайлович (1842—1894) — сибирский публицист, писатель и общественный деятель, исследователь Сибири и Центральной Азии.

⁹³ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1872.

⁹⁴ Гагемейстер Юлий Андреевич (1806—1878) — русский финансист и экономист, член-корреспондент императорской Академии наук, тайный советник, сенатор, директор канцелярии Министерства финансов в 1847—1858 гг.

⁹⁵ Статистическое обозрение Сибири, составленное по Высочайшему Его Императорского Величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. СПб., 1854.

⁹⁶ Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович (до 1906 года — Семенов; 1827—1914) — русский географ, ботаник, статистик, государственный и общественный деятель, академик.

⁹⁷ Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей: В 19 т. / Под ред. В.П. Семенова и под общ. руководством П.П. Семенова, вице-председателя Русского географического общества и профессора В.И. Ламанского, пред. Отделения этнографии Русского географического общества; предисл. В. Семенова. Т. 11. СПб., 1899—1914. С 5 т. подзаголовков: под ред. В.П. Семенова-Тянь-Шанского и под общ. руководством П.П. Семенова Тянь-Шанского и В.И. Ламанского. Т. 4, 8, 10—13, 15, 17 не выходили.

⁹⁸ Golder Frank Alfred (1877—1929) — американский историк и архивист.

⁹⁹ Frank Alfred Golder. Russian expansion on the Pacific, 1641—1850: an account of the earliest and later expeditions made by the Russians along the Pacific coast of Asia and North America, including some related expeditions to the Arctic regions.

¹⁰⁰ Берг Лев Семенович (1876—1950) — академик, географ, зоолог и ихтиолог, автор работ историко-географического характера, профессор Ленинградского университета.

¹⁰¹ Берг Л.С. Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука // Записки по гидрографии. Пг., 1920. Т. 2 (43). Вып. 2.

¹⁰² Огородников Владимир Иванович (1889—1938) — историк, первый декан историко-филологического факультета Иркутского государственного университета.

¹⁰³ Огородников В.И. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI—XVIII вв. // Сб. тр. профессоров и преподавателей государственного Иркутского университета. Иркутск, 1921. Вып. 1. С. 69—113.

¹⁰⁴ Шашков Серафим Серафимович (1841—1882) — публицист и этнограф.

¹⁰⁵ Шашков С.С. Рабство в Сибири // Дело. 1869. № 1. С. 163—187; № 3. С. 1—32.

¹⁰⁶ Шашков С.С. Сибирское общество в начале XIX в. // Дело. 1879. № 1. С. 70; № 2. С. 87—88; Он же. Сибирское общество накануне своего юбилея // Дело. 1879. № 3. С. 29; Он же. Шашков С.С. (Серафимович С.) Очерки русских нравов старинной Сибири // Отечественные записки. 1867. Т. 174. № 10. С. 683.

¹⁰⁷ Щапов А.П. Историко-географические заметки о Сибири: Значение первоначальных географических открытий в Сибири // Изв. сиб. отд. ИРГО. 1873. Т. 4. С. 65—82; Он же. Сибирское общество до Сперанского // Там же. Т. 4. № 4. С. 180—194; № 5. С. 200—225; 1874. Т. 5. № 1. С. 28—42.

¹⁰⁸ Щапов Афанасий Прокопьевич (1831—1876) — сибирский историк, публицист, писатель, философ.

¹⁰⁹ Оглоблин Николай Николаевич (1852—?) — русский историк, архивист, археограф (Оглоблин Н. Восточно-сибирские полярные мореходы XVII в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Ч. 347. № 5. С. 38—62; Он же. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.). Ч. 1. Документы воеводского управления. М., 1895; Там же. Ч. 3. Документы по сношениям местного управления с центральным. М., 1900; Там же. Ч. 4. Документы центрального управления. М., 1902).

¹¹⁰ Козьмин Николай Николаевич (1872—1938) — исследователь истории Восточной Сибири, профессор кафедры краеведения Иркутского университета. Его работы: Очерк организации служилого продовольствия в Сибири в XVII столетии. СПб., 1894; Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910. VI. Библиогр. в подстроч. примеч. Содерж.: Хлеб за ясак. С. 1—13; Администрация государственной пашни в Сибири в XVII в. С. 14—33; Из прошлого Сибири: (бывший генерал-губернатор Вост. Сибири С.Б.Броневский и его мемуары). С. 34—67; Существует ли кустарная промышленность в Иркутской губернии? С. 68—101; Афанасий Прокопьевич Щапов. С. 102—160; М.В.Загоскин и его значение в истории развития сибирской обществности: (из истории областного движения). С. 161—229; К постановке аграрного вопроса в Иркутской губернии. С. 230—266. Вся Сибирь и Дальний Восток: Справ. кн. на 1926 г. / Под общ. ред. А.М.Тамарина. М.; Л., 1926. Т. III. На с. 4 упомянуто, что в составлении книги принимали участие Н.Н.Козьмин и Н.Я.Новомбергский. Известно, что библиография работ Н.Н.Козьмина включает 119 названий.

¹¹¹ Сибирский приказ — орган управления, центральное правительственное учреждение в России XVII—XVIII веков с областной компетенцией.

¹¹² Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1—12. СПб., 1846—1875. В издание вошло 1800 ценных документов по истории России XII—XVII вв., извлеченных из центральных и многочисленных местных архивов, а также частных собраний, например, акты о Строгановых, документы по истории колонизации Сибири и о великих географических открытиях.

¹¹³ Чтения в Обществе истории и древностей российских — периодическое издание трудов Общества истории и древностей российских при Московском университете. Например, Материалы для истории Сибири / Собр. Г.Н.Потанин. М., 1867. Автор книги Потанин Григорий Николаевич (1835—1920) — путешественник, этнограф, географ, исследователь Сибири и Центральной Азии. Архивные документы, собранные в книге (ведомости, рапорты, указы, прошения, промемории), разделены на тематические блоки: «Состояние и укрепление войск», «Пограничные дела и положение инородцев», «Цены на разные предметы», «Невольничество, кабала и полон», «Торговля и промышленность», «Беглые», «Преступления», «Болезни и скотские падежи», «Заселение», «Разные известия», «Церковные дела».

¹¹⁴ Русская Историческая библиотека — Серия сборников документальных источников и литературных памятников, издававшаяся Археографической комиссией в 1872—1927 гг. Включала главным образом источники XIV—XVII вв. Второй том содержит следующие документы по истории Сибири: а) бунты Сибирских инородцев (№ 75, 100) и походы на них (№ 89, 110, 138 п. 13, 159 п. 1); б) сбор ясака (№ 46, 59, 62, 74, 80 п. 2, 87, 156, 183, 188 п. 3); в) меры к утверждению безопасности; г) заселение; д) судопроизводство; е) повальная болезнь; ж) колдовство; з) строение городов, острогов, снабжение их необходимыми запасами; и) строение церквей и устройство церковных дел; и) жалование и награды служилым людям; к) земледелие; л) внутреннее управление; м) сношение с калмыками; н) обращение инородцев; о) возвращение беглых; п) десятинная подать; р) исследование р. Лены; с) отвод земли Сибирскому архиепископу; т) дела монастырские; у) верстанье ратных людей и постой их; ф) торговля (СПб., 1875. С. II). Восьмой том содержит акты, относящиеся к истории Сибири с 1625 по 1630 гг., ведомость о ясачных, десятинных, денежных, хлебных и соляных доходах и расходах в сибирских городах за 1698 и 1699 гг. (СПб., 1884. С. VIII— XIII).

¹¹⁵ Уникальное собрание исторических документов — «Памятники сибирской истории XVIII века», изданное в 1882—1885 гг. Первая книга содержит 123 документа за 1700—1713 гг., написанных сибирскими жителями или направленными для исполнения жителям Сибири. Вторая книга включает 127 документов за 1713—1724 гг. (Памятники Сибирской Истории XVIII века / Под ред. А.И.Тимофеева. Кн. 1—2. СПб., 1882). Собрание включает исторические акты, относящиеся к 1700—1713 гг., из принадлежавших Императорской академии наук Портфелей историографа Г.Ф.Миллера, собранных им во время путешествия по Сибири. Эти документы относятся к началу второго столетия присутствия русских на территории Сибири, после завоевания ее дружиной Ермака. Из собранных в первой книге документов следует, что Сибирь осталась почти вне реформ

Петра Великого. Эти исторические акты свидетельствуют о том, с каким трудом русским людям давалась оседлая жизнь в соседстве и в среде инородческих племен. Акты второго тома дают представление о жизни в Сибири в 1713—1724 гг. К этому периоду относятся первые поиски золота в Киргизской степи, начало развития и разработки серебряных и свинцовых руд в Нерчинских горах, географические и археологические исследования северных территорий, установление дружественных отношений с соседними государствами, строительство дорог и острогов, завоевание Камчатского полуострова.

¹¹⁶ Археографическая комиссия — Учреждение, созданное в Петербурге в 1834 г. при Министерстве народного просвещения первоначально для издания материалов, собранных Археографической экспедицией.

¹¹⁷ Титов А.А. Сибирь в XVII веке: Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. С прил. снимка со старинной карты Сибири. М., 1890. В этом сборнике опубликованы статьи: О чело́вечах незнаемых на восточной стране и о языках разных; Роспись сибирским городам и острогам; Чертеж всей Сибири, зби́ранный в Тобольске по указу царя Алексея Михайловича; Список с Чертежа Сибирские земли; Описание новые земли, сиречь Сибирского царства; Сказание о великой реце Амуре, которая разгранила русское селение с китайцы; *Historia de Sibiria*. История о Сибири (перевод предшествующей статьи).

¹¹⁸ Титов Андрей Александрович (1844—1911) — историк, археолог, этнограф, палеограф, автор более 300 научных работ. За свой самый объемный труд «Ростовский уезд Ярославской губернии: Историко-археологическое и статистическое описание с рисунками и картой уезда» (1885) получил Большую серебряную медаль императорского Русского археологического общества.

¹¹⁹ По всей видимости, речь идет о книге: Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883.

¹²⁰ Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927.

¹²¹ Базилевич Константин Васильевич (1892—1950) — советский историк, с 1935 г. — профессор, в 1936—1950 гг. старший научный сотрудник Института истории АН СССР.

¹²² Яковлев А. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М.; Л., 1943. Т. 1.

¹²³ По решению Наркомпроса Исторический институт был создан при Факультете общественных наук МГУ в составе 5 секций.

¹²⁴ Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863—1942) — русский, советский историк-медиевист, академик АН СССР (с 1929 г.).

¹²⁵ Покровский Михаил Николаевич (1868—1932) — видный русский историк-марксист, советский политический деятель. Лидер советских историков в 1920-е гг., «глава марксистской исторической школы в СССР».

¹²⁶ Волгин Вячеслав Петрович (1879—1962) — историк, академик АН СССР (1930), лауреат Ленинской премии (1961).

¹²⁷ Сборник вышел намного позже, см.: Средние века. Вып. 2. М., 1946. (Сборник в честь Д.М.Петрушевского с рядом статей о нем и его научной деятельности, библиографией трудов).

¹²⁸ Богословский Михаил Михайлович (1908—1925) — сын М.М.Богословского. Участник скаутского движения (в том числе и после официального роспуска скаутского движения в 1922 г.), командир «Отряда скаутов костра» (ОСК). Утонул в возрасте 17 лет в пруду в Салтыковке.

¹²⁹ Денежный переулоч (в 1933—1994 гг. улица Веснина) — улица в центре Москвы, один из Арбатских переулков. Расположен в районах Хамовники и Арбат между Большим Левшинским переулком и Арбатом.

¹³⁰ Богоявленский Сергей Константинович (1871—1947) — русский и советский историк, археограф и источниковед, археолог. Доктор исторических наук (1943), профессор (1922), член-корреспондент Академии наук СССР (с 1929 г.).

¹³¹ Егоров Дмитрий Николаевич (1878—1931) — историк-медиевист, профессор Московского университета, член-корреспондент АН с 1928 г.

¹³² Вероятно, речь идет о книге С.Ф.Платонова «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. Опыт изучения общественного строя и социальных отношений в Смутное время». (СПб., 1910).

¹³³ Речь идет о рукописи неизданной работы.

¹³⁴ Ставрович Александра Михайловна (1886—1922) — русский историк, исследовательница сибирского летописания. (Ставрович А. Сергей Кубасов и Строгановская летопись (Новые мысли по поводу «Старых сомнений») // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф.Платонову. Пг., 1922. С. 285—293).

¹³⁵ History of Russia / Ed. by F.A.Golder. L., 1925.

¹³⁶ Новосельский Алексей Андреевич (1891—1967) — советский историк, специалист по российской истории XVII в., профессор. Материалы докладов вошли в монографию, см.: Новосельский А.А. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М.; Л., 1929. Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (Из фонда А.И.Безобразова). М., 1965; Архив стольника Андрея Ильича Безобразова / Изд. А.А.Новосельского, С.И.Коткова; сост. Л.Ф.Кузьмина, И.С.Филиппова. Комм. А.А.Новосельский, О.В.Новохатко; ред. О.В.Новохатко. М., 2012. Ч. 1; 2013. Ч. 2). История публикации этих документов подробно восстановлена О.В.Новохатко, см.: Новохатко О.В. История публикации архива стольника А.И.Безобразова // Русский исторический сборник. Вып. 3. М., 2011.

¹³⁷ Андрей Ильич Безобразов родился в 1621 (или 1622) г. Он происходил из незнатного, но старинного рода, первые сведения о котором относятся к XV в. Отец Андрея Ильича Илья Кузьмич (Аврамьевич) Безобразов (его переписка также вошла в архивный комплекс) занимал видные административные посты: был вторым воеводой в таких стратегически важных городах, как Архангельск и Астрахань, судьей Разбойного приказа и Патриаршего разряда. Служебную карьеру Андрей Ильич начал в 20 лет со стряпчего (1642—1643 гг.), через пять лет (1647—1648 гг.) был пожалован в стольники, в этом чине и оставался до конца жизни.

¹³⁸ Яковлев А.И. Памятники истории крестьян и холопов в Московском государстве. М., 1925.

¹³⁹ Труды Государственного исторического музея. М., 1926. Вып. 1.

¹⁴⁰ Кузьминская Т.А. (рожд. Берс). Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Воспоминания / Предисл. и примеч. М.А.Цявловского. Ч. 1—3. Л., 1925—1926. Периодизация (Кузьминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне / Вступ. ст.

С.М.Брейбурга. Красноярск, 1981; Кузьминская Т.А. Моя жизнь в Ясной Поляне / Общ ред., прим. Т.Н.Волковой. 2-е изд. Калининград, 2003).

¹⁴¹ Кузьминская Татьяна Андреевна (рожд. Берс, сестра Софьи Андреевны Толстой, 1846—1925) — русская писательница, мемуаристка.

¹⁴² К вековому юбилею восстания декабристов вышли многочисленные издания. См., напр.: Декабристы. Отрывки из источников / Сост. Ю.Г.Оксман. М.; Л., 1926. Бунт Декабристов: Юбилейный сборник / Под ред. Ю.Г.Оксмана и П.Е.Щеголева. Л., 1926. В последнем сборнике приняли участие Б.Д.Греков, А.Е.Пресняков, С.Н.Чернов, Н.Ф.Лавров и др. Пушкинский дом, который возглавлял С.Ф.Платонов, подготовил третий тематический выпуск «Антея» — историко-литературного временника.

¹⁴³ В воспоминаниях автор рассказывает о К.П.Брюллове, П.А.Федотове, А.Е.Бейдемане, А.А.Агине, Т.Г.Шевченко и многих других. Первые четыре части воспоминаний публиковались в 1926 г. (Жемчужников Л.М. Мои воспоминания из прошлого / Вступ. ст. и примеч. С.В.Бахрушина. Вып. 1—2. М., 1926—1927. Вып. 1. От кадетского корпуса к Академии художеств (1828—1852). М., 1927; Вып. 2. В крепостной деревне. 1852—1857 гг. М., 1927). Переиздание: Жемчужников Л.М. Мои воспоминания из прошлого. М., 1970.

¹⁴⁴ Жемчужников Лев Михайлович (1828—1912) — русский и украинский график. Представитель демократического реализма, брат поэтов А.М. и В.М.Жемчужниковых. Был дружен с Т.Г.Шевченко.

¹⁴⁵ Бахрушин С.В. Исторические судьбы Якутии / Якутия: Сб. ст. Л., 1927. С. 275—320.

¹⁴⁶ У С.Ф.Платонова были дочери Вера (в замужестве Шамонова), Надежда (в замужестве Краевич), Наталья (в замужестве Измайлова), Мария.

¹⁴⁷ Первый Сибирский краевой научно-исследовательский съезд проходил в Новосибирске 15—21 декабря 1926 г. и был посвящен вопросам производительных сил Сибири.

¹⁴⁸ Комиссии Академии наук СССР по изучению ЯАССР (1925—1935 гг.).

¹⁴⁹ Виттенбург Павел Владимирович (1884—1968) — российский, советский географ, геолог, арктический исследователь, профессор, почетный полярник. Подробнее см.: Виттенбург Е.П. Павел Виттенбург: геолог, полярник, узник ГУЛАГА: (воспоминания дочери). СПб., 2003.

¹⁵⁰ Труды Института истории: Сб. ст. Вып. 1. М., 1926. В нем опубликована и статья, посвященная А.Н.Савину (Памяти А.Н.Савина (1873—1923)).

¹⁵¹ Савин Александр Николаевич (1873—1923) — русский историк, профессор Московского университета, специалист по аграрной истории Англии XVI—XVII вв.

¹⁵² Савин А.Н. Николай I и Фридрих-Вильгельм IV (1840—1848) // Россия и Запад. Кн. 1. Пг., 1923. С. 106—139.

¹⁵³ Дружинин Николай Михайлович (1886—1986) — российский историк, специалист по социально-экономической и политической истории XIX века. Академик АН СССР (с 1953 г.), лауреат Сталинской (1947) и Ленинской (1980) премий.

¹⁵⁴ Дружинин Н.М. Журнал землевладельцев 1858—1860 // Труды Института истории РАНИОН. М., 1926. Вып. 1.

¹⁵⁵ Богословский М.М. Петр Великий в Англии в 1698 г. // Труды Института истории РАНИОН. Сб. ст. Памяти Алексея Николаевича Савина, 1873—1923. М., 1926. Вып. 1. С. 393—432.

¹⁵⁶ Новосельский А.А. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве во второй половине XVII в. // Труды Института истории РАНИОН. М., 1926. Вып. 1. С. 325—354.

¹⁵⁷ Бахрушин С.В. Торги гостя Никитина в Сибири и в Китае // Труды Института истории РАНИОН. М., 1926. Вып. 1. С. 357—392.

¹⁵⁸ Речь идет о жене С.Ф.Платонова.

¹⁵⁹ Речь идет о поездке на Первый Сибирский краевой научно-исследовательский съезд в 1926 в г. Новосибирск.

¹⁶⁰ Бахрушин С.В. Задачи исторического изучения Сибири // Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 36—39.

¹⁶¹ В 1927 г. С.В.Бахрушин Государственным ученым советом был утвержден в звании профессора истории и избран членом Историко-археографической комиссии АН СССР.

¹⁶² Таможенные книги Московского государства XVII века: Северный речной путь. Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1630—1656 гг. / Под ред. члена-корреспондента АН СССР проф. А.И.Яковлева. М., 1950. Т. 1; М., 1951. Т. 2.

¹⁶³ Андреев Александр Игнатьевич (1887—1959) — российский историк, археограф, доктор исторических наук, профессор.

¹⁶⁴ У Афанасия был сын Василий и племянник Иван Григорьевич Шестаков, которые принимали участие в экспедиции.

¹⁶⁵ Шестаков Афанасий Федотович (или Иванович) (1677—1730) — полярный исследователь, руководитель военных экспедиций на Чукотку. Из казачьей семьи. Службу начал рядовым, к середине 1710-х гг. стал дворянином по якутскому списку, к 1721 г. — дворянином по московскому списку; якутский казачий голова. Составил карту Северо-Восточной Сибири и Курильских островов (ок. 1724 г.). В 1727 г. по его предложению российским правительством организована военная экспедиция (ок. 600 чел.) для покорения чукчей и коряков и поиска земель и островов в Ледовитом и Тихом океанах, получившая позднее наименование Анадырской партии (Зуев А.С. Анадырская партия: причины и обстоятельства ее организации // Вопросы социально-политической истории Сибири (XVII—XX века). Новосибирск, 1999; Он же. Начало деятельности Анадырской партии и русско-корякские отношения в 1730-х годах // Сибирь в XVII—XX веках: Проблемы политической и социальной истории. Новосибирск, 2002).

¹⁶⁶ Ремезов Семен Ульянович (около 1642 г. — после 1720 г.) — картограф, архитектор, строитель, историк, художник, писатель, тобольский сын боярский.

¹⁶⁷ Гийом Делиль (1675—1726) — географ, картограф, первый географ короля и Королевской академии наук.

¹⁶⁸ В 1726 г. А.Ф.Шестаков был казачьим головой в Якутске и заведовал всей отчетно-денежной частью.

¹⁶⁹ Сейчас эта река зовется Шестаковкой.

¹⁷⁰ Козыревский Иван Петрович (в монашестве Игнатий) (1680—1734) — якутский казак, землепроходец и мореход, первооткрыватель Курильских островов.

¹⁷¹ Сгибнев Александр Степанович (1826—1881) — историограф Камчатки, капитан 1 ранга, военно-морской историк.

¹⁷² Сгибнев А.С. Материалы для истории Камчатки. Экспедиция Шестакова // Морской сб. Т. 100. СПб., 1869. № 2. С. 1—34; Он же. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке // Там же. 1869. № 4. С. 129—130.

¹⁷³ Комплекс включает коллекцию исторических материалов, собранную академиком Г.Ф.Миллером (1705—1783).

¹⁷⁴ Слова зачеркнуты.

¹⁷⁵ Сибирские города. С. 144.

¹⁷⁶ Далее текст написан на полях Л. 28 об., вертикально.

¹⁷⁷ Новицкий Г.И. Краткое описание о народе остячком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году / Изд. (и снабдил примеч.) Л.Майков. СПб.: О[во]л[юбителей] д[ревней] п[исьменности], 1884. VI (Памятники древней письменности и искусства).

¹⁷⁸ Сибирский сборник: Научно-литературное периодическое издание: Приложение к «Восточному обозрению» / Под ред. Н.М.Ядринцева, И.И.Попова: В 19 т. 1886—1904.

¹⁷⁹ Попов Иван Иванович (1862—1942) — русский революционер-народоволец, писатель. С 1894 г. жил в Иркутске, где редактировал газету «Восточное обозрение» и журнал «Сибирский сборник».

¹⁸⁰ Витзен Николай-Корнелий (Witsen, 1641—1717) — голландский ученый, юрист и государственный деятель, автор труда «Северная и Восточная Тартария» (1692).

¹⁸¹ Речь идет о журнале «Вестник знания». Двухнедельный иллюстрированный научно-популярный журнал издавался с 1903 г. с перерывом в 1918—1922 гг. Редакторами журнала в разное время были: В.В.Битнер — до 1918 г., академик В.М.Бехтерев — до своей смерти в 1928 г., академик С.Ф.Платонов — до ареста в 1930 г.

¹⁸² Речь академика С.Ф.Платонова на заседании Историко-археографической комиссии в память 100-летия Археографической экспедиции П.М.Строева (подг. С.О.Шмидт) // Археографический ежегодник за 1996 год. М., 1998. С. 362—366.

¹⁸³ Чичерин Борис Николаевич (1828 — 1904) — русский правовед, философ, историк и публицист, почетный член Петербургской Академии наук (с 1893 г.), один из основателей (наряду с С.М.Соловьевым и К.Д.Кавелиным) «государственной школы» в русской историографии.

¹⁸⁴ Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина / С предисл. В.И.Невского. Т. 1—4. М., 1929—1934.

¹⁸⁵ Подчеркивания в тексте сделаны автором письма.

¹⁸⁶ Письма Л.Н.Толстого и к Л.Н.Толстому. М., 1928. Данное издание является сборником неизданных на тот момент писем Л.Н.Толстого и к Л.Н.Толстому. На первом месте здесь поставлено четырнадцать впервые опубликованных писем самого Толстого к Б.Н.Чичерину (одно из них осталось неизвестным самому адресату). Затем в порядке алфавита идут письма к Толстому художника Н.Н.Ге, Е.Ф.Корша, Н.С.Лескова, Н.А.Огаревой-Гучковой, С.А.Рачинского, М.Е.Салтыкова, В.А.Соллогуба, Б.Н.Чичерина и М.А.Энгельгардта.

¹⁸⁷ Мендельсон Николай Михайлович (1872—1934) — журналист, педагог, этнограф, фольклорист, историк литературы, общественный деятель Иркутска. Окончил иркутскую гимназию. После революции работал библиотекарем Публичной библиотеки имени Ленина.

¹⁸⁸ Чичерин Алексей Владимирович (1899—1989) — племянник наркома иностранных дел СССР Г.В.Чичерина и внучатый племянник историка Б.Н.Чичерина. В 1921—1922 г. учился на историко-филологическом факультете Московского университета, доктор филологических наук. Участник альманаха «Чет и нечет». В последние годы жизни был профессором Львовского университета.

¹⁸⁹ Чичерина Александра Алексеевна, урожденная Капнист (1845—1920).

¹⁹⁰ Чичерин посвятил свои мемуары жене Александре Алексеевне. В 1911 г. она передала рукопись в дар Российской Академии наук с условием ее обнаружения не ранее 1934 г.

¹⁹¹ Герье Владимир Иванович (1837—1919) — русский историк, общественный деятель, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1902), профессор всеобщей истории Московского университета (1868—1904).

¹⁹² Ульянов Николай Иванович (1905 (23 декабря 1904 по ст. ст.) — 1985) — русский историк и писатель.

¹⁹³ Вероятно, речь идет о падчерице С.В.Бахрушина Дикаревой Елене Николаевне и его приемной дочери Бахрушиной Татьяне Александровне.

¹⁹⁴ Возможно, речь идет о Нечаеве Александре Петровиче (1870—1948) — российском и советском психологе, одном из основоположников экспериментальной педагогики, докторе педагогических наук (1944).

¹⁹⁵ Пресняков Александр Евгеньевич (1870—1929) — российский историк, член-корреспондент РАН (с 1920 г.).

¹⁹⁶ Сперанский Михаил Нестерович (1863—1938) — русский филолог, фольклорист и византист. Профессор Московского университета (1907—1923). Член-корреспондент императорской Санкт-Петербургской Академии наук (с 1902 г.), академик Академии наук СССР (1921—1934).

¹⁹⁷ Ржига Вячеслав Федорович (1883—1960) — русский советский литературовед, филолог, профессор Московского университета.

¹⁹⁸ Орлов Александр Сергеевич (1871—1947) — историк русской литературы, профессор Московского университета и Ленинградского государственного историко-лингвистического института, с 1931 г. — академик.

¹⁹⁹ Невский Владимир Иванович (настоящая фамилия и имя Кривобоков Феодосий Иванович) (1876—1937) — российский политический деятель, историк. В 1918—1921 гг. — Нарком путей сообщения, с 1924 г. директор Библиотеки им. В.И.Ленина. Репрессирован; реабилитирован посмертно.

²⁰⁰ С.Ф.Платонов. Неизданный некролог М.М.Богословскому (Публ. А.В.Мельникова) // АЕ за 1998. М., 1999. С. 393. Нами выявлен и сильно сокращенный его вариант (Платонов С.Ф. Некролог М.М.Богословскому // Вестник Знания. 1929. № 14. С. 544).

²⁰¹ Богоявленская (до замужества Богословская) Мария Михайловна (1871—1949) — младшая сестра М.М.Богословского.

²⁰² Богословская Елизавета Петровна (урожденная Толстова) (1886—1969), с 1907 г. жена Богословского.

Глава 6

РЫБНОЕ ХОЗЯЙСТВО ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1945): СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В изучении истории рыбного хозяйства Ямала в годы Великой Отечественной войны можно выделить два периода: 1. Советская историография 1941—1991 гг. 2. Современная историография 1992—2014 гг.

В советский период историографии некоторые сюжеты истории рыбного хозяйства военной поры нашли частичное отражение в комплексных работах по Северу СССР, но в целом они представлены весьма разрозненно и поверхностно. В исследованиях первого этапа можно выделить два уровня: работы, выполненные на материалах Сибири в целом; работы, территориально ограничивавшиеся национальными округами Севера, в том числе и ЯННО.

Первым обобщающим исследованием по истории национальных районов Сибири периода Великой Отечественной войны является монография В.Б.Базаржапова¹. В этой работе автор привел некоторые сведения о рыбном хозяйстве ХМНО и ЯННО. В частности, он охарактеризовал ситуацию в рыбной промышленности в плане трудовых ресурсов². Некоторые сведения о рыбном хозяйстве Сибири представлены и в монографии Г.А.Докучаева³. К указанной группе работ принадлежит и коллективный труд «Подвиг земли богатырской», авторами которого рассматривалась организация рыбного производства в условиях войны⁴. Как известно, довольно полную характеристику развития северных территорий дали М.А.Сергеев⁵ и С.З.Борисов⁶, однако события, отражающие развитие рыбной промышленности, представлены весьма кратко.

Во второй половине 1950-х гг. в связи с заметной общей активизацией деятельности историков, выразившейся, в том числе, и в проведении региональных, общероссийских конференций, давших

новый импульс исследовательской деятельности, началась публикация целой серии работ, в т.ч. и о прошлом национальных округов, в которых наряду с прочими затрагивались вопросы развития хозяйства в предвоенное и военное время⁷. Среди работ этой группы выделяются труды М.Е.Бударина⁸, которые можно оценить как первые работы, претендующие на комплексный характер освещения изменений в жизни северных народов в послеоктябрьский период, в том числе и в годы Великой Отечественной войны. В числе обобщающих работ можно выделить и диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук М.Е.Бударина⁹. В ней 5-я глава «Народы Обского севера в годы Великой Отечественной войны» содержит общие сведения о населении и хозяйстве, однако относительно развития рыбного хозяйства сведений явно недостаточно.

В числе первых работ по истории национальных округов Северо-Западной Сибири и книга Г.А.Мазуренко¹⁰. В ней с точки зрения партийного руководства в годы войны фрагментарно рассмотрены проблемы развития рыбного хозяйства, и автором лишь подчеркиваются значительные успехи тружеников отрасли, в частности, в организации социалистического соревнования рыбаков Обь-Иртышья¹¹. В таком же ключе написана брошюра Г.А.Мазуренко и Л.Е.Киселева¹², где содержится раздел «Северяне — фронту», в котором представлены статистические данные о добыче рыбы в 1940—1943 гг. и производстве консервов.

С начала 1970-х гг. интерес к исследованию истории Северо-Западной Сибири существенно возрос, что объяснялось расширением масштабов хозяйственного освоения, особой стратегической ролью нефтяного края. Как известно, 1970-е — первая половина 1980-х гг. — расцвет научной деятельности историков Г.А.Мазуренко, Л.Е.Киселева, В.Н.Увачана, Ю.П.Прибыльского, внесших весомый вклад в изучение истории Обь-Иртышья советского времени. Многочисленные труды Г.А.Мазуренко, направленные на изучение партийной истории, завершились в 1979 г. опубликованием монографии, которая явилась первым исследованием такого рода по проблеме партийного строительства¹³. Наряду с вопросами партийного строительства, особенностями возникновения и деятельности партийных организаций, автор попутно рассмотрел

и работу партийных комитетов по руководству хозяйственной сферой в годы Великой Отечественной войны.

В брошюре Л.Е.Киселева и Г.А.Мазуренко¹⁴, опубликованной к 50-летию революции 1917 г. в России, раскрывается исторический путь, пройденный народами Севера при социализме, и в этой связи делается вывод, что «за годы Отечественной войны произошли существенные сдвиги в хозяйственно-политической жизни, ускорилось хозяйственное развитие края».

Л.Е.Киселев в ряде работ неоднократно обращался к сюжетам, связанным с историей рыбного хозяйства края¹⁵. Автор представил статистику объемов вылова рыбы, сведения о развитии моторно-рыболовных станций, трудовом подвиге рыбаков. Л.Е.Киселев в монографии «Север раскрывает богатства» осветил промышленное освоение этого региона в эпоху социализма. В главу 2-ю автор включил сюжет «Промышленность Севера в годы войны», в которой отметил рост добычи рыбы на Обском Севере. Перу Л.Е.Киселева принадлежит также книга «От патриархальщины к социализму», написанная по материалам Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов. В главе «Обский Север в годы Отечественной войны» автор кратко рассмотрел вопросы перестройки промышленности на военный лад. В пропагандистской брошюре¹⁶ сообщалось о планах добычи рыбы, приводилась статистика создания новых предприятий рыбной промышленности.

В 1970-е гг. стал публиковать работы по новейшей истории Обь-Иртышья Ю.П.Прибыльский, посвятивший большое количество работ истории рыбного хозяйства¹⁷. В частности, в монографии «Подвиг рыбаков Обь-Иртышья» дана характеристика водных ресурсов и ихтиофауны, динамика добычи рыбы, описаны трудовой подвиг рыбаков, деятельность партийных органов по обеспечению выполнения планов рыбодобычи. В книге затронуты и вопросы решения проблемы обеспечения промыслов рабочей силой, расширения материальной и ресурсной базы рыболовства. Ю.П.Прибыльский придерживался мнения, что война дала толчок развитию рыбного хозяйства Севера¹⁸. Им подчеркивался значительный вклад в изучение истории народов Обского Севера периода Великой Отечественной войны М.И.Броднева, М.Е.Бударина, Г.А.Мазуренко и Л.Е.Киселева. В 1973 г. в статье, посвященной рыбному хозяйству военного времени, Ю.П.Прибыльский

подчеркивал, что трудов по развитию рыбного хозяйства Сибири 1941—1945 гг. в отечественной историографии еще не создано¹⁹. В свое время, изучая рыбное хозяйство Севера, Ю.П.Прибыльский выделял два периода в изучении историографии проблемы. Первый период (1941—1955), по его определению, характеризовался собиранием, накоплением и описанием явлений и фактов, лично пережитых непосредственными участниками войны. Им подчеркивалась узость круга авторов, занимавшихся изучением этой проблемы. Согласно Ю.П.Прибыльскому, второй период изучения Севера военной поры начался после XX съезда КПСС и был обусловлен его решениями о творческом развитии общественных наук. Он подчеркивал, что историки, обратившись к архивным источникам, ввели в научный оборот много ранее неизвестных сведений, расширили проблематику исследований и осуществили необходимый и последовательный переход от накопления и описания фактов к их всестороннему анализу. Ю.П.Прибыльский указывал на значительно возросшее количество публикаций и их идейно-теоретический уровень.

В числе работ советского периода в указанной группе можно выделить и диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук Ю.В.Костецкого²⁰ (в ней затрагивались некоторые вопросы рыбного хозяйства: организация соцсоревнования, статистика рыбодобычи, сведения о производительности труда), а также статью Л.А.Изергиной²¹, где автор упомянула о создании Ямальского рыбного треста, о привлечении на рыбопромыслы переселенцев и эвакуированных, о создании системы кадров и их обучении, обратила внимание на сокращение уловов рыбы в 1944—1945 гг. Изучение истории Севера предшественниками Ю.П.Прибыльского характеризовалось попытками, прежде всего, определить материальный вклад северян в победу над фашизмом и показать роль КПСС в достижениях народа.

Итогом историографии истории рыбного хозяйства Ямала советского времени стало создание значительного числа работ, где наряду с другими северными регионами рассматривались факты и по истории Ямала, однако отдельных работ, посвященных непосредственно прошлому рыбной отрасли ЯННО 1941—1945 гг., создано не было.

Современная историография о развитии рыбной отрасли на Севере Западной Сибири периода Великой Отечественной войны характеризуется появлением работ, выполненных в различных научных жанрах, посвященных истории рыбного хозяйства ХМАО и ЯНАО. В 1990-х гг. активно продолжал работать Ю.П.Прибыльский. В трудах Ю.П.Прибыльского и его соавторов²² нашли отражение материалы о развитии рыбного хозяйства на Ямале и в Югре. В.П.Петрова и Г.П.Харючи²³ также попутно касались некоторых сторон экономического положения ненцев в годы войны. В 2000-х гг. наметилась тенденция активизации исследований, посвященных истории национальных округов, что в немалой степени связано со становлением научных школ в высших учебных заведениях Севера Западной Сибири, в частности ХМАО, выполнением комплексных исследований Институтом истории и археологии Уральского отделения РАН, а появление энциклопедии «Ямал» свидетельствовало и о повышении внимания администрации округа к прошлому региона. Сведения об истории рыбного хозяйства края также представлены в указанной энциклопедии, где сообщаются лишь самые общие факты²⁴.

В коллективном труде большой группы ученых урало-сибирского региона «История Ямала» есть разделы, посвященные трудовому подвигу ямальцев в годы войны и вкладу округа в Победу. Содержится информация и о передовиках рыбодобычи, победителях соцсоревнования, о трудовых починах молодежи²⁵. Представлен материал и о социально-экономическом положении населения, а также о депортациях и использовании принудительного труда в рыбной отрасли. Дана общая характеристика состояния и развития рыбной промышленности²⁶.

Среди сюжетов исследователей о развитии региона в годы войны — демография. В этой связи, в контексте изучения численности населения округа, состава трудовых ресурсов рыбной отрасли, спецконтингента, нельзя не упомянуть о монографии Н.А.Михалева, в которой на основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов исследуются различные аспекты демографического развития Ямало-Ненецкого автономного округа в первой половине XX в., в том числе в годы Великой Отечественной войны. В работе представлена динамика численности и этнического состава населения Ямала, на основе массовых источников

определены основные показатели его воспроизводства. При этом подробно изучено воздействие, которое оказала на демографическую сферу региона Великая Отечественная война и масштабные насильственные переселения, значительно трансформировавшие половозрастной, этнический состав, а также изменившие численность населения края²⁷.

Представляют интерес и публикации А.Петрушина, опирающиеся на документы Центрального архива ФСБ России и Государственного архива социально-политической истории Тюменской области, в которых автор рассматривает ситуацию в рыбном хозяйстве Тюменской области в годы Великой Отечественной войны, характеризуя ее не иначе как «Рыбный фронт»²⁸.

В последние годы изучением истории рыбного хозяйства периода Второй мировой войны занимается Л.В.Алексеева. Опубликовано несколько работ, в том числе и по проблемам формирования мобилизационной экономики края²⁹, и трудовых ресурсов национальных округов³⁰, а также статья и монография по истории рыбного хозяйства Ханты-Мансийского национального округа³¹, ряд публикаций посвящен и истории рыбной отрасли Ямала³². Совместно с Ю.В.Феоктистовой проанализирована отечественная историография проблем истории рыбного хозяйства региона, выявлена степень изученности темы³³.

Очередная монография автора призвана обобщить многолетний труд и результаты исследований по истории рыбного хозяйства Ямало-Ненецкого округа 1941—1945 гг.

Известный историограф В.Д.Камынин в разделе коллективной монографии кафедры истории России Нижневартковского государственного университета подчеркнул, что основы изучения прошлого региона военной поры были заложены в советской историографии, где на первое место историки ставили проблему партийного руководства всеми отраслями жизни региона; современные исследователи, по его мнению, в центр внимания ставят людей, их непростые судьбы, и через них характеризуют социально-экономические и общественно-политические процессы, с чем, безусловно, можно согласиться³⁴.

Итак, несмотря на имеющуюся литературу об экономическом развитии Севера Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны, трудов, посвященных истории рыбного хозяйства

Ямало-Ненецкого округа, а особенно специальных, комплексных работ, показывающих процесс функционирования рыбной отрасли разносторонне, с раскрытием не только ее достижений, но и проблем, немного. Уровень имеющихся исследований также различен, что обусловлено как источниковой базой и методологией, так и постановкой научных проблем и, наконец, научной школой.

В изучении истории рыбного хозяйства региона периода военного времени целесообразно выделить, на наш взгляд, следующие направления: рыбные угодья и материальные ресурсы отрасли; рыбодобыча и рыбопереработка (вклад в рыбодобычу государственных предприятий и колхозов); система управления рыбным хозяйством; создание Ямалгосрыбтреста; орудия лова, механизация и рыболовецкий флот; трудовые ресурсы отрасли (в том числе использование детского труда) и подготовка кадров; вклад спецконтингента в развитие рыбного хозяйства; условия и оплата труда, его организация и трудовая дисциплина; социалистическое соревнование, поощрения за героический труд. Последовательное изучение предложенных направлений позволяет создать образ прошлого в развитии рыбного хозяйства края не только по объемам добытой и переработанной рыбы, но и с точки зрения имевшихся проблем и их преодоления, мотивации труда, форм, средств и методов; его условий и результатов, что, вероятно, будет способствовать приближению к пониманию вопроса о цене Победы.

Примечания

¹ См.: Базаржапов В.Б. Национальные районы Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1981.

² Там же. С. 63—70.

³ Докучаев Г.А. Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. Новосибирск, 1968.

⁴ Акулов М.Р. и др. Подвиг земли богатырской (Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). М., 1970.

⁵ Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М., 1955.

⁶ Борисов С.З. В единой семье советских народов (Развитие Крайнего севера за 50 лет Советской власти). М., 1961.

⁷ Степанов Н.Н., Ковязин Н.М. 25-летие северных национальных округов // Уч. зап. Ленинградского пединститута. Л., 1957. Т. 133; Кокосов Н.М., Никулин В.И.,

Харин В.И. Ханты-Мансийский национальный округ. Свердловск, 1956; 30 лет Ямало-Ненецкого округа (историко-экономический очерк). Тюмень, 1960.

⁸ См.: Бударин М.Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск, 1952; Он же. Из истории социалистического строительства у малых народностей Северо-Западной Сибири // Уч. зап. Омского пединститута. Омск, 1958. Вып. 9; Бударин М.Е. Путь малых народностей Крайнего Севера к коммунизму. Омск, 1968.

⁹ Бударин М.Е. Социалистические преобразования в национальных районах севера Сибири: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1971.

¹⁰ Мазуренко Г.А. Торжество национальной политики Коммунистической партии на Обском Севере. Тюмень, 1961.

¹¹ Там же. С. 64.

¹² Киселев Л.Е., Мазуренко Г.А. Торжество ленинской национальной политики на Обском Севере. Тюмень, 1967. С. 16—17.

¹³ Мазуренко Г.А. Партийное строительство на советском Севере в период построения социализма. Томск, 1979.

¹⁴ Киселев Л.Е., Мазуренко Г.А. Торжество ленинской национальной политики на Обском Севере. Тюмень, 1967.

¹⁵ Киселев Л.Е. Север раскрывает богатства. М., 1964; Киселев Л.Е. В едином строю к Великой Победе // Ленинская правда. 1972. 20 октября; Он же. От патриархальщины к социализму. Свердловск, 1974.

¹⁶ Мазуренко Г.А., Киселев Л.Е., Варламов В.А. Счастливая судьба народов Севера. В помощь лектору и пропагандисту. Тюмень, 1972. С. 14—15.

¹⁷ Прибыльский Ю.П. Подвиг рыбаков Обь-Иртышья. Тюмень, 1970; Он же. Социально-экономическое развитие Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Социально-экономические особенности комплексного развития районов Севера Тюменской области. Тюмень, 1977; Он же. Участие трудящихся Тюменского края в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Новосибирск, 1990.

¹⁸ Прибыльский Ю.П. Вклад трудящихся Севера в дело Победы // Трудящиеся Сибири — фронту. К 30-летию Победы в Великой Отечественной войне / Отв. ред. А.П.Окладников. Новосибирск, 1975. С. 186.

¹⁹ Прибыльский Ю.П. Перевод рыбного хозяйства Сибири на военный лад (1941—1942 гг.) // В грозные годы: Тр. науч. конф. «Сибиряки — фронту» (Омск, 12—14 мая 1971 г.). Омск, 1973. С. 127—132.

²⁰ Костецкий Ю.В. Коммунисты во главе трудового подвига трудящихся национальных округов Западной Сибири в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1983. С. 11—15.

²¹ Изергина Л.А. Хозяйственная деятельность партийных организаций национальных округов Севера в годы Великой Отечественной войны // Верность героическим традициям партии и народа: Тез. науч. конф., посвящ. 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Омск, 1985. С. 131—133.

²² См.: Головнев А.В., Прибыльский Ю.П. и др. История Ямала. Тобольск; Яр-Сале, 1994; Прибыльский Ю., Загороднюк Н. Война и Север. Тобольск, 2005.

²³ Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. Томск, 1999.

²⁴ Реусова В.Л. Ямальский государственный рыбопромышленный трест // Ямал. Энциклопедия ЯНАО. Салехард, 2004. Т. 3. С. 324.

²⁵ История Ямала. Т. 2. Ямал современный. Кн. 1. У истоков модернизации / Гл. ред. В.В.Алексеев. Екатеринбург, 2010. С. 252—255.

²⁶ Там же. С. 285—289.

²⁷ Михалев Н.А. Население Ямала в первой половине XX века. Историко-демографический анализ. Екатеринбург, 2010.

²⁸ Петрушин А. Рыбный фронт Тюмени, Югры и Ямала. URL: www.tumen-today.ru; Петрушин А. Путина НКВД // Ямальский меридиан. 2007. № 7. С. 16—18; № 8. С. 20—23.

²⁹ Алексеева Л.В. К вопросу об изучении проблемы формирования мобилизационной экономики в годы Великой Отечественной войны (на материалах ХМАО): экономическая теория и история // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная моногр. Нижневартовск, 2009. Ч. 4. С. 162—172; Алексеева Л.В. Мобилизационная экономика Югры в годы Великой Отечественной войны. Краткий обзор документов фонда Ханты-Мансийского окрисполкома // Четвертые Емельяновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 24—25 апреля 2009 г.). Курган, 2009. С. 150—151; Алексеева Л.В. К вопросу об изучении проблемы формирования мобилизационной экономики в СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах ХМАО) // Вторая Всероссийская конференция с международным участием «Предпринимательство как социально-экономический феномен в истории России» (19—24 марта 2010 г.): Материалы интернет-конференции. URL: www.omgru.ru

³⁰ Алексеева Л.В. О численности населения и трудовых ресурсах ХМНО в годы Великой Отечественной войны // Исторические и социально-психологические проблемы миграционного поведения: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Б.Ю.Берзин. Екатеринбург, 2012. С. 65—69; Алексеева Л.В. К вопросу о численности спецпереселенцев в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах в годы Великой Отечественной войны // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения: Сб. материалов IV Уральского демографического форума с международным участием / Законодательное Собрание Свердловской области, Институт экономики УрО РАН, Институт истории и археологии УрО РАН, УИ РАНХ и ГС при Президенте РФ, МОО «Форум женщин УрФО», УГМА Минздрава России, Институт экономики АН Республики Узбекистан, НИИ Новой экономики и системного анализа Карагандинского экономического университета. Екатеринбург, 2013. С. 237—240; Алексеева Л.В. Население ХМАО и ЯНАО накануне и в начале Великой Отечественной войны // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы Второй всерос. науч.-практ. конф. (Нижневартовск, 8 февраля 2013 г.) / Отв. ред. А.В.Коричко. Нижневартовск, 2013. Ч. 2. С. 62—64; Алексеева Л.В. Трудовые ресурсы рыбной отрасли Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов в годы Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы изучения всеобщей и отечественной истории и методик их преподавания. Материалы III научно-методического семинара

студентов, аспирантов и преподавателей кафедр истории России, документо-ведения и всеобщей истории (г. Нижневартовск, 7 декабря 2013 г.). Нижневартовск, 2014. Электронное издание.

³¹ Алексеева Л.В. Динамика добычи рыбы в Ханты-Мансийском национальном округе в 1941—1945 гг. // Шатиловские чтения: Материалы XV краеведческой конференции (25 апреля 2014 г.). Нижневартовск, 2014. С. 71—76; Алексеева Л.В. История рыбного хозяйства Ханты-Мансийского национального округа в годы Второй мировой войны (1939—1945 гг.). Нижневартовск, 2014.

³² Алексеева Л.В. Рыбное хозяйство национальных округов Северо-Западной Сибири накануне и в начале Великой Отечественной войны (1939—1941 гг.) // Западная Сибирь: история и современность. Краев. зап. Вып. 12. Нижневартовск, 2013. С. 73—85; Алексеева Л.В. Рыбные угодья и сырьевая база рыбной промышленности на Севере западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Материалы региональной науч. конф., посвящ. памяти профессора Ю.П.Прибыльского (19 апреля 2013 г.) / Под ред. В.В.Аксарина, Н.И.Загороднюк. Тобольск, 2013.

³³ Алексеева Л.В., Феоктистова Ю.В. Отечественная историография о развитии рыбного хозяйства на Севере Западной Сибири (1920—1945 гг.) // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная моногр. / Под общ. ред. проф. Я.Г.Солодкина. Нижневартовск, 2013. Ч. 8.

³⁴ Камынин В.Д. Северо-Западная Сибирь в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная моногр. / Под общ. ред. Я.Г.Солодкина. Нижневартовск, 2007. Ч. 2. С. 183—196.

Глава 7

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ДЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ, ЭВАКУИРОВАННЫХ В ОМСКУЮ ОБЛАСТЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война вошла в историю России как небывалая по трагичности эпоха, которая еще долгое время будет предметом пристального внимания исследователей. Осмысление цены победы советского народа в этой войне невозможно без изучения организации эвакуации населения и решения всего комплекса порожденного ею проблем. Следует согласиться с мнением М.П.Беленко о том, что эвакуация — явление первостепенной важности, оказавшее гигантское влияние на экономическую, демографическую и социальную сферы жизни советского народа¹. Особенно драматична по своему содержанию и последствиям детская эвакуация. Необходимость изучения истории детской эвакуации отмечала и известный специалист Л.И.Снегирева, посвятившая этой теме большое количество работ².

Тема истории эвакуации ленинградских детей в Омскую область, в особенности в ее северные районы, к которым относился и Ханты-Мансийский национальный округ, является актуальной, поскольку в современной исторической науке не создано специального исследования, посвященного пребыванию ленинградских детей в Ханты-Мансийском национальном округе. В этой связи остаются невыясненными многие сюжеты, связанные с процессом эвакуации детей в Омск из блокированного города, перевозкой детей из Омска в округ, размещением, количеством и составом эвакуированных ребятишек, материально-бытовым обеспечением детских домов, их санитарным состоянием и, наконец, деятельностью органов власти, которая должна была создать условия для спасения детей. Данная проблема является составной частью общей истории Великой Отечественной войны, и ее исследование способствует пополнению знаний, созданию масштабной и объективной картины испытаний военных лет, пережитых нашим народом, в особенности детьми, сполна разделившими наравне со взрослыми тяготы

военного лихолетья. Размещение эвакуированных детей, организация условий для жизни и сохранения их здоровья по своим социальным последствиям имели большое значение; решение этой проблемы было направлено в будущее, т.к. речь шла о спасении, воспитании и обучении целого поколения страны.

Вопросам истории эвакуированных детских учреждений вообще и в Западную Сибирь в частности в годы Великой Отечественной войны посвящено довольно значительное число работ.

В истории изучения темы можно выделить три периода:

1. Период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.).
2. Послевоенный (советский) период (1945—1991 гг.).
3. Постсоветский период (с 1992 г. до наших дней).

Каждый из периодов различается глубиной и объемом фактографического материала, методами и уровнем научного анализа, использованными источниками, масштабностью выводов, оценок и обобщений.

Первые работы по проблеме детского эвакуированного населения относятся еще к периоду Великой Отечественной войны и представлены в основном газетно-журнальными публикациями. Понимая особое значение проблемы организации здравоохранения и питания для сохранения детского населения страны, руководители соответствующих ведомств пытались через средства массовой информации обратить внимание общественности и государственных органов на данный вопрос³. Большая группа работ посвящалась проблемам организации учебно-воспитательного процесса, воспитания в детских домах, организации общественно-полезного труда⁴. Первая монография о проблемах детства и его охраны появилась уже в 1943 г.⁵ Г.М.Свердлов рассмотрел различные аспекты защиты детей в годы Великой Отечественной войны, в числе которых были: предупреждение детской беспризорности и безнадзорности; проблемы развития детских учреждений; государственная помощь детям военнослужащих; разнообразные формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей. В целом работы, появившиеся в 1940-х гг., нельзя назвать историческими исследованиями, это были статьи публицистически-политического характера, призванные настроить партийно-государственные органы, персонал детских домов и школ, работников медицинских учреждений и общественность на выполнение

определенных, поставленных правительством, задач. Однако они, несомненно, представляют большой познавательный интерес, так как хорошо передают атмосферу жизни советского общества в то время.

В 1950—60-х гг. вопросы, связанные с социально-экономическим положением населения, советские историки начали анализировать как часть проблем Великой Отечественной войны. Так, в 1959 г. под редакцией профессора Н.М.Кирияева была издана работа «КПСС — вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне»⁶. В ней впервые серьезное внимание было уделено решению социальных вопросов в годы войны, в числе которых: организация жизни эвакуированных граждан в новых местах проживания, обеспечение населения продуктами питания, снабжение товарами повседневного спроса, забота государства о семьях военнослужащих, организация образования и здравоохранения. Однако в целом эта работа не отразила реального состояния дел. Автор был чрезмерно оптимистичен, подбор документального материала — тенденциозен, в нем подчеркивались только достижения, практически ничего не говорилось о трудностях в жизни эвакуированного населения. Создавалось впечатление, что войну страна пережила легко, а проблемы разрешила без больших усилий.

Фундаментальный исследовательский характер имела «История Великой Отечественной войны Советского союза 1941—1945 годов»⁷, а также «История Сибири»⁸, в которых был собран обширный материал об организации жизни фронта и тыла в годы войны. Однако даже этим крупным исследованиям присущи характерные для того времени недостатки: идеологическая заданность и схематизм в изложении отдельных проблем. Что же касается изучения проблемы жизнеобеспечения детей, то оно было проведено на основе всесоюзного материала с некоторыми вкраплениями местного. Естественно, это не давало полной, систематической и объективной картины⁹.

В 1970—80-е гг. появились работы, в которых сибирские авторы поднимали вопросы, связанные с детской эвакуацией. В статье Е.А.Шубской рассматривались частные вопросы организации питания и медицинского обслуживания ленинградских детей, эвакуированных в Кузбасс¹⁰. С.Ф.Нелаева¹¹ и Ф.Е.Базаров¹² уделили

внимание борьбе с детской безнадзорностью и беспризорностью, показав роль в решении этой задачи органов власти и общественности. Авторы подчеркивали неразрывную связь осуществления закона о всеобуче с заботой об эвакуированных детях.

Значительный вклад в осмысление темы детской эвакуации на том этапе внесла монография А.М.Синицына¹³. В пятой главе освещалась забота советского государства и общественности о детях. Особое внимание уделялось устройству детей, оставшихся без попечения родителей. Автор привел сведения о количестве эвакуированных детей, численности детских домов и материальном обеспечении сирот. Несомненную ценность представляет и коллективная монография М.И.Лихоманова, Л.Т.Позиной, Е.И.Финогенова «Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны»¹⁴. Одна из глав книги посвящалась организации работы с эвакуированными детьми и детскими учреждениями. Примечательно название главы — «Всенародная забота...». На наш взгляд, авторы существенно сместили акцент в изложении материала. Пришло понимание того, что не все зависело от партийного руководства — очень многое в годы войны решала общественная инициатива, особенно в вопросах обеспечения детей. Понятно, что центральное руководство не могло полностью обеспечить финансовыми и материальными ресурсами детские учреждения в силу того, что их или существенно не хватало, или конкретные ресурсы вообще отсутствовали. Именно тогда обычные люди отдавали детям последнее и оказывали помощь, несмотря на великую занятость, нужду и усталость.

Таким образом, проблематика жизни эвакуированных детей, их социальной адаптации в годы Великой Отечественной войны получила некоторое освещение в работах советских историков, при этом трагедия детской эвакуации из Ленинграда почти не нашла отражения в советской исторической литературе.

В постсоветский период внимание историков к изучению проблемы детской эвакуации из Ленинграда существенно возросло. Особенно ценным трудом стала книга зарубежных и отечественных исследователей, посвященная историко-медицинским аспектам эвакуации населения из блокированного города¹⁵. В ней приводится статистика численности детского населения, его убывания в связи со смертностью, показана эвакуация из города, организация

приема эвакуированных в Ярославской и Вологодской областях, транзит через эвакуопункты, условия транспортировки. Не замалчивая катастрофические факты тех дней, авторы, основываясь на документальных источниках, воссоздали историю трагедии, потрясшей блокированный город и его население.

Нельзя не отметить и исследований Л.Л.Газиевой¹⁶, изучившей положение детей в блокированном городе, усилия государства по их спасению, представившей статистику численности детского населения. В 2011 г. она защитила кандидатскую диссертацию¹⁷, в которой представила результаты многолетнего исследования, придя к следующим выводам: «1. Организация борьбы за спасение детей в Ленинграде в 1941—1944 гг. представляла собой систему, включающую политико-правовые, социально-экономические, психолого-педагогические и лечебные мероприятия как единый комплекс. 2. Научно-методическое руководство спасением ленинградских детей осуществлялось при активном участии выдающихся деятелей науки и культуры. 3. В то же время проявились и негативные факторы, снижавшие эффективность предпринимаемых мер: кадровый кризис в ГОРОНО и ГОРЗДРАВе, перестановки, репрессии в 1942—1943 гг. Необходимый административно-хозяйственный контроль за деятельностью бюрократии был подменен идеологическим контролем, что привело к финансовой и организационной неразберихе, еще более усиливавший общую социально-психическую напряженность. 4. В результате исследования выявлена высокая смертность среди ленинградских детей, которая была скрыта в силу целого ряда причин, в том числе — стремления руководства преуменьшить масштабы трагедии блокированного Ленинграда»¹⁸.

В период 1990—2000-х гг. появились комплексные работы, посвященные проблемам охраны детства в годы войны, выполненные на материалах СССР и Российской Федерации. В ряду этих работ следует выделить исследования А.А.Славко¹⁹. В 2011 г. им была защищена докторская диссертация, в которой пятая глава «Система функционирования детских домов» раскрывала роль данных учреждений в социализации беспризорных и безнадзорных детей. Автором был осуществлен анализ закономерностей и особенностей деятельности детских домов, изменений их организационной структуры, системы финансирования, материального

обеспечения и др., позволивший ему выявить множество проблем, с которыми сталкивались эти детские учреждения. А.А.Славко убежден, что война еще более усложнила положение детдомовцев²⁰.

В постсоветский период появилось значительное число работ, где описывалось положение эвакуированных детей в различных регионах Сибири²¹. В современной историографии по изучению проблемы эвакуированных детских учреждений в Западную Сибирь наиболее известны труды Л.И.Снегиревой, Т.И.Дунбинской, Т.В.Галкиной. Так, Л.И.Снегирева посвятила отдельную статью проблеме эвакуации детей в Западную Сибирь (1941—1945 гг.)²². В ней автор рассматривает связь войны, массовой эвакуации населения с проблемами положения эвакуированных детей, детской беспризорностью. В работе анализируются причины детской безнадзорности, характеризуются основные направления деятельности государственных структур и общественности по работе с эвакуированными детскими учреждениями, по сокращению и ликвидации детской беспризорности. Автор подчеркивает, что это важнейшее направление социальной политики в годы войны относится к числу слабоизученных в современной науке. Выводы, к которым пришла Л.И.Снегирева, сводятся к следующему: в труднейших условиях жесточайшей войны была разработана государственная политика по защите и охране детства; партийные, советские органы власти, опираясь на общественность, делали все возможное, чтобы сохранить генофонд страны.

На данном этапе появилось несколько работ, посвященных истории детских домов, размещенных в южных районах современных Омской и Тюменской областей. Так, в середине 1990-х гг. были опубликованы тезисы по приему, устройству и обучению эвакуированных детей в Омской области²³. В конце 1990-х гг. появилась статья Н.М.Шестаковой²⁴ об истории детских домов в Ялуторовском районе Тюменской области, дающая некоторое представление о повседневной жизни воспитанников и воспитателей. Статья основывается не только на архивных источниках, но и на воспоминаниях сотрудников, которые работали в детских домах в годы войны, а также детдомовцев. Приведенный фактический материал свидетельствует об огромных трудностях, которые пришлось преодолевать взрослым и детям. В 2011 г. издана статья, посвященная проблемам организации учебно-воспитательного

процесса в детских домах Омской области в годы войны²⁵. По истории детских домов Тюменской области опубликована и работа Е.П.Ермачковой. В ней приводятся сведения о численности детских домов и детей, сообщается о размещении детей в Ялуторовском районе. Автор доказывает нахождение детского дома в Заводоуковске (о наличии или отсутствии которого долгое время спорили местные краеведы), обнаружив воспоминания Т.Д.Яковлевой в краеведческом музее г. Заводоуковска Тюменской области; описывает проблемы, которые в целом были типичны для детских домов юга Тюменской области²⁶. В целом, что касается истории эвакуированных ленинградских домов Омской, Тюменской областей, то комплексных, обобщающих трудов до сих пор не создано. Нет и специальных работ, отражающих историю детских учреждений, эвакуированных из блокированного города.

Вопросы организации и жизнеобеспечения детских домов на территории Ханты-Мансийского национального округа (ныне — ХМАО — Югра), проблемы обучения и воспитания детей, эвакуированных из Ленинграда, деятельность местных органов власти округа по спасению детей долгое время практически не изучались. Начало изучению темы было положено на кафедре истории России Нижневартковского государственного университета в контексте исследовательского направления по истории советского детства. К тому времени на кафедре уже были выполнены исследования по истории детства периода 1920—30-х гг., а также по истории малолетних узников фашистских концлагерей. В последнее десятилетие в русле изучения истории Ханты-Мансийского национального округа в годы Великой Отечественной войны и сопряженной с ней истории эвакуированных в округ детских учреждений первыми работами по теме стали студенческие труды А.С.Чуковой, написанные в форме тезисов за время обучения в Нижневартковском государственном университете, и ее исследование, завершившиеся выполнением выпускной квалификационной работы по указанной теме (научный руководитель проф. Л.В.Алексеева)²⁷. Широкий спектр проблем истории советского детства продолжают изучать Л.В.Алексеева²⁸, Н.С.Салимова²⁹, К.Г.Букренева³⁰.

Таким образом, говоря о степени изученности истории эвакуации детей и детских учреждений в годы Великой Отечественной войны в Западную Сибирь, в том числе и Омскую область, следует

отметить, что комплексных исследований по данной теме практически нет. Отдельные работы по проблемам эвакуированных детей носят скорее разрозненный, чем системный характер, написаны на материалах южных и юго-восточных районов Сибири (южные районы Омской и Тюменской областей) и отражают лишь некоторые аспекты эвакуации детей, в частности: численность и виды эвакуированных учреждений, количество детей, проблемы сиротства, борьбу с беспризорностью. По истории эвакуации в Ханты-Мансийский национальный округ ленинградских детских домов обобщающих научных трудов не создано.

Примечания

¹ Беленко М.П. Численность и состав эвакуированного в Западную Сибирь гражданского населения (1941—1943 годы) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Новосибирск, 2006. Т. 5. Вып. 1 (дополнительный): История. С. 154.

² Снегирева Л.И. Эвакуация гражданского населения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны в трудах исследователей региона // Вестник ТГПУ. Томск, 2010. Вып. 9 (99). С. 105.

³ Любимов А. Всемерно использовать местные продовольственные ресурсы // Большевик. 1941. № 16; Двойченко И.И. Улучшить работу подсобных хозяйств и текстильной промышленности // Текстильная промышленность. 1945. № 2—3; Зверев А. Советские финансы и Отечественная война // Плановое хозяйство. 1944. № 2.

⁴ Куфаев В.И. Забота о детях в дни Великой Отечественной войны // Советская педагогика. 1942. № 8—9; Болдырев В.И. Военное воспитание и школа (чему учит опыт войны) // Советская педагогика. 1943. № 2—3; Верзилин Н.М. Воспитание в детских домах во время войны. Советская педагогика 1943. № 11—12; Каиров И.А. К вопросу об укреплении дисциплины в школе // Советская педагогика. 1943. № 7; Нечаев Н.В. К итогам работы школьников на полях колхозов и совхозов в 1942 году // Советская педагогика. 1943. № 1; Семенова В.В. Некоторые вопросы нравственного воспитания детей в дни Великой Отечественной войны // Дошкольное воспитание. 1944. № 4.

⁵ Свердлов Г.М. Война и правовая охрана детей в СССР. Ташкент, 1943.

⁶ Киряев Н.М. КПСС — вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1959.

⁷ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945: В 6 т. М., 1960.

⁸ История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Л., 1968; Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. Л., 1969.

⁹ Наумова А.Г. Забота о детях в годы Великой Отечественной войны: по материалам Пермской областной партийной организации // Ученые зап. Пермского

пед. ин-та. Пермь, 1961. Вып. 28; Сеницын А.М. Забота о безнадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1969. № 6.

¹⁰ Шубская Е.А. О некоторых вопросах охраны здоровья детей в годы Великой Отечественной войны (на материалах Кузбасса) // В грозные годы: Материалы науч. конф. «Сибиряки — фронту». Омск, 1971. С. 270—272.

¹¹ Нелаева С.Ф. Деятельность партийных организаций по предупреждению детской беспризорности в годы Великой Отечественной войны // Сибиряки — фронту: Материалы науч. конф., посвящ. 25-летию Победы Советского Союза над фашистской Германией и империалистической Японией. Новосибирск, 1971. С. 97—101.

¹² Базаров Ф.Е. Борьба с детской безнадзорностью и беспризорностью в годы Великой Отечественной войны (по материалам Омской области) // В грозные годы: Тр. науч. конф. «Сибиряки — фронту». Омск, 1971. С. 17—24.

¹³ Сеницын А.М. Всенародная помощь фронту. М., 1975.

14 Лихоманов М.И., Позина Л.Т., Финогенов Е.И. Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны. Л., 1985.

¹⁵ Барбер Д., Дуглас, Белозеров Б.П. и др. Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. СПб., 2001.

16 Газиева Л.Л. Феномены времени в дневниках воспитателей дошкольных учреждений блокадного Ленинграда (1941—1944) // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. 2008. Серия 2. Вып. 3. С. 67—74; Газиева Л.Л. Использование естественноисторического наблюдения как способа оздоровления детской психики в период блокады Ленинграда (1941—1944) // Известия РГПУ. Аспирантские тетради. СПб., 2008. № 24 (55). С. 361—364; Газиева Л.Л., Дмитриева Е.Н. Феномены времени и судьбы в блокадных дневниках // Битва за жизнь: Материалы науч.-практич. конф., посвящ. 65-летию начала блокады Ленинграда / Сост. Л.А.Наливкин; Государственный Мемориальный Музей Оборона и Блокады Ленинграда. СПб., 2007. С. 44—55; Газиева Л.Л. Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941—1943 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

¹⁷ Газиева Л.Л. Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941—1943 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

¹⁸ Газиева Л.Л. Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941—1943 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. С. 4.

¹⁹ Славко А.А. Государственная политика в области ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Коми республиканской академии гос. службы и управления. 2008. № 6 (11). С. 124—129; Славко А.А. Великая Отечественная война и проблемы ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в России // Теоретические и практические аспекты социально-экономического и политического развития республики Казахстан, Центральной Азии и стран СНГ на современном этапе: Сб. материалов международной науч.-практич. конф. / Под ред. С.А.Жакишевой. Алматы, 2009. С. 371—377; Славко А.А. Роль государства в ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в годы Великой Отечественной войны // Социально-экономические и политико-правовые тенденции развития Советского общества в период Великой Отечественной войны. Тверь, 2009. С. 116—123; Славко А.А.

Детские дома в России в условиях Великой Отечественной войны // Проблемы современного общества: естественнонаучные и гуманитарные аспекты: Сб. материалов I международной науч.-практич. конф. (Георгиевск, 19 марта 2009 г.). Георгиевск, 2009; Славко А.А. Детские дома и школы для детей-сирот в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Вестн. Чувашского ун-та. 2010. № 1. С. 79—88.

²⁰ Славко А.А. Детская беспризорность и безнадзорность в России конца 1920-х — начала 1950-х годов: социальный портрет, причины, формы борьбы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2011. С. 33.

²¹ Банзаракцаева Е.В. Охрана детства в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (На материалах Бурят-Монгольской АССР): Дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005; Дунбинская Т.И. Организация помощи семьям военнослужащих и эвакуированным в годы ВОВ // Образование в Сибири. Актуальные проблемы истории и современности: Материалы III Всероссийской науч. конф. Томск, 2004. С. 187; Дунбинская Т.И. Социальная адаптация детей на территории Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: анализ исторического опыта: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004; Снегирева Л.И., Галкина Т.В. Забота сибиряков об эвакуированных детях // Актуальные проблемы истории Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) и современность: Материалы Всероссийской науч.-практич. конф., посвящ. 61-й годовщине Победы СССР в Великой Отечественной войне (11—12 мая 2006 г.). Томск, 2007. С. 106—121.

²² Снегирева Л.И. Эвакуация детей в Западной Сибири (1941—1945 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 28—31.

²³ Меха И.В., Хвостов Н.А. Прием, устройство и обучение эвакуированных детей на земле Прииртышья в 1941—1945 гг. // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне: Материалы Всероссийской науч. конф. Омск, 1995. С. 107—111.

²⁴ Шестакова Н.М. Из истории детских домов и интернатов в Ялуторовске и Ялуторовском районе в годы Великой Отечественной войны // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 1995. Тюмень, 1998. С. 74—81.

²⁵ Войткевич И.Н. Учебно-воспитательная работа в детских домах и интернатах Омской области в годы Великой Отечественной войны // Казанская наука: Сб. науч. ст. 2011. № 5. Казань, 2011. С. 7—10.

²⁶ Ермачкова Е.П. Деятельность детских домов юга Тюменской области в годы Великой Отечественной войны // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне: Сб. материалов V Всероссийской науч. конф. (Омск, 5—6 мая 2011 г.). Омск, 2011. С. 154—158.

²⁷ Чукова А.С. О проблеме обеспечения продуктами питания и ее решении в эвакуированных детских учреждениях Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // 80 лет ХМАО. Вехи истории: Материалы региональной науч. конф. (Нижневартовск, 10 декабря 2010 г.) / Отв. ред. Л.В.Алексеева. Нижневартовск, 2010. С. 68—72; Чукова А.С. Размещение эвакуированных детских учреждений в Ханты-Мансийском национальном округе в 1942 г. // Материалы XLIX Международной науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс»: История. Новосибирск, 2011. С. 175—176.

²⁸ Алексеева Л.В., Букренева К.Г. Размещение ленинградских детских домов в период эвакуации на территории Ханты-Мансийского национального округа // Пять столетий Югры. Проблемы и решения, итоги и перспективы: Коллективная моногр. / Под общ. ред. проф. Л.В.Алексеевой. Нижневартовск, 2014. Ч. IV. С. 61—68; Алексеева Л.В., Букренева К.Г. Размещение ленинградских детских домов в период эвакуации на территории Ханты-Мансийского национального округа // Клио. 2014. № 7 (91). Июль. С. 84—87.

²⁹ Салимова Н.С. Исторические источники по истории советского детства в годы войны и послевоенный период (на материалах Ханты-Мансийского округа) // Пять столетий Югры. Проблемы и решения, итоги и перспективы: Коллективная моногр. / Под общ. ред. проф. Л.В.Алексеевой. Нижневартовск, 2014. Ч. IV. С. 56—60.

³⁰ Букренева К.Г. Эвакуация детей из блокадного Ленинграда: этапы, численность, транспортировка // Науч. тр. аспирантов и соискателей Нижневартовского гос. гуманит. ун-та. Вып. 9 / Отв. ред. А.В.Коричко. Нижневартовск, 2012. С. 49—52; Букренева К.Г. Эвакуация детей-ленинградцев в Западную Сибирь в 1941—1942 гг.: этапы и численность // Шатиловские чтения: Материалы XIV краеведческой конф. (20 апреля 2012 г.) / Отв. ред. Я.Г.Солодкин. Нижневартовск, 2012. С. 62—67; Букренева К.Г. Эвакуация детей и детских учреждений на Север Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы Всероссийской науч.-практич. конф. (г. Нижневартовск, 7—8 февраля 2012 г.). Ч. 1. История идей и история общества. Отечественная история / Отв. ред. А.В.Коричко, В.Н.Ерохин, Я.Г.Солодкин. 2012. С. 215—218; Букренева К.Г. Эвакуация гражданского населения (в т.ч. детей) в Западную Сибирь (1941—1943 гг.): к вопросу о численности // Навечно в памяти народной: Материалы шестой науч.-практ. конф., посвящ. военным юбилеям истории России (Нижневартовск, 27 апреля 2012 г.) / Под ред. проф. Н.В.Сапожниковой. Электронное издание. Нижневартовск, 2013. С. 179—184; Букренева К.Г., Алексеева Л.В. Эвакуированные детские учреждения в Западной Сибири и Ханты-Мансийском национальном округе (1941—1942 гг.) // Актуальные проблемы современного образования: Науч.-метод. тр. / Отв. ред. Л.В.Алексеева. Нижневартовск, 2014. Вып. 1. С. 75—77.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Л.В. — доктор исторических наук, профессор Нижневартовского государственного университета.

Букренева К.Г. — кандидат исторических наук, директор МОСШ № 17 г. Нижневартовска.

Бытко С.С. — студент гуманитарного факультета Нижневартовского государственного университета.

Ершов М.Ф. — кандидат исторических наук, доцент, ученый секретарь Института обско-угорских народов.

Ищенко О.В. — доктор исторических наук, профессор Сургутского государственного университета.

Камынин В.Д. — доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н.Ельцина.

Кротт И.И. — кандидат исторических наук, доцент Омского государственного педагогического университета.

Митрофанов В.В. — доктор исторических наук, профессор филиала Южно-Уральского государственного университета (Научно-исследовательского университета) в г. Нижневартовске.

Прищепа А.И. — доктор исторических наук, профессор Сургутского государственного университета.

Сапожникова Н.В. — доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор Нижневартовского государственного университета.

Силаева И.А. — кандидат исторических наук, начальник отдела кадров ООО «НПП «Сибгеокарта»».

Спичак А.В. — аспирант Нижневартовского государственного университета.

Солодкин Я.Г. — доктор исторических наук, профессор Нижневартовского государственного университета.

Храмцов А.Б. — кандидат исторических наук, доцент Тюменского архитектурно-строительного университета.

Цысь В.В. — доктор исторических наук, профессор Нижневартовского государственного университета.

Цысь О.П. — кандидат исторических наук, доцент Нижневартовского государственного университета.

Чорев М.М. — кандидат исторических наук, преподаватель гимназии № 1 г. Нижневартовска.

Чуркин М.К. — доктор исторических наук, профессор Омского государственного педагогического университета.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел I

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ СИБИРИ XV—XX вв.

- Глава 1. К вопросу об атрибуции реплик восточных монет, использовавшихся для составления монист коренными народами Сибири 5
- Глава 2. С какого времени велся в «царствующем граде» Тобольске летописный свод?..... 17
- Глава 3. Перипетии «Ермакова взятия» Сибири в изображении Саввы Есипова (вопросы хронологии) 28
- Глава 4. О повествовательных источниках Строгановской летописи Основной редакции 39
- Глава 5. Церковно-приходские летописи Тобольской епархии (по материалам Государственного архива Курганской области)..... 48
- Глава 6. Источники по истории отделов Императорского Православного Палестинского общества в Западной Сибири 80
- Глава 7. О некоторых особенностях документооборота благочиния Русской православной церкви во второй половине XIX — начале XX вв. (на примере Сургутского церковного округа Тобольской епархии) 89
- Глава 8. Беспоповское направление старообрядчества в Сибири: особенности мировоззрения 108
- Глава 9. Новониколаевское городское самоуправление (1895—1920 гг.): обзор архивного фонда..... 128
- Глава 10. Региональные периодические издания как источник для изучения поведенческих стратегий и практик сельских предпринимателей в Западной Сибири (конец XIX — первые десятилетия XX вв.)..... 155
- Глава 11. Персонификация «военной антропологии» Второй мировой войны в источниках личного происхождения и фронтовых письмах югорчан 166

Глава 12. Рыбное хозяйство Ямало-Ненецкого национального округа в годы Великой Отечественной войны: источниковая база исследования.....	174
--	-----

Раздел II

ПРОШЛОЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVIII — НАЧАЛА XXI СТОЛЕТИЙ

Глава 1. Документы о пушном промысле в Сибири и ясачной повинности ее коренного населения в трудах Н.Н.Оглобина	183
Глава 2. Города Зауралья конца XVIII — начала XX вв. в дореволюционной историографии	210
Глава 3. Крестьянские переселения в Сибирь в историко-экономической и культурно-антропологической традициях отечественной историографии второй половины XIX — начала XXI вв.....	228
Глава 4. В.Е.Грум-Гржимайло о роли Сибири в развитии уральской промышленности	265
Глава 5. «Все известия о Вас мы ловим с нетерпением...»: письма С.В.Бахрушина к С.Ф.Платонову	280
Глава 6. Рыбное хозяйство Ямало-Ненецкого национального округа в годы Великой Отечественной войны (1941—1945): степень изученности проблемы в отечественной исторической науке	334
Глава 7. Историография истории детских учреждений, эвакуированных в Омскую область в годы Великой Отечественной войны	344
Сведения об авторах.....	355

Научное издание

**ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ**

Коллективная монография

Часть 10

Редактор *Т.А.Фридман*
Компьютерная верстка *Е.С.Борзова*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 30.06.2015
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 22,375
Тираж 300 экз. Заказ 1680

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Держинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*